

Г. БАНГЪ

БЕЗЪ РОДИНЫ

Л. БАНГЪ

Германъ Бангъ.

БЕЗЪ РОДИНЫ.

Переводъ М. Розенфельдъ.

Москва. — 1911.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія „Жизнь.“ Калашниковскій пр., 7.
1911

БЕЗЪ РОДИНЫ.

I.

Іоаннъ Уйгази смотрѣлъ изъ окна купэ. Все та же картина. Когда поѣздъ, покачиваясь, тронулся въ путь, станціонный служащій поднялъ ведра и грузно зашагалъ по мокрому перрону. Вонъ живутъ портной, сапожникъ и часовщикъ. Въ окнѣ послѣдняго висятъ часы: гм... маятникъ качается, но огромный циферблатъ пустъ, безъ стрѣлокъ. А вонъ столяръ. На его вывѣскѣ нарисованъ черный ящикъ. А съ одной трубой—это ферма.

Затѣмъ надъ полями съ безцвѣтной землей опять потянулись телефонныя проволоки. Онѣ такъ уныло висѣли подъ дождемъ, какъ-будто имъ не много приходилось передавать другъ другу отъ столба къ столбу падъ этими полями.

Іоаннъ Уйгази по своему обыкновенію тихонько про себя называлъ предметы, которые видѣлъ, называлъ ихъ на языкѣ своей матери:

— «Поле, поля, ровное поле; домъ, низкіе дома; двѣ птицы, двѣ сѣрыя птицы... и дождь».

И вдругъ, перейдя на другой языкъ и протянувъ обѣ руки вверхъ, сказалъ:

— «Ah, la pluie, cette pluie morne» *).

Когда онъ повернулъ голову, онъ увидѣлъ только Ганса Гаакке, который сидѣлъ въ противоположномъ углу, сложивъ свои бѣлыя руки піаниста и неподвижно уставившись прямо передъ собой круглыми глазами — уставившись въ сторону Брюкса, своего родного Брюкса, и невѣсты, дочери сосѣда-булочника въ Брюксѣ. Иоаннъ Уйгази опять повернулъ къ окну свою маленькую голову и продолжалъ смотрѣть все на тѣ же поля.

— «Поле, поля, ровное поле. Три птицы — сѣрыя птицы».

Онъ мысленно еще повторялъ эти дѣтскія слова — слова на языкѣ своей матери. Какъ странно, что онъ могъ забыть это и только сегодня утромъ случайно уви дѣлъ на счетѣ гостиницы: 8/ш, восьмое марта.

Теперь Ане, тамъ дома, уже поѣхала со всѣми своими вѣнками въ деревню, какъ всегда это дѣлала въ день рожденія его матери. Она плела эти вѣнки изъ фіалокъ. Ихъ столько растетъ на откосѣ, гдѣ стоитъ виноградникъ Дмитрія.

Сгорбленная и дряхлая доѣхала она до кладбища, сѣла на маленькую желѣзную скамейку у стѣны подъ гербомъ и дропѣла надъ могилой свои гимны. Два гимна знала Ане. Въ нихъ не было ни звуковъ ни мелодіи.

*) О этотъ дождь, этотъ унылый дождь.

Но Ане очень прямо и неподвижно сидѣла у стѣны и пѣла:

Свѣтлая радость, вѣчная радость:
Пѣсня святая съ небесъ раздалась,
Ангелы пастырямъ въ полѣ явились,
Въ ясляхъ въ пещерѣ Спаситель лежалъ.
Пусть вѣчно звучить эта пѣсня святая,
Пусть вѣчно звучить этотъ ангеловъ гласъ.

Когда Іоаннъ былъ маленькимъ, онъ всегда сидѣлъ рядомъ съ Ане на скамейкѣ. Ему казалось, что ея пѣніе напоминаетъ вой Ника, русской борзой, которая умерла, потому что очень мерзла зимой.

Дѣвушки-русинки, полоскавшія бѣлье у деревенскаго колодца, черезъ низкую стѣну смотрѣли на Ане, а румынка, жена таможеннаго служащаго, облокотившись голыми руками на грязный подоконникъ, высовывалась изъ окна и улыбалась внизъ венгерскому жандарму.

Но Ане, стиснувъ въ кулаки руки, продолжала пѣть второй гимнъ, впрочемъ это былъ не гимнъ, а вторую пѣсню, которую она знала и которую пѣла надъ могилой:

Есть чудная, милая сердцу страна.
Растутъ тамъ широкіе буки,
Лежить у Балтійскаго моря она,
Лежить у Балтійскаго моря она.
По холмамъ и дѣламъ дорога тамъ вьется,
Страна эта датской странюю зовется,

Тамъ Фрея-богиня живетъ,
Тамъ Фрея-богиня живетъ.

Дѣвушки - русинки съ хохотомъ стучали вальками
объ стѣну, но Ане не слышала ихъ.

По холмамъ и доламъ дорога тамъ вьется,
Страна эта датской страной зовется...

Дѣвушки выводили визгливыя рулады, стучали
вальками, хохотали и пѣли на своемъ языкѣ:

Взялъ Федоръ тутъ Сусанну,
Сусанну съ бѣлой грудью,
Сусанну съ бѣлой грудью,
Сусанну.

Онѣ били въ ладоши и указывали пальцами:

Сусанну, Сусанну,
Сусанну съ бѣлой грудью.

— Подпѣвай намъ, подпѣвай намъ! — кричали онѣ
со стѣны, на которую наполовину взобрались, а ухмы-
ляющійся жандармъ пѣлъ съ ними, заглушая голосъ
Ане, между тѣмъ какъ онѣ хлопали въ ладоши:

И стало ихъ двое,
И стало ихъ трое,
Сусанна съ своей пышной грудью,
Сусанна.

Ане положила руку Іоанну на голову. Слезы одна за другой текли по ея щекамъ—на лицѣ Ане были словно борозды для того, чтобы слезы могли стекать по нимъ—и хрипло выла:

Тамъ Фрея-богиня живетъ.

Тамъ Фрея-богиня живетъ,

Ане умолкла, и дѣвушки, болтая, вернулись къ своему колодцу, между тѣмъ какъ темнота надвинулась такъ внезапно, какъ-будто изъ рѣки вытащили огромный темный неводъ.

— Теперь пойдёмъ, — сказала Ане. — Теперь фру не забудеть.

— Что мама не забудеть? — спросилъ Іоаннъ.

Но Ане не отвѣтила ему.

— Идемъ, — сказала она и повела его мимо могилъ, гдѣ его ноги задѣвали за вышитые бисеромъ вѣнки. Они поѣхали домой въ «замокъ». Ане не разговаривала, а Іоанну вѣдь пришлось бы кричать такъ громко, если бы онъ хотѣлъ говорить съ ней. Съ тѣхъ поръ какъ его мать умерла, Ане словно оглохла и перестала слышать, что говорили всѣ эти чужіе люди.

А дома на каменномъ крыльцѣ между колоннами стояла гувернантка-англичанка и бранилась, что они вернулись такъ поздно....

— — — Іоаннъ Уйгази опять повернулъ свою румынскую голову. Когда онъ такъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, онъ ясно могъ видѣть передъ собой свою мать—какъ она сидѣла на низкомъ стулѣ тамъ, на Дмитриевомъ откосѣ, подъ яркимъ солнцемъ среди сверкающей

зелени виноградника. Лицо у нея было такое маленькое, и волосы низко спускались на виски, какъ на старинныхъ картинахъ; а Ане и Иоаннъ сидѣли у ея ногъ. Иоаннъ прислонился головой къ стулу матери, а мама гладила его волосы—у нея было столько колець на пальцахъ, но она никогда не смотрѣла на нихъ.

— Какіе у него густые волосы, — замѣтила она.

— Венгерскіе волосы, — сказала Ане.

— Да, — сказала мама, и рука ея замерла на его волосахъ.

Отецъ вышелъ изъ виноградника и подошелъ къ нимъ.

Онъ взялъ въ руку виноградную кисть.

— Смотри, какая красивая, — сказалъ онъ и положилъ ее, желтую и тяжелую, мамѣ на колѣни

— Да, очень красивая.

Отецъ стоялъ и смотрѣлъ на желтую кисть, лежащую на маминыхъ колѣняхъ.

— Такими бываютъ неотшлифованные топазы, — сказалъ онъ.

— Да, — отвѣтила она и подняла глаза.

— Сегодня здѣсь тепло между виноградниками, — сказалъ отецъ. Онъ всегда говорилъ съ мамой какъ-то особенно отчетливо, какъ съ ребенкомъ, или громко, какъ говорятъ съ человѣкомъ, который плохо слышитъ.

Мама кивнула головой, а отецъ провелъ рукой по жемчужному ожерелью на ея шеѣ—у нея было много ожерелій, и она постоянно получала новыя.

— Они очень красивыя, — сказала мама голосомъ, который всегда словно былъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ ея слова, и сама коснулась жемчужковъ на своей рукѣ.

Отец нагнулся и какъ-то поспѣшно поцѣловаль ее въ голову.

— Ты ѣздишь верхомъ? — спросила она.

— Да, — отвѣтилъ онъ и ударилъ кнутомъ по венгерскимъ сапогамъ, которые всегда носилъ съ того времени, какъ служилъ въ Будапештѣ во второмъ гусарскомъ полку.

— Какъ ты быстро вернулся.

— Здѣсь можно быстро объѣхать кругомъ, — отвѣтилъ отецъ, и глаза его приняли другое выраженіе.

Они всё молчали, въ то время какъ отецъ удалялся среди виноградныхъ лозъ.

Солнце искрилось и сверкало на маминомъ ожерельѣ и на камняхъ ея колець. Она долго, долго смотрѣла на воду рѣки своимъ далекимъ взглядомъ.

— Ане, — сказала она наконецъ, но не пошевелинулась, — помнишь какой голубой былъ фюрдъ — дома, въ Вейле?

Ане повернула голову:

— Тамъ ходилъ маленькій пароходъ, — сказала она, и глаза ея вдругъ засвѣтились.

— О да, «Ласточка», — сказала мама. — Какъ тѣсно тамъ было стоять по воскресеньямъ.

— И его кренило на бокъ, когда бывали волны, — сказала Ане. — Но это бывало только около самой Монастырской горы.

Мама улыбнулась, совсѣмъ какъ Ане:

— Да, тамъ не было опасно.

Ане же сказала:

— А какъ они играли, музыканты изъ Фредерици.

Мама ничего больше не отвѣтила, только слова уставилась на рѣчку, протекавшую у ея ногъ.

— Дай мнѣ шаль, Ане, — сказала она.

— Мамѣ холодно? — спросилъ Іоаннъ, поднявъ свои большіе глаза.

— Да, немного...

Ане взяла большой платокъ и укрыла имъ мамины ноги.

— Но вѣдь здѣсь, Ане, солнце не грѣетъ какъ слѣдуетъ, — сказала мама.

— Да, — сказала Ане, — оно только палить.

Іоаннъ тоже принялся укутывать маму платкомъ, не спуская глазъ съ ея лица; въ его глазахъ всегда появлялось выраженіе сильного испуга, застывшего дѣтскаго ужаса, когда мама зябла и «вся блѣднѣла въ лицѣ».

— Вотъ такъ, вотъ такъ, — повторялъ онъ и продолжалъ укутывать ее платкомъ, насколько могъ достать руками.

— Спасибо, спасибо, спасибо, милый Іоссе, — сказала мама, — теперь мнѣ очень хорошо сидѣть.

Іоаннъ опять усѣлся, но продолжалъ смотрѣть вверхъ на маму, потому что она все еще была блѣдная.

— Ане, — сказала мама, — завтра утромъ мы можемъ поѣхать на мельницу, если солнце будетъ свѣтитъ.

— Да, фру.

— Хорошее было лѣто, когда Томсенъ строилъ мельницу, — сказала мама.

— Да, хорошее, — сказала Ане. — Томсенъ былъ веселый человекъ. Но вѣдь онъ же былъ и зеландецъ.

— Да, — кивнула головой мама. — Онъ изъ Слагельсе. Всѣ Томсены оттуда.

Они опять сидѣли и смотрѣли на рѣку.

Игнатъ и Дмитрій вышли изъ виноградника и, проходя мимо, поклонились, снявъ свои большія шляпы.

— Пойдемте наверхъ, — сказала мама.

Она слегка опиралась на Ане, въ то время какъ шла, держа руку Иоанна въ своей рукѣ, унизанной кольцами.

— А знаешь, Ане — сказала она, и лицо ея вдругъ просвѣтлѣло, — сегодня вечеромъ мы затопимъ нашу печку — собственную печку.

Старикъ Игнатъ и Дмитрій складывали послѣ ухода фру ея складной стулъ.

— А какъ, собственно, дѣла? — сказалъ Игнатъ, смотря вслѣдъ уходящимъ.

— Н-да, — проговорилъ Дмитрій.

— Она сидитъ такъ тихо, — сказалъ Игнатъ.

— Да, — сказалъ Дмитрій.

— Она сидитъ такъ тихо, какъ святая въ церкви, — сказалъ Игнатъ.

Слуга Игнатъ часто, говоря о барынѣ, упоминалъ о статуяхъ святыхъ — можетъ быть потому, что у Вероники въ церкви, у святой съ ранами, тоже было много ожерелій на шеѣ и много золота на восковыхъ пальцахъ.

— Но въ томъ-то и дѣло, — сказалъ онъ и закусилъ свою деревянную трубку, — я такъ полагаю, что женщинѣ никогда не слѣдуетъ ѣздить такъ далеко.

— Да, — сказалъ Дмитрій.

Игнатъ понесъ стулъ наверхъ.

Вечеромъ затопили печку, большую черную печку на ножкахъ. Мама сидѣла и смотрѣла на желтовато-красное пламя. Иоаннъ забрался на ея колѣни.

Папа вошелъ и сѣлъ рядомъ съ ними.

— Теперь тебѣ тутъ славно сидѣть, — сказалъ онъ и засмѣялся, — передъ твоей собственной печкой.

Мама прислонилась своимъ маленькимъ личикомъ къ его плечу.

Да, теперь здѣсь чудесно, — сказала она. — Теперь здѣсь совсѣмъ какъ дома.

— Да, — сказалъ отецъ и отвернулся отъ огня печки, такъ что на его лицо легла тѣнь.

Они долго сидѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Іоаннъ перебрался на папины колѣни, гдѣ и заснулъ, спрятавъ лицо подъ отворотомъ его сюртука.

— Іоаннъ, Іоаннъ, — сказала мама и провела рукой по его шеѣ. — Ступай въ постельку.

Іоаннъ сразу проснулся и посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Мамѣ холодно, — сказалъ онъ.

— Тебѣ холодно? — быстро спросилъ отецъ.

— Да, мамѣ холодно, — сказалъ Іоаннъ, взявшій ее за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала мама и притянула руки къ себѣ. — Теперь Іоаннъ долженъ итти въ постельку.

— Спокойной ночи. Спокойной ночи.

Но и губы ея были холодныя, когда она поцѣловала его, и Іоаннъ все смотрѣлъ ей въ лицо.

— Спокойной ночи, — сказалъ онъ, и въ его горлѣ словно что-то захрипѣло.

— Ну, — сказала мама, — послушный мальчикъ не плачетъ, когда его посылаютъ спать.

Но Іоаннъ только стиснулъ зубы и пошелъ съ миссъ Текеръ.

Миссъ Текеръ раздѣла его и, сидя у его постели, про-

чла англійскую вечернюю молитву. Потомъ пересѣла къ лампѣ и стала вышивать по большому куску канвы.

Іоаннъ все лежалъ съ широко раскрытыми глазами и смотрѣлъ на большое свѣтлое пятно надъ лампой. Миссъ Текеръ подняла голову:

— Теперь Іоаннъ долженъ спать.

— Хорошо.

Но онъ продолжалъ лежать и смотрѣть; одѣяло соскользнуло съ него, потому что онъ лежалъ беспокойно; и миссъ Текеръ опять укрыла его.

— Спи теперь, — сказала она.

Но Іоаннъ обратился къ ней — и при этомъ вдругъ заговорилъ по-румынски:

— Почему мама зябнетъ?

— Іоаннъ знаетъ, что онъ долженъ говорить по-англійски:

— Yes *).

И тотчасъ же механически, тѣмъ же тономъ, Іоаннъ повторилъ:

— Why does mamma always feel cold? **).

— Теперь Іоаннъ долженъ спать, — отвѣтила миссъ Текеръ. И немного погодя услышала, что онъ спитъ, какъ-будто его вѣки моментально закрылись.

Такъ всегда было съ Іоанномъ: онъ никогда не разговаривалъ много, а все больше сидѣлъ совсѣмъ тихо; или со своими игрушками, или такъ, безъ всякаго дѣла. Но вдругъ задавалъ вопросъ: «почему?»... и бѣгалъ съ этимъ вопросомъ по всему дому; какъ-будто

*) Хорошо.

** Почему мамѣ всегда холодно?

ничего иного не существовало въ его головѣ, такъ бѣгалъ онъ съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ ко всѣмъ: къ отцу, къ матери, къ гувернанткѣ, къ двумъ конюхамъ, къ поварамъ въ кухню и къ старой Ганнѣ.

Старая Ганна была сербка, которая чистила картофель. Она сидѣла въ каморкѣ передъ кухней. Она была немного слабоумная, и у нея изъ носу текло. Она всегда сидѣла, качала головой и тихонько пѣла про себя. То были старыя пѣсни, сербскія пѣсни изъ-за рѣки. Іоаннъ бралъ трехногую скамейку и садился у ея ногъ. Онъ могъ долгіе часы сидѣть тамъ, когда она пѣла. И качалъ головой, совсѣмъ какъ Ганна.

Но вдругъ заговаривалъ съ ней и смотрѣлъ на Ганну, совсѣмъ какъ на миссъ Текеръ:

— Ганна.

— Я.

— Ганна, почему маму закутываютъ въ платки?

Ганна смотрѣла на него и не понимала:

— Чистое тутъ столпотвореніе Вавилонское, — говорила она и продолжала пѣть.

Оба повара-румыны то и дѣло вбѣгали и выбѣгали. Они болтали безъ умолку и постоянно ѣли томаты, такіе же красные, какъ ихъ губы.

Миссъ Текеръ ходила по всему дому и никакъ не могла разыскать Іоанна. Наконецъ она находила его у Ганны. Ему нельзя было ходить туда и, чтобы напугать его, миссъ Текеръ сказала, что тамъ у Ганны крысы. А хуже крысъ Іоаннъ ничего не зналъ. У рѣки ихъ было такъ много и такія огромныя, съ длинными хвостами.

Іоаннъ учился читать съ миссъ Текеръ. Но Ане часто приходила и уводила его внизъ — къ фру. Мама

больше не выходила изъ дому, потому что стояла зима и на рѣкѣ, когда Іоаннъ смотрѣлъ изъ окна, были большія волны.

Мама постоянно сидѣла передъ печкой, и Ане не должна была отходить отъ нея.

— Только смотри же, сиди тихо, — говорила Ане Іоанну.

— Хорошо, — шепталъ мальчикъ.

Мама сидѣла вся съежившись подъ своей шалью.

— Буковые дрова даютъ больше тепла, — говорила она.

— Еще бы, — отвѣчала Ане, — и сравненія нѣтъ.

— На монастырской горѣ были такіе широкіе буки, — говорила мама.

— Да, широкіе, — говорила Ане.

Іоаннъ разъ поднялъ голову отъ своей книги съ картинками.

— Почему мама всегда говоритъ о Даніи?

— А потому, милый Іоссе, что твоя мама оттуда родомъ.

Маминъ голосъ звучалъ очень тихо, и, смотря въ огонь, она сложила вмѣстѣ кончики пальцевъ, какъ это дѣлала горничная Маринка по воскресеньямъ.

Но вдругъ подняла голову и сказала совсѣмъ другимъ, совсѣмъ веселымъ голосомъ:

— А теперь спой намъ, Іоссе.

— Хорошо, — отвѣчалъ Іоаннъ. Пѣть для мамы было для него лучшимъ удовольствіемъ.

Тоненькимъ чистымъ голоскомъ пѣлъ онъ прямо въ огонь, пѣлъ пѣсни Ганны, и выбивалъ при этомъ тактъ

ногами. Но пѣсни были безъ словъ, потому что онъ не зналъ по-сербски.

— Такъ поетъ Ганна, — говорилъ онъ и пѣлъ все громче и громче, прямо въ огонь.

Мама закрыла глаза. Но время отъ времени открывала ихъ и смотрѣла на свои картины, висѣвшія такъ близко другъ къ другу надъ ея собственной печкой — все это были виды Вейле, а затѣмъ «Сумерки».

— Теперь идутъ мамыны пѣсни, — сказалъ Іоаннъ и тѣмъ же чистымъ голосомъ началъ пѣть всѣ пѣсни, которыя мама пѣла по вечерамъ, продолжая при этомъ отбивать тактъ обѣими ногами. Но и эти пѣсни были безъ словъ, потому что во время пѣнія датскія слова ускользали изъ его памяти.

На мамино лицо набѣжала улыбка.

— Да, да, это онѣ, — сказала она. — Это онѣ.

И почти безсознательно начала шептать слова, въ то время какъ Іоаннъ пѣлъ мотивъ.

Жилъ рыцарь по имени Оге,
Поѣхалъ онъ на острова,
Посваталъ тамъ юмфру Эльзу,
Красавицей Эльза была.

— Какъ ты это говоришь? — спросилъ Іоаннъ, вдругъ переставъ пѣть.

— Это о рыцарѣ Оге, — сказала мама.

— Да, но какъ это? — сказалъ Іоаннъ.

Мама обняла его голову:

— Этого ты не понимаешь, — сказала она. — Это было въ Даніи.

Иоаннъ продолжалъ пѣть мотивъ — и пѣлъ прямо въ огонь.

Посваталъ красавицу Эльзу
Съ ея золотою казной,
А мѣсяцъ прошелъ — и безъ жизни
Лежалъ ужъ въ землѣ онъ сырой.

— Тс-съ, — шепнула Ане. — Теперь помолчи, Юссе.
Мамины глаза совсѣмъ закрылись. Она дремала, сложивъ руки на колѣняхъ; свѣтлые волосы низко спускались на виски.

— Ступай теперь. Мама спитъ, — сказала Ане.

Дверь открылась, вошелъ папа.

— Тс-съ, — зашепталъ Иоаннъ, — мама спитъ.

Иоаннъ все стоялъ у дверей и грозилъ пальчикомъ, держа его у самого носа, въ то время какъ отецъ прошелъ черезъ комнату и сталъ смотрѣть на мамино лицо. Оно было какъ восковое — тамъ у огня.

И какъ она сидѣла въ тотъ разъ, съ кольцами на колѣняхъ, такъ сидѣла она и въ тотъ день, когда Ане вдругъ вскочила, опрокинувъ свой стулъ, схватила маму за руки и закричала:

— Фру, фру!

И, продолжая кричать, выбѣжала вонъ изъ комнаты, оставивъ всѣ двери открытыми, и стала звать:

— Баринъ, баринъ!

А Иоаннъ взялъ маму за руки:

— Мама, ты спишь?

Руки не пошевельнулись.

— Мама, ты спишь? мама ты спишь?

И лицо тоже не пошевельнулось.

— Мама ты спишь?

И вдруг онъ выпустилъ руки и не могъ даже вскрикнуть, а побѣжалъ вслѣдъ за Ане, протянувъ впередъ руки, и упалъ на крыльцѣ, и лежалъ тамъ — въ то время какъ Ане все бѣгала по двору:

— Баринъ, баринъ!

Размахивая руками, словно то были два вертящихся колеса, пробѣжала она мимо лошадей, которыя взвились на дыбы и вырвались изъ рукъ Іосифа.

— Баринъ, баринъ! — кричала она вдаль черезъ поля.

— Что случилось, что случилось! — крикнулъ Іосифъ. Проклятая сволочь, что тутъ случилось, что тутъ случилось? — И послалъ ей вслѣдъ цѣлый потокъ венгерскихъ ругательствъ.

Ане же все звала.

— Баринъ, баринъ...

— Датская сволочь! — кричалъ Іосифъ, борясь съ лошадьми полуарабской крови, которыя, трясясь всеми своими лоснящимися членами, носились по конюшнѣ, пока, наконецъ, съ пѣной у рта не забились въ стойла, судорожно дрожа въ полумракѣ.

Миссъ Текеръ по лѣстницѣ сбѣжала внизъ въ сѣни; волосы у нея были распущены, и въ рукахъ она держала головную щетку, которую уронила, и стала кричать:

— She is dead, she is dead. Mistress is dead*).

Маринка же съ остановившимся взглядомъ стояла и растирала руки покойницы, какъ-будто хотѣла со-

*) Она умерла, она умерла. Мистрисъ умерла.

грѣтъ ихъ; и сама не сознавала, что дѣлаетъ, а только повторяла какъ безумная:

— Оживите ее, оживите ее, — говорила она и вдругъ зарыдала, приникнувъ головой къ опрокинутому стулу.

И опять вскочила, бросилась черезъ сѣни, подняла щетку миссъ Текеръ, пробѣжала мимо Ганны и стала звать, какъ Ане:

— Баринъ... Баринъ!..

— Что такое, что такое?

Это повара выскочили изъ-за своей двери раздѣтые, заспанные, разбуженные отъ дневного сна:

— Что случилось?

А у окна съ развѣвающимися гардинами миссъ Текеръ кричала на дворъ, закрывъ лицо руками:

— She is dead, she is dead...

— Баринъ, баринъ...

Юаннгъ поднялся. Безъ всякихъ мыслей въ головѣ, въ такомъ же испугѣ, какъ ночью, когда онъ просыпался въ темнотѣ, прислушивался онъ къ тому, что дѣлалось въ домѣ и смотрѣлъ на умершую мать черезъ щелеу.

Потомъ папа пришелъ и выслалъ изъ комнаты Маринку и садовника, вбѣжавшаго туда, и Игната. Онъ взялъ маму за руки, высоко поднялъ ее и отнесъ въ ея комнату.

Въ домѣ стало тихо. Въ спальнѣ Ане развѣшивала по стѣнамъ бѣлыя простыни. Время отъ времени она спускалась съ приставной лѣсенки, чтобы бросить взглядъ на покойницу. Вѣки послѣдней раскрылись надъ потухшими глазами.

Ане поднялась въ свою каморку, открыла комодъ и

вынула оттуда двѣ старинныя монеты. Эти монеты были времянь Фридриха VII. Обѣ были съ дырочками.

Взявъ ихъ въ руки, Ане начала есхлипывать. Потомъ спустилась внизъ къ покойницѣ и заперла дверь. Горько плача, такъ что слезы падали на бѣлыя руки, положила она монеты на закрытыя вѣки покойницы.

Иоаннъ, на котораго никто не обращалъ вниманія, сидѣлъ у Ганны. Въ кухнѣ было совсѣмъ тихо, какъ будто никто не долженъ былъ обѣдать.

— Ганна, — шепнулъ Иоаннъ.

— Что, барчукъ?

— Ганна, — шепнулъ онъ и поднялъ изъ нее глаза. — Почему мама умерла?

Послѣднее слово онъ произнесъ какъ незнакомое слово, какъ звукъ, котораго не понимаешь.

— Маленькій барчукъ, — только и отвѣтила Ганна, неподвижно смотря въ пространство полуслѣпыми глазами.

Вдругъ вбѣжала Маринка.

Она была совсѣмъ мрачная.

— Патеръ идетъ, — крикнула она и побѣжала дальше въ залъ.

Ианнъ пошелъ за ней. Онъ крѣпко прижималъ локти къ бокамъ. Два мальчика съ клироса въ бѣлыхъ одеждахъ шли за священникомъ. Маринка открыла всѣ двери и постукалась наверхъ.

Она постукалась во второй разъ:

— Анна, Анна!

Дверь оставалась закрытой.

— Анна, Анна, — позвала она громче. — Анна, это патеръ.

Вдругъ Ане распахнула дверь: стоя на порогѣ и держась обѣими руками за косякъ двери, она какъ безумная начала осыпать священника проклятіями, выкрикивая ихъ на датскомъ и ломаномъ венгерскомъ языкахъ, какъ-будто все ея отчаяніе превратилось въ ярость противъ этого чужого бритаго челоуѣка, — и снова захлопнула дверь, а пустыя кадилъницы дрожали въ рукахъ мальчиковъ.

Іоаннъ убѣждалъ.

Трепеща всѣмъ тѣломъ, прижался онъ къ колѣнамъ Ганны.

— Ганна, Ганна, почему священникъ ушелъ?

— Маленькій барчукъ, маленький барчукъ.

Затѣмъ отецъ уѣхалъ, и у Іоанна появилась бонна французенка. Но по вечерамъ съ нимъ молилась Ане.

— Ане, гдѣ папа? — спрашивалъ Іоаннъ среди молитвы:

— Вздить, — отвѣчала Ане и продолжала молитву: «Прости намъ долги наша, яко и мы прощаемъ должникамъ нашимъ».

— Почему? — спрашивалъ Іоаннъ, думая объ отцѣ.

«И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго», продолжала она.

— Почему? — спрашивалъ Іоаннъ и вдругъ засыпалъ.

Онъ уже не понималъ какъ слѣдуетъ, что говорила Ане, потому что постепенно забывалъ датскій языкъ; съ тѣхъ поръ, какъ мамы не было. Иногда Іоаннъ сно-

ва просыпался и слышалъ, что Ане сидить и плачетъ у лампы.

— Почему ты плачешь? — спрашивалъ онъ, поднимая голову.

Ане вздрагивала.

— Юссе долженъ спать, — говорила она.

— Но почему ты плачешь?

Она оборотомъ руки смахивала слезы:

— Я не плачу, милый Юссе, я только сижу и кручусь...

Днемъ Иоаннъ сидѣлъ все больше у Ганны или у Иосифа въ конюшнѣ, потому что Иосифъ игралъ на скрипкѣ.

Въ то лѣто пріѣхалъ учитель. Онъ былъ грекъ и такой высокій, что долженъ былъ наклонять голову, когда входилъ въ дверь классной. Когда папа еще былъ дома, онъ написалъ длинное расписание всего, чему Иоанну слѣдовало научиться. Но г. Кристопулосъ часто забывалъ учить. А лишь молча сидѣлъ, держа Иоанна на колѣняхъ, и гладилъ его волосы, и неподвижно смотрѣлъ куда-то вверхъ. Иоаннъ никогда не видѣлъ такихъ большихъ глазъ, какъ у г-на Кристопулоса — такіе большіе голубые, и никогда они не были веселыми.

— Однако надо заниматься, Иоаннъ, — говорилъ онъ и снова рассказывалъ о всѣхъ странахъ на географической картѣ.

— Гдѣ ты живешь? — спрашивалъ Иоаннъ.

— Я? я живу въ Элладѣ.

— Гдѣ это?

Г. Кристопулосъ проводилъ своей узкой рукой по Греціи:

— А я гдѣ живу? — спрашивалъ онъ.

Г. Кристопулосъ отвѣчалъ, что уже искалъ «островъ».

— Но мѣсто, гдѣ ты живешь, не отмѣчено на картѣ.

— Почему?

Учитель не отвѣчалъ. Онъ смотрѣлъ на Грецію, и рука его скользила по волосамъ Іоанна.

— Вотъ это Эллада, — говорилъ онъ.

— Гм... — И Іоаннъ смотрѣлъ на Элладу.

— Теперь ты долженъ поиграть, — говорилъ Іоаннъ.

Г. Кристопулосъ шелъ къ роялю и начиналъ играть. Звуки неслись изъ-подъ его длинныхъ и узкихъ рукъ, а взоръ его, казалось, былъ устремленъ въ безконечную даль. Іоаннъ сидѣлъ, прислонившись головой къ роялю. Но вскорѣ ужъ лежалъ враспяжку на полу, какъ лѣтомъ лежалъ на землѣ, на солнечномъ припекѣ среди виноградныхъ лозъ.

— Играй еще, — попросилъ онъ.

Въ конюшнѣ у Іосифа онъ игралъ и самъ. Большая скрипка Іосифа была слишкомъ велика для его рукъ. Но мелодіи все-таки постепенно выливались изъ-подъ смычка: Ганнины пѣсни и мамини пѣсни — онъ не раздѣлялъ ихъ другъ отъ друга, онѣ сливались вмѣстѣ, между тѣмъ какъ лицо его все разгоралось, какъ это съ нимъ бывало, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ ѣздили верхомъ на «Капризѣ». Пони не могъ скакать, а лишь трусилъ рядомъ съ «Амуромъ», какъ большая собака. Они ѣздили вдоль рѣки, мимо деревянныхъ избъ и черезъ поля. Крестьяне кланялись, папа называлъ ихъ по именамъ, а Іоаннъ кивалъ головой.

Кароль, деревенскій староста, стоя передъ своимъ краснымъ домомъ, спялъ шапку:

— Какъ дѣла, Кароль? — спросилъ отецъ.

— Плохо, баринъ, — отвѣтилъ тотъ, стоя съ шапкой въ рукахъ. — Теперь весь животъ вздулся.

Кароль говорилъ о своей женѣ, которая хворала.

— Ты бы доктора позвать, — сказалъ отецъ.

Кароль вертѣлъ шапку въ рукахъ:

— Это, баринъ, двадцать гульденовъ стоить; привезти доктора изъ-за рѣки, — сказалъ онъ.

— Да, вѣрно. Ну, а что тамъ нужно, чтобы смягчить боль, можешь получить у насъ.

Они поѣхали дальше вдоль рѣки.

— Папа, — сказалъ Іоаннъ, — почему у Кароля такія большія серебряныя пуговицы на курткѣ?

— Потому что онъ румынъ, — отвѣтилъ отецъ.

Иво стоялъ на выгонѣ передъ своимъ сѣрымъ домомъ среди своихъ свиней.

— Теперь твои свиньи, вѣроятно, скоро будутъ годны въ дѣло? — сказалъ отецъ.

— Да, — отвѣтилъ Иво.

— Ты ихъ, вѣроятно, на базаръ свезешь?

— Рѣка ужъ больно бурная, баринъ, — сказалъ Иво и посмотрѣлъ на свиней. — Боязно перевозить ихъ.

— Пожалуй, — замѣтилъ отецъ.

Мать Дмитрія въ пестрой юбкѣ стояла немного поодаль, на краю своего межевого рва.

— Какъ барчукъ у васъ растеть, баринъ, — сказала она.

— Да, — промолвилъ отецъ и посмотрѣлъ на Іоанна, сидѣвшаго очень прямо на своемъ пони. — Но вѣдь ему уже одиннадцать лѣтъ...

— И лицомъ онъ весь въ папашу, баринъ, — сказала

старуха. — Чужая кровь въ вашемъ роду никогда не принимается.

Въ лицѣ отца что-то дрогнуло:

— Можетъ быть, — сказалъ онъ, и они поѣхали дальше, въ то время какъ мать Дмитрія низко кланялась имъ.

Дорога шла вдоль самой рѣки, которая катила свои воды, такая могучая и мрачная. Они доѣхали до восточнаго мыса острова, узкаго, какъ песчаная отмель. По обѣимъ сторонамъ его протекала рѣка.

Папа долго стоялъ здѣсь и смотрѣлъ вдаль черезъ рѣку.

— Папа, — спросилъ Іоаннъ, — папа, почему вода такая черная?

— Потому что рѣка глубокая, — сказалъ отецъ.

Когда же они поѣхали дальше, Іоаннъ увидѣлъ разносчика Симона, шедшаго со своимъ большимъ ящикомъ за спиной, и закричалъ:

— Папа, папа, вонъ Симонъ!

Потому что этотъ разносчикъ со всеми своими чашами, платками, трубками, шапками и цѣпочками былъ для него самымъ интереснымъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Симонъ остановился прямо среди поля, и его ноги глубоко ушли въ землю, такъ что длинный сюртукъ совсѣмъ лежалъ на травѣ. Но отецъ проѣхалъ мимо.

— Папа, папа, — не переставай Іоаннъ, — вонъ Симонъ, Симонъ изъ Орсовы.

Но отецъ не смотрѣлъ на Симона.

Іоаннъ все еще вертѣлся на лошади, когда Симонъ изъ Орсовы пошелъ дальше.

Они свернули прочь отъ рѣки и проѣхали прямо

черезъ поля и дальше, мимо кустарниковъ, гдѣ, по словамъ Іосифа, водилось всякое жулье и контрабандисты. Когда они доѣхали до «Стараго замка», отецъ сошелъ съ лошади и привязалъ «Амура» и «Каприза». Іоаннъ взялъ отца за руку, когда они направились внутрь руинъ. Это они всегда дѣлали. Отъ «Стараго замка» остались лишь три толстыя стѣны. Четвертая же представляла собой нѣсколько грудъ щебня, напоминающихъ горы. Отецъ поднялся по разваливающимся каменнымъ ступенькамъ и облокотился на край стѣны.

— Можно мнѣ сѣсть рядомъ съ тобой? — спросилъ Іоаннъ, и отецъ поднялъ его и посадилъ на стѣну.

Іоаннъ сидѣлъ и вертѣлъ головой: вонъ домъ Кароля, а тамъ, въ томъ грязномъ домѣ, живетъ невѣста Іосифа; а вонъ тамъ, дома, окно г. Кристопулоса. Отсюда виденъ былъ весь островъ и всѣ дома, до самой «Маминой мельницы».

Отецъ долго смотрѣлъ на медленно движущіяся крылья.

— Вонъ тамъ сидѣла мама, — сказалъ Іоаннъ, указывая рукой на маленькую скамейку передъ мельницей.

— Да, — прошепталъ отецъ.

А ниже, какъ-будто совсѣмъ внизу, лежала деревня съ церковью посрединѣ. Тамъ около дверей была мамина могила.

Іоаннъ всегда смотрѣлъ на мамину могилу.

— Папа, — сказалъ онъ, — ты тоже будешь лежать тамъ, гдѣ мама лежитъ?

— Да.

— И я буду лежать тамъ же, гдѣ вы?

— Да... когда-нибудь.

— Почему? — спросилъ Іоаннъ.

Папа смотрѣлъ вдаль черезъ рѣку.

— Потому что тамъ, — отвѣтилъ онъ, — лежать всѣ Уйгази. — И немного погода прибавилъ, можетъ быть безсознательно:

— Гдѣ человѣкъ родился, тамъ онъ и долженъ быть похороненъ.

Іоаннъ больше не слушалъ. Его дѣтская головка вдругъ вернулась къ мыслямъ о Симонѣ, о томъ, что папа не поздоровался съ Симономъ.

Но онъ снова повернулъ голову. Тамъ, на самомъ концѣ острова за кустарникомъ, были дома контрабандистовъ. Во всѣхъ этихъ домахъ были очень маленькія окна.

— Почему мы никогда не проѣзжаемъ мимо домовъ контрабандистовъ? — спросилъ Іоаннъ.

Отецъ не отвѣтилъ.

И вдругъ у Іоанна вырвалось:

— Іосифъ говорилъ, что контрабандисты берутъ себѣ самыхъ красивыхъ невѣстъ.

Отецъ обернулся:

— Я же тебѣ говорилъ, что ты не долженъ ходить въ конюшню.

— Да, — смиренно отвѣтилъ Іоаннъ.

Но немного погода сказалъ, можетъ быть, желая освободиться отъ мыслей объ Іосифѣ и о невѣстахъ контрабандистовъ:

— У Петра Георгіевича большой домъ. — И посмотрѣлъ внизъ на домъ Петра Георгіевича, стоявшій за церковью, широкій и длинный домъ съ двумя бѣлыми столбами.

- Да, у него большой домъ.
- Онъ больше «Замка»? — спросилъ Иоаннъ.
- Нѣтъ, «Замокъ» больше.
- Ну:..

Иоаннъ немного помолчалъ. Затѣмъ сказалъ:

— Но когда турки приходили, тогда «Старый замокъ» былъ самый большой.

— Да, тогда «Старый замокъ» былъ самый большой, — отвѣтилъ отецъ.

Иоаннъ началъ разспрашивать о туркахъ и о пашѣ; котораго повѣсили, потому что онъ былъ побѣжденъ, а всѣ его солдаты, всѣ эти турки должны были бѣжать.

— Куда же они побѣжали? — спросилъ Иоаннъ.

— За рѣку, — сказалъ отецъ.

— А кто побилъ турока?

— Иоаннъ Уйгази побилъ ихъ.

— Иоаннъ Уйгази, — тихо повторилъ мальчикъ. Лицо его совсѣмъ поблѣднѣло.

— И онъ повѣсилъ пашу? — снова спросилъ онъ.

— Да.

Солнце низко стояло на небѣ. Дома отбрасывали длинныя тѣни на сѣрый островъ. Иоаннъ зябъ на верхушкѣ стѣны; и онъ сказалъ, какъ уже говорилъ раньше:

— Папа, какая рѣка черная.

— Да.

— И она течетъ совсѣмъ кругомъ.

— Да, — сказалъ отецъ и стиснулъ руки, опирающіяся о стѣну замка Уйгази.

Иоаннъ все смотрѣлъ на темную рѣку своими темны-

ми глазами. И вдругъ сказалъ:

— Папа, рѣка напоминаетъ сукно на чердакѣ.

— Какое сукно? — сказалъ отецъ.

Но Иоаннъ не отвѣтилъ. Ему вдругъ какъ-будто стало страшно или жутко, потому что сукно на чердакѣ было то сукно, которое разостлали на полу и по всѣмъ лѣстницамъ въ тотъ день, когда мама умерла и ее унесли изъ дома. Игнатъ шелъ впереди всѣхъ, когда они уносили ее въ бѣломъ гробу.

— Пойдемъ, — сказалъ отецъ, — пора! домой.

Они вышли изъ руинъ. Но Иоаннъ опять началъ думать о Симонѣ изъ Орсовы, на котораго папа не взглянулъ.

Когда они вернулись домой, Иоаннъ досталъ у младшаго повара два куска сахара для «Каприза». Подъ окнами онъ тихонько прокрался въ конюшню, гдѣ «Капризъ» получилъ свой сахаръ.

— Мы встрѣтили Симона, — заговорилъ Иоаннъ.

— Вотъ какъ, — сказалъ Иосифъ. — Опять онъ тутъ шатается со своими пестрыми тряпками. А впрочемъ тутъ на островѣ дѣвки, паскуды эти, очень даже нуждаются въ передникахъ на свои животы.

Иоаннъ немного постоялъ.

— Иосифъ, — сказалъ онъ, — почему папа не здоровается съ Симономъ изъ Орсовы?

— Нѣтъ, — сказалъ Иосифъ, — этого баринъ не сдѣлаетъ. Потому что Симонъ жидъ. А ни одинъ крещеный человѣкъ не поклонится жидовской сволочи.

Иоаннъ еще немного постоялъ и, наконецъ, сказалъ и при этомъ понизилъ голосъ:

— Знаешь, Иосифъ, того, который повѣсилъ пашу, звали Иоанномъ.

Со двора раздался громкій крикъ, и Иосифъ бросился къ дверямъ конюшни. Это оба повара - румына дрались съ пастухами. У сербовъ изъ носу текла кровь. Всѣ прачки выбѣжали съ подоткнутыми юбками и кричали, а паръ изъ прачечной вырывался во дворъ. Румыны бросались на сербовъ какъ кошки, между тѣмъ какъ прачки - русинки выли.

— Заткните глотки, русинскія клячи, — крикнулъ Иосифъ.

— Лупи ихъ, лупи ихъ! — крикнулъ Дмитрій, спѣша на помощь къ поварамъ.

— Отдуй ихъ, отдуй ихъ! — оралъ Иосифъ, засунувъ руки въ свои венгерскіе штаны. — Задай имъ перцу; этимъ сербскимъ свиньямъ.

Сербы визжали, потому что румыны укусили ихъ въ голыя руки.

— Лупи ихъ, лупи ихъ...

— Карауль, карауль!

Это вопили прачки.

— Смирно! Съ ума вы сошли, что ли?

Это папинъ голосъ раздался изъ окна—высоко надъ шумомъ.

И вдругъ они услышали голосъ Ане, которая изъ другого окна выкликала въ темноту среди общаго гвалта:

— Иоссе, Иоссе.

— Гдѣ господинъ Иоаннъ? — крикнулъ отецъ.

Наступила тишина. Какъ тѣни проскользнули всѣ прочь и исчезли въ темнотѣ. Иоаннъ же испуганно по-

бѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ въ комнату г. Кристопулоса.

— Иоссе, Иоссе. — То Ане стучалась въ дверь.

Открывъ ее, она схватила Иоанна за руку и почти потащила его за собой по длинному коридору въ его комнату.

— Что это такое, я же тебѣ говорила, чтобъ ты не смѣлъ убѣгать и пропадать Богъ знаетъ гдѣ, такъ что тутъ сидишь и трясешься за тебя. Колотушекъ получишь, если будешь якшаться съ этой сволочью, которую Богъ создалъ на проклятіе всѣмъ... Сними чулки, говорятъ тебѣ. Посмотрѣла бы фру, въ какой трясинѣ мы вязнемъ ногами... Сними чулки, говорятъ тебѣ. Но фру отошла на небо къ Отцу Небесному и хорошо сдѣлала... потому что тутъ проклятая Богомъ страна и долина проказы, какъ написано въ книгѣ. А фру почила въ мирѣ и отошла къ Иисусу, сними же чулки.

Вдругъ она заплакала и упала на полъ около постели.

— А я тутъ осталась одна. И что можешь сдѣлать? Ничего нельзя сдѣлать, когда ты осталась единымъ созданиемъ на Божьей землѣ; ничего не можешь сдѣлать, какъ только молиться... Иоссе, милый Иоссе, понимаешь ли ты, что я говорю?..

— Да, — прошептала Иоаннъ, — да...

Онъ самъ плакалъ отъ испуга и страха, такъ что слезы ручьи текли по его щекамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не понимаешь, — и Ане заплакала сильнѣе, — онъ не понимаетъ родного языка...

— Родного языка, родного языка, — все повторяла она и начала говорить отрывками чужихъ языковъ,

смѣшивая сербскій, венгерскій, румынскій и русинскій языки, на которыхъ ругались въ прачечной. И опять заговорила по-датски, проклиная ихъ всѣхъ, язычниковъ, евреевъ и грековъ, которые отнимали его, отнимали ея Иосе.

— И что можешь сдѣлать и что можешь сдѣлать, единое созданіе, покинутое на землѣ.

Она, которая никогда не разговаривала, говорила теперь какъ книга, перемѣшивая свои фразы словами изъ Библии—единственной книги, которую она читала.

Она закутала Иоанна, и покрыла его, и укутала его, и опять плакала по фру, взятой на небо.

— А мы, мы остались въ странѣ изгнанія..

Иоаннъ не спалъ. Сквозь дрожащія рѣсницы смотрѣлъ онъ на Ане, сидѣвшую около лампы передъ своей большой Библией. Она то снимала, то надѣвала очки, и слова прыгали передъ ея слѣпнувшими глазами:

«Вотъ я пошлю на нихъ мечъ, гладъ и моровую язву, и сдѣлаю ихъ такими, какъ негодныя смоквы, которыя нельзя ѣсть по негодности ихъ. И буду преслѣдовать ихъ мечомъ, гладомъ и моровую язвою и предамъ ихъ на озлобленіе всѣмъ царствамъ земли, на проклятіе и ужасъ, на посмѣяніе и поруганіе между всѣми народами»...

Ане читала все громче, перелистывая большую книгу, въ которой было много закладокъ изъ красныхъ и бѣлыхъ лентъ.

«И ты, рабъ мой, Иаковъ, не бойся, говоритъ Господь, и не страшися, Израиль; ибо вотъ Я спасу тебя изъ дальней страны и сѣмя твоё изъ земли плѣне-

ня ихъ. И возвратился Іаковъ, и будетъ жить спокойно и мирно, и никто не будетъ устрашать его».

Плачь Ане утихъ, и она молитвенно сложила' руки.

— О Господи, Боже мой, о Господи, Боже мой,— сказала она.

Іоаннъ заснулъ. Но и во снѣ по его тѣлу словно проходила дрожь.

— — — Но когда отецъ опять уѣхалъ, французенка стала ѣздить черезъ рѣку въ Орсову, и Іоаннъ ѣздилъ съ ней, и они навѣщали всѣхъ ея знакомыхъ. Чаще всего они заходили къ женѣ коменданта, у которой платье далеко волочилось по полу, а сама она была желтоволосая съ двумя большими красными пятнами на щекахъ. Іоаннъ сидѣлъ у окна, подперевъ голову руками, и смотрѣлъ на солдатъ внизу: они были бѣлые, желтые и красные, и на нихъ было много, много золота.

Рыжій, веснучатый сынъ коменданта стоялъ рядомъ съ нимъ. У него были очень острые ногти, которые онъ исподтишка вонзалъ Іоанну въ икры. Хозяйка и французенка сидѣли въ большихъ креслахъ, но обивка креселъ была потерта, и смѣялись, и перешоптывались, и пили изъ маленькихъ стаканчиковъ, и сидели такъ близко къ огню, что пламя жгло ихъ. Онѣ также ѣли пирожныя, въ которыхъ было много коринки, и хозяйка подзывала Іоанна, чтобы онъ ѣлъ съ ними.

— *C'est bon ça, c'est bon* *), — говорила она, засовывая ему пирожное въ ротъ.

*) Это вкусно, это вкусно.

— Ah, qu'il est beau, le petit Sans-patrie *),—говорила она и обнимала его своими голыми руками, которыхъ Иоаннъ боялся.

Иоаннъ возвращался къ окну и смотрѣлъ на солдатъ, безпрестанно шагавшихъ взадъ и впередъ.

— Тѣфу, — говорила комендантша собственному долговязому чаду: — Убери свою веснущатую рожу. — И мальчикъ шелъ назадъ къ окну.

Но иногда они бывали у Маринки, жившей по ту сторону площади. Ея окна были самыми большими во всей Орсовѣ, и на нихъ стояли ананасы съ зелеными макушками, стеклянныя вазы и бѣлыя бутылки. Внутри же все было полно офицеровъ, которые пили чай и съ которыми mademoiselle разговаривала. Чай разносили двѣ барышни; у нихъ были совсѣмъ бѣлыя лица, и офицеры цѣловали ихъ. У Маринки же появились черныя брови, и она стояла за бѣлой стойкой, гдѣ было много серебряной посуды и маленькихъ боченковъ на серебряныхъ ножкахъ и гдѣ все сверкало.

Француженка часто отправлялась въ маленькую комнату, отдѣленную отъ общей залы дверью, а Иоаннъ одинъ ходилъ кругомъ и смотрѣлъ на офицеровъ, игравшихъ въ карты.

Тамъ былъ одинъ, который никогда не разговаривалъ, а только сидѣлъ въ углу около стойки и цѣловалъ у Маринки всѣ пальцы, тогда она проходила мимо.

Иоаннъ стоялъ у его стола и смотрѣлъ на него — потому что онъ никогда ничего не говорилъ.

*) Ахъ, какой онъ красивый, этотъ мальчикъ безъ родины.

— Вы были на войнѣ? — разъ спросилъ Іоаннъ.

— Да, — отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Я былъ на войнѣ.

— Вотъ какъ!

— А съ кѣмъ? — опять спросилъ Іоаннъ.

— Съ турками, — отвѣтилъ офицеръ.

— Вотъ какъ!

И немного погодя Іоаннъ сказалъ, стиснувъ въ рукахъ кожаный поясъ, охватывающій его голубую, какъ у жандармовъ, блузу:

— Я тоже буду солдатомъ.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на него своими миндалевидными глазами:

— Но ты не сербъ, — сказалъ онъ.

Француженка вышла изъ маленькой комнаты. Лицо у нея было совсѣмъ красное.

— *Dépêche-toi*, — сказала она. — *Dépêche-toi — nous sommes pressés* *).

На рѣкѣ было уже темно, когда они вернулись домой. Іоаннъ прошмыгнулъ въ конюшню. Онъ влѣзъ на ящикъ съ овсомъ передъ стойломъ Амура.

— Іосифъ, — сказалъ онъ.

— Я.

— У Маринки есть мужъ?

— Много ихъ у ней, мужей, — сказалъ Іосифъ, сплевывая между острыми зубами.

Іоаннъ немного помолчалъ. И по странному дѣтскому ходу мыслей сказалъ:

— Но вѣдь Маринка служила у насъ?

*) Скорѣе, скорѣе — намъ надо торопиться.

— Конечно служила, — сказалъ Иосифъ, — потому что сюда, прости Господи, приѣзжаютъ всѣ дѣвки и шлюхи, которымъ надо бѣжать изъ собственной страны.

— Почему?

— Да ужъ такъ, — сказалъ Иосифъ и сѣлъ на ящикъ съ овсомъ.

— *Derênce-toi... Allons, nous sommes pressés...*

Мадмуазель сердилась. Было ужъ очень поздно, и она почти бѣжала по площади, чтобы добраться до-мой до наступленія полной темноты.

— Скорѣй, скорѣй. — Она щелкала Іоанна въ виски.

Но вдругъ имъ навстрѣчу выскочила ватага мальчи-ковъ, сотни мальчиговъ; они гикали и кричали, а пе-редъ ними бѣжалъ Давидъ, сынъ Симона, и вся одежда на немъ была разорвана.

— Жидъ, жидъ, бей его, жиды!

— Жидъ, жидъ, — кричали они и свистѣли сквозь пальцы.

Поравнявшись съ Іоанномъ, Давидъ вдругъ обернул-ся и лицомъ къ лицу съ ними всѣми, съ этими сотнями мальчишекъ, сжалъ въ кулаки свои поднятыя руки.

— Жидъ, жидъ, бей его жиды!

— Бей его, жиды!

И вдругъ всѣ мальчишки запѣли, точно припѣвъ пѣсни:

— Бей его, бей его, бей его, жиды.

Давидъ съ поднятыми руками снова бросился бѣ-

жать и ухватился за вскрикнувшую мадмуазель, а мальчишки завопили:

— Томаты сюда, бей его, жида. Томаты сюда, бей его, жида.

Давидъ споткнулся и упалъ, а на него полетѣли томаты; они расплющивались объ его обнаженное тѣло, объ его лицо, объ его голову, такъ что казалось, что по немъ течетъ кровь.

— Бей его, бей его, бей его, жида.

— Идемъ, идемъ, — кричала мадмуазель и спотыкалась, толкаемая со всѣхъ сторонъ мальчишками, которые напирала на нее.

— Идемъ, идемъ!

— Бей его, бей его, лупи его, жида.

Давидъ лежалъ на землѣ; руки съ растопыренными пальцами были раскинуты въ стороны.

— Топчи его, топчи его, пархатаго жида.

Они били его ногами, они топтали его.

— Идемъ, идемъ, — кричала мадмуазель.

Но вдругъ Іоаннъ, между ногами мальчишекъ, подъ ихъ поднятыми кулаками пробрался къ Давиду:

— Бѣги, бѣги, — закричалъ онъ.

— Бѣги, — кричалъ онъ ему и весь тряся при этомъ: и лицо, и сжатые въ кулаки, руки, и ноги подъ нимъ тряслись.

— Бѣги.

Давидъ вдругъ какъ угорь, какъ змѣя, проскользнулъ по землѣ между ногами мальчишекъ, послѣдніе опять стали улюлюкать и кричать, мадмуазель бѣгомъ бросилась къ Маринкиному крыльцу, а онъ, бѣлый

офицеръ, который никогда не разговаривалъ, взялъ Иоанна на руки и внесъ его въ домъ.

— Il est fou. Il est fou, le Sans-patrie *), — кричала мадмуазель внѣ себя отъ ярости, потому что весь ея костюмъ былъ испачканъ.

Въ лодкѣ Иоаннъ не разговаривалъ. Бѣлый офицеръ проводилъ ихъ до лодки и прикрылъ Иоанна чернымъ пледомъ. Онъ лежалъ подъ нимъ и все еще дрожалъ. Дома на берегу стояли Иосифъ и г. Кристопулосъ и въ темнотѣ кричали черезъ рѣку, зовя лодку.

Мадмуазель сказала только:

— Мы уже здѣсь.

— И вдругъ осыпала ожидающихъ цѣлымъ потокомъ бульварныхъ ругательствъ.

Прошло, навѣрное, около недѣли.

Когда послѣ обѣда они въ лодкѣ подъѣзжали къ Орсовѣ и приблизились къ молу, гдѣ мальчики лежали со своими удочками, нѣсколько мальчиковъ закричали.

— Вотъ они...

— Вотъ они, вотъ они, пріѣхали съ острова.

Долговязый сынъ бондаря вскочилъ со своей удочки.

— Да, это они, сволочь съ острова.

И онъ впереди остальныхъ побѣжалъ къ каменной лѣстницы, гдѣ всѣ мальчики ужъ собрались въ одну кучу, когда Иоаннъ поднялся по лѣстницѣ. Сынъ бон-

*) Онъ съ ума сошелъ. Онъ съ ума сошелъ, этотъ мальчикъ безъ родины.

даря толкнулъ Іоанна въ плечо, а сынъ портного наступилъ ему на ногу. Іоаннъ шель позади французженки, крѣпко стиснувъ руки, которыми онъ обхватилъ свой кожаный поясъ.

Когда онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе, сынъ портного началъ свистѣть, засунувъ въ ротъ пальцы, а остальные стали улюлюкать. Сынъ же бондаря, плоское лицо котораго такъ побагровѣло, словно было обварено кипяткомъ, крикнулъ:

— Что онъ себѣ воображаетъ? Что, чортъ возьми, онъ себѣ воображаетъ со своими закрытыми глазами!

Они кричали, пока Іоаннъ не скрылся за угломъ. Съ того дня мальчики подкрауливали приходъ лодки и, когда наконецъ увидѣли ее, начали свистѣть.

— Вотъ они, вотъ онъ.....

И стали бомбардировать лодку пескомъ и камнями.

Мадмуазель поблѣднѣла подъ густымъ слесемъ пудры, но Іоаннъ прямо стоялъ въ серединѣ лодки.

— Причаливай, — сказалъ онъ и прошелъ мимо орущихъ мальчишекъ со своими полузакрытыми глазами.

Они улюлюкали его спиной. У мадмуазель колѣни подгибались. Она почти бѣжала черезъ площадь.

— Чумазый принцъ, чумазый принцъ, — орали, мальчики на всю площадь.

— Viens, viens, — кричала мадмуазель Іоанну.

— Мальчикъ съ острова, мальчикъ съ острова.

— Viens, viens!

— Чумазый принцъ, сволочь.

— Viens, parbleu, viens, Sans-patrie, — кричала французженка и вбѣжала на Маринкино крыльцо, гдѣ рыжий сынъ коменданта вскочилъ на перила:

— Ату его, ату его — мальчика безъ родины.

Фистула комендантскаго отпрыска громко раздавалась надъ площадью:

— Ату его, ату его — мальчика безъ родины.

И какъ-будто слово было найдено, кличка дана и позорное клеймо приложено, всѣ заорали въ одинъ голосъ:

— Ату его, ату его — мальчика безъ родины.

Впереди всѣхъ былъ сынъ бондаря.

— Можешь ли ты открыть глаза, — крикнулъ онъ и ударилъ Іоанна кулакомъ по шеѣ.

— Пригни ему спину, — визжалъ сынъ коменданта. — Принцъ безъ родины.

— Безъ родины, безъ родины.

Они рзбѣгали вверхъ по лѣстницѣ, прыгали черезъ перила и все время свистѣли и кричали. Сынъ бондаря лежалъ на упавшемъ Іоаннѣ. Маринка подбѣжала къ окну:

— Помогите ему, помогите ему, помогите господину Іоанну.

Но офицеры съ хохотомъ завертѣли ее кругомъ по комнатѣ.

— Впередъ на врага, сербы, — кричали они и хохотали, и хохотали:

— Бей его, бей его, мальчика безъ родины.

Іоаннъ лежалъ подъ тяжестью упавшихъ на него мальчиковъ, и они били его, топтали его, и били его.

Жена коменданта раскрыла свое окно и размахивала обѣими голыми руками:

— Sans-patrie, pauvre Sans-patrie, — кричала она надъ площадью.

— Стыдитесь, стыдитесь, — воскликнула Маринка и выбѣжала изъ двери на крыльцо.

Господинъ Іоаннъ, господинъ Іоаннъ, — кричала она, расталкивая толпящихся на крыльцѣ мальчишекъ.

— Безъ родины, безъ родины.

Вдругъ Іоаннъ высвободился изъ-подъ сына бондаря, вскочилъ на ноги и пробился сквозь орущую ватагу; такъ что, очутился на верхней ступенькѣ лѣстницы. Изъ его обнаженной груди шла кровь, стекая внизъ на кожаный поясъ и на руки.

Тутъ Маринка схватила его, высоко подняла своими дрожащими руками и внесла въ домъ. Когда Іоаннъ проснулся, у его постели сидѣлъ бѣлый офицеръ.

— Лежи спокойно, — сказалъ онъ, — лежи спокойно.

Іоаннъ закусилъ губы.

— Я хочу домой, — сказалъ онъ и вдругъ зарыдалъ такъ, что, казалось, все его дѣтское тѣло должно было разорваться.

— Да, ты поѣдешь домой, — сказалъ бѣлый офицеръ.

Мадмуазель слегла въ постель и хотѣла остаться здѣсь.

Маринка и бѣлый офицеръ довели Іоанна до лодки.

Онъ лежалъ на днѣ лодки, прикрытый плѣдами; въ то время какъ Дмитрій и Игнатъ гребли. Когда доѣхали, Іоанна на носилкахъ снесли въ замокъ.

Ане пришла домой съ могилы фру:

— Что тутъ случилось, громы небесные! Что тутъ случилось? О Господи Иисусе, они до смерти убили его, они до смерти убили его. Иоссе, Иоссе, они до смерти убили его.

Она бросилась на полъ и упала головой на его постель, воя какъ собака надъ трупомъ.

Иоаннъ ничего не говорилъ, а только проводилъ горячей рукой по лѣвой сторонѣ груди, которая вся пылала подъ холоднымъ компрессомъ, какъ-будто то грѣло его судорожно бьющееся сердце.

— Дай ему полежать, — сказалъ г. Кристопулосъ. — Онъ долженъ лежать спокойно.

Ночью у Иоанна былъ жаръ. Онъ то дрожалъ, то просыпался. Ане сидѣла у лампы передъ своей большой Библией. Она читала такъ громко, что проклятiя пророковъ смѣшивались съ лихорадочнымъ бредомъ на половину проснувагося мальчика.

— И будетъ вмѣсто благовонiя зловонiе, и вмѣсто пояса будетъ веревка, и вмѣсто завитыхъ волосъ плѣшь; и вмѣсто широкой епанчи узкое вретиче, вмѣсто красоты клеймо. Мужи твои падутъ отъ меча и храбрые твои на войнѣ....

— Что такое, Иоссе? Иоссе, тебѣ больно?

— Нѣтъ, не очень.

Ана положила голову на подушку Иоанна:

— Мнѣ лучше, когда я плачу, — сказалъ онъ и обвилъ руками шею Ане.

Когда Иоаннъ снова проснулся, былъ день. Ане все еще сидѣла у его постели. Иоаннъ лежалъ тихо съ широко раскрытыми, уставившимися въ одну точку глазами. Но вдругъ сталъ беспокойнымъ.

— Ане, я хочу встать, — сказалъ онъ и хотѣлъ подняться съ постели.

— Но этого нельзя, Иоссе, ты долженъ лежать спокойно.

— Нѣтъ, я хочу встать.

Ане помогла ему одѣться. Онъ былъ такой неспокойный, а глаза стали совсѣмъ круглыми съ широко раскрытыми вѣками.

— Я хочу почитать, — сказалъ онъ.

Онъ всегда читалъ о великихъ музыкантахъ въ красной книгѣ, присланной изъ Будапешта.

Но онъ выпустилъ книгу изъ рукъ:

— Я пойду наверхъ, — сказалъ онъ.

— Куда ты хочешь? — спросила Ане, вставая съ мѣста.

Она совсѣмъ испугалась, потому что у Іоанна было какое-то окаменѣлое лицо.

— Я пойду наверхъ, — сказалъ онъ.

Іоаннъ тихонько постучался въ дверь г. Кристопулоса.

— Это ты? — сказалъ г. Кристопулосъ и быстро прибавилъ — потому что глаза Іоанна смотрѣли такъ странно, словно не видѣли ничего, и весь онъ казался такимъ маленькимъ въ своей одеждѣ:

— Какъ дѣла, Іоаннъ?

— Спасибо, — сказалъ Іоаннъ.

Онъ сѣлъ на полъ и прислонился головой — она была такая тяжелая — къ ножкѣ рояля.

— Вы поиграете? — сказалъ онъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — сказалъ г. Кристопулосъ.

И онъ началъ играть, а Іоаннъ снизу смотрѣлъ на него, точно стараясь заставить себя слушать.

— Но нѣтъ. Это все оттого... Оттого у него такъ болитъ голова, и болитъ все внутри... это оттого:

Они улюлюкали ему, какъ улюлюкали Давиду. Они срывали съ него платье, какъ срывали платье съ тѣла Давида, Симонова сына.

— Безъ родины.

— Безъ родины.

— Да..... какъ Давида...

У него было такое ощущение, какъ-будто онъ совѣмъ не могъ думать, какъ-будто голова у него стала такой большой, что онъ совѣмъ не могъ думать.

Но, когда онъ прислонился лбомъ къ холодной пожкѣ рося, онъ словно вспомнилъ:

— Вѣдь Іосифъ, Іосифъ въ конюшнѣ,—говорилъ:— сюда бѣжить весь сбродъ, у котораго нѣтъ родины. Это говорилъ Іосифъ. И мадмуазель говорила. И Анѣ говорила это. И жена коменданта говорила:

— *Petit Sans-patrie.*

— Что случилось? — спросилъ г. Кристопулосъ, переставъ играть.

— Что съ тобой, Іоаннъ?

— Ничего, — сказала Іоаннъ, смотря на него невидящимъ взоромъ.

— Почему же ты вздыхаешь?

Іоаннъ покачалъ головой.

— У тебя грудь болитъ?

— Нѣтъ.

— Такъ что же съ тобой?

Господинъ Кристопулосъ погладилъ его волосы. Но Іоаннъ оттолкнулъ его руку, какъ-будто ему было больно.

— Безъ родины...

— Да, это говорила жена коменданта. И мадмуазель. И Иосифъ.

— Значить это... это была правда.

— Но почему... почему?

— Они кричали это. Они гикали ему, какъ гикали Давиду, Симонову сыну. Они срысали съ него платье, какъ съ Давида, Симонова сына. Но Ане сказала, почему они глумились надъ Давидомъ: потому что онъ еврейскій мальчикъ, а это позоръ. И мадмуазель сказала это и презрительно поджала губы: «Ah, pfiu, le juif». И Иосифъ говорилъ это въ конюшнѣ, и всѣ мальчишки свистали, всѣ мальчишки въ Орсовѣ кричали: «жидъ, жидъ».....

— Потому что это позоръ.

— Иоаннъ, о чемъ ты плачешь?

— Я не плачу.

Иоаннъ не шевелился. Въ его глазахъ за слезами какъ-будто притаился огромный, безумный ужасъ.

— У тебя такъ болитъ грудь?

— Да, теперь у меня болитъ грудь.

Иоаннъ продолжалъ сидѣть, уставившись передъ собой все тѣмъ же взглядомъ.

— Но однако сынъ коменданта не улюлюкалъ Давиду. Но это сынъ коменданта первый началъ кричать ему: Sans-patrie, Sans-patrie... И офицеры—всѣ офицеры, которые играли въ карты у Маринки—они тоже кричали ему: Sans-patrie, Sans-patrie... и смѣялись... смѣялись,— какъ рабочіе смѣялись надъ горбуномъ, надъ горбатымъ Петромъ, отъ котораго убѣждали три невѣсты, потому что онъ калѣка... Какъ они улюлюкали Давиду;

еврейскому мальчику, какъ они улюлюкали горбатому Петру, такъ они улюлюкали и ему...

— Иоаннъ, тебѣ надо лечь въ постель. У тебя жаръ. Ты долженъ лечь.

Иоаннъ весь вздрогнулъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — и онъ покачалъ головой. — Я не хочу въ постель.

— Въ такомъ случаѣ пройдемся немного, — сказалъ г. Кристопулъ.

— Хорошо, погуляемъ немного.

Ане стояла внизу въ сѣняхъ около лѣстницы.

— Куда онъ хочетъ? куда онъ хочетъ? — закудахта-ла она, какъ раньше.

— Мы немного пройдемся, — сказалъ г. Кристопулъ.

— Только ужъ не ходите слишкомъ далеко, — просила Ане. — О, не ходите съ нимъ слишкомъ далеко, онъ этого не выноситъ.

— Мы погуляемъ совсѣмъ немного, — сказалъ г. Кристопулъ.

Молча ходили они вдоль замка, взадъ и впередъ. Вдругъ Иоаннъ посмотрѣлъ на учителя и спросилъ:

— На картѣ отмѣчено все?

Грекъ чуть не вздрогнулъ.

— Да, — сказалъ онъ. — Все.

— Всѣ страны? — опять спросилъ Иоаннъ.

— Да, на картѣ отмѣчены всѣ страны.

Иоаннъ снова замолчалъ.

— Значить это правда. Потому что г. Кристопулъ говорилъ — онъ это прекрасно помнить — г. Кри-

стопулось говорилъ три раза: мѣсто, гдѣ ты живешь; Иоаннъ, не отмѣчено на картѣ.

— Безъ отечества... безъ родины..

— Sans-patrie.

Кто-то прошелъ мимо нихъ, и г. Кристопулось кивнулъ головой.

— Это Петръ, — сказалъ онъ.

И г. Кристопулось схватилъ Иоанна, который поблѣднѣлъ, какъ полотно:

— Нѣтъ, идемъ домой, Иоаннъ, — сказалъ онъ и повелъ его въ комнаты. — Ты совѣмъ боленъ.

Они обѣдали въ большой столовой, обѣдали только вдвоемъ и оба молчали.

— Гдѣ мадмуазель? — спросилъ Иоаннъ.

— Въ Орсовѣ, — отвѣтилъ г. Кристопулось.

У Иоанна что-то дрогнуло въ лицѣ.

Они опять поднялись наверхъ въ комнату г. Кристопулоса. Иоаннъ сѣлъ на прежнее мѣсто. Начало смеркаться, и въ комнатѣ легли тѣни. Г. Кристопулось всталъ и отложилъ книгу.

Тутъ Иоаннъ промолвилъ изъ темноты:

— Г. Кристопулось.

— Я.

Съ минуту было тихо, и вдругъ раздалось быстро и торопливо:

— У румынъ есть родина?

— Конечно, у нихъ Румынія.

— А у сербовъ — Сербія?

— Да, у нихъ Сербія.

Опять наступило молчаніе, пока Иоаннъ не спросилъ снова — и г. Кристопулосу показалось, что мальчикъ

говорить, какъ во снѣ, или словно человѣкъ, разговаривающій въ телефонъ:

— А у мамы была Данія?

— Да, у нея была Данія. Но она уѣхала оттуда.

Іоаннъ немного помолчалъ. И вдругъ отрывисто спросилъ, охваченный одной изъ странныхъ мыслей, которыми были и моложе и старше его лѣтъ:

— Отъ этого она и умерла?

— Твоя мама вѣдь была больна, — сказалъ г. Кристопулъ.

— Да....

И немного погодя сказалъ, поднявъ голову:

— А евреи... у евреевъ есть родина?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ грекъ. — У евреевъ нѣтъ родины.

— Почему?

Г. Кристопулъ сказалъ:

— Ты же знаешь, что евреи были прокляты Богомъ.

— Да, — промолвилъ Іоаннъ совсѣмъ тихо и почти беззвучно.

— Теперь я зажгу лампу, — сказалъ г. Кристопулъ, которому вдругъ стало жутко отъ этого «да» и отъ всѣхъ вопросовъ.

И, зажигая лампу, спросилъ:

— Іоаннъ, изъ-за чего, собственно говоря, у тебя произошла ссора съ мальчиками въ Орсовѣ?

Но Іоаннъ. ничего не отвѣтилъ.

— ... Они были прокляты Богомъ.

Лицо его было совсѣмъ неподвижно, зъ то время какъ онъ сидѣлъ и думалъ:

— Они были прокляты Богомъ.

— Теперь ты долженъ итти спать, — сказалъ г. Кристопулосъ и положилъ руки на его плечи.

— Вы посидите у моей постели? — попросилъ Іоаннъ.

— Хорошо, я посижу у тебя.

Они пошли въ комнату Іоанна. Какъ только Іоаннъ легъ въ постель, онъ моментально заснулъ; сразу, въ одинъ мигъ, какъ человѣкъ, котораго хватилъ ударъ.

Но, когда проснулся на слѣдующее утро, онъ, вздрогнувъ, поднялся на постели, какъ-будто кто-то сказалъ прямо около его лица, въ самое его ухо:

— Прокляты Богомъ.

— Вѣдь ты знаешь, что они были прокляты Богомъ.

— Да, онъ это зналъ, — и Іоаннъ, полный ужаса, кивнулъ головой въ пространство, — зналъ, что они были «прокляты». Объ этомъ Ане по ночамъ громко читала въ большой Библии, читала всѣ кары. И о нихъ она плакала, о евреяхъ, потому что они были прокляты, и, Богъ отнялъ у нихъ родину.

— Отнялъ родину.

— Кого Богъ проклялъ, у тѣхъ онъ отнялъ родину. Кого Богъ проклялъ, тѣмъ онъ не далъ родины... но надъ тѣми глумились, имъ наступали на ноги, ихъ щипали въ бока, ихъ топтали ногами, имъ царапали грудь — какъ это дѣлали съ нимъ, какъ это дѣлали съ нимъ всѣ мальчики въ Орсовѣ.

— Проклятый Богомъ. Богомъ проклятый.

Вдругъ онъ поднялся и бросился на колѣни; слезы ручьями текли изъ его широко раскрытыхъ глазъ, онъ извивался и ползалъ на колѣняхъ по своей постели и молился, молился; но онъ не зналъ никакихъ молитвъ и смѣшивалъ всѣ языки, и молился:

— О Боженька и всѣ твои святыя... и Иосифъ, и Марія и Стафанъ... Стефанъ, и Марія, и Иосифъ... Я не хочу быть проклятымъ, я не хочу быть проклятымъ....

И вдругъ соскочилъ съ постели и легъ на голый полъ, какъ это дѣлала Ане, и сталъ молиться со сложенными руками, какъ это дѣлала Ане.

Онъ молился, какъ Ане, молился Богу-Отцу, который на небѣ, и Иосифу, и святымъ Ивѣ и Варварѣ, которые сидятъ въ церкви, и Богу — чтобы они дали ему родину; чтобы онъ не былъ проклятъ.

Онъ снова плакалъ и снова молился:

— О, Боженька, милый Боженька, и ты, пресвятая Дѣва съ Младенцемъ — не можешь ли ты помочь мнѣ. Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... не можешь ли ты помочь мнѣ, Отче нашъ, Отче нашъ... не можешь ли ты помочь мнѣ...

Въ концѣ концовъ онъ поднялся и вытеръ слезы. Колѣни у него болѣли, и онъ такъ усталъ.

— Но кого Богъ проклялъ, у тѣхъ онъ отнял родину.

— — — Наступилъ часъ занятій, и онъ собралъ свои книги.

— Какъ быстро ты заснулъ вчера вечеромъ, — сказалъ г. Кристопулосъ, когда Иоаннъ вошелъ въ классную.

— Да, — сказалъ Иоаннъ и сѣлъ къ столу.

Г. Кристопулосъ вертѣлъ глобусъ своей стройной рукой и рассказывалъ объ океанахъ, глубину которыхъ никто не знаетъ, и о землѣ, которая полна огня, и о полюсахъ, гдѣ море замерзаетъ и превращается въ ледъ.

— И все это сотворилъ Богъ? — спросилъ Иоаннъ.

— Да, — сказалъ г. Кристопулосъ, смотря поверхъ глобуса. — Великій Богъ далъ создаться всѣмъ мірамъ.

Іоаннъ немного помолчалъ, между тѣмъ какъ Кристопулосъ продолжалъ рассказывать. Но вдругъ спросилъ, и посмотрѣлъ при этомъ на грека:

— Богъ можетъ все сдѣлать?

— Да.

— Онъ можетъ дать намъ все? — спросилъ Іоаннъ, продолжая смотрѣть на грека.

Г. Кристопулосъ не отвѣтилъ. Тогда Іоаннъ сказалъ:

— Ане говорить, что онъ можетъ, если мы будемъ молиться.

Г. Кристопулосъ посмотрѣлъ на него — въ глазахъ Іоанна выражалась словно мука или же черезчуръ сильное напряженіе.

— Да, Іоаннъ, — сказалъ онъ. — Богъ можетъ все сдѣлать.

Іоаннъ, казалось, успокоился. Но въ то время какъ онъ читалъ, писалъ и спрягалъ глаголы, онъ думалъ только объ одномъ: что онъ будетъ молиться, все время будетъ молиться Богу, и всѣмъ святымъ, и Пресвятой Дѣвѣ, и Варварѣ, которая сидитъ въ церкви, и святой Аннѣ, которой молится Игнатъ, и святому Іосифу... А у мадмуазель есть четки, онѣ лежатъ въ ящикѣ среди ея флаконовъ съ духами. Мадмуазель такъ часто молится по нимъ, послѣ того какъ они побываютъ въ Орсовѣ, и плачетъ при этомъ и перебираетъ четки съ начала до конца. А послѣ этого опять становится веселой и хохочетъ съ румынами-поварами. Іоаннъ возьметъ у нея четки и будетъ молиться по нимъ, какъ молится мадмуазель, когда возвращается изъ Орсовы.

Потому что онъ хочетъ, чтобы у него была родина — какъ у всѣхъ сербовъ и румынъ есть родина, и у Ганса вѣдь есть Семиградье, и у мамы была Данія; и всѣ они значить не могли быть прокляты...

И онъ молился по утрамъ, и молился по вечерамъ, когда Ане молясь лежала на полу у его постели:

— Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ....

— Скажи еще разъ, — просилъ Иоаннъ, держа въ своихъ рукахъ ея молитвенно сложенные руки.

— Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ.

— Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, — повторялъ Иоаннъ, съ напряженіемъ произнося полузабытыя дѣтскія слова.

— Да святится имя твоє, — говорила Ане.

— Имя твоє, — шепталъ Иоаннъ.

— Во вѣки, аминь, — кончила Ане.

Иоаннъ лежалъ спокойно. Вдругъ онъ повернулъ голову.

— Ане, — сказалъ онъ. — А евреи молятся?

Ане постояла минутку. Затѣмъ сказала:

— Это имъ все равно не поможетъ.

— Почему? — спросилъ Иоаннъ, поднявъ на нее глаза.

— Потому что Богъ ихъ преклялъ на вѣки вѣковъ.

Иоаннъ проснулся послѣ краткаго сна. Лампа была потушена, горѣлъ только маленькій ночникъ. Иоаннъ сѣлъ на постели, весь съезжившись, опустивъ голову на колѣни, онъ такъ дрожалъ, какъ-будто все его тѣло плакало и стонало:

— Это имъ не поможетъ. — Онъ поднялъ голову и

повертѣлъ ею, вытянувъ шею надъ воротникомъ рубашки.

— Это не поможетъ, не поможетъ.

— Потому что они прокляты Богомъ — на вѣки вѣковъ.

Вдругъ онъ соскочилъ съ постели, дрожащими руками зажегъ лампу, надѣлъ на нее колпакъ, взялъ большую Библию, раскрылъ ее и сталъ читать тамъ, гдѣ лежали заложки, красныя и бѣлыя заложки.

Онъ читалъ и не понималъ, и сталъ читать громко, какъ Ане, улавливая знакомые звуки словъ, — читалъ всѣ Божьи проклятія, и какъ Богъ отнялъ у евреевъ ихъ родину...

Іоаннъ вернулся въ постель. Библия съ красно-бѣлыми заложками лежала раскрытая.

Вдругъ онъ съ отчаяніемъ въ голосъ сказалъ громко, на всю пустую комнату:

— Мама, мама, мама... — и зарыдалъ, прислонившись головой къ холодной стѣнѣ.

— — — Нѣсколько дней спустя г. Кристопулось сказалъ во время занятій:

— Я ѣду въ Орсову. Хочешь со мной?

Іоаннъ быстро опустил голову, и лицо его дрогнуло.

— Да, — сказалъ онъ. — Да, спасибо.

— Мы выѣдемъ въ два часа.

— Да, спасибо, — повторилъ Іоаннъ.

Іоаннъ былъ совсѣмъ спокоенъ — такъ же тихъ и спокоенъ, какъ и въ Будапештѣ у доктора, когда тотъ долженъ былъ разрѣзать у него въ глазу. Онъ сидѣлъ въ лодкѣ и слышалъ каждый ударъ весель. Вотъ онъ увидѣлъ маякъ, а вонъ и моль.

— Тебѣ холодно, Іоаннѣ?— спросилъ г. Кристопулосъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Іоаннѣ.

Вотъ онъ увидѣлъ и мальчиковъ, лежавшихъ съ удочками.

— Ты такъ блѣденъ, Іоаннѣ.

— Да.

Но мальчики не вскочили, а оставались у своихъ удочекъ.

— Сиди спокойнѣе, Іоаннѣ.

— Хорошо.

Вонъ и сынъ бондаря.

— Чего ты хочешь, Іоаннѣ?

— Я только пересѣлъ.

Они проѣхали мимо и причалили.

— Ты идешь, Іоаннѣ?

— Да.

Іоаннѣ вышелъ изъ лодки и стоялъ на ступенькахъ лѣстницы.

И вотъ оно случилось. Сынъ портного крикнулъ это, и эти слова, какъ брошенный камень, ударили Іоанна въ спину — между тѣмъ какъ навстрѣчу ему несея оглушительный хохотъ.

Іоаннѣ моментально скрестилъ кончики пальцевъ, но затѣмъ стиснулъ обѣ руки.

— Что это мальчики кричатъ?— спросилъ г. Кристопулосъ, который не понималъ по-сербски.

— Не знаю, — сказалъ Іоаннѣ, и они пошли дальше.

Они переходили площадь. Никто ужъ больше не кричалъ. Но на тротуарѣ передъ окнами Маринки шли двѣ дѣвочки съ бѣлыми цвѣтами въ косахъ. И одна изъ

нихъ вдругъ подтолкнула другую локтемъ:

— Смотри, смотри, это онъ, «безъ родины».

Иоаннъ шель у самой стѣнки.

Навстрѣчу имъ попадались офицеры и дамы. Всѣ они наклоняли другъ къ другу головы.

— Почему люди такъ смотрятъ на насъ! — сказалъ г. Кристопулосъ и засмѣялся.

— Не знаю, — отвѣтилъ Иоаннъ. Онъ не поднималъ глазъ.

— — — Прошли мѣсяцы. Г. Кристопулосъ каждый день послѣ обѣда видѣлъ, что Иоаннъ идетъ черезъ дворъ, неся въ рукахъ букетъ цвѣтовъ, взятыхъ изъ оранжереи.

Однѣжды грекъ открылъ окно:

— Куда ты идешь, Иоаннъ?

— На кладбище.

Иоаннъ шель черезъ поля въ деревню. Почти бѣгомъ пересѣкъ онъ церковный дворъ и вошелъ въ церковь. Здѣсь, гдѣ столько святыхъ сидѣли на своихъ алтаряхъ, царилъ полумракъ. Тихонько ступая ногами, прошелъ онъ внутрь церкви и положилъ цвѣты на алтарь святой Анны. На всѣхъ алтаряхъ были цвѣты. Нѣкоторые изъ нихъ немного завяли. Всѣ ихъ принесъ сюда Иоаннъ.

Иоаннъ склонилъ голову надъ молитвенной скамьей. Онъ больше не молился громко. Лишь шопотомъ творилъ онъ свои молитвы.

Вернувшись домой, Иоаннъ пошелъ играть на скрипкѣ съ г. Кристопулосомъ. Въ одной изъ комнатъ, гдѣ никогда не прибирали, съ тѣхъ поръ какъ мама умерла,

онъ нашелъ старую скрипку. Г. Кристопулосъ игралъ съ нимъ по нѣсколько часовъ.

Учитель посмотрѣлъ на Иоанна. Мальчикъ держался такъ прямо, когда игралъ, но голова его была опущена.

— Можно подумать, что у тебя горе на сердцѣ, — сказала г. Кристопулосъ.

Иоаннъ ничего не отвѣтилъ. Углы губъ всегда странно дрожали у него, когда онъ игралъ.

— — — Направляясь къ оранжереямъ, Иоаннъ проходилъ мимо сарая, гдѣ пилили дрова.

Тамъ было такъ тихо, и пила не работала. Однажды Иоаннъ проскользнулъ внутрь.

— Петръ, — позвалъ онъ. — Петръ, ты здѣсь?

Никто не отвѣтилъ.

— Петръ, — сказалъ Иоаннъ, которому стало жутко; тамъ на кучѣ стружекъ, словно кто-то стоналъ или визжалъ — какъ визжитъ собака или какое-нибудь животное, но только не человѣкъ.

— Петръ, — шепнулъ Иоаннъ и слово застряло у него въ горлѣ.

Потому что это действительно былъ Петръ, который лежалъ тамъ, зарывшись въ стружки, совсѣмъ спрятавъ голову подъ стружки, такъ что наружу высовывалась только горбатая спина...

— Петръ, — повторилъ Иоаннъ.

Но стружки только продолжали сотрясаться отъ рыданій горбуна.

Иоаннъ повернулся и вышелъ. Цвѣты, которые онъ хотѣлъ нести въ церковь, выпали у него изъ рукъ. Онъ пошелъ въ конюшню, гдѣ Иосифъ скребницей чистилъ Амура.

— Да скоро и чистить не буду, коли баринъ никогда дома не живетъ,—сказалъ Иосифъ.—Эхъ, чортъ бы побралъ тутъ все! Гдѣ баринъ-то теперь?

— Папа въ Лондонѣ,—сказалъ Иоаннъ.

— Въ Лондонѣ? — повторилъ Иосифъ. — Это далеко отсюда.

И немного погодя прибавилъ, продолжая чистить лошадей:

— Да, свѣтъ великъ, а въ могилу мы все-таки всѣ ляжемъ.

Иоаннъ сѣлъ на ящикъ съ овсомъ.

— Иосифъ, — сказалъ онъ, — что съ Петромъ?

— Да небось то же, что всегда, — сказалъ Иосифъ, продолжая работать скребницей.

— Теперь это Ивонна...

— Ивонна красивая, — сказалъ Иоаннъ.

— Да, она недурна, — и Иосифъ медленно провелъ скребницей по своимъ венгерскимъ штанамъ — коль на нее посмотрѣть.

Онъ снова заработалъ скребницей по лоснящимся бокамъ Амура, пока не сказалъ:

— Но развѣ можно винить дѣвку, что она не хочетъ быть съ такимъ жалкимъ дурачкомъ, да еще котораго самъ Богъ отмѣтилъ.

Иоаннъ сошелъ съ ящика.

— Господинъ Иоаннъ теперь также никогда не ѣздить верхомъ, — сказалъ Иосифъ. Онъ невольно сказалъ «господинъ Иоаннъ», увидя его лицо.

Но Иоаннъ уже прошелъ черезъ дворъ и поднялся по лѣстницѣ въ комнаты съ занавѣшенными окнами.

Однажды, когда Іоаннъ сидѣлъ надъ своими книжками, въ дверь постучались.

— Войдите, — крикнулъ онъ. — Войдите.

Дверь открылась — это Петръ стоялъ тамъ. Онъ снялъ свои сапоги, а его черезчуръ длинныя руки висѣли безжизненно, какъ плети, до самыхъ колѣнъ.

— Что тебѣ, Петръ? — спросилъ Іоаннъ.

Петръ въ своихъ носкахъ сдѣлалъ два шага впередъ.

— Я хотѣлъ... я хотѣлъ сказать господину Іоанну, потому что барина вѣдь нѣтъ дома... я хотѣлъ сказать, что...

Петръ поднялъ глаза — онъ говорилъ очень странно, какимъ-то однотоннымъ скрипучимъ голосомъ:

— Сказать, что мнѣ теперь надо уѣхать.

Горбунъ стоялъ все въ той же позѣ, но кривыя плечи словно еще ниже опустились.

— Да, теперь мнѣ надо уѣхать.

Онъ говорилъ все тѣмъ же голосомъ; и на его щекахъ горѣли два красныхъ пятна.

— Куда же ты поѣдешь? — спросилъ Іоаннъ, подойдя къ нему на три шага, при чемъ сказалъ это совсѣмъ тихо: — Куда?

Петръ повернулъ голову, какъ животное, внезапно услышавшее неожиданный звукъ.

— Ну да, — сказалъ Іоаннъ, — гдѣ ты будешь жить?

Горбатый Петръ помолчалъ съ минуту:

— Домой, — домой пойду; въ свою родную сторо-нушку.

Іоаннъ совсѣмъ раскрылъ глаза — на одну секунду.

— Я уѣду отсюда, — сказалъ Петръ въ пространство. Но вдругъ Петръ бросился на полъ и, снова наполовину

поднявшись, сѣлъ на корточки, упираясь подбородкомъ въ острия колѣни, и, запустивъ руки въ нечесанные волосы, зарыдалъ—зарыдалъ такъ, словно въ груди у него все хрипѣло и клокотало.

И сквозь рыданія глухо бормоталъ:

— Ахъ, помоги мнѣ, милый баринъ, помоги мнѣ, милый баринъ, помоги мнѣ.

Іоаннъ самъ ужъ не сознавалъ что говорить:

— Вставай... Вставай... Дровоколъ Петръ, дровоколъ Петръ, вставай же.

Онъ хотѣлъ подойти къ нему и поднять его; но вдругъ остановился, охваченный тѣмъ испугомъ или отвращеніемъ, который дѣти чувствуютъ передъ калѣ-ками, и только сказалъ испуганнымъ голосомъ:

— Вставай, вставай.

Съ безумнымъ видомъ, но какъ человѣкъ, привык-шій слушаться, Петръ поднялся съ полу.

— Да, да, — съ усиліемъ сказалъ онъ, и длинныя руки снова повисли безжизненно, какъ плети.

Но, вспомнивъ вдругъ, зачѣмъ, собственно, пришелъ, заговорилъ жалобнымъ тономъ—профессіональнымъ тономъ бѣдняковъ:

— О, милый баринъ, у меня ничего нѣтъ, я голъ, какъ соколъ, баринъ.... голъ какъ соколъ.... Но если бы маленькій баринъ былъ такъ милостивъ и добръ, какъ милостивъ и добръ и далъ бы мнѣ на что купить кафтанъ да жилетъ—жилетъ, чтобы, когда я поѣду...

Но какъ-будто при произнесеніи послѣдняго слова къ нему вернулись всѣ прежнія мысли, онъ опять зарыдалъ, при чемъ глаза его совсѣмъ выпучились, точно само біеніе его сердца выталкивало ихъ изъ орбитъ:

— О, помоги мнѣ, милый баринъ, помоги мнѣ, милый баринъ, помоги мнѣ.

Онъ схватилъ своей обезображенной рукой Іоанна за локоть — а Іоаннъ сказалъ, при чемъ едва могъ говорить слова:

— Мы поможемъ тебѣ, мы поможемъ тебѣ.

И, такъ какъ Петръ все плакалъ, прибавилъ, желая утѣшить его, — но все же стоя въ трехъ шагахъ отъ него:

— Ты слышишь, слышишь, мы все купимъ тебѣ въ Орсовѣ.

Охваченный внезапнымъ желаніемъ утѣшить, онъ продолжалъ говорить:

— Мы купимъ тебѣ и кафтанъ, и жилетъ купимъ тебѣ — сегодня въ Орсовѣ — мы поѣдемъ туда и купимъ тебѣ все.

— Сегодня, послѣ обѣда, въ Орсовѣ.

Петръ только стоялъ, понуривъ голову.

— Сегодня же послѣ обѣда мы поѣдемъ въ Орсову, — повторилъ Іоаннъ.

Горбунъ вышелъ. Онъ почти ничего не сказалъ. Только минутку постоялъ, держась о косякъ двери.

Іоаннъ же позвалъ Іосифа, и позвалъ Дмитрія, и заказалъ лодку, охваченный своего рода воодушевленіемъ отъ сознанія, что можетъ распоряжаться, какъ взрослый.

— Ты куда это собрался? — спросила Ане, сбѣжавъ внизъ въ сѣни.

— Мы ѣдемъ въ Орсову, — сказалъ Іоаннъ.

— Кто ѣдетъ? Зачѣмъ это?

Ане увидѣла, что онъ ужъ одѣбается; и вдругъ онъ сказалъ:

— Петръ ѣдетъ и я.

— Тогда я тоже поѣду. Я тоже поѣду. Тебѣ нельзя ѣздить одному.

— Тогда я тоже поѣду, — повторила она и побѣжала наверхъ, а Іоаннъ вышелъ во дворъ. Петръ уже стоялъ тамъ. Онъ былъ въ грязномъ тулупѣ, подвязанномъ веревкой. Въ такомъ видѣ онъ напоминалъ мѣшокъ съ опилками.

— Теченіе очень сильное, господинъ Іоаннъ, — сказалъ Іосифъ, ждавшій въ лодкѣ.

— Осторожнѣе, баринъ, — сказалъ Дмитрій, помогая Іоанну.

Наверху по дорогѣ бѣжала Ане. Она была одѣта для причастія въ Вейле.

— Она тоже поѣдетъ? — спросилъ Іосифъ.

— Да, — отвѣтилъ Іоаннъ.

Всѣ вошли въ лодку. Теченіе было такъ сильно, что чуть не увлекло за собою лодку. Ане сидѣла, сложивъ руки въ черныхъ перчаткахъ. Вѣтеръ скривилъ набокъ ея шляпу. Петръ не шевелился. Широкое лицо его выступало изъ грязной овчины тулупа, неподвижное, словно мертвое.

На молу было только два старика, которые сидѣли и смотрѣли на собственныя острия колѣни. Но часовые на бастионѣ обернулись и посмотрѣли имъ вслѣдъ.

Іоаннъ пошелъ рядомъ съ горбуномъ, а позади нихъ шла Ане. Вѣтеръ на рѣкѣ растрепалъ ея волосы, такъ что они пучками выбивались на лобъ изъ-подъ ея шляпы, привезенной изъ Вейле.

Петръ ковылялъ въ нѣсколькихъ шагахъ позади Іоанна. Онъ шель очень странно, какъ животное, которое ведутъ на веревкѣ. Это было уже въ переулкѣ. Вдругъ изъ одной двери выскочилъ сынъ портного, съ разинутымъ ртомъ остановился передъ Іоанномъ и передъ горбуномъ, а затѣмъ помчался по направленію къ площади, по направленію къ гауптвахтѣ.

— Смотрите, смотрите, «безъ родины» идетъ.

Это кричалъ сынъ портного.

— Галло, галло! Онъ выступилъ въ походъ со своимъ народомъ.

Два сержанта подошли къ скамь гауптвахты и начали смѣяться, а солдаты выбѣжали на улицу, засунувъ руки въ карманы, и тоже смѣялись. Одинъ сержантъ открылъ окно и такъ хохоталъ, что всѣ тряся, лежа на подоконникѣ:

— Онъ выступилъ въ походъ со своей гвардіей, — кричалъ онъ.

И солдаты, хохотавшіе такъ, что держались за бока, подхватили слова начальника:

— Посмотрите-ка: гвардія съ острова, гвардія съ острова.

Сынъ бондаря вышелъ на крыльцо и пронзительно вопилъ надъ тротуаромъ:

— Смотрите, смотрите, вонъ сумасшедшая дѣва — смотрите, смотрите, вонъ сумасшедшая и горбунъ.

— Ура, да здравствуетъ гвардія принца безъ родины.

Солдаты первые крикнули это — а затѣмъ сынъ бондаря подхрипалъ:

— Ура, да здравствуетъ гвардія принца безъ родины.

Ноги Иоанна словно не находили землю, чтобы ступить. Но онъ все-таки шелъ дальше.

Сынъ портного стрѣлою помчался имъ навстрѣчу и, размахивая фуражкой, словно флагомъ, крикнулъ прямо въ лицо Иоанну:

— Да здравствуетъ гвардія принца безъ родины.

Ане остановилась: съ съѣхавшей на бокъ шляпой и торчащими во все стороны волосами она стояла, какъ безумная, пока не бросилась на сына портного, поднимая руки и крича:

— Я тебя, паршивый мальчишка!

Но Иоаннъ схватилъ ее за руку:

— Ане, оставь.

И Ане опустила руку, и ей показалось, что Иоаннъ дрожить, какъ человѣкъ, у котораго дрожить и трепещетъ сама душа.

— Да здравствуетъ гвардія.

Они свистѣли и пѣли.

— Юссе, Юссе, — сказала Ане. Она вдругъ совсѣмъ утихла.

— Пойдемъ, Юссе. Пойдемъ.

Но они кричали и передъ ними, и за ними, и со всехъ подъѣздовъ:

— Посмотритс-ка сумасшедшую дѣву. Это его мамка, это мамка принца безъ родины.

Иоаннъ снова схватилъ Ане за руку.

— Идемъ, — сказалъ онъ.

Онъ самъ не зналъ, что слезы текли изъ его глазъ и застывали на щекахъ, такъ холодны были щеки.

— Юссе, миленькій Юссе.

— Да здравствуетъ гвардія.

Онъ сталъ смотрѣть на камни мостовой и на собственные ноги. Ему надо было итти дальше черезъ камни. Но все-таки видѣлъ — и самъ не зналъ, какимъ образомъ, всѣ окна: окна полковника, и окна коменданта, и окна Маринки, гдѣ всѣ лица смѣялись.

Вдругъ онъ повернулъ голову и въ одинъ мигъ увидѣлъ во всѣхъ окнахъ и дверяхъ—окно къ окну, дверь къ двери—всѣ эти смѣющіяся человѣческія лица, какъ кольцомъ окружали они его, а горбунъ такъ медленно шелъ сзади.

Но внезапно Иоаннъ остановился и открылъ ротъ, точно хотѣлъ крикнуть, но не крикнулъ, или же то былъ крикъ безъ звука:

— Тамъ на углу, гдѣ Симоновъ домъ, тамъ на крыльцѣ стояла жена Симона, толстая госпожа Симонъ, и Давидъ, и всѣ дѣти, дѣти жида Симона... и они кричали,— а младшіе свистѣли,— кричали:

— Посмотрите, посмотрите, вотъ онъ, безъ родины.

Они кричали громче есѣхъ.

— Посмотрите, посмотрите, принцъ безъ родины со своей гвардіей.

Жиды — Симонъ, Давидъ и всѣ жидовскія дѣти...

Иоаннъ уже, казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ больше. Нѣтъ, Ане плачетъ такъ тихо, это онъ слышалъ.

Вотъ онъ на крыльцѣ магазина готоваго платья. Молодые приказчики за прилавкомъ улыбались другъ другу въ зеркало, вѣжливо разговаривая съ покупателемъ. Иоаннъ ходилъ кругомъ среди подставокъ, гдѣ длинными рядами висѣла готовая одежда. Ане схватила его за руку.

— Иоссе, Иоссе, — сказала она. — Нельзя ли намъ остаться здѣсь, пока стемнѣетъ.

Но Иоаннъ вырвалъ свою руку.

Дверь магазина открылась; то вошелъ бѣлый офицеръ.

— Здравствуйте, графъ Иоаннъ, — сказалъ онъ и подалъ Иоанну свою узкую руку.

Когда Иоаннъ коснулся руки офицера, его плечи судорожно передернулись, и голова на минуту упала на плечо, тяжелая, словно мертвая.

Но офицеръ выпустилъ руку, — можетъ быть онъ боялся, что иначе Иоаннъ заплачетъ, — и сказалъ:

— Дайте мнѣ пару перчатокъ, — и долго выбиралъ перчатки.

— Вы идете къ лодкѣ, графъ Иоаннъ? — спросилъ онъ, когда все было куплено для горбуна.

— Да, — сказалъ Иоаннъ и вдругъ крѣпко ухватился за край прилавка, какъ раньше за бортъ лодки.

— Въ такомъ случаѣ, я васъ провожу, — сказалъ офицеръ, — это мнѣ по дорогѣ.

Они вышли.

Иоаннъ самъ не сознавалъ, что идетъ рядомъ съ офицеромъ черезъ площадь такъ прямо, какъ солдаты въ строю. Петръ шелъ сзади со своимъ большимъ узломъ, гдѣ лежала новая одежда. Ане неподвижно смотрѣла Иоанну въ спину. Среди площади Иоаннъ остановился.

— Ну, такъ прощай, Петръ, — сказалъ онъ очень внятнымъ, какъ бы заученнымъ голосомъ.

Бѣлый офицеръ посмотрѣлъ на Иоанна. (Кого это онъ мнѣ напоминаетъ? — мелькнуло въ его головѣ, и въ ту

же минуту онъ вспомнилъ молодого короля:—Да, онъ напоминаетъ его.)

— Такъ ты поѣзжай теперь. Прощай, — сказалъ Іоаннъ и взялъ руку горбуна, которой онъ раньше всегда боялся. — Прощай!

Петръ хотѣлъ что-то сказать, но Іоаннъ повернулся и пошелъ дальше; а горбунъ, стоя среди площади, едругъ замахалъ своимъ узломъ—или въ своего рода отчаяніи, или же можетъ быть отъ безконечной радости.

Солдаты у гауптвахты вытянулись и отдали честь бѣлому офицеру, который остановился около переулка, окидывая взглядомъ цѣпь головъ, виднѣвшихся во всѣхъ окнахъ.

— Прощайте, графъ Іоаннъ, — сказалъ онъ: — Я уѣзжаю отсюда.

— Куда вы ѣдете?

— Прочь отсюда.

И немного погодя бѣлый лейтенантъ сказалъ:

— Мой отецъ умеръ, и я теперь такъ богатъ, что могу бѣжать.

— Бѣжать? — повторилъ Іоаннъ, совсѣмъ не понимая его.

— Да, — сказалъ лейтенантъ, поднявъ глаза на цѣпь смѣющихся лицъ, протянувшуюся отъ дома къ дому кругомъ площади.

— Бѣжать отъ звѣрей, которые называютъ себя людьми.

— Прощайте, графъ Іоаннъ, — сказалъ онъ и невольно пожалъ Іоанну Уйгази руку, какъ какому-нибудь товарищу въ королевской лейбъ-гвардіи.

Іоаннъ сощурилъ глаза, какъ-будто напряженно стараясь понять.

— Прощайте, — сказалъ онъ затѣмъ.

— Прощайте.

Онъ не хотѣлъ бѣжать, но все-таки бѣгомъ сдѣлалъ первые шаги по переулку.

— Идемъ, Ане.

— Иду, Іоссе, иду.

Но въ одинъ мигъ, точно они выскочили изъ земли, всѣ мальчишки, вся ватага мальчишекъ очутилась на молу и хоромъ послала въ догонку лодкѣ одинъ общій пронзительный свистъ, какъ-будто то пули со свистомъ летѣли въ воду.

Іоаннъ сидѣлъ въ срединѣ лодки съ поднятымъ лицомъ. Сжатые въ кулаки руки лежали на колѣняхъ.

— Да здравствуетъ сумасшедшая мамка, да здравствуетъ сумасшедшая мамка!

Они опять засвистѣли, а Іосифъ и Дмитрій подняли весла, какъ-будто могли достать ими и ударить мальчишекъ.

— Гребите, — приказалъ Іоаннъ.

— Слушаю-съ, графъ Іоаннъ, — сказалъ Іосифъ, и они стали грести. Іосифъ никогда еще не видѣлъ у своего молодого барина такого лица.

Іоаннъ не шевелился. Онъ все время держалъ поднятымъ лицо кверху, а глаза его были раскрыты такъ широко, какъ-будто онъ хотѣлъ проникнуть взоромъ въ самую глубь небесъ.

— Гребите къ деревнѣ, — сказалъ онъ, не измѣняя направленія глазъ.

— Слушаюсь, графъ Іоаннъ, — сказалъ Іосифъ.

Крики постепенно замолкли надъ водой.

— Куда мы ѣдемъ? — захныкала Ане, лицо которой отъ страха и холода совсѣмъ раздулось, какъ-будто у нея былъ флюсъ. — Куда мы ѣдемъ?

— Ты пойдешь домой, — сказалъ Иоаннъ.

Они пристали къ деревенской пристани.

— Ступай, значить, домой, — сказалъ Иоаннъ Ане.

Она не осмѣлилась возражать.

Иоаннъ шелъ твердо съ высоко поднятой головой. Онъ прошелъ черезъ площадь и открылъ калитку церковнаго двора. Въ церкви было темно, но онъ не замѣчалъ этого, а дорогу онъ зналъ. Холодными руками, смотря святымъ прямо въ раскрашенныя лица, снималъ онъ одинъ за другимъ букеты цвѣтовъ съ мертвыхъ алтарей

Затѣмъ пошелъ домой.

— Какъ вы долго ѣздили, — сказалъ г. Кристопулосъ, который хотѣлъ посмотрѣть, станетъ ли Иоаннъ говорить обо всемъ томъ, что Ане уже рассказала.

— Да, — только и отвѣтилъ Иоаннъ и сѣлъ.

Больше онъ ничего не сказалъ. Но вдругъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на г-на Кристопулоса.

— Мы богаты? — спросилъ онъ.

Г. Кристопулосъ совсѣмъ изумился.

— Да, — сказалъ онъ, — вы богаты.

— Очень богаты? — опять спросилъ Иоаннъ.

— Да, вы очень богаты.

— Вотъ какъ, — сказалъ Иоаннъ и больше уже не разговаривалъ.

Но скоро стало лѣто. Г. Кристопулосъ уѣхалъ, а осенью Іоаннъ долженъ былъ поступить въ пансіонъ, въ пансіонъ г-на Дюпъера въ Парижѣ.

Іоаннъ ѣхалъ верхомъ рядомъ съ отцомъ. Они объѣхали островъ. Начало смеркаться, и рѣка совсѣмъ потемнѣла. Крестьяне, сидѣвшіе съ трубками на зава-linkахъ своихъ домовъ, вставали и кланялись, и ихъ кафтаны при этомъ касались земли.

А вонъ староста снялъ шапку:

— Прощайте, баринъ.

— Прощайте, Кароль.

Іоаннъ кланялся имъ всѣмъ.

Старая Марья перелѣзла черезъ свой плетень и поцѣловала у Іоанна руку.

— Прощай, Марья.

Двѣ дѣвушки стирали у рѣки, такъ что слышенъ былъ стукъ ихъ вальковъ. На крайнемъ мысу острова «Мамина мельница» медленно двигала въ темнѣющемъ вечернемъ воздухѣ своими обтянутыми парусиною крыльями.

Іоаннъ поднялъ лицо: акаціи надъ его головой благоухали такъ сладко. Въ тѣни деревьевъ слезы тихо потекли по его щекамъ.

— — — Они подѣхали къ «Старому замку» и привязали лошадей. Іоаннъ поднялся на грудь щепня у стѣны и окинулъ взглядомъ весь островъ: дома контрабандистовъ, дорогу, деревню, церковь, замокъ — до самой мельницы.

— Что это? — вдруг спросил Иоаннъ и повернулъ голову, а отецъ перегнулся черезъ стѣну:

— Смирно! — крикнулъ онъ.

— Смирно! Или здѣсь никогда не бываетъ покоя? — а пронзительные голоса продолжали кричать:

— Бей его, бей его, сербскую свинью, — и на дороге выбѣжала толпа румынскихъ парней, преслѣдуя Игната — вся толпа преслѣдовала его одного.

— Смирно! — опять крикнулъ отецъ.

Парни подняли головы и снова низко опустили ихъ, какъ-будто получивъ ударъ по шеѣ, умолкли и удалились одинъ за другимъ, потихоньку пробираясь вдоль стѣны, гдѣ стоялъ отецъ.

— Папа, — сказалъ Иоаннъ, — у Игната все лицо въ крови.

— Да, — отвѣтилъ отецъ, и сжалъ кулаки. — Здѣсь мы другъ у друга выцарапываемъ глаза, пока все не станемъ слѣпыми.

Онъ обернулся:

— Идемъ, пора домой.

Они сѣли на лошадей и поѣхали молча, пока отецъ не сказалъ, какъ-будто заканчивая длинный и тайный ходъ мыслей:

— Но теперь ты вѣдь уѣдешь отсюда?

Иоаннъ не отвѣтилъ. Его горло судорожно дрожало за высокимъ воротничкомъ.

Отецъ опять заговорилъ, смотря черезъ голову лошади:

— А во Франціи относятся привѣтливо къ чужестранцамъ.

Іоаннъ стиснулъ въ рукахъ поводья и тихо спросилъ:

— Папа, куда ты ѣздишь—зимой?

Отецъ, казалось, не слышалъ. Онъ молчалъ съ минутой. Но затѣмъ сказалъ:

— Теперь я останусь здѣсь; теперь я вернулся... назадъ... сюда.

Іоаннъ никогда не слышалъ, чтобы отецъ говорилъ съ такими запинками; онъ хотѣлъ схватить его за руку, но не сдѣлалъ этого, и рука бессильно опустилась. Но вдругъ волна крови подступила къ его горлу, и онъ сказалъ такимъ голосомъ, словно выдавливалъ каждое слово:

— Папа, почему у насъ нѣтъ родины?

Отецъ отвѣтилъ:

— Уйгази не получили родины.

Больше они не разговаривали. На крыльцѣ между колоннами они разстались.

Іоаннъ поднялся къ себѣ. Луна взошла, и свѣтъ ея падалъ въ комнату. Іоаннъ стоялъ спиной къ окну. Старая шифоньерка изъ Велье, Монастырская гора на стѣнѣ, «Сумерки» и Анино изреченіе изъ Библии, висѣвшее надъ кроватью—все такъ четко выдѣлялось въ лучахъ мѣсяца, какъ это бываетъ съ предметами, которые находятся на далекомъ разстояніи, или часто съ тѣмъ, что мы видимъ сквозь слезы.

Іоаннъ различалъ каждую вещь и каждую картину. Какъ высоки столбы Парѣенона. Тамъ теперь г. Кристопулось—на своей родинѣ.

Іоаннъ повернулся къ окну.

Какъ свѣтло на дворѣ. Только тѣни тогoley лежать

на землѣ, какъ двѣ темныя руки, протянутыя къ дому.

Іоаннъ легъ, но не спалъ. Что это за звуки? Это, должно быть, плоты сплавщиковъ. Да, конечно, они теперь спускаются по рѣкѣ, разъ луна свѣтитъ. Какой большой кажется шифоньерка при лунномъ сіяніи— вдвое больше обыкновеннаго. Когда мама была жива, во всѣхъ ящикахъ между бѣльемъ лежали маленькіе засохшіе вѣнки, маленькіе засохшіе вѣнки... Она такъ часто плакала, когда сидѣла подъ крыльями мельницы и смотрѣла на плоты сплавщиковъ, спускающіеся по теченію рѣки...

Дверь тихонько отворилась.

То была Ане.

Въ однихъ чулкахъ она тихо прошла черезъ полуоткрытую дверь въ комнату.

Но Іоаннъ, самъ не зная, зачѣмъ это дѣлаетъ—закрылъ глаза.

Онъ услышалъ, что она отошла отъ его постели, и открылъ глаза.

Ане сидѣла прямо на полу, спиной къ шифоньеркѣ. Со своими опущенными плечами, неподвижная въ яркихъ лучахъ мѣсяца, она напоминала разбитый глиняный сосудъ.

Люксембургскій садъ былъ ихъ садомъ у г-на Дюпьера.

Іоаннъ въ полдень пошелъ туда и сѣлъ подъ деревьями. Тамъ еще было тихо; голуби ворковали на каменныхъ вѣнцахъ королевъ, бѣлыя дѣти пускали ло-

дочки на краю бассейна, гдѣ свѣтило солнце, а кругомъ въ тѣни, вытянувшись въ струнку, сидѣли бонны со своими спокойными лицами.

Но постепенно группами стали появляться студенты. Они разговаривали и болтали, смѣшивая всѣ языки—и ученики англійской школы пришли, и ученики академіи. Они носили форму.

Іоаннъ сидѣлъ одинъ. Но онъ зналъ эти лица, встречая ихъ изо дня въ день.

Они разбились на пары и по двое ходили подъ деревьями, разговаривая между собой.

Эти двое—греки; Іоаннъ слышалъ, что они говорили на языкѣ г-на Кристопулоса. Онъ теперь умеръ, г. Кристопулосъ. Тамъ, дома, онъ часто говорилъ:

— Іоаннъ, греческая кровь самая красная на землѣ.

Теперь его убили въ Македоніи, онъ отдалъ свою кровь...

Столько людей умерло дома,—и Іосифъ, который былъ въ конюшнѣ, тоже умеръ. Кому-то достанутся его деньги, которыя онъ постоянно копилъ, разъ онъ такъ и не поѣхалъ домой, въ Венгрію, чтобы жениться?

Вонъ идутъ оба японца. Но принца Хиры нѣтъ съ ними. Гм... да, всѣ японцы въ очкахъ. Г. Лемэтръ говорилъ, что они носятъ очки для того, чтобы скрыть свои глаза.

Всѣ кругомъ разговаривали. Гладильщицы съ улицы L'Abbé de l'Erée прошли мимо, точно бѣлыя тучи. У нихъ были фіалки на груди. Какъ онѣ вертѣли и потряхивали головами, когда шли. Дома фіалки уже завяли на откосѣ подъ виноградными лозами.

— Іоаннъ!

Иоаннъ обернулся. Это Гаральдъ Ниссенъ позвалъ его:

— Флагъ полученъ. Онъ здѣсь.

Гаральдъ Ниссенъ размахивалъ сверткомъ, который держалъ въ рукѣ.

— Пойдемъ домой, — сказалъ онъ. — Мы повѣсимъ его.

— Хорошо, сейчасъ, — сказалъ Иоаннъ, а Гаральдъ помчался дальше, размахивая бѣлымъ сверткомъ и крича всѣмъ, кого зналъ, — а Гаральдъ Ниссенъ зналъ сотни лицъ:

— Я получилъ флагъ, — я получилъ флагъ...

— Oui, oui, le drapeau de la Norvège*).

Три-четыре студента, проходившіе мимо, услышали это. Они засмѣялись и крикнули:

— Дайте-ка посмотрѣть!

И другіе засмѣялись:

— Да, дайте посмотрѣть.

— Сейчасъ увидите, — крикнулъ Гаральдъ.

Прачки подбѣжали и еще студенты, много студентовъ:

— Мы хотимъ посмотрѣть, — восклицали они.

— Сейчасъ увидите, — крикнулъ Гаральдъ, — сейчасъ покажу...

Онъ вырвалъ флагъ изъ свертка и вскочилъ на скамейку. Обѣими руками держалъ онъ флагъ передъ собой и размахивалъ имъ на солнцѣ:

— Это норвежскій флагъ, — кричалъ онъ, величе-

*) Да, да, норвежскій флагъ.

ственно поднявъ свѣтлую, какъ лень, голову: — Вотъ норвежскій флагъ.

Студенты, дамы и дѣвушки смѣялись и кричали:

— Да здравствуетъ норвежскій флагъ... *Vive la Norvège.*

— Ура, да здравствуетъ Норвегія! — кричалъ Гаральдъ такъ, что въ ушахъ звенѣло, пока четверо молодыхъ людей не сняли его со скамейки; посадивъ его къ себѣ на плечи, они понесли его подъ каштанами, распѣвая при этомъ среди смѣха всей толпы:

— *Vive le drapeau de la Norvège.*

Но Гаральдъ соскочилъ и убѣжалъ со своимъ флагомъ.

Іоаннъ поднялся и неподвижно смотрѣлъ на развернутый флагъ. Затѣмъ наклонилъ голову и пошелъ — и прямо натолкнулся на двухъ господъ.

— Что вы, слѣпой что ли? — сказалъ одинъ изъ нихъ.

Но Іоаннъ не слышалъ, а лишь шелъ дальше. Онъ свернулъ въ аллею, гдѣ никого не было, кромѣ нѣсколькихъ рабочихъ, которые на скамейкахъ курили папиросы, выпуская голубой дымъ въ голубой воздухъ. На свѣтло-зеленыхъ лужайкахъ садовники покинули свою работу, и нѣсколько пальмъ ждали еще, въ громадныхъ бѣлыхъ кадкахъ, чтобы ихъ пересадили въ весеннюю землю.

Только одинъ единственный садовникъ еще ходилъ вокругъ группы пальмъ, мѣряя ихъ взглядомъ; онъ то приближался къ нимъ, то отступалъ, соображая, какъ будутъ падать на нихъ свѣтъ и тѣни. Онъ поклонился Іоанну. Іоаннъ началъ любить деревья. Они стояли

такъ тихо. Они встрѣчали солнце, и встрѣчали непогоду, и были тихи и безмолвны. Іоаннъ разговаривалъ съ садовниками и зналъ ихъ всѣхъ.

— Какъ здѣсь красиво, — сказалъ Іоаннъ.

— Да, — сказалъ молодой парень: — Здѣсь хорошо. Но въ Лондонѣ парки гораздо красивѣе. Да, надо было мнѣ оставаться въ Англіи. Тамъ я въ недѣлю зарабатывалъ вдвое больше, чѣмъ здѣсь...

— Такъ почему же вы не остались въ Англіи?

Молодой садовникъ постоялъ минуту:

— Не знаю ужъ почему это, — сказалъ онъ и вдругъ улыбнулся вверхъ, въ свѣтлое небо:

— Но французу хорошо только во Франціи.

Они немного помолчали. Затѣмъ Іоаннъ сказалъ:

— Теперь пальмы посадятъ въ землю.

— Да. Онѣ красивыя, но все-таки, что это за деревья... Вотъ въ Алжирѣ пальмы, такъ пальмы.

— Вы и въ Алжирѣ были? — спросилъ Іоаннъ.

— Былъ ли я? — Молодой садовникъ вдругъ заговорилъ, точно хлопая бичомъ, очень гордясь, какъ всякій парижанинъ, выдавшій чужія страны:

— Еще бы! Я тамъ былъ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ.

— Какъ долго.

Садовникъ стоялъ и смотрѣлъ на пальмы:

— А все-таки никогда не надо пересаживать такія деревья изъ родной земли, — сказалъ онъ. — Гдѣ чья родина, тамъ тому и надо оставаться.

— Это правда, — сказалъ Іоаннъ, и молодой садовникъ вдругъ поднялъ глаза, — что-то въ тонѣ этихъ словъ поразило его, — и спросилъ:

— А какія деревья растутъ на вашей родинѣ, баринъ?

— Моя родина, — сказалъ Іоаннъ, — моя родина далеко отсюда.

Садовникъ снова поклонился:

— До свиданія.

— До свиданія, monsieur, — сказалъ онъ.

Іоаннъ вышелъ изъ воротъ, пересѣкъ улицу и вошелъ въ пансіонъ. Классныя комнаты были пусты, а каменные лѣстницы были еще холодныя отъ долгой зимней стужи.

Дверь въ приѣмную была открыта, и онъ увидѣлъ Іосифа Апоньи, сидящаго передъ дамой, длинный сѣрый шлейфъ которой волочился по полу.

Гаральдъ Ниссенъ стоялъ на слѣдующей площадкѣ лѣстницы.

— Гдѣ ты пропадалъ? — сказалъ онъ. — Мы сейчасъ повѣсимъ флагъ. Онъ будетъ висѣть надъ моею кроватью.

— Этого ты не долженъ дѣлать, — сказалъ Іоаннъ.

— Изъ-за кого это?

Іоаннъ пробѣжалъ мимо комнатъ учениковъ:

— Изъ-за г-на Дюпьера.

— Ерунда, — сказалъ Гаральдъ. — Флагъ будетъ висѣть тамъ.

Онъ открылъ одну изъ дверей:

— Гольстейнъ, Гольстейнъ! — крикнулъ онъ. — Мы сейчасъ повѣсимъ флагъ.

— Какой флагъ? — спросилъ Гольстейнъ, появляясь въ дверяхъ. У него была манера двигать туловищемъ, какъ-будто онъ всегда вытягивался.

— Норвежскій.

— Настоящій?

— Молчи. — Гаральдъ Ниссенъ уже былъ въ комна-
тѣ и вскочилъ на свою кровать.

— Вотъ здѣсь онъ будетъ висѣть, — сказалъ онъ и
обѣими руками развернулъ полотнище флага на бѣ-
лой стѣнѣ.

— У тебя нѣтъ гвоздей, — поддразнилъ Гольстейнъ,
балансируя на одной изъ колонокъ кровати, какъ на
верхушкѣ столба. Но Иоаннъ принесъ гвозди.

— Вотъ гвозди, — сказалъ онъ, говоря какъ-то осо-
бенно тихо.

— Спасибо.

— Помоги мнѣ, — сказалъ Гаральдъ, вбивая гвозди
въ флагъ. — Подержи его.

Иоаннъ всталъ на кровать. Онъ ухватилъ флагъ такъ
крѣпко, словно когтями.

— А флагъ красивый, — сказала Гольстейнъ со стол-
ба, на которомъ качался.

— Этотъ флагъ, — промолвилъ Гаральдъ, забывая
гвозди, — самый красивый на всей землѣ.

— Такъ, теперь онъ виситъ? — Гаральдъ соскочилъ
и посмотрѣлъ на развернутое полотно:

— У нашихъ писателей у всѣхъ надъ постелью ви-
ситъ флагъ.

— Ну-у, ваши писатели, — сказала Гольстейнъ, со-
скакивая съ размаху на постель, гдѣ и остался лежать
на спинѣ, — для меня они слишкомъ туманны.

— Норвежскіе писатели—величайшіе писатели на
семь свѣтѣ, — сказалъ Гаральдъ, стуча каблукомъ о
кровать, на которой сидѣлъ.

— Гм,—промолвилъ Гольстейнъ, лежа враспяжку:— Мы, датчане, Иоаннъ, мы не хвастаемъ такъ...

Вспыльчиво, наполовину движимый бессознательной завистью, которую всѣ они чувствовали по отношенію къ Иоанну, Гаральдъ крикнулъ:

— Иоаннъ не датчанинъ.

— Его мать была датчанка, — возразилъ Гольстейнъ.

— Половинной родины не бываетъ, — сказалъ Гаральдъ и легъ на кровать, какъ Гольстейнъ. Иоаннъ не говорилъ и не шевелился, сидя въ ногахъ на постели Гаральда, гдѣ отвѣтъ чужого флага темнымъ багрянцемъ падалъ на его лицо. Вдругъ онъ спросилъ, какъ-будто не слышалъ послѣднихъ фразъ:

— Но почему они не живутъ на своей родинѣ?

— Кто? — спросилъ Гаральдъ.

— Ваши писатели.

Гаральдъ сложилъ губы сердечкомъ, какъ это дѣлалъ всегда, когда говорилъ о своемъ отцѣ, великомъ художникѣ:

— Папа говорить, что лучше всего творишь, когда тоскуешь. Поэтому всѣ наши, имѣющіе какую-нибудь цѣнность, живутъ за границей.

Иоаннъ уперся сложенными руками въ колѣни, а Гольстейнъ внезапно повернулъ голову (когда онъ не дремалъ, онъ безпрестанно поворачивалъ лицо то направо, то налево, какъ-будто въ одну минуту надо было разглядѣть сто двадцать вещей), и сказалъ:

— Какія у Иоанна красивыя руки.

Гаральдъ скорчилъ гримасу:

— Одинъ чортъ знаетъ, что ты только не найдешь красивымъ у Иоанна.

— Болтай больше, — сказалъ Гольстейнъ.

Но Гаральдъ сказалъ медленно:

— Впрочемъ, папа тоже говоритъ, что у Иоанна какія-то удивительныя руки. Онъ иногда вдругъ стискиваетъ ихъ, говоритъ папа, какъ-будто ему гдѣ-то больно.

Гольстейнъ быстро повернулъ лицо

— Это и правда. — И, снова повернувъ лицо въ другую сторону, поднялъ вверхъ свои собственныя лапы — бѣлыя, но слишкомъ большія:

— У всѣхъ нашихъ помѣщиковъ мужицкія руки.

Онъ коротко засмѣялся и, вернувшись внезапно къ разговору о писателяхъ — мысли его всегда перескакивали съ предмета на предметъ, какъ кузнечики — сказалъ:

— Если они не живутъ дома, то главнымъ образомъ потому, что Христіанія ужасный медвѣжій уголокъ.

— Погоди, ты никогда не былъ тамъ...

— Нѣтъ, слава те Господи, не бывалъ.

Иоаннъ сказалъ, смотря прямо передъ собой:

— Зимой вся страна тамъ бѣлая.

Гольстейнъ немного полежалъ, болтая своими упругими, прямыми ногами. Затѣмъ сказалъ:

— Да, каждый больше всего любитъ свою страну.

— Разумѣется, — сказалъ Гаральдъ такимъ тономъ, какъ-будто заключалъ миръ.

Всѣ помолчали. Гаральдъ и Эрикъ лежали, уставившись въ потолокъ. Тѣни высокихъ деревьевъ бульвара наполняли комнату зеленоватымъ сумракомъ, въ которомъ свѣтились лишь яркія краски флага, а лица казались совсѣмъ блѣдными.

Гаральдъ заговорилъ вполголоса:

— Но нигдѣ не бываетъ столько флаговъ, какъ въ Бергенѣ — семнадцатаго мая.

Глаза Эрика казались большими и синими, какъ фіалки, на поднятомъ кверху бѣломъ лицѣ, въ то время какъ онъ говорилъ:

— И у насъ въ имѣніи хорошо лѣтомъ, когда мы выѣзжаемъ на яхтѣ, а матросы спускаютъ флагъ въ ту минуту, когда солнце заходитъ, и всѣ мы снимаемъ фуражки, потому что «графъ» этого требуетъ... Впереди виднѣется островъ Тоссингъ, и все такъ тихо, тихо, въ то время какъ флагъ спускается... Это очень славно...

Эрикъ замолчалъ, и снова стало тихо, Іоаннъ же опустилъ голову.

По дому пронесся рѣзкій звонъ колокольчика и со словами «уже» Гаральдъ вскочилъ съ постели.

— Сегодня у насъ въ наказаніе дополнительный урокъ по-нѣмецкому, — сказалъ онъ.

— Когда? — спросилъ Гольстейнъ, продолжая лежать.

— Безъ четверти девять — съ практическими упражненіями, — сказалъ Гаральдъ, стоя уже въ дверяхъ. Но тамъ онъ обернулся:

— Нѣтъ, онъ очень хорошо виситъ, — и кивнулъ въ сторону флага, прежде чѣмъ убѣжалъ.

— Тебѣ сегодня на урокъ музыки? — спросилъ Гольстейнъ, стоя и потряхивая ногами, чтобы распрямить ихъ.

— Нѣтъ, завтра, — отвѣтилъ Іоаннъ.

Гольстейнъ стоялъ, засунувъ руки въ карманы:

— Если мы всѣ начнемъ развѣшивать флаги надъ

кроватями, каждый свою тряпку, такъ выйдетъ не комната, а пестрая палатка.

— До свиданія, — сказалъ онъ.

И вышелъ.

Иоаннъ стоялъ одинъ въ пустой комнатѣ. И вдругъ онъ поднялъ обѣ руки, протягивая ихъ къ безмолвнымъ стѣнамъ; пока руки снова не упали вдоль его тѣла — внезапно.

Онъ вышелъ въ коридоръ. Дверь въ комнату принца Хиры была открыта. Молодой индусъ сидѣлъ, прислонившись головой къ стѣнѣ, и неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ на зеленыя деревья.

— Хира, — сказалъ Иоаннъ. — Звонокъ былъ.

Индусъ повернулъ лицо, въ которомъ ни одна черта не измѣнилась.

— Звонокъ былъ, Хира, — повторилъ Иоаннъ и взялъ его за руки, которыя всегда были холодны.

И какъ-будто при прикосновеніи къ этой зябнущей рукѣ другого человека его собственная грусть вдругъ готова была перелиться черезъ край, Иоаннъ на мгновеніе прислонился головой къ плечу азіата.

— Спасибо, — сказалъ Хира, устремивъ на него свои темные глаза.

Иоаннъ спустился по лѣстницѣ, чтобы итти въ классъ. Въ передней стояла молодая дама. Это она сегодня была у Юсифа Апоньи. Она повернулась къ Иоанну и спросила по-французски:

— Сейчасъ, вѣроятно, начинаются классы?

А Иоаннъ, услышавъ по ея произношенію, что она мадьярка, отвѣтилъ по-венгерски:

— Да, сударыня, сейчасъ начинаются классы.

Дама улыбнулась:

— Вы венгерець? — спросила она.

— Да.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и быстро спросила:

— Изъ какой части Венгрии?

— Изъ южной части Венгрии, — отвѣтилъ Іоаннъ съ легкой запинкой.

Іосифъ Апоньи, который вышелъ позвать экипажъ своей кухни, показался въ дверяхъ, и Іоаннъ поклонился на прощанье:

— Прощайте, сударыня.

Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, всего на пять или на шесть, когда услышалъ, что Іосифъ Апоньи громко говорить:

— Онъ разговаривалъ съ тобой?

— Я спросила этого молодого человѣка кой о чемъ... онъ венгерець.

Но Іосифъ снова сказалъ еще громче — Іоаннъ безпомощно протянулъ впередъ руки:

— Онъ не венгерець. Это Уйгази съ «Острова проклятыхъ».

Оба подошли къ дверямъ, и голосовъ ихъ не стало слышно.

Іоаннъ уперся ладонью вытянутой руки въ холодную каменную стѣну, точно у него кружилась голова и онъ боялся упасть; сердце стучало въ его груди, какъ холодный, тяжелый камень, а по временамъ останавливалось, какъ-будто должно было остановиться разъ навсегда.

— Не венгерець — это Уйгази съ «Острова проклятыхъ».

Глаза Иоанна потемнѣли, какъ-будто опаленные огнемъ, жгучей боли; совсѣмъ безжизненными стали его глаза, пучкомъ нервовъ, мертвымъ пучкомъ нервовъ, какъ у слѣпого — въ то время какъ онъ все снова и снова вспоминалъ тотъ день, когда Апоньи пріѣхалъ въ пансіонъ и г. Дюпьеръ въ своемъ черномъ сюртукѣ сказалъ ему, остановившись передъ Иоанномъ:

— А вотъ и вашъ соотечественникъ, графъ Апоньи — это графъ Уйгази.

А Иосифъ Апоньи, знавшій, кто онъ такой и что онъ здѣсь, едва раскрылъ толстыя губы, когда отвѣтилъ:

— Уйгази? Вы ошибаетесь, monsieur, онъ не мадьяръ и не мой соотечественникъ.

Раздались чьи-то шаги. Это возвращался Иосифъ Апоньи. Иоаннъ въ одну секунду подскочилъ къ нему и въ неистовой ярости началъ кулаками наносить ему удары — по подбородку, по шеѣ и снова по подбородку.

— Мерзавецъ, мерзавецъ, мерзавецъ, — кричалъ онъ и ударилъ его еще нѣсколько разъ, — а затѣмъ оставилъ и ушелъ въ классъ. Иосифъ же Апоньи даже не подумалъ защищаться.

— Вы опоздали, — сказалъ учитель, когда Иоаннъ вошелъ въ классъ.

— Да, — отвѣтилъ Иоаннъ, садясь на свое мѣсто.

— Гдѣ Апоньи? — спросилъ учитель.

— У него гостя, — сказалъ Гаральдъ.

Учитель опустилъ глаза на свою книгу:

— Эта школа, повидимому, существуетъ не для того, чтобы ученики научились чему-нибудь.

— Нѣтъ, — пробурчалъ Гольстейнъ, — она существуетъ для того, чтобы г. Дюпьеръ заработалъ что-нибудь.

Иосифъ Апоньи не пришелъ...

— Почему ты не играешь? — спросилъ Гольстейнъ по окончаніи классовъ, входя въ комнату, предназначенную для уроковъ музыки.

Иоаннъ, стоявшій у окна, не обернулся.

— Сыграй что-нибудь свое, — не отставалъ Гольстейнъ и сѣлъ за рояль.

Иоаннъ взялъ скрипку. Онъ самъ не сознавалъ, что играетъ Ганнины пѣсни, между тѣмъ какъ Гольстейнъ по обыкновенію акомпанировалъ ему, беря аккорды своими широкими руками.

— Гдѣ Апоньи? — спросилъ Гольстейнъ, не переставая акомпанировать.

— Не знаю.

— Онъ былъ наверху у директора, а потомъ ушелъ, — сказалъ Гольстейнъ, продолжая играть.

Иоаннъ не отвѣтилъ. Мотивъ измѣнился. То была одна изъ маминыхъ пѣсенъ, которая раздавалась теперь — издалека и тихо.

— Да, сыграй ихъ, — сказалъ Гольстейнъ и прибавилъ, самъ не понимая, почему его мысли все возвращались къ Иосифу Апоньи:

— Апоньи ужасный хвастунъ.

Въ третій разъ слышалъ Иоаннъ имя Апоньи, и всякій разъ при этомъ ему точно булавку вонзали подъ ногти. Онъ самъ не сознавалъ, что играетъ все одну и ту же пѣсню, но игралъ ее все бурнѣе, все рѣзче и

отрывистѣе, какъ-буд о пѣсня хотѣла прорвать границы собственной мелодіи — подѣ гнетомъ страданія или въ пылу дерзкой отваги.

Гольстейнъ поднялъ глаза. Музыка и видъ женщинъ зажигали въ самой глубинѣ его зрачковъ одинаковый огонекъ почти что безумія.

Иоаннъ стремительно продолжалъ играть пѣсни матери. Онъ какъ-будто швырялъ ихъ отъ себя, какъ лодочникъ швыряетъ балластъ черезъ бортъ своего суденышка.

Гольстейнъ акомпанировалъ ему, при чемъ звуки пѣсни вызвали на его лицѣ судорожныя подергиванія, и сказалъ своимъ обычнымъ, удивительно невнятнымъ голосомъ — что происходило или отъ лѣни, или отъ постоянного скрытаго возбужденія:

— Ты играешь датскія пѣсни, но играешь ихъ какъ цыганъ.

Иоаннъ вдругъ остановился на такой рѣзкой нотѣ, что казалось, будто онъ порвалъ струны.

— Ты находишь? — сказалъ онъ и отвернулся.

Но Гольстейнъ, продолжая брать аккорды, сказалъ, вспомнивъ опять о флагѣ Гаральда и о разговорѣ въ спальнѣ:

— Норвежцы всегда такъ кричатъ о своей «Норвегіи».

Иоаннъ молчалъ, и Гольстейнъ замѣтилъ:

— Собственно говоря, ты могъ бы сдѣлаться датскимъ подданнымъ.

— Датскимъ подданнымъ?

— Ну дѣ, — отвѣтилъ Гольстейнъ, не переставая играть, — это можно устроить. Вѣдь Данія почти что твоя родина.

Іоаннъ, стоя спиной къ нему, вдругъ согнулъ свой смычокъ, какъ пруть.

— Но «графа» за тобой вѣроятно не признають. Потому что твое графство венгерское.

Гольстейнъ снова помолчалъ и вдругъ ударилъ своими толстыми руками по клавишамъ:

— Ну, а впрочемъ, о родинѣ разговариваютъ. Но вѣдь, право, не въ ней суть.

— Ты куда? — спросилъ онъ, и слова чуть не застряли у него въ горлѣ, когда онъ увидѣлъ лицо Іоанна.

— Къ себѣ, — отвѣтилъ Іоаннъ и вышелъ.

Гаральдъ пробѣжалъ мимо него въ коридоръ:

— Гдѣ, чортъ возьми, Апоньи? — крикнулъ онъ и побѣжалъ дальше.

Іоаннъ прошелъ черезъ вестибюль, вышелъ на улицу и направился въ Люксембургскій садъ. Въ аллеяхъ было пусто, одиноко стояли тамъ королевы Франціи. Іоаннъ подъ каштанами направился къ фонтану Маріи Медичи.

Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ Хиру, который сидѣлъ на каменномъ краю бассейна. Его шляпа лежала передъ нимъ на землѣ.

Индусъ поздоровался, медленно наклонивъ свою юношескую голову — онъ всегда кланялся очень медленно, какъ-будто привѣтствуя подданныхъ.

Молча сидѣли они въ зеленомъ полумракѣ надъ водой фонтана.

— Почему ты всегда сидишь здѣсь, Хира? — тихо спросилъ Іоаннъ.

Индусъ не сразу отвѣтилъ:

— Здѣсь темно и мѣсто это древнее. Какъ въ нашихъ лѣсахъ.

Онъ снова замолчалъ, и они слушали журчаніе фонтана.

— Хира, — сказалъ Іоаннъ, — зачѣмъ ты уѣхалъ такъ далеко, разъ ты такъ тоскуешь?.

Индусъ повернулъ лицо:

— Уѣхалъ такъ далеко? — повторилъ онъ. — Потому что я долженъ былъ уѣхать.

— Долженъ былъ?

— Да?

Они снова замолчали, пока Іоаннъ не наклонился впередъ на каменномъ сидѣніи:

— Хира, почему ты никогда ничего не говоришь? Ты чахнешь и сгораешь, оттого что всегда молчишь.

Индусъ ничего не отвѣтилъ и лишь смотрѣлъ на пѣнящуюся воду.

— Со мной ты могъ бы говорить, — шепнулъ Іоаннъ: — Я здѣсь болѣе чужой, чѣмъ ты.

Глаза индуса повернулись къ нему быстрее, чѣмъ обыкновенно:

— Да, — сказалъ онъ, — почему ты одинъ желтый среди бѣлыхъ?

Іоаннъ широко раскрылъ глаза, но тутъ же снова полузакрылъ ихъ.

— Да, — сказалъ онъ, — вѣрно. Желтый среди бѣлыхъ.

Молодой принцъ заговорилъ, внимательно смотря на Іоанна:

— Почему я долженъ былъ?... Мы не сами ѣдемъ. Братство посылаетъ насъ. Нѣтъ такого мѣста, нѣтъ та-

кого уголка въ азіатской землѣ, откуда бы мы не пріѣзжали. Братство посылаетъ насъ, а мы слушаемся.

Іоаннъ покачалъ головой и сказалъ:

— Я не понимаю тебя.

Индусъ вдругъ засмѣялся — короткимъ смѣхомъ, какъ его научила смѣяться Европа:

— Да, — сказалъ онъ. — Вы этого не понимаете.

— Но, — продолжалъ онъ, и ноздри его расширились и затрепетали, — настанетъ день, когда вы поймете и когда будетъ слишкомъ поздно.

— Братство? — сказалъ Іоаннъ. — Что это значитъ и гдѣ оно?

— На нашей родинѣ, — сказалъ индусъ.

Онъ поднялъ лицо, напоминавшее въ эту минуту тѣ бронзовыя лица, которыя вычеканены на древнихъ монетахъ.

— Индія, — сказалъ онъ, — это лишь мой родной край. Родина же моя Азія.

— Азія?

Индусъ не слышалъ этого. Уставившись на сверкающую струю фонтана, онъ медленно заговорилъ, при чемъ губы его дугою изогнулись надъ бѣлыми зубами:

— Мы были древни. Только Богъ древнѣе насъ. Равнодушно, какъ равнодушны старики, смотрѣли мы на бѣлыхъ муравьевъ, и не шевелились. Потому что тысячелѣтія долги, а нашъ день еще не насталъ. Наши поля отняли у насъ бѣлые, на порогахъ храмовъ глумились они надъ долготерпѣливымъ Богомъ Азіи, и на плечи наши наложили желѣзное ярмо. Но мы не шевелились. И за льбами они охотились въ нашихъ лѣсахъ, и ловили и истребляли нашихъ слоновъ; но и

эта кровь не побуждала насъ дѣйствовать; хотя она была намъ священна. Пока не насталь день.

— День?

Индусъ заговорилъ быстрѣе, странно бормоча слова, какъ-будто произнося глухія и стонущія угрозы:

— У васъ нѣтъ глазъ, чтобы видѣть, и ушей, чтобы слышать. Но кедръ говорятъ, и братство собирается вокругъ ихъ стволовъ, и миллионы сжимаютъ въ кулаки простертая къ небу руки и поднимаютъ ихъ для клятвы. Почему я долженъ былъ? Братство посылаетъ насъ; чтобы мы обворовали васъ. Кровавыми руками отняли вы наши царства, наши поля отняли вы и нашу землю. И рѣки, которыя мы любили, должны стонать подъ тяжестью вашихъ суетныхъ ношъ. Теперь мы воруюемъ у васъ ваши науки и искусства, вашими шлифованными стеклами закрываемъ мы наши глаза, чтобы вы не видѣли взгляда косоглазыхъ, устремленнаго на васъ. Почему я долженъ былъ? Насъ тысячи и десятки тысячъ и всѣ мы посланцы Азіи. Бѣлые украли у насъ все; только Бога оставили они въ храмахъ. Потому что онъ слишкомъ древенъ. Теперь Азія воръ, вышедшій на работу. А бѣлые даютъ солнцу всходить надъ своей суетностью и не видятъ знаковъ, начерченныхъ на стѣнѣ.

Іоаннъ поблѣднѣлъ:

— Хира, — сказалъ онъ, — чего же хочетъ твоя Азія?

Индусъ тряхнулъ головой, и темные волосы поднялись надъ лбомъ, какъ желѣзная корона:

— Вашъ Богъ предвидѣлъ это. Въ вашихъ священныхъ книгахъ я прочелъ, что онъ зналъ это. Бѣдствіе возвѣстилъ онъ вамъ съ горъ и времена, когда помер-

кнетъ солнце. Но глаза слезились у вашего Бога, и все-таки онъ не зналъ ужасовъ того дня. Ибо рѣки понесутъ кровавую пѣну, трупы поплывутъ по вашимъ морямъ, и вашъ болтливый Богъ отъ ужаса закроетъ свои дрожащія уста. Бѣлыя ноги окоченѣютъ на мерзнувшей землѣ, ваши очаги мы потушимъ, какъ маленькія свѣчки, и все созданное вами сгоритъ, какъ щепка на кострѣ.

Индусъ помолчалъ. Легкая пѣна выступила на его зубахъ:

— Вашъ Богъ зналъ это. Но вы не слушали его. А теперь вороны будутъ каркать надъ вашими полями, и стѣнъ не останется больше, а всѣ онѣ превратятся въ кучи обломковъ.

Принцъ Хира умолкъ, а Иоаннъ не осмѣлился заговорить. Но наконецъ сказалъ:

— И ты увѣренъ, что вы побѣдите?

Индусъ отвѣтилъ:

— Мужчины всегда побѣждаютъ. А развѣ бѣлые — мужчины? У васъ въ жилахъ женщины, которыя выжидаютъ вашу кровь.

— А у васъ? — спросилъ Иоаннъ.

Принцъ Хира отвѣтилъ:

— У насъ много женъ, чтобы одна не опустошила нашего сердца. У васъ сердца слишкомъ низко сидятъ въ груди. Поэтому мы побѣдимъ.

Иоаннъ спросилъ, но не тотчасъ:

— И ты думаешь, что доживешь до этого?

— Моя родина доживетъ до этого, — отвѣтилъ Хира.

— Азія, — сказалъ Иоаннъ.

— Да.

Иоанну казалось, что у него голова кружится и что вся кровь отхлынула отъ его сердца:

— И объ этомъ ты все думаешь, Хира, — сказалъ онъ.

— Да, объ этомъ мы думаемъ.

Иоаннъ поднялся.

— А ты, о чемъ ты думаешь? — спросилъ Хира и поднялъ взоръ на бѣлаго.

Смущенный этимъ внезапнымъ вопросомъ и почти не сознавая, что говорить, Иоаннъ отвѣтилъ:

— Я? о пустякахъ.

Молодой индусъ улыбнулся улыбкой, которую Иоаннъ не замѣтилъ:

А Иоаннъ спросилъ; найдя въ этомъ вопросѣ какъ бы опору въ своемъ замѣшательствѣ:

— Но когда вы побѣдите — что тогда будетъ?

Индусъ смотрѣлъ на зеленый лиственный сводъ:

— Тогда станетъ тихо, — сказалъ онъ. — И Богу будетъ спокойно въ храмахъ. Вы мѣшали намъ думать. Тогда вы больше не будете мѣшать намъ.

Но Иоаннъ сказалъ:

— Но послѣ... что же случится тогда?

Хира улыбнулся:

— Какой ты «бѣлый», Иоаннъ. Ничего не случится. Кратковременное погибнетъ.

— Ты домой? — сказалъ онъ, видя, что Иоаннъ повернулся.

— Да, — сказалъ Иоаннъ, а индусъ наклонилъ голову, какъ раньше.

Вдругъ Хира позвалъ:

— Иоаннъ, Иоаннъ.

— Что тебѣ?

Индусъ всталъ и взялъ Іоанна Уйгази за руки:

— Я сказалъ. Почему ты не хочешь говорить? Можеть быть азіатъ пойметъ тебя.

Іоаннъ, закрыль вѣки надъ двумя слезами и выпустилъ узкія и желтыя руки индуса.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — и ты не поймешь.

И ушелъ.

Когда Іоаннъ вернулся домой и вошелъ въ столовую, всѣ пансіонеры уже сидѣли за столомъ. Іоаннъ сѣлъ на свое мѣсто рядомъ съ Эрикомъ Гольстейномъ. Эрикъ сидѣлъ и вертѣлъ головой:

— Гдѣ Апоньи? — сказалъ онъ и посмотрѣлъ на пустой приборъ Іосифа, продолжая вертѣть головой, словно его укусилъ оводъ.

— А Хира? гдѣ Хира? — сказалъ онъ.

— Принцъ Хира сейчасъ придетъ, — отвѣтили Іоаннъ, самъ не сознавая, что поставилъ слово «принцъ» передъ именемъ товарища.

Азіаты всегда опаздываютъ, — сказалъ Эрикъ, растопыривая ноги.

Іоаннъ вдругъ засмѣялся.

— Ты надъ чѣмъ это, чортъ возьми, смѣешься? — вскипѣлъ Гольстейнъ.

— Надъ тобой, — сказалъ Іоаннъ и сразу сталъ серьезнымъ.

— Вотъ какъ? Такъ ты пожалуй можешь мнѣ сказать, о чемъ Хира думаетъ, когда сидитъ и тарачить глаза?

— Онъ можеть быть думаетъ о будущемъ, — сказалъ

Иоаннъ и, говоря это, вдругъ поблѣднѣлъ, точно отъ озноба — совсѣмъ какъ раньше у фонтана.

— Ну, объ этомъ мы пожалуй всѣ думаемъ, — сказала Эрикъ.

— А что ты думаешь о будущемъ? — спросилъ Иоаннъ.

Эрикъ Гольстейнъ немного помолчалъ:

— Я часто думаю, на комъ это я женюсь.

Иоаннъ снова засмѣялся и сказалъ:

— Какой ты «бѣлый»?

— Я датчанинъ, — сказалъ Гольстейнъ и опять принялся за ѣду.

— Вотъ и Хира, — сказалъ онъ, когда индусъ вошелъ въ столовую.

— Но гдѣ же Апоньи? — продолжалъ онъ и снова посмотрѣлъ на мѣсто Иосифа, гдѣ богемскій стаканъ Апоньи сверкалъ вдѣланными въ него гранатами:

— У, какой большой, красивый стаканъ, — съ гримасой сказалъ онъ.

Но они уже ѣли пирожное и фрукты, а Апоньи все не появлялся.

Когда они поднялись навѣрхъ въ классную, Апоньи стоялъ тамъ. Онъ былъ въ смокингъ и затянутъ въ черный шелковый жилетъ, словно будапештскій кавалерійскій лейтенантъ въ свою форму. Подбородокъ у него распухъ.

— Ты что это, ударился? — спросилъ Гольстейнъ, когда они усаживались на мѣста.

Иосифъ Апоньи не отвѣтилъ.

Вошелъ учитель, лейтенантъ запаса изъ Рейнской провинціи, длинный и бѣлокурый, лишь недавно за-

нявшій мѣсто преподавателя и разговаривавшій съ классомъ, точно командуя батальономъ.

Молодые люди отвѣчали, едва шевеля губами.

— Говорите громче, господа.

Молодые люди заговорили еще невнятіѣ.

— Графъ Гольштейнъ не исправился.

— Нѣтъ, еще бы, Господи, — по-датски сказалъ Гольштейнъ.

Учитель перескакивалъ со своими вопросами отъ одного къ другому. Всѣ отвѣчали неправильно съ тѣми же самыми неподвижными лицами.

— Вы, господа, видно желаете получить еще одинъ лишній урокъ въ наказаніе, — пригрозилъ лейтенантъ батальону.

— Хоть шесть, — очень громко сказалъ баронъ Альбутери среди класса.

Всѣ захохотали.

У учителя зрачки поблѣзли.

— Смирно, — сказалъ онъ.

Началась «бесѣда» на нѣмецкомъ языкѣ.

Онъ обратился съ вопросомъ къ Іоанну:

— Ну вотъ вы, — сказалъ онъ, — расскажите намъ что-нибудь...

Іосифъ Апоньи поднялся и прошелъ черезъ классъ. Засунувъ руки въ карманы, онъ уставился Іоанну прямо въ лицо.

— О... о... народонаселеніи вашей родины? Напримѣръ, плотность его.

Індусъ поднялъ глаза и переводилъ ихъ съ Апоньи на Іоанна.

Іоаннъ раскрылъ ротъ, чтобы отвѣтить.

Но Апоньи снова засмѣялся, прямо передъ нимъ — въ пяти шагахъ отъ него.

Съ запинкой, ошибаясь въ словахъ въ своемъ скры томъ гнѣвѣ, Иоаннъ пробормоталъ:

— Ich habe die Kenotnissen nicht *)....

И снова услышалъ, что Апоньи смѣется — видѣть его онъ не могъ, потому что желтые круги мелькали у него передъ глазами.

— Kenntnisse, — крикнулъ лейтенантъ: — Что вы, даже своего родного языка не знаете?

Апоньи снова засмѣялся и вдругъ сказалъ быстро, точно нанося ударъ шпагой:

— Родной языкъ? Нѣмецкій языкъ ему тоже не родной языкъ.

И, выхвативъ внезапно обѣ руки изъ кармана и поднявъ ихъ, какъ дѣлаютъ магнаты, когда кричатъ свое «E!jen» (ура), онъ сказалъ:

— У Уйгази нѣтъ родного языка.

— Scheint so *), — сказалъ лейтенантъ.

Иоаннъ не понялъ.

— Графъ Апоньи, — сказалъ учитель. — Возьмите вы эту тему.

Иоаннъ услышалъ, что Апоньи заговорилъ; и очнувшись, понимая и понявъ все, онъ въ одинъ мигъ увидѣлъ передъ собой всю свою жизнь, — ясно и отчетливо пронеслась она передъ нимъ, какъ картины, скользящія по полотну и сливающимся въ одно цѣлое:

Вотъ мама и Ане. Онѣ сидятъ въ сумеркахъ. «Что

*) Я не обладаю этими свѣдѣнiями.

**) Похоже на то.

онъ говорить? Что онъ говорить?» спрашиваетъ Ане и не понимаетъ его. И Ганна, бѣлая, съ отекившими глазами, обнимаетъ его за голову и говоритъ: «Я не понимаю этого» — когда онъ старается говорить по-сербски. И мадмуазель кричитъ черезъ плечо, въ то время какъ онъ бѣжитъ по краю межевого рева:

— Говори такъ, чтобы тебя понимали. — И г. Кристопулосъ поднимаетъ глаза съ книги: «Ты по-венгерски говоришь? Говори по-английски, чтобы я могъ тебя понять». И Маринка смѣялась надъ нимъ: «Господи, какъ онъ говорить по-русински!» говорила она. Румыны хохотали, обнявъ другъ друга за шею, когда Іоаннъ толковалъ имъ, толковалъ по-румынски. И Іосифъ хохоталъ, упершись руками въ бокъ: «Какой ты венгерець, когда ты такъ говоришь». И въ магазинѣ смѣялись, и всѣ въ Орсовѣ смѣялись, и смѣялись, когда онъ говорилъ по-сербски.... всѣ, всѣ смѣялись въ одинъ рядъ, лицо къ лицу, ротъ ко рту, зубы къ зубамъ... Потому что ихъ языкъ не былъ его языкомъ.

Они смѣялись, повара и Іосифъ, и Маринка, сербы и румыны, и русины, и староста со своей шапкой. И Ане, и ея мать.

Потому что онъ не зналъ ихъ языка.

У него не было никакого языка.

Онъ не сознавалъ, что все еще стоитъ. Онъ не слышалъ, что три раза было сказано:

— Профессоръ Дюпьеръ желаетъ послѣ уроковъ поговорить съ графомъ Уйгази.

Но, услышавъ это въ четвертый разъ, направился къ дверямъ, а учитель крикнулъ:

— Послѣ уроковъ. Оглохли вы, что ли?

Онъ вернулся на свое мѣсто; но въ немъ было не больше сознанія того, что онъ дѣлаетъ, чѣмъ въ лягушкѣ, которая прыгаетъ послѣ того, какъ ей отрѣзали голову.

— Безъ языка.

— У него не было родного языка.

И вдругъ онъ молитвенно сложилъ руки, сидя на своемъ мѣстѣ, и самъ не зналъ, что сдѣлалъ это. И самъ не сознавая того, искалъ, искалъ Бога... Бога — того Бога, котораго онъ забылъ...

Вдругъ онъ увидѣлъ передъ собой церковь — тамъ, дома — и себя самого. Въ тотъ день. Въ тотъ день, когда у него отняли родину. Онъ молился тогда, молился и молился — на всѣхъ языкахъ, которые зналъ...

А Богъ не услышалъ его, потому что онъ былъ проклятъ.

Проклятъ и потому безъ родины.

И Богъ, вѣроятно, отнялъ у него также и языкъ, чтобы ни одна изъ его молитвъ не доходила до Него.

Родного языка у него тоже не было....

Эрикъ два раза подтолкнулъ его:

— Тебѣ надо наверхъ къ директору, — сказала онъ. — Чего же ты сидишь?

— Хорошо, — сказалъ Іоаннъ и не понималъ, что отъ него требуютъ.

Но вдругъ вспомнилъ и пошелъ.

Г. Дюпьеръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, гдѣ на электрическихъ лампочкахъ были зеленые колпаки.

Онъ указалъ на стулъ за ту сторону письменнаго стола и сказалъ, смотря на руки, которыя держалъ растопыренными передъ грудью:

— Графъ Уйгази, мнѣ пришлось васъ позвать сюда... — И прибавилъ, смотря на Іоанна:

— Вы.....

Послѣ чего вдругъ остановился.

— Вы понимаете меня.

Іоаннъ не понималъ.

Г. Дюпьеръ придвинулся въ креслѣ и перемѣнилъ положеніе ногъ.

— Это было непріятно, въ высшей степени непріятно... но надо было перейти къ дѣлу... чрезвычайно, въ высшей степени непріятно.....

Онъ началъ:

— Случилось происшествіе — очень непріятное происшествіе... — И снова умолкъ, а Іоаннъ не отзывался.

Но вдругъ разсердившись (потому что чувствовалъ, что «застрялъ»), г. Дюпьеръ сказалъ раздраженно и очень громко:

— И вы прекрасно понимаете, что я не потерплю насилій въ моемъ учебномъ заведеніи.

Іоаннъ отвѣтилъ, не пошевеливувшись:

— Я могу немедленно покинуть вашу школу.

Г. Дюпьеръ чуть не подскочилъ — отъ изумленія, или же отъ радости — и промолвилъ:

— Милый молодой человѣкъ... Вы должны понять, что...

Но подъ вліяніемъ нахлынувшего потока соображеній и расчетовъ (семья Апоньи была одной изъ главныхъ поддержекъ школы, и одному изъ Апоньи г. Дюпьеръ былъ обязанъ полученіемъ венгерскаго ордена) — сказалъ:

— Куда же вы отправитесь?

Иоаннъ отвѣтилъ, совсѣмъ какъ раньше:

— Профессоръ Легá принимаетъ пансіонеровъ.

Огъ гсталъ — что-то въ немъ напоминало оловяннаго солдата, который вздумалъ бы двигаться:

— Итакъ я уѣду сегодня вечеромъ.

Г. Дюпьеръ тоже поднялся. Онъ былъ почти ошеломленъ.

— Но, милый мой дружокъ... вѣдь надо же... вашъ отецъ...

И въ ту же минуту сказалъ себѣ, что напишетъ графу Апоньи — рѣге: «Ваше сіятельство понимаетъ, что я потребовалъ немедленнаго же удаленія этого молодого человѣка».

Иоаннъ направился къ двери.

— Прощайте, — сказалъ онъ.

Г. Дюпьеръ протянулъ свою выхоленную руку, но Иоаннъ не замѣтилъ этого. Онъ уже вышелъ изъ комнаты.

Онъ поднялся къ себѣ наверхъ и вынулъ изъ ящика стола длинный шелковый кошелекъ. Онъ сосчиталъ деньги. Эту ночь можно переночевать въ Grand Hôtel, гдѣ его знаютъ. А завтра утромъ онъ переѣдетъ къ профессору Легá, который всегда предлагалъ ему это. Итакъ рѣшено, что его образованіе совсѣмъ закончено.

Онъ постоялъ минуту — все еще держа золотыя монеты въ рукахъ.

— Да, итакъ это рѣшено.

— Что его образованіе совсѣмъ закончено.

Онъ думалъ чисто практически. Собралъ немного вещей и взялъ ручной чемоданчикъ. На-чай для при-

слуги можно прислать послѣ, Эрику и Гаральду можно будетъ написать.

Онъ вышелъ съ чемоданчикомъ въ рукахъ и не встрѣтилъ никого.

Но въ передней стоялъ индусъ. Тотъ повернулъ голову:

— Ты куда? — спросилъ онъ.

— Уѣзжаю, — сказалъ Иоаннъ, голосъ котораго задрожалъ при этомъ словѣ.

Индусъ сказалъ только:

— Изъ-за чего вы спорите?

Иоаннъ посмотрѣлъ на его красивое лицо:

— Ты этого не поймешь.

Но принцъ неожиданно сказалъ:

— Подожди меня на улицѣ. Я провожу тебя.

Когда Хира вернулся, они на углу улицы сѣли въ экипажъ.

Они проѣхали черезъ мостъ и мимо Луврскаго дворца, гдѣ золотые шары тихо блестѣли на своихъ столбахъ. Они не обмѣнялись ни словомъ.

Наконецъ Иоаннъ сказалъ:

— Когда ты ѣдешь?

— Когда ѣду?

— Ну да, домой. Домой въ Индію.

— Это еще неизвѣстно, поѣду ли я въ Индію.

— А куда же?

Индусъ отвѣтилъ:

— Туда, куда меня пошлетъ Азія.

Какъ подсѣченный, какъ подрубленное топоромъ дерево Иоаннъ вдругъ припалъ къ плечу индуса и зарыдалъ такъ, словно хотѣлъ выплакать всю свою душу.

Индусъ провель рукой по его волосамъ:

— Иоаннъ, зачѣмъ ты плачешь? — сказалъ онъ. — Все это когда-нибудь будетъ опустошено.

Иоаннъ не слышалъ его. Вокругъ нихъ засвѣтились фонари бульвара.

Иоаннъ бралъ урокъ у профессора Легá.

Старикъ сидѣлъ сгорбившись, весь погруженный въ слухъ. Густые серебристые волосы свѣсились на лобъ, прикрывъ его, какъ щиткомъ.

Вдругъ онъ поднялъ голову — рѣзко и быстро, какъ у него была привычка:

— Ты такъ много рассказываешь сегодня своей скрипкѣ, Иоаннъ, — сказалъ онъ.

— Какъ такъ, учитель?

— Ты повѣряешь ей такъ много скорби...

Г. Легá взглянулъ на него:

— Но... я не понимаю какъ слѣдуетъ твоей скорби. Она такая своеобразная — твоя печаль.

Г. Легá поднялся:

— Но это вѣроятно потому, что я французъ, а ты — онъ слегка усмѣхнулся — у тебя безнадежное отчаянiе венгерца.

— Я не венгерець, — сказалъ Иоаннъ.

Г. Лега засмѣялся:

— А кто жъ ты въ такомъ случаѣ?

— Ну да ладно, играй дальше...

Но Иоаннъ стоялъ неподвижно съ безмолвнымъ смычкомъ въ рукѣ.

Лакей во второй разъ доложилъ, что обѣдъ готовъ; и Іоаннъ поднялся съ дивана своего купэ и прошелъ черезъ громыхающіе вагоны Orientzug'a. Его аккомпаниаторъ, австралиецъ Генри Колліэттъ, уже стоялъ у дверей столовой и ждалъ его.

— Знаете, — сказалъ онъ, — Енсъ Лундъ въ нашемъ поѣздѣ. Онъ сѣлъ въ Мюнхенѣ.

Іоаннъ какъ-то слишкомъ быстро повернулъ голову надъ своимъ высокимъ воротникомъ:

— Вотъ какъ, — сказалъ онъ. И немного медленнѣе:

— Гдѣ онъ играетъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ австралиецъ и прибавилъ, широко раскрывъ свои круглые голубые глаза, — какая у него странная внѣшность. Его лицо напоминаетъ деревянную рѣзную работу на церковныхъ скамьяхъ.

— Это правда, — разсѣянно замѣтилъ Іоаннъ. Но вдругъ сказалъ, кивнувъ головой:

— Да. Это его воля какъ рѣзцомъ выточила черты его лица.

Генри Колліэттъ открылъ дверь въ столовую.

— Но онъ слишкомъ расфранченъ, — сказалъ онъ. И съ неожиданнымъ переходомъ въ мысляхъ прибавилъ, такъ какъ въ его ушахъ еще звучали послѣднія слова Іоанна и тонъ, какимъ они были сказаны:

— Какъ вы имъ восхищаетесь.

По лицу Іоанна прошла улыбка или, можетъ быть, дрожь:

— Да, — сказалъ онъ. И они сѣли.

Іоаннъ окинулъ взглядомъ пустыя столы и поклонился господину Бизо, сидѣвшему въ противоположномъ углу рядомъ со своей супругой. Композиторъ, ожидавшій обѣда уже въ теченіе десяти минутъ, сказалъ голосомъ, визгливымъ отъ катарра горла, нажитымъ въ теченіе одной человѣческой жизни въ трехъ различныхъ частяхъ свѣта:

— Да-съ, итакъ, мы здѣсь.

Онъ раздраженно потряхивалъ своей черезчуръ большой головой, двигая ея вверхъ и внизъ надъ кучкой платья, изображавшей его тѣло.

— И опять увидимъ милую публику, — добавилъ онъ.

Госпожа Бизо проговорила съ улыбкой, напоминавшей улыбку озабоченной хозяйки — она въ теченіе двадцати семи лѣтъ изо дня въ день работала надъ созданиемъ міровой славы г-на Бизо:

— Мой другъ, у насъ вѣдь столько друзей въ Вѣнѣ!

Господинъ Бизо держалъ свои вѣчно озябшія руки надъ столомъ, какъ-будто тщетно пытаясь согрѣть ихъ у пламени своей готовой потухнуть славы.

— Друзья, друзья, — сказали онъ. — Да, госпожа Бизо тщательно прячетъ ихъ фізіономіи въ своихъ альбомахъ, чтобы можно было узнать этихъ милыхъ господъ, когда въ нихъ опять встрѣтится надобность.

— Милый другъ, — сказала жена, шутливо закрывъ ему ротъ рукой и улыбаясь Іоанну.

Но злобно — тѣмъ тономъ, который составлялъ восторгъ выставленныхъ за дверь интервьюеровъ и часть его міровой извѣстности — г. Бизо сказалъ:

— Прибереги свои улыбочки. Мы еще не приѣхали. Начать улыбаться можешь, когда явится носильщикъ.

Но, такъ какъ въ эту минуту открылась дверь, г. Бизо прервалъ свою рѣчь и спросилъ у лакея, стоявшаго въ ожиданіи среди вагона, зачѣмъ зовутъ къ столу, когда все равно не подають обѣда.

Іоаннъ, усѣвшійся въ противоположномъ углу прямо противъ австралійца, снова всталъ и поклонился очень стройной дамѣ, которая вошла въ столовую, окутанная такимъ длиннымъ боа, что концы его касались пола.

— Неужели это вы, графъ Уйгази, — сказала она. — Значитъ мы путешествуемъ вмѣстѣ. Я съѣла въ Мюнхенѣ. Мы зимовали на Ривьерѣ, на Cap Martin.

— Княгиня проводитъ тамъ каждую зиму, — сказалъ Іоаннъ, держась очень прямо въ своемъ сюртукѣ (можетъ быть слишкомъ ужъ прямо, какъ всегда, когда встрѣчался съ людьми того круга, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію и отъ котораго его наполовину удалила его профессія). — Cap Martin самое спокойное мѣсто на всемъ берегу.

Свѣтлѣйшая княгиня отвѣтила ему нѣсколькими словами и, направляясь дальше, сказала:

— Я рада, что возвращаюсь домой къ вашимъ концертамъ. Какъ только я прочла «La Roumanie», я немедленно по телеграфу заказала билетъ.

Іоаннъ отвѣтилъ съ легкимъ наклоненіемъ головы — такимъ легкимъ, какъ-будто онъ только опустилъ вѣки:

— Княгиня слишкомъ любезна.

И княгиня заняла мѣсто за однимъ изъ столовъ вмѣстѣ съ двумя дамами, составлявшими ея свиту.

Столовая была уже полна, въ ней раздавались всевозможные языки, въ то время какъ кельнеры начали разносить бульонъ въ чашкахъ.

Г. Гаагемэстръ, явившійся въ сопровожденіи своего молодого виолончелиста изъ сѣверной Германіи, ротъ котораго былъ величиною ровно съ вишню, не нашелъ себѣ отдѣльнаго мѣста, и ему пришлось присѣсть къ столу Іоанна.

Вынимая изъ рукава шелковый платокъ, онъ сказалъ:

— Ба, да здѣсь полнымъ полно почтенныхъ коллегъ (последнее слово онъ произнесъ такъ, словно господа коллеги были предметы, выставленные для его обозрѣнія въ банкахъ со спиртомъ),—и поклонился нѣмецкому посланнику въ Бухарестѣ, съ которымъ познакомился при дворѣ кронпринца въ Потсдамѣ,—а жена посланника, спросивъ у мужа его фамилію, принялась разглядывать г. Гаагемэстра черезъ лорнетъ, какъ-будто онъ уже на эстрадѣ разыгрывалъ варіаціи Брамса на тему Генделя.

Голосъ Жана Руа — артиста Парижской Оперы — былъ слышенъ громче всѣхъ. Въ спальныхъ вагонахъ онъ спитъ прекрасно — великолѣпно. И право не понималъ, почему въ *Wagon-lit* нельзя спать такъ же хорошо, какъ въ отелѣ.

Но одно его раздражаетъ — и больше, чѣмъ можно высказать — очень громко говорилъ онъ — это то, что *Wagon-lits* ужъ больше не французскіе.

Мадамъ де-Штейнъ, его аккомпаниаторша съ лицомъ, покрытымъ пудрой, застрявшей даже среди бровей, сказала:

— Но вѣдь общество спальныхъ вагоновъ находится въ Брюсселѣ.

Г. Руа возразилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, въ томъ-то и дѣло — совсѣмъ потихонечку; совсѣмъ потихонечку оно перебралось въ Берлинъ, какъ все, все на свѣтѣ перебирается въ Берлинъ.

Іоаннъ наклонилъ голову надъ своей тарелкой, а нѣмецкій дипломатъ очень тихо по-нѣмецки попросилъ кельнера принести еще двѣ вилки.

Разговоръ все вращался вокругъ отелей и спальныхъ вагоновъ.

М-ме де-Штейнъ сказала:

— Мнѣ совсѣмъ безразлично, гдѣ ни спать, — и она посмотрѣла г-ну Руа прямо въ лицо:— На желѣзной дорогѣ можно имѣть тѣ же удобства.

Но, когда Генри Колліэттъ спросилъ у віолончелиста его мнѣніе о спальныхъ вагонахъ, молодой человѣкъ; бывшій въ дѣтствѣ скороспѣлымъ чудо-музыкантомъ, отвѣтилъ:

— Я совершилъ двухгодичное турнэ.

Іоаннъ, желая, можетъ быть, избѣжать разговора о постеляхъ, обратился съ какимъ-то вопросомъ къ г-ну Гаагемэстру, который золотымъ карандашомъ чертилъ узоры на салфеткѣ. Но узоры незамѣтно переходили въ столбцы цифръ, выражающіе суммы гонораровъ и число ангажементовъ, которые онъ втихомолку подсчитывалъ.

Піанистъ бросилъ свое вычисленіе и отвѣтилъ на вопросъ Іоанна:

— Нѣтъ, въ сезонъ охоты я никогда не играю.

И принялся рассказывать — стараясь черезъ всю компату втянуть въ разговоръ дипломата — о своей послѣд-

ней охотѣ въ Галиціи, гдѣ онъ гостилъ у великаго князя Павла.

Но посланникъ, съ улыбкой ускользнувъ отъ г-на Гаагемэстра, наклонилъ голову въ сторону Іоанна и сказалъ:

— Это вѣдь графъ Уйгази? Я уже знаю, что мы будемъ имѣть удовольствіе слышать васъ въ Бухарестѣ.

Но немного погодя Іоаннъ, сидѣвшій съ краю, услышалъ, какъ жена посланника спросила своего мужа:

— Онъ тоже виртуозъ? — такимъ тономъ, какъ-будто она втайнѣ считала его чѣмъ-то лучшимъ.

Іоаннъ ощутилъ словно боль въ кончикахъ пальцевъ, когда они коснулись скатерти.

Княгиня, сидя за своимъ столомъ, который помѣщался между столомъ посланника и столомъ четы Бизо и гдѣ разговоръ еще шелъ объ отеляхъ и спальныхъ вагонахъ, сказала:

— Но хорошо сплю я, собственно говоря, только въ Румыніи.

— О да, да, — сказала госпожа Бизо, и по ея лицу вдругъ прошла улыбка. — Въ этомъ вы правы, если я хочу дѣйствительно хорошо выспаться, я должна спать въ Лебурѣ.

— Мадамъ Бизо вездѣ спитъ, какъ убитая, — заявилъ г. Бизо.

— Да, да, мой другъ, — сказала госпожа Бизо, слово ея подтолкнули; и она стала увѣрять княгиню, что если она всегда спитъ спокойно, то происходитъ это оттого, что она всюду возитъ съ собой подушку, наполненную травами, которыя она сама нарвала въ полѣ на берегу Сены близъ своей виллы.

Гаагемэстръ, вставшій изъ-за стола, чтобы напомнить о себѣ свѣтлѣйшей княгинѣ, которую онъ раньше зналъ; какъ статсъ-даму королевы Елизаветы, вернулся на свое мѣсто и сказалъ:

— Этой барынѣ, право, не требуется иныхъ сонныхъ порошковъ, кромѣ музыки ея супруга. — И заговорилъ о новѣйшей французской музыкѣ, которая для него вообще была доказательствомъ упадка Франціи.

— Вы согласны со мной? — очень громко обратился онъ къ Іоанну.

Іоаннъ отвѣтилъ:

— Я воспитывался во Франціи.

А г. Гаагемэстръ, можетъ быть разсердившись на что-то въ тонѣ голоса Іоанна, сказалъ ему прямо въ лицо:

— Да, это слышно.

Генри Коллиэттъ, безпрестанно поглядывавшій на дверь, замѣтилъ Іоанну:

— Неужели Енсъ Лундъ не будетъ обѣдать съ нами?

Жанъ Руа, услышавшій слова Гаагемэстра, весь красный въ лицѣ, сказалъ очень громко:

— Кого Богъ хочетъ наказать, того онъ создаетъ голландцемъ.

А мадамъ де-Штейнъ захохотала такъ, что ей пришлось салфеткой скрыть золото своихъ зубовъ.

Г. Гаагемэстръ, лобъ котораго на минуту сложился въ складку, сказалъ Іоанну:

— А «Опера» — это могильный памятникъ надъ упадкомъ Франціи.

Іоаннъ отвѣтилъ все съ той же холодной вѣжливостью:

— Однако подъ ея кровлей находится нѣсколько величайшихъ артистовъ современности.

— Которые поютъ оперы господина Бизо, — сказалъ г. Гаагемэстръ, продолжая говорить очень громко.

Жанъ Руа, съ салфеткой вокругъ шеи, обѣими руками забарабанилъ по столу, а виолончелистъ изъ сѣверной Германіи расхохотался.

Княгиня, желавшая говорить — какъ-будто для того, чтобы умѣрить громкій разговоръ остальныхъ — немного повернула свой стулъ къ посланнику и сказала:

— Господинъ посланникъ вѣроятно не знаетъ меня? А госпожу фонъ-Бенкендорфъ я до сихъ поръ не имѣла удовольствія видѣть.

Дипломатъ наполовину поднялся. Онъ сразу узналъ княгиню, сказалъ онъ и тутъ же представилъ ей свою жену, въ то время какъ Жанъ Руа всталъ со стула и со стаканомъ въ рукахъ направился къ четѣ Бизо.

— За первенство Франціи, сказалъ онъ и чокнулся съ Бизо, а два молодыхъ румына, которые сидѣли въ уголку напротивъ и въ своихъ смокингахъ производили такое впечатлѣніе, будто они были раздѣты, сложили вмѣстѣ свои унизанныя кольцами руки, какъ своего рода аплодисментъ.

Г. Бизо поднялся. Включивъ въ свою рѣчь обоихъ румынъ и говоря такъ, словно отвѣчалъ на тостъ во время банкета, онъ сказалъ съ легкимъ жестомъ:

— Дорогие сотоварищи, мы совершаемъ всѣ эти далекія гутешествія, чтобы утвердить первенство своей страны.

Посланникъ съ улыбкой наклонился къ княгинѣ:

— Мы здѣсь точно на раутѣ въ дипломатическомъ корпусѣ.

— За исключеніемъ церемоній, — замѣтила его жена, и всѣ трое засмѣялись, а княгиня сказала:

— О, я не могу себѣ представить ничего ужаснѣе, чѣмъ если бы мужу пришлось служить на дипломатическомъ поприщѣ... Не правда ли, — продолжала она. — Родина все-таки родина! А кромѣ того, когда постоянно переѣзжаешь такъ съ мѣста на мѣсто и на каждомъ новомъ мѣстѣ встрѣчаешь новыя смѣшныя стороны, въ концѣ концовъ все человѣчество становится смѣшнымъ...

Іоаннъ, услышавшій слова княгини, на мгновеніе пристально посмотрѣлъ на нее, а посланникъ сказалъ вдругъ очень серьезно:

— Это очень вѣрно сказано. Въ нашей жизни есть какое-то «проклятіе».

— Но, — продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ, — страна, которой служишь по мѣрѣ силъ, не спрашиваетъ, чего намъ стоитъ эта служба.

Іоаннъ все еще сидѣлъ, повернувшись лицомъ къ столу посланника, а мелкіе морщинки вокругъ его глазъ слегка дрожали.

— Это вѣрно, — отвѣтила княгиня. — Но я очень рада, что Павелъ можетъ служить Румыніи тѣмъ, что устраиваетъ свеклосахарные заводы.

— Ахъ, княгиня, — сказала госпожа Бенкендорфъ. — Дѣло ужъ не такъ плохо, какъ вы думаете. А кромѣ того мы все-таки умремъ въ Дармштагѣ. Когда мужу стуж-

пять шестьдесятъ лѣтъ, мы купимъ домъ въ «Аллеѣ Принцессы» и будемъ разводить спаржу.

— Это мечта моей супруги, — сказалъ посланникъ.

— О, какъ я васъ понимаю, — вдругъ произнесла госпожа Бизо за спиной княгини. — Для меня нѣтъ бѣльшей радости, чѣмъ та, которую мнѣ доставляютъ мои артишоки въ Лебурѣ.

Жена посланника, опустивъ лорнетъ, вдругъ повернулась къ княгинѣ и тихо сказала:

— Но знаете, княгиня, этого молодого человѣка мнѣ жаль.

Княгиня посмотрѣла по направленію ея взгляда, и взоръ ея тоже скользнулъ по лицу Іоанна, между тѣмъ какъ госпожа Бенкендорфъ сказала:

— Онъ вѣроятно бѣденъ.

Княгиня отвѣтила:

— О нѣтъ, нисколько. Но онъ, кажется, носить трауръ по своему отцѣ.

Іоаннъ услышалъ свое имя и немного рѣзкимъ движеніемъ наклонился къ Генри Колліэтту, бесѣдовавшему съ віолончелистомъ:

— Что это г. Колліэттъ рассказываетъ вамъ?—спросилъ онъ.

Віолончелистъ, на крошечномъ лицѣ котораго все время мѣнялись краски, отвѣтилъ:

— Г. Колліэттъ говоритъ, что онъ, когда ѣздитъ, осматриваетъ все, музеи и все прочее. А я ничего не осматриваю.... потому что надо же упражняться, не правда ли?

Іоаннъ улыбнулся:

— Генри, право, тоже ничего не осматриваетъ. Онъ

упражняется по десяти часовъ, а когда выходить на улицу, говорить онъ, тогда тоскуеть по Мельбурнѣ.

Г. Гаагемэстръ, занятый ѣдой, сказалъ черезъ столъ:

— А что же въ Мельбурнѣ есть такого, чтобы по немъ можно было тосковать?

Генри поднялъ лицо:

— По солнцу, — сказалъ онъ, широко раскрывая ротъ. — Нигдѣ оно не свѣтитъ какъ слѣдуетъ, кромѣ какъ въ Мельбурнѣ.

— Такъ и оставались бы подъ вашимъ солнцемъ, — сказалъ голландецъ, разговаривавшій съ молодыми коллегами точно съ егерями своего кронпринца.

— Да, — сказалъ Колліэттъ, — я это и сдѣлаю — когда одержу побѣду.

Голландецъ поднялъ глаза при тонѣ его голоса:

— А кого вы хотите побѣдить?

— Почему не васъ, — сказалъ Иоаннъ, снова уставившись прямо передъ собой.

— На здоровье, — сказалъ піанистъ и передвинулъ свой золотой карандашъ на столѣ.

Но Генри Колліэттъ быстро сказалъ — и всѣ увидѣли, что его круглые глаза могли получить металлическій блескъ:

— Побѣдители никогда не понимаютъ, что и другіе хотятъ побѣдить.

Иоаннъ сказалъ, при чемъ голосъ его прозвучалъ тихо:

— Побѣжденные тоже не понимаютъ этого, Генри — ни того, что они сами когда-то могли стремиться къ побѣдѣ, ни того, что другіе стремятся къ ней.

Виолончелистъ порывисто повернулъ къ Іоанну свое юношеское лицо:

— Побѣда все-таки побѣда, — сказалъ онъ и, испугавшись звука собственнаго голоса, покраснѣлъ до самой шеи.

— И деньги, — вырвалсся у Генри, который тряхнулъ волссами.

Руа услышалъ это и громко захохоталъ:

— Австраліецъ мудръ.

И, продолжая смѣяться такъ, что столикъ передъ нимъ качался, онъ крикнулъ черезъ весь вагонъ:

— Ваше здоровье, г. Бизо.

Все еще смѣясь, онъ обратился къ мадамъ де-Штейнъ:

— У артишоковъ матушки Бизо золотые листочки, а во французскомъ банкѣ глубокой подвалъ.

Но мадамъ де-Штейнъ наполовину повернула свой стулъ и сказала:

— Графъ Уйгази, вы, какъ венгерецъ, вѣроятно знаете толкъ въ этихъ бумагахъ.

И принялась разсуждать о какихъ-то акціяхъ и денежныхъ цѣнностяхъ въ Галиціи.

Внезапно всѣ почтенные коллеги заговорили о деньгахъ и помѣщеніи денегъ, о бонахъ, бумагахъ и процентахъ — всѣ разговоры завертѣлись вокругъ биржи и биржевыхъ операцій, а Іоаннъ молча сидѣлъ передъ лорнетомъ супруги посланника, изумленно переводившей взглядъ съ одного изъ этихъ биржевыхъ спекулянтовъ — его коллегъ — на другого.

Мадамъ де-Штейнъ совсѣмъ повернула свой стулъ къ г-ну Гаагемэстру, рекомендовавшему ей монтанскія

акціи или же покупку русской ренты. Жанъ Руа далеко отодвинулъ отъ себя тарелки и сказалъ черезъ столъ Іоанну, что въ концѣ концовъ нѣтъ ничего прибыльнѣе, какъ покупка земли въ Нью-Йоркѣ.

— Милый другъ, — сказалъ онъ. — Америкѣ принадлежитъ будущее. Мы доживемъ до того дня, когда Нью-Йоркъ станетъ больше Лондона.

И сталъ говорить объ улицахъ, бульварахъ, незастроенныхъ площадяхъ и домахъ-великанахъ, какъ-будто передъ нимъ на столѣ лежалъ планъ Нью-Йорка.

Г. Гаагемэстръ монотонно говорилъ о биржевыхъ курсахъ и, вынувъ курсовой бюллетень, лежавшій въ его записной книжкѣ, разложилъ его на тарелкѣ. Мадамъ де-Штейнъ не вѣрила ему, и ей пришлось встать съ мѣста, чтобы убѣдиться. При этомъ маневрѣ она распространила по всей столовой сильный запахъ цвѣточныхъ духовъ и принялась изучать бюллетень, стоя рядомъ съ голландцемъ, который разсматривалъ ея нѣсколько увядшую грудь, просвѣчивающуюся сквозь прошивки розовой блузки.

Жанъ Руа продолжалъ распространяться насчетъ Америки. Иные строятся въ Новомъ Орлеанѣ. Однако никогда не слѣдуетъ вкладывать деньги въ предпріятіе тамъ, гдѣ не знаешь мѣстности.

Г. Гаагемэстръ продолжалъ читать биржевые курсы, а мадамъ де-Штейнъ поспѣшила достать свою собственную записную книжечку въ золотомъ переплетѣ:

— Милый другъ, — сказала она голландцу. — Вы человекъ понимающій.

И подъ диктовку г-на Гаагемэстра стала записывать акціи.

Весь вагонъ былъ полонъ разговоровъ, обрывки которыхъ носились надъ столами, какъ стая мошекъ. Г. Бизо, потряхивая головой, безпрестанно проводилъ своими озябшими синими руками съ растопыренными пальцами взадъ и впередъ по столу, точно сгребая невидимыя кучки денегъ — быть-можетъ арендную плату съ публичныхъ домовъ, которыми творецъ «Легенды о св. Цециліи» владѣлъ въ маленькихъ городкахъ южной Франціи.

Г. Гаагемэстръ сложилъ курсовой бюллетень и сказалъ:

— Все искусство спекулировать, мадамъ, заключается въ томъ, чтобы имѣть настоящія политическія связи; а посланникъ, услышавшій это, не замѣтилъ, что княгиня говорить ему:

— Для меня нѣтъ на свѣтѣ ничего ужаснѣе денегъ. Я не могу отличить марки отъ франка.

— Графъ Уйгази, вотъ онъ.

Австралиецъ шепнулъ эти слова и при этомъ почти приподнялся со стула.

Іоаннъ обернулся и увидѣлъ Енса Лунда: онъ стоялъ въ открытыхъ дверяхъ. Рука его опиралась о косякъ двери. Іоаннъ смотрѣлъ на эту руку: она была такой формы, какъ-будто привыкла держать смычокъ.

— А все-таки у него нѣтъ лица, — сказалъ Генри, всеѣмъ наклонившись впередъ надъ столомъ. Іоаннъ перевелъ глаза съ руки Енса на его лицо и сталъ разматривать это лицо, которое отъ постоянныхъ сосредоточенныхъ думъ и мыслей застыло въ какой-то неподвижной окаменѣлости.

— Его лицо, Генри, обращено внутрь.

— Да, — отвѣтилъ австраліецъ.

И когда Енсъ Лундъ прошелъ мимо нихъ черезъ вагонъ — обѣ руки его были при этомъ сжаты въ кулакъ — Іоаннъ сказалъ:

— У него руки, какъ у рулевого.

— Вѣрно, — сказалъ Генри и, снова пораженный тономъ голоса графа Уйгази, молодой австраліецъ сказалъ, какъ раньше:

— Какъ вы имъ все-таки восхищаетесь.

И съ внезапнымъ скачкомъ въ мысляхъ прибавилъ:

— Я радъ, что нѣтъ піаниста, которымъ я бы восхищался... въ такой степени.

— Почему?

— Ну да, — сказалъ австраліецъ со смѣхомъ и вдругъ пересталъ смѣяться. — Тогда я бросилъ бы играть.

Іоаннъ быстро взглянулъ на Генри Колліетта и снова опустилъ глаза и услышалъ, что мадамъ де-Штейнъ говорить:

— Вы, графъ Уйгази, видимо не интересуетесь биржевыми курсами.

Іоаннъ повернулся къ ней:

— Нѣтъ, сударыня, я никогда не спекулировалъ.

— А кромѣ того я видѣлъ такъ мало артистовъ, которые умерли бы богатыми.

За всѣми столами вдругъ наступило молчаніе. Мадамъ де-Штейнъ сдѣлала рукой движеніе, какъ-будто откидывая волосы со лба, хотя никакихъ волосъ тамъ не было, а въ столовую вдругъ ворвался прерывистый грохотъ поѣзда, и всѣ услышали дребезжаніе покачивающагося вагона, дверей и пола.

Наконецъ Жанъ Руа, на широкомъ и открытомъ — хотя немного жирномъ — лицѣ котораго отражались все движенія души, проговорилъ:

— Да, это правда — и очень странно.

И по какой-то ассоціаціи мыслей заговорилъ объ одномъ знаменитомъ своемъ товарищѣ, пѣвцѣ, который умеръ незадолго передъ тѣмъ:

— Онъ былъ замѣчательный человѣкъ, — говорилъ онъ. — И совершенно неожиданно бросилъ сцену. Онъ совершалъ турнэ по Америкѣ и вдругъ прервалъ его... и удалился на покой. Онъ больше не хотѣлъ пѣть.

— Онъ вѣроятно захворалъ, — сказалъ Гаагемэстръ.

— Вовсе нѣтъ. Онъ просто не хотѣлъ больше. И прожилъ пятнадцать лѣтъ въ маленькомъ городкѣ въ пяти часахъ ѣзды отъ Нью-Йорка... просто жилъ тамъ, ѣлъ, пилъ и спать ложился среди чужихъ.

На лбу Иоанна легли двѣ морщинки, какъ у человѣка, старающагося додумать какую-то мысль.

— Но, когда онъ умиралъ, — рассказывалъ Жанъ Руа, — онъ пожелалъ, чтобы его тѣло перевезли во Францію. — Потому что развѣжаешь далеко по бѣлу свѣту, а отдыхать все же хочешь на кладбищѣ Рége Lachaise.

Мадамъ де-Штейнъ сказала — съ легкимъ налетомъ сентиментальности при мысли о кладбищѣ:

— Мой другъ, Рége Lachaise самое красивое мѣсто на всей землѣ. О, мой любимый памятникъ, это тотъ, съ плачущимъ гениемъ... Это цѣлая трагедія... одинъ молодой человѣкъ — во времена Имперіи — единственный сынъ... я слышала, что его отецъ былъ министромъ. И въ одинъ прекрасный день онъ застрѣлился — безъ

всякой причины, милый другъ — никто не знаетъ причины, а ему было двадцать три года.

Иоаннъ повернулъ голову, которую подперъ рукой: — Вы не знаете, какъ его звали? — спросилъ ентъ.

— Нѣтъ, — сказала мадамъ де-Штейнъ. — Но такого человѣка всякая женщина втайнѣ страстно желала бы знать.

Жанъ Руа засмѣялся. Но мадамъ де-Штейнъ сказала: — О, это такъ красиво, умереть молодымъ.

Жанъ Руа замѣтилъ, продолжая смѣяться:

— Дорогая моя, вы еще можете сдѣлать это.

Мадамъ де-Штейнъ передернула плечами:

— У-у, не шутите. Я способна ночью проснуться вся въ страхъ — что умру сейчасъ, да еще въ отелѣ.

Госпожа фонъ-Бенкендорфъ полуобернулась такъ быстро, что рукой сбросила салфетку на полъ.

— Мадамъ, — сказалъ Жанъ Руа, снова кладя салфетку на столъ посланника.

— Прелестный мой другъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ мадамъ де-Штейнъ, — вы умрете въ восемьдесятъ пять лѣтъ.

Мадамъ де-Штейнъ снова повернулась къ Иоанну и сказала:

— Графъ Уйгази, когда вы хотите лучше всего умереть?

Иоаннъ могъ мимо всѣхъ остальныхъ видѣть Енса Лунда, обѣдавшего за столомъ юбоихъ румынъ. Г. Лундъ ѣлъ какъ человѣкъ, старающійся ѣсть красиво, но по временамъ забывающій объ этомъ.

— Я, — сказалъ онъ. — Въ такой день, когда еще обладалъ бы полнымъ разсудкомъ.

Мадамъ де-Штейнъ сдѣлала то же самое быстрое движеніе плечами, какъ и раньше:

— Графъ Уйгали... я не знаю... Вы говорите такія вещи, точно вы привидѣніе въ пьесѣ.

Г. Гаагемэстръ вдругъ три раза провелъ лѣвой рукой по лбу — а Жанъ Руа посмотрѣлъ Іоанну прямо въ лицо:

— Знаете, — сказалъ онъ, и въ его глазахъ появилось выраженіе страха, которое онъ тотчасъ же опять подавилъ: — Я былъ въ Лондонѣ въ театрѣ, когда Томсонъ вдругъ сошелъ съ ума. Онъ игралъ все время совсѣмъ разумно, но вдругъ среди одной сцены... среди реплики, всталъ со стула, вышелъ за кулисы — и помѣшался. — Я никогда не забуду этого, — добавилъ Жанъ Руа.

Енсъ Лундъ пересталъ ѣсть. Онъ сидѣлъ, вытянувъ впередъ голову, съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ, какое бываетъ у разноживающей борзой.

Княгиня обратилась къ Жану Руа:

— Да, говорятъ, это было ужасно. Моя 'кузина' рассказывала мнѣ — она присутствовала при этомъ.

— Да, княгиня, — сказалъ пѣвецъ. — Это было ужасно. И, почти насильно измѣнивъ тонъ голоса, сказалъ, что прекрасно знаетъ княгиню Стурдзу — по оперѣ, гдѣ они знаютъ всѣхъ своихъ абонентовъ.

Опера не единственное мѣсто, гдѣ она слышала г. Руа, заявила княгиня. Она вездѣ, гдѣ только имѣла возможность, слушала его «Лоэнгрину».

Жанъ Руа поклонился и вдругъ засмѣялся такъ сердечно, что даже посланникъ улыбнулся.

— Въ Англіи нарисовали карикатуру на моего «Лоэн-

гринна», — сказалъ пѣвецъ. — Это лучшее, что я когда-либо видѣлъ.

Госпожа фонъ-Бенкендорфъ тоже видѣла эту англійскую карикатуру и невольно засмѣялась, княгиня же сказала:

— Моя кузина, графиня Граффульге рыскаывала мнѣ о вашихъ собственныхъ рисункахъ, г. Руа.

— О да, — сказалъ Жанъ, — я тоже немного балуюсь карандашомъ.

Госпожа Бизо, безпрестанно улыбающаяся княгинѣ, имя которой она слышала раньше, вставила — и это вышло у нея немного неловко, какъ у человѣка, котораго никто не спрашиваетъ:

— Альбомы г-на Руа извѣстны во всемъ Парижѣ.

Мадамъ де-Штейнъ сказала:

— Они у г-на Руа въ чемоданѣ.

— Можете ихъ посмотрѣть, — безъ всякаго лomanья сказалъ г. Руа и пошелъ за альбомами, въ то время какъ г. Гаагемэстръ замѣтилъ Иоанну:

— У пѣвцовъ всегда есть время для всякой всячины... лишь бы они сами нашли время.

А госпожа Бизо, съ лица которой не сходила все та же немного смущенная улыбка, начала рассказывать княгинѣ Стурдзѣ, что ея мужъ, г. Адольфъ Бизо — и она сдѣлала движеніе, какъ-будто представляя своего мужа — занять теперь писаніемъ мемуаровъ.

— Но дѣло въ томъ, — говорила мадамъ Бизо, — что насъ не оставляютъ въ покоѣ. Я постоянно говорю, что не надо было приниматься за дирижерство...

Княгиня, не зная какъ слѣдуетъ, что отвѣтить, сказала:

— Къ сожалѣнію Румынія ни разу не удостоилась чести посѣщенія г-на Бизо.

— Да, — сказала госпожа Бизо и сдѣлала своимъ маленькимъ туловищемъ такое движеніе, точно вытаскивала свою удочку изъ Сены во время воскресной рыбной ловли. — Онъ ни разу не былъ тамъ. Но мы оба такъ много слышали о вашей чудной странѣ. — О прелестной Румыніи, — добавила госпожа Бизо.

Жанъ Руа вернулся со своими альбомами и протянулъ одинъ изъ нихъ княгинѣ.

Она открыла его:

— О, это изъ Румыніи, — сказала она и, повернувъ нѣсколько листовъ, начала смѣяться.

— Г. Руа, это замѣчательно, это великолѣпно. Точь въ точъ такое выраженіе у ея величества, когда она еслухъ читаетъ придворнымъ дамамъ одинъ изъ своихъ оперныхъ текстовъ.

Госпожа фонъ-Бенкендорфъ тоже пожелала видѣть, и обѣ смѣялись, наклонившись надъ рисункомъ, гдѣ была изображена Кармень Сильва. Одѣтая въ тогу и увѣнчанная лаврами, сидѣла она на треножникѣ за рѣшеткой посреди двора своего королевскаго замка и играла на гармоникѣ для членовъ румынской аристократіи, которые въ національныхъ костюмахъ восторженно подбрасывали ноги такъ высоко, что виденъ былъ самый низъ ихъ балшаковъ съ продранными подошвами.

— Г. Руа, вамъ слѣдовало бы выставить это въ Бухарестѣ, — сказала княгиня, смѣясь еще громче. Но, когда она подняла голову и замѣтила своихъ соотечественниковъ въ смокингахъ, насторожившихъ уши въ ея

сторону, — одного изъ нихъ она знала: это былъ сынъ винокора въ Констанцѣ — она сказала:

— Вы совершенно правы, г. Руа, ея величество необыкновенно музыкальна.

И на лицахъ ея и госпожи фонъ-Бенкендорфъ одновременно появилось совершенно одинаковое выраженіе.

Альбомы роздали по столамъ, и всѣ смѣялись надъ смѣшными сторонами всѣхъ націй.

— О да, о да, — восклицалъ Колліэттъ, со смѣхомъ ударяя себя по своимъ спортсменскимъ ногамъ. — Объ этомъ рисункѣ я слышалъ... Посмотрите, графъ Уйгази, посмотрите....

Это была карусель г-на Шюрмана, гдѣ г. Шюрманъ былъ янычаромъ, г. Стракошъ игралъ на трубѣ, а англичане, янки, испанцы и нѣмцы штурмовали карусель. Позади всѣхъ шли два голландца.

— Посмотрите на барабанщика, — кричалъ Колліэттъ: — Барабанщикъ датчанинъ.

Въ барабанъ билъ крошечный человѣчекъ со свѣсившимися на лобъ волосами и каплями пота подъ носомъ. Онъ барабанилъ даже своими тонкими, немного кривыми ногами. На барабанѣ стояла надпись: «Датская пресса». Всѣ смѣялись, смотря каждый въ свою тетрадку. Кельнеры, разносившіе спаржу, остановились, косясь на рисунки черезъ плечи дамъ и мужчинъ.

— Нѣтъ, это ужъ грѣшно, — сказала мадамъ де-Штейнъ. — Данія прелестная страна. Вотъ хоть одна страна, гдѣ печать умѣетъ цѣнить искусство.

Жанъ Руа засмѣялся:

— Могу сказать, что это единственная страна, гдѣ къ мадамъ де-Штейнъ отнеслись серьезно.

— Жанъ...

Но Жанъ Руа продолжалъ:

— Такъ мало у нихъ тамъ есть серьезнаго о чемъ думать въ этой странѣ....

Генри Колліэттъ повернулъ лицо къ мадамъ де-Штейнъ и вдругъ пересталъ смѣяться:

— Правда ли это? — сказалъ онъ: — Я всегда слышалъ, что Копенгагенъ надо посѣтить передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ Америку?

— Это пруссаки, — сказалъ посланникъ, наклоняясь къ Жану Руа и указывая на карикатуру, изображавшую рядъ мужчинъ, которые въ одинаковой одеждѣ, съ одинаковей выправкой и одинаковыми усами нога въ ногу вышагивали куда-то въ пространство, какъ будто подъ неслышную команду.

Виолончелистъ хохоталъ надъ рисункомъ, называвшимся «Увлечение Бахомъ», гдѣ зрители перваго ряда ложъ и джентльмены съ открытыми ртами аплодировали г-ну Барвику, игравшему такъ одухотворенно, что его пальцы совсѣмъ не касались клавишъ.

Но Жанъ Руа сказалъ:

— Въ дѣйствительности же я восхищаюсь нѣмцами.

— Безъ слѣпоты, — съ улыбкой сказалъ посланникъ.

— Очень легко быть зрячимъ, — сказалъ Жанъ Руа, — зрячимъ до извѣстной степени, когда смотришь на все изъ окна отеля.

— Развѣ это не правда, Уйгази? — продолжалъ онъ; повернувшись къ Иоанну. — Мы, которые вѣчно ѣдимъ съ мѣста на мѣсто, всюду видимъ смѣшныя стороны, потому что никогда не понимаемъ какъ слѣдуетъ чужую манеру чувствовать.

Иоаннъ наклонилъ голову, а госпожа Бенкендорфъ сказала Жану Руа:

— Я какъ разъ думаю тоже самое.

— Г. посланникъ, — сказалъ Жанъ Руа, и его энергичное, веселое лицо вдругъ приняло выраженіе усталости, въ то время какъ онъ сдѣлалъ жестъ въ сторону всѣхъ раскрытыхъ альбомовъ: — Когда видишь все это, дѣлаешься, какъ бы бездомнымъ на землѣ.

— У каждаго есть своя страна, куда возвращаешься, — сказалъ посланникъ.

Иоаннъ, самъ не сознавая того, захопнулъ альбомъ, лежавшій передъ нимъ, и всѣ вдругъ замолчали, когда Жанъ Руа сказалъ:

— Вотъ мадамъ де-Штейнъ родилась на улицѣ L'Abbé de l'Érée и говоритъ, что когда-нибудь купитъ себѣ тамъ домикъ, чтобы умереть тамъ.

— Милый другъ, — отвѣтила мадамъ де-Штейнъ. — Это вовсе не смѣшно. Улица L'Abbé de l'Érée находится рядомъ съ Люксембургскимъ садомъ, а тамъ я играла дѣвочкой.

Иоаннъ прислонился головой къ стѣнѣ и закрылъ глаза. Длиныя рѣсницы лежали надъ бѣлыми вѣками, какъ широкая, темная кайма.

— Ну, да, мадамъ де-Штейнъ, — сказалъ Жанъ Руа. — А меня вы все-таки посѣтите когда-нибудь въ Марселѣ. Тамъ я себѣ куплю домъ, около моря, на одномъ косогорѣ съ правой стороны, я хорошо знаю гдѣ... — Онъ перемѣнилъ тонъ:

— Я изъ Марселя, княгиня, — сказалъ онъ, наклонивъ верхнюю часть туловища. — И когда я пою лучше всего — повѣрьте мнѣ — я всегда какъ бы слышу

старинную южно-французскую пѣсню... которая звучитъ въ моей груди...

— И въ Лоэнгринѣ? — засмѣявшись, спросила княгиня.

— Честное слово, да, — сказалъ Жанъ Руа. — И именно поэтому я больше всего люблю пѣть Донъ-Хозе.

Посланникъ съ супругой поднялись, и г. фонъ - Бенкендорфъ подаль Жану Руа руку:

— До свиданія, — сказалъ онъ и улыбнулся Иоанну, который вздрогнулъ, какъ-будто разбуженный отъ сна.

Супруги Бенкендорфъ вышли.

— Онъ въ сущности очень милъ, — сказала жена о Руа, когда они проходили по коридору.

— Но графа Уйгази мнѣ жаль, — продолжала она. — Въ такомъ обществѣ онъ въ концѣ концовъ долженъ себя чувствовать совѣмъ не по себѣ.

Княгиня поднялась и кланялась на обѣ стороны, принявъ вдругъ (теперь, когда обѣдъ въ вагонѣ кончился) такой видъ, точно она была здѣсь совѣмъ чужая и не обмѣнялась со всѣми этими дамами и мужчинами даже двумя словами. Но, подойдя уже къ двери, она неожиданно обернулась къ одной изъ своихъ дамъ и сказала:

— Интересно было бы снять ихъ.

И тѣмъ же вселымъ искреннимъ тономъ, какимъ говорила во время обѣда, сказала:

— Господа, можно принести аппаратъ?

Иоаннъ вздрогнулъ.

— Такъ рѣдью случается, — продолжала княгиня, — быть въ обществѣ столькихъ европейскихъ знаменитостей за разъ...

Всѣ наперерывъ стали выражать ей свое согласіе; въ то время какъ одна изъ дамъ, сопровождавшихъ княгиню, пошла за фотографическимъ аппаратомъ, а княгиня обратилась къ сыну винокура, говоря съ нимъ такъ же вѣжливо, какъ съ какимъ-нибудь носильщикомъ на вокзалѣ:

— Г. Браззи, если вы будете стоять спокойно, я могу держать аппаратъ на вашей спинѣ.

Аппаратъ принесли, и всѣ замерли въ ожиданіи, повернувшись лицомъ къ румыну, котораго княгиня передвигала съ мѣста на мѣсто, какъ желѣзный штативъ.

Супругамъ Бизо пришлось пересѣсть, и они сѣли за пустой столикъ княгини, гдѣ госпожа Бизо близко придвинулась къ мужу, положивъ обѣ руки ему на плечи.

— Это будетъ замѣчательно, прямо замѣчательно— въ высшей степени интересно, — говорила княгиня, смотря черезъ стеклышко аппарата, и повернулась къ другому румыну:—А вы освѣтите группу?—сказала она.— Вы, вѣроятно, дѣлали это раньше.

Молодой человекъ долженъ былъ зажечь магній, и у него дрожали пальцы.

— Замѣчательно, замѣчательно! — снова воскликнула княгиня.

Всѣ приняли соответствующія позы.

У крайняго стола молодой виолончелистъ наклонилъ свою голову съ приборомъ по срединѣ, какъ кающаяся Магдалина; мадамъ де-Штейнъ, поднявъ къверху свое мясистое лицо, раскрыла губы наподобіе трагической маски, а лѣвой рукой, которую поднесла къ плечу; словно откидывала невидимое покрывало.

Енсъ Лундъ, кончившій обѣдать, какъ-будто случайно очутился въ срединѣ группы, засунувъ руки въ карманы, оттопырившихся такъ, словно онъ въ каждомъ изъ нихъ держалъ по кастету.

— Замѣчательно, замѣчательно! — вскричала княгиня и опять наклонилась, чтобы посмотрѣть въ аппаратъ.

Австралиецъ, имѣвшій пристрастіе фотографировать свои ноги (въ качествѣ спортсмена, какимъ значился въ рекламахъ), наконецъ уложилъ ихъ на спинку стула.

— Но вы, графъ Уйгази, васъ... — съ жаромъ начала княгиня и вдругъ сѣтановилась.

Іоанна не было видно. За исключеніемъ плеча. Можетъ быть онъ не зналъ, что спортсменъ - австралиецъ совсѣмъ заслонилъ его.

— Зажигайте! — крикнула княгиня.

Всѣ вздрогнули, когда вспыхнуло пламя, а мадамъ де-Штейнъ вскрикнула.

Густой дымъ наполнилъ вагонъ, и съ краткимъ: «Спасибо, господа», которое точно захлопнуло за ней дверь, княгиня убѣжала, какъ-будто не имѣла ни малѣйшаго представленія о причиненномъ ею безпокойствѣ.

— Да-съ, — сказалъ Жанъ Руа, батистовымъ платкомъ предохраняя отъ дыма свой теноръ: — надо это терпѣть, если хочешь, чтобы Бухарестъ былъ открытъ для тебя.

И вдругъ всѣ въ яростномъ возбужденіи, возмущенные тайнымъ униженіемъ, которое смутно чувствовали, но которому подчинились въ качествѣ профессионаловъ, какими они всѣ были (а также раздраженные дымомъ

п сквозпякомъ, шедшимъ изъ дверей) — заговорили наперерывъ другъ передъ другомъ, а румынъ стоялъ и помахивалъ своими почернѣвшими пальцами.

Мадамъ де-Штейнъ сказала такъ громко, что дамы шедшія съ аппаратомъ, могли слышать:

— Какъ бы это научиться быть такими нахальными, какъ иные люди.

А Жанъ Руа, проходя мимо г-на Гаагэмэстра, замѣтилъ голландцу:

— Но вы, милостивый государь, вѣроятно привыкли, чтобы васъ снимали... при дворахъ.

Когда Иоаннъ съ австралійцемъ возвращались къ себѣ по коридору, на нихъ чуть на наскочилъ импресарио Ледокъ. Онъ былъ въ шубѣ и въ шерстяной рубашкѣ. Ему никогда не было времени пообѣдать. Въ дорогѣ онъ занимался вырѣзками изъ газетъ:

— Можно получить шнитцель въ этомъ проклятомъ поѣздѣ? — крикнулъ онъ и помчался дальше.

Супруги Бизо громко бранились за полупритворенной дверью, приводя въ порядокъ свой багажъ, который, казалось, главнымъ образомъ состоялъ изъ безконечнаго количества шерстяныхъ шарфовъ, похожихъ на набрюшники.

— А я что говорю, — кричалъ г. Бизо, — я къ ней лѣзь что ли? Или человекъ уважаетъ себя, или же нѣтъ. А эти люди обращаются съ тобой, точно ты крокодилъ въ зоологическомъ саду.

— Милый Бизо... Развѣ мы ѣздимъ для собственнаго удовольствія?.. Ея дядя предсѣдатель «Музыкальнаго Общества».

— Вздоръ. Откуда ты взяла?

— Адольфъ, ты же знаешь, что я хорошо помню... я слышала ея фамилію, а въ прошломъ году мы вели переписку съ этими господами.

Австраліецъ засмѣялся, а Іоаннъ пошелъ дальше. Княгиня сидѣла съ открытой дверью среди вороха темно-лиловыхъ подушекъ. Все купе было полно запаха вервены, въ которой она умылась, чтобы уничтожить запахъ дыма. Она подняла глаза съ книги и, увидя Іоанна, сказала:

— Это было нелюбезно съ вашей стороны, графъ Уйгази, что вы не хотѣли сняться въ группѣ.

Іоаннъ отвѣтилъ:

— Я не принадлежу къ числу европейскихъ знаменитостей, княгиня. Среди нихъ не мое мѣсто.

Княгиня улыбнулась и сказала, желая сказать комплиментъ:

— Гдѣ же въ такомъ случаѣ ваше мѣсто?

Лицо Іоанна вдругъ передернулось, и онъ сказалъ:

— Это правда, княгиня, — нигдѣ.

Тронутая чѣмъ-то въ его голосѣ, княгиня Стурдза хотѣла удержать его, снова позвать его. Но Іоаннъ уже ушелъ.

Онъ сидѣлъ съ книгой, когда къ нему вошелъ Генри Колліэттъ. Австраліецъ сѣлъ, шаркая своими спортсменскими ногами и перекидывая ихъ другъ черезъ друга.

— Вы читаете? — спросилъ онъ, продолжая шаркать ногами.

— Нѣтъ.

— Сколько ерунды сегодня наговорили.

— Да.

— Но Руа замѣчательно рисуетъ.

— Да.

— Онъ могъ бы жить этимъ.

— Навѣрное могъ бы.

Австралиецъ все шаркалъ ногами:

— Знаете, что я думалъ во время обѣда?

— Нѣтъ.

— Что вы, собственно говоря, должны бы сидѣть за другимъ столомъ.

— Почему?

— Ну да, — сказалъ австралиецъ, — вы же все-таки графъ — хоть и играете.

Іоаннъ лишь неподвижно смотрѣлъ прямо передъ собой.

Но вдругъ сказалъ:

— Тамъ, вѣроятно, не было больше мѣста.

Обрывки обѣденныхъ разговоровъ проносились въ вѣтренной головѣ Генри Коллиэтта. Вспомнивъ вдругъ Жана Руа и его слова относительно южно-французскихъ пѣсенъ, звучащихъ въ его груди, онъ сказалъ:

— Но и въ Австраліи тоже когда-нибудь будетъ собственная музыка... Музыка вырастаетъ изъ почвы — изъ почвы проникаетъ въ людей, не правда ли? Но для этого требуется много времени; люди должны раньше долго прожить въ данномъ мѣстѣ.

Генри Коллиэттъ посмотрѣлъ на свои ботинки:

— Но до тѣхъ поръ, пока австралійская музыка не вырастетъ изъ почвы, австралійцы не будутъ настоящими музыкантами, правда? Или вы не понимаете, что я хочу сказать?

Іоаннъ смотрѣлъ прямо передъ собой.

— Нѣтъ, понимаю, Генри, — сказалъ онъ; не пошевельнувшись.

Австралиецъ стукнулъ каблуками:

— Но все-таки можно быть знаменитымъ пианистомъ, — сказалъ онъ.

Онъ немного помолчалъ, а затѣмъ сказалъ; все еще думая объ обѣденныхъ разговорахъ:

— Но можетъ быть слѣдовало бы серьезно подумать о Копенгагенѣ...

— Я никогда не игралъ въ Даніи, — сказалъ Іоаннъ, сидя все въ той же позѣ.

— Гм... это странно, разъ вы полудатчанинъ.

Прошла секунда. Затѣмъ Іоаннъ сказалъ:

— Я всегда хотѣлъ сдѣлать это — подъ конецъ.

Генри Колліэттъ снова зашаркалъ ногами и, такъ какъ мысли его все разбѣгались, сказалъ, вспомнивъ теперь о фотографіи:

— Но мы все-таки скоморохи.

Іоаннъ вдругъ улыбнулся.

— Да Колліэттъ, — сказалъ онъ и поднялся.

— Но и другіе тоже, — немного рѣзко сказалъ Генри.

— Очень можетъ быть, — сказалъ Іоаннъ. — Только они лучше играютъ свои роли и поднимаютъ меньше шуму.

Австралиецъ немного помолчалъ:

— Да, — сказалъ онъ. — Можетъ быть вы правы. Но пожалуй всякій человѣкъ остается тѣмъ, для чего онъ рожденъ.

Іоаннъ на секунду оперся локтемъ о его плечо:

— Вы сегодня такъ мудры, Колліэттъ...

— Но есть люди, Генри, которые рождаются уродами, и имъ лучше было бы совсѣмъ не родиться.

— Рѣзкій, бѣлый свѣтъ упалъ на ихъ лицо. Онъ шелъ отъ фонарей съ перрона вѣнскаго вокзала. Кондукторы забѣгали назадъ и впередъ, спуская окна купе, а носильщики черезъ окна бросали пледы, сумки, чемоданы и шубы. Пассажиры выходили изъ вагоновъ, чтобы немного поразмять ноги на твердой землѣ, и изъ всѣхъ открытыхъ дверей вмѣстѣ со сквознякомъ несли отрывки всевозможныхъ нарѣчій. Жанъ Руа, безъ шляпы, съ носовымъ платкомъ вокругъ шеи и въ развѣвающимся плащѣ, стоялъ среди самой давки, чистя апельсинъ и выкрикивая что-то въ пустое пространство во весь голосъ, какъ какой-нибудь портовый нагрузчикъ въ его родномъ Марселѣ; а мадамъ де-Штейнъ (кивнувшая Иоанну головой со словами: «Ah, monsieur, on se promène») засѣменила по асфальту мѣдными каблучками своихъ парижскихъ ботинокъ, выставляя изъ-подъ путаницы юбокъ довольно значительную часть ногъ, обутыхъ въ шелковые чулки.

Госпожа Бизо въ калошахъ тревожнымъ взглядомъ искала членовъ дирекціи; при чемъ безпрестанно улыбалась.

— Потому что они обязательно встрѣтятъ насъ,—говорила она. — Они здѣсь, Адольфъ, будь увѣренъ, что они здѣсь.

А г. Бизо, шуба котораго была перевязана сѣрымъ шерстянымъ шарфомъ, сказалъ:

— Мнѣ это совсѣмъ безразлично. Тронемся, наконецъ, отсюда, какъ называется наша гостиница?—и

сказаль это съ такой злобой, что даже глаза его выско-
чили на лобъ.

— «Золотой Ягненокъ», Адольфъ, «Золотой Ягне-
нокъ». Но они здѣсь, мой другъ, они здѣсь.

Импрессарио съ семнадцатью депешами въ рукахъ
пробѣжалъ мимо нихъ.

— Сударь, — сказалъ онъ г-ну Бизо: — Тамъ васъ
ищутъ двое господъ. — И помчался дальше, роняя изъ
туго набитаго кармана рекламы и газеты, какъ корова
свой пометъ.

— Застегните плащъ, — крикнулъ онъ Жану Руа,
между тѣмъ, какъ г. Бизо останоуился на мѣстѣ; сти-
снувъ въ рукахъ свой шарфъ, воинственный и беззубый;
словно командиръ лиллипутовъ въ какомъ-нибудь па-
ноптикумѣ.

— Адольфъ, Адольфъ! — почти пѣла госпожа Бизо;
она узнала «двухъ господъ», вблизи которыхъ г. Гааге-
мэстръ, одѣтый въ охотничью куртку со шнурами, обмѣ-
нивался рукопожатіемъ съ явившимся на вокзалъ чле-
номъ баварскаго посольства, который говорилъ:

— Да, его королевское высочество тотчасъ же напи-
салъ эрцгерцогинѣ Валеріи...

Импрессарио съ пустыми руками бѣжалъ назадъ и
вдругъ среди давки—гдѣ семья въ траурѣ, состоящая
изъ семи особъ въ вуаляхъ, окружала бѣлокураго го-
сподина, исчезавшаго подъ привѣтственными поцѣлuya-
ми, точно попалъ въ воронку мельницы—онъ замѣтилъ,
что его ногти нуждаются въ чисткѣ и тутъ же принялся
подскабливать ихъ перочиннымъ ножичкомъ. Пока не
помчался дальше, живая головой, знакомый со всѣми,
крича и распоряжаясь, точно начальникъ станціи во

время столкновенія поѣздовъ. Оба румына рука объ руку беззаботно балансировали свои обтянутыя фигуры на краю англійскаго сундука, а мадамъ де-Штейнъ добралась до руки Жана Руа, гдѣ и колыхала свои женскія прелести, какъ какая-нибудь Венера временъ упадка.

— О, нѣтъ, господа, г. Бизо нисколько не усталъ. Приѣзжая въ Вѣну, чувствуешь себя только счастливыми, — пѣла госпожа Бизо, и слышно было, какъ молодой баварецъ изъ посольства говорилъ:

— Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ оказать услугу друзьямъ. Эрцгерцогиня Валерія немедленно приметъ васъ.

Іоаннъ за все время не проронилъ ни слова и не пошевелился. Прислонившись головой къ двери своего купэ, стоялъ онъ неподвижно и смотрѣлъ на перронъ.

И вдругъ снова услышалъ голосъ импрессаріо, раздававшійся надъ всѣми остальными:

— Имѣю честь, господа, ѣду въ Будапештъ, съ господиномъ Жаномъ Руа. Но я всегда дѣловой человѣкъ. Искусство, господа, заключается въ томъ, чтобы овладѣть будущимъ. Я поймалъ его въ поѣздѣ, господа, въ поѣздѣ. Новый феноменъ, господа, я говорю феноменъ, потому что артистовъ у насъ достаточно... хоть прудъ пруди этими господами, которые выступаютъ на подмосткахъ. Но г. Енсъ Лундъ, господа—желаете видѣть его? Когда я сдамъ г-на Руа, я на три года посвящу себя г-ну Лунду. Но онъ дорогъ, господа, очень дорогъ. Мы живемъ въ такое время, когда гениі стали дѣльцами. Биржевые курсы, господа, такъ и выпираютъ у нихъ изъ гора...

— Вотъ онъ, господа... вонъ тамъ, въ купэ... онъ васъ не видитъ.

Г. Енсъ Лундъ сидѣлъ у окна передъ поднятой занавѣской, погруженный въ «*Courrièr universel*», — единственное, что онъ читалъ за всю свою жизнь.

— Онъ ученый, онъ мыслитель, господа, своеобразный умъ; въ каждой столицѣ Европы его ждуть пакеты съ книгами, кучи книгъ...

Оба джентльмена, принадлежавшіе къ печати, вдругъ замѣтили Иоанна и поклонились ему.

— Да, — сказалъ импрессарио такъ же громко, какъ и раньше: — Это онъ.

И онъ прошелъ мимо, не удостоивъ Иоанна косвеннаго взгляда.

Иоаннъ весь покраснѣлъ при звукѣ этого «онъ», какъ будто рука съ растопыренными пальцами запечатлѣла пощечину на его лицѣ.

Онъ не замѣтилъ, что поѣздъ тронулся.

— Закрѣтъ окошко? — спросилъ австраліецъ за его спиной.

И Генри Колліэттъ поднялъ окно; между тѣмъ какъ Иоаннъ сѣлъ.

— Вы ничего не говорите сегодня, — сказалъ австраліецъ, который постоянно долженъ былъ говорить что-нибудь.

— Я столько слушалъ и о столькихъ вещахъ думалъ за послѣдніе часы, — сказалъ Иоаннъ.

— О чемъ? — спросилъ австраліецъ, качая ногой.

— О многомъ, — сказалъ Иоаннъ, и закрылъ глаза.

Дверь распахнулась. То былъ Енсъ Лундъ. Иоаннъ вздрогнулъ. И подумалъ, въ то время какъ тотъ стоялъ въ дверяхъ: «Какой онъ, въ сущности, маленькій».

— Вы Уйгази? — сказалъ Енсъ Лундъ, кивнувъ головой.

— Можно сѣсть?

Руки онъ не подаль.

Іоаннъ сказалъ:

— Это г. Генри Колліэтъ.

Енсъ Лундъ снова кивнулъ головой.

— Рояль, — сказалъ онъ, — самый скверный инструментъ на свѣтѣ. Я совсѣмъ не вѣрю, чтобы даже геній могъ проявить талантъ на роялѣ. Я долженъ радоваться, что родился на кораблѣ. Тамъ не было мѣста для какого-нибудь рояля.

— Вы читаете? — спросилъ онъ и посмотрѣлъ на книги Іоанна, лежавшія сверху другихъ вещей.

— Да, надо же чѣмъ-нибудь запячь мозги, — сказалъ Іоаннъ.

Енсъ Лундъ скрестилъ на груди руки:

— У очень немногихъ людей есть мозги, — сказалъ онъ, или желая быть нахальнымъ, или же самъ не сознавая, что онъ нахаленъ. — Я никогда не читаю. Когда люди читаютъ, это происходитъ оттого, что они чувствуютъ себя пустыми. Мнѣ не нужны книги. У меня есть мое собственное «я». Впрочемъ, я также ни съ кѣмъ не разговариваю.

Г. Енсъ Лундъ говорилъ страннымъ стаккато, которое тончо обрубало фразу; и отставляло ее въ сторону.

— Откровенно говоря, я не знаю, съ кѣмъ можно разговаривать. Большинство людей, живущихъ на землѣ, на самомъ дѣлѣ перестали жить дѣльную вѣчность тому назадъ.

— Вы куда ѣдете? — неожиданно спросилъ онъ, смотря на Иоанна.

— Въ Бухарестъ, — отвѣтилъ Иоаннъ.

— И вы тоже? — повернулся Енсъ Лундъ къ Колліэту.

— Да.

— Да-съ, — сказалъ Енсъ Лундъ, который все время держалъ руки скрещенными на груди. — Я ни разу не слышалъ вашей игры, поэтому не могу вамъ сказать комплимента.

— Этого и не требуется, — сказалъ Иоаннъ и зналъ, что Лундъ лжетъ...

И, продолжая смотрѣть на лицо Енса Лунда, онъ снова почувствовалъ, подобно холодной волнѣ, прокатившейся по тѣлу, — и съ такой силой, что у него въ глазахъ помутилсъ — отголосокъ того бессмысленнаго страха, который овладѣлъ имъ въ тотъ вечеръ въ Лондонѣ, когда импрессарио сообщилъ ему:

— Знаете, кто здѣсь? Енсъ Лундъ спрятался въ одной изъ ложъ.

А Иоанну тогда показалось, что пальцы его словно обмазаны клеемъ, а душа, какъ бы связанная, бессильно застряла въ горлѣ...

Не слушая, что Лундъ говоритъ, онъ лишь смотрѣлъ на его лицо, въ которомъ зубы сверкали, какъ-будто свирѣпо вонзаясь въ слова, которыя онъ произносилъ.

Иоаннъ вспомнилъ другой вечеръ, вечеръ въ Брюсселѣ, когда, до крови кусая пальцы, онъ ѣхалъ домой съ концерта Енса Лунда. На колѣняхъ лежалъ онъ тогда въ каретѣ и зналъ, что теперь онъ побѣжденъ. Плакалъ и рыдалъ, ударя себя кулакомъ по

затылку. И весь потрясенный, въ состояніи, граничащемъ съ безуміемъ, сказалъ себѣ тогда:

— Въ такомъ случаѣ я больше не буду играть.

Трое сутокъ онъ ходилъ, какъ пьяный—пьяный отъ униженія...

Пьяный отъ сознанія, что онъ не самый великій. Что онъ никогда не будетъ самымъ великимъ.

Какъ странно, что искусство, которое никогда не доставляло ему радости, могло принести ему столько горя.

И все-таки онъ продолжалъ играть...

Іоаннъ услышалъ, что Енсъ Лундъ разговариваетъ съ Колліэттомъ:

— Мельбурнъ, Мельбурнъ, — говорилъ онъ, — родина—отечество, я съ ума схожу, когда слышу разговоры о родинѣ. Почему я величайшій скрипачъ? Потому что у меня нѣтъ родины. Ужъ извините, г. піанистъ, что я все говорю о себѣ, но я такъ откровененъ, что прямо признаюсь: это единственное, что меня интересуеть. Что васъ интересуеть? Женщины? Ну да, по ночамъ. Но о чемъ играешь? О самомъ себѣ.

И, вернувшись къ началу разговора, сказалъ, коротко засмѣявшись:

— Родина? Мои родители были милые люди. Они не дали мнѣ родины. У кого нѣтъ родины, тотъ свободенъ, а я родился на океанѣ, соединяющемъ всѣ страны. Отечество, родина—что это такое? Бѣгай вокругъ того же самага стола, гдѣ мы водимъ пальцемъ словно по бороздѣ, проведенной пальцемъ нашихъ отцовъ. У меня есть родина, господа. Зовется она—мое «я». Тамъ я и царь, и народъ, и совѣщательное учрежденіе,

и законодатель. Мое «я»—вотъ мое отечество, гдѣ я самодержецъ.

Енсъ Лундъ вдругъ повернулся къ Иоанну:

— Вы, какъ и я—вы никогда не слушаете.

— Нѣтъ, — сказалъ Иоаннъ, — я слушаю.

— Непохоже на то, — сказалъ Енсъ Лундъ и опять засмѣялся.

— Я не люблю Европу. На сколько приходовъ она дѣлится? Намъ надо соединиться по расамъ. Я играю для бѣлыхъ. Это я могу. Въ Китаѣ можетъ быть есть равный мнѣ, который играетъ для желтыхъ и кричить имъ: «Слушайте, чортъ васъ возьми, вотъ играю я, самъ себѣ царь и Богъ, царство и жизнь—«я».

— Но, чортъ возьми, вы ничего не говорите...

— Нѣтъ, потому что я слушаю, — сказалъ Иоаннъ, думая все объ одномъ и томъ же:

— «Теперь я брошу играть»—и продолжалъ играть...

Енсъ Лундъ помолчалъ секунду. Затѣмъ проговорилъ:

— Впрочемъ, я былъ изумленъ. Сегодня, за столомъ. Я не думалъ, что мои коллеги такъ умны, чтобы могли бояться сойти съ ума.

Иоаннъ не отвѣтилъ. Онъ еще разъ увидѣлъ передъ собой столовую и своихъ собратьевъ, которыхъ снимала княгиня Стурдза, и только что покинутый вокзалъ, гдѣ эти дамы и господа при открытомъ занавѣсѣ показывались публикѣ, состоявшей изъ двухъ журналистовъ.

— Теперь я брошу играть...

Но Енсъ Лундъ, все повторявшій одно и то же, говорилъ Коллиѣтту:

— Родина, господинъ—какъ, бишь, васъ звать?—отечество?... Мое «я»—вотъ мое знамя и мой девизъ, и если люди смѣшны, мнѣ это безразлично...

И онъ въ первый разъ засмѣялся долгимъ и сердечнымъ смѣхомъ:

— Потому что они, можетъ быть, не смѣшнѣе, чѣмъ я самъ.

— Моя родина? Мать родила меня подъ экваторомъ, а отецъ былъ вмѣсто повивальной бабки. Родина?—Енсъ Лундъ поднялся, съ его лица вдругъ точно спала маска, жилы выступили на его живомъ лбу, а ротъ скривился и остался широко раскрытымъ подъ насмѣшливой улыбкой:

— Родина? Это десятки различныхъ оковъ, которыми наши предки оплели наши шеи и наши ноги. Родина—это законы, которые до крови перетираютъ наши колѣни и ослѣпляютъ наши глаза. Родина—родина это тюрьма и колодець. Родина—да, это манежъ, гдѣ насъ гонять сквозь строй съ рубцами на распухшихъ спинахъ. Родина—тьфу, къ чорту ее. Родина—это лишь мѣсто, гдѣ всѣ мы прокаженные и горбатые.

— Уйгази, взберитесь на горы. Взберитесь на горы, и границъ не видно; онѣ стерты, и государство не существуетъ. Тамъ нѣтъ законовъ, и преступленіе не преступленіе, и позоръ не позоръ, и стыдъ не стыдъ; тамъ нѣтъ ни свода законовъ, ни параграфовъ. Но я существую—и никого, кромѣ меня...

Енсъ Лундъ помолчалъ секунду:

— «Я» и звѣзды.

— Играйте для нихъ, господинъ—какъ бишь васъ звать?—онѣ слушаютъ не хуже людей. Надъ нами звѣ-

зды и смерть. Но я сейчас живу, я свободенъ и въ лицо звѣздамъ и смерти играю свою жизнь...

— Но вы, графъ Уйгази, — и Енсъ Лундъ повернулся на каблукахъ, — вы, право, изъ прошлыхъ столѣтій.

— Да, — сказалъ Иоаннъ, въ вискахъ котораго стучала кровь.

Енсъ Лундъ снова засмѣялся:

— Говорю я чепуху, но моя мысль вѣрна.

— Да, — тихо сказалъ Иоаннъ, — вѣрна для того, кто можетъ такъ думать.

Енсъ Лундъ немного постоялъ. Затѣмъ внезапно сказалъ Иоанну:

— Знаете, что вы думаете о себѣ?—что вы рыцарь скорби.

— Но, милые господа, носить скорбь никого не облагораживаетъ. Дерзать—вотъ что облагораживаетъ... въ нашъ вѣкъ...

— Когда вы играете въ Бухарестѣ?—спросилъ онъ безъ всякаго перехода.

— Въ понедѣльникъ, — отвѣтилъ Иоаннъ въ странство.

— Гм... а я ѣду отдавать свою душу въ Будапештѣ.

— Новую душу, — сказалъ Иоаннъ.

— Нѣтъ, — и Енсъ Лундъ хлопнулъ поднятыми руками, — вѣчную мою душу я долженъ преподнести женамъ будапештскихъ банкировъ.

Они помолчали съ минуту. Затѣмъ Иоаннъ сказалъ:

— Но у васъ вѣдь была мать, родившая васъ подъ экваторомъ?

— И отецъ, оплодотворившій ее въ Архангельскѣ. Но, милѣйшій Уйгази, развѣ это не безразлично? По-

звольте спросить, кто помнитъ г-на Бонапарта-Senior? Исторія начинается съ Наполеона. Отецъ мой былъ изъ Лёгстёра и обвинчался со шхуной изъ Рудкъёбинга. Въ числѣ экипажа находилась Енсина Іенсень, которая, забеременевъ въ Ледовитомъ океанѣ, произвела меня на свѣтъ подъ экваторомъ.

— Рудкъёбингъ? — переспросилъ Іоаннь.

— Да. Вы не знаете этого мѣста.

— Нѣтъ, знаю, — сказалъ Іоаннь такъ же тихо, какъ и раньше: — это въ Даніи.

— Тоже Данія, — проговорилъ австраліецъ, переводя взглядъ съ одного на другого, точно сравнивая ихъ.

— Да, это называется Даніей, — сказалъ Енсъ Лундъ. — Рудкъёбингъ на Лангеландѣ, а Лангеландъ полоска земли въ морѣ. Съ Лангеланда пришло элекричество и я. У человѣка, Уйгази, нѣтъ никакого происхожденія. Я явился и я есмь. Кто имѣетъ право приказывать намъ? Я никого не слушаюсь. Я то, что я есть. А родился я утромъ, подъ счастливой звѣздой..

— Вы вѣрите въ звѣзды? — улыбнулся Іоаннь.

— Кто знаетъ, во что онъ вѣритъ. Для того, кто живетъ, нѣтъ смерти. Но что она такое для мертвыхъ, знаете ли вы это, г. Уйгази — простите, графъ Уйгази? Я читалъ, что земля наименьшій изъ всѣхъ міровъ, что всѣ звѣзды — міры. Тамъ найдется мѣсто для многихъ мертвецовъ съ маленькой земли...

— А когда вы умрете, — сказалъ Іоаннь полупѣвучимъ тономъ, — вы завѣщаете, чтобы корабль, отправился на экваторъ и пепломъ разсѣять вашъ прахъ надъ океаномъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Лундъ.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ.—Онъ противъ воли покраснѣлъ отъ страннаго противорѣчія, которое безсознательно чувствовалъ въ глубинѣ души:—Нѣтъ, лежать я хочу рядомъ съ матерью, а она похоронена на Лангеландѣ.

По лицу Іоанна промелькнула улыбка:

— Въ Даніи, — сказалъ онъ.

И, можетъ быть желая уйти отъ собственныхъ мыслей, сказалъ немного погодя:

— Въ Будапештѣ красивыя женщины, г. Енсъ Лундъ.

— Женщины, — сказалъ тотъ и зашаркалъ по полу, совсѣмъ какъ австраліецъ:—Я не знаю ихъ. Когда я узнаю женщинъ, тогда вѣроятно буду любить ихъ.

— Тогда я буду любить многихъ, чтобы не быть раздавленнымъ одной.

Іоаннъ засмѣялся:

— То же самое мнѣ однажды сказалъ одинъ индусъ.

— Значить правда, что индусы умны, — сказалъ Лундъ.

— Тотъ былъ уменъ. Онъ мнѣ рассказывалъ о томъ днѣ, когда желтые придутъ, какъ волна морская, и засыплютъ насъ, какъ песокъ.

— Объ этомъ пишутъ въ газетахъ. Впрочемъ я никогда не читаю газетъ. Желтые? Они придутъ войной на тѣхъ, кто будетъ тогда. Мы же живемъ теперь.

— Спокойной ночи, графъ Уйгази.

— Спокойной ночи, г. «имени котораго не упомяну».

— Колліэттъ, — сказалъ Генри.

— Да, Колліэттъ. Вы спите въ перчаткахъ?

— Въ перчаткахъ?

— Ну, да, ночью. Я это дѣлалю. Я натираю руки кремомъ и сплю въ перчаткахъ. Вамъ тоже слѣдовало бы — для пальцевъ.

— Спокойной ночи, Уйгази. Знаете, мнѣ кажется, что вы принадлежите къ тѣмъ людямъ, которые помнятъ слишкомъ хорошо и слишкомъ многое. Не надо помнить — надо идти дальше. Теперь я ѣду въ Будапештъ.

— Спокойной ночи.

Енсъ Лундъ кивнулъ головой и ушелъ.

Оба оставшіеся нѣкоторое время сидѣли молча. Затѣмъ Генри Колліэттъ сказалъ:

— Онъ очень странный.

— Да.

Они опять помолчали, пока австралиецъ не сказалъ.

— Онъ говорилъ такъ много. Но что именно, я не могу припомнить.

Снова наступило молчаніе.

— Но, можетъ быть, мнѣ удастся вспомнить черезъ годъ, — сказалъ Генри.

— Можетъ быть.

Австралиецъ закурилъ папиросу.

— Но какъ это онъ играетъ? — сказалъ онъ и посмотрѣлъ на Иоанна.

Иоаннъ, сидѣвшій съ закрытыми глазами, отвѣтилъ не сразу.

— Играетъ? — наконецъ сказалъ онъ:

— Онъ играетъ съ вершины горы, на которой стоитъ, — откуда ему открывается видъ на землю.

Немного погодя онъ поднялся:

— Я велю теперь приготовить койку на ночь.

Когда кондукторъ вошелъ, они стояли въ проходѣ и смотрѣли въ темноту за окномъ.

— Теперь мы навѣрное въ Венгріи, — сказалъ Генри.

— Да, — отвѣтилъ Іоаннъ. — Теперь мы въ Венгріи.

Дымъ отъ ихъ папиросъ то складывался въ кольца, то расплывался.

— Какъ странно они переплетаются, — сказалъ австралиецъ, слѣдя взоромъ за кольцами.

— Да.

— Я часто пробовалъ придавать имъ форму по собственному желанію, — сказалъ Генри. — Но это все-таки невозможно.

Іоаннъ слѣдилъ глазами за дѣломъ:

— Можетъ быть г. Енсъ Лундъ въ состояніи сдѣлать это, — проговорилъ онъ.

Но Генри Колліэттъ засмѣялся и сказалъ:

— Не можетъ же онъ дѣлать все, чортъ возьми.

Они простились, и Іоаннъ вошелъ въ купэ. Онъ зажегъ двѣ восковыя свѣчи, которыя всегда бралъ съ собой въ дорогу, и поставилъ ихъ на столъ въ два маленькихъ подсвѣчника. Затѣмъ потушилъ электричество и легъ.

Онъ пролежалъ долго — два часа съ лишнимъ, когда въ дверь постучались.

Это былъ австралиецъ.

— Вы спите? — спросилъ онъ. — Не знаю почему, но я совсѣмъ не могу спать. Можно немного посидѣть у васъ?

— Пожалуйста, — отвѣтилъ Іоаннъ.

Они не слышали ничего, кромѣ шума поѣзда — вотъ

онъ ѣдетъ черезъ мостъ, вотъ черезъ поле, а вотъ мимо неизвѣстнаго города.

Иоаннъ не шевелился. Свѣтъ желтаго пламени падалъ на его спокойное лицо.

— Мнѣ кажется, — тихо сказалъ австраліецъ, уставившись на красный потолокъ, — что сегодня былъ какой-то особенный день. А вѣдь ничего не случилось.

— Что вы называете случилось, Генри? Чтобы мы вмѣстѣ съ поѣздомъ слетѣли въ рѣку или чтобы разбойники отняли у насъ наши чеки?

Онъ снова полежалъ спокойно. Затѣмъ сказалъ, открывъ глаза:

— Теперь я поѣду въ Данію.

— Въ Данію? — вздрогнувъ, повторилъ Генри.

— Да. Туда, гдѣ я хочу играть — напоследокъ.

— Иоаннъ, — сказалъ Генри; до сихъ поръ онъ ни разу не называлъ его по имени.

Но Иоаннъ больше ничего не сказалъ. И австраліецъ тоже молчалъ.

Очень прямо сидѣлъ онъ передъ двумя восковыми свѣчками — какъ на стражѣ.

Иоаннъ Уйгази снова повернулъ голову, прислоненную къ красной обивкѣ датскаго казеннаго вагона.

Его аккомпаниаторъ что-то сказалъ ему.

— Что такое? — спросилъ онъ.

Голова у него была тяжелая. Ему казалось, что передъ этими плоскими, мокрыми отъ дождя полями онъ какъ-будто вновь пережилъ всю свою жизнь.

— Мы сейчас приѣдемъ, — сказалъ маленькій пианистъ, который — точный, какъ часы — приводилъ въ порядокъ и запиралъ багажъ, сегодня, какъ и всегда.

— Уже? — сказалъ Іоаннъ и увидѣлъ первые дома станціоннаго поселка.

— Гдѣ мы играемъ?

— Въ женскомъ обществѣ.

— Ахъ да.

Іоаннъ поднялся.

— А дождь все идетъ, — сказалъ онъ, смотря на дома, которыхъ стало больше.

Поѣздъ остановился.

Іоаннъ открылъ дверь купэ.

— Это граница? — спросилъ онъ у кондуктора, который не слышалъ его, такъ что онъ съ такимъ же успѣхомъ могъ спросить, здѣсь ли тридевятое царство.

Прямо передъ купэ стоялъ мужчина невысокаго роста, съ мѣховой шапкой на головѣ.

— Да, это граница, — сказалъ онъ и снялъ шапку:

— А вы, можетъ-быть, г. Уйгази?

— Да, это я.

— Я распорядительница концерта, — вдругъ сказала какая-то низенькая и молоденькая дѣвушка, выступивъ впередъ изъ-за спины мужчины, при чемъ яркая краска залила ея бѣлое лицо.

— А это мой отецъ.

II.

Іоаннъ, слегка смущенный, остановился на ступенькѣ вагона.

И, неожиданно засмѣявшись при видѣ маленькаго личика, которое краснѣло все больше и больше, сказалъ наконецъ:

— Вы такъ молоды, фрекенъ.

Низенькій отецъ, отвѣтилъ:

— Да, кто-нибудь долженъ же рѣшиться, ну вотъ моя дочь и взяла на себя.

Они пошли по платформѣ. Молодая дѣвушка шла съ другой стороны отца. Всѣ кланялись имъ, но низкій, коренастый отецъ въ отвѣтъ лишь кивалъ головой.

— Вѣдь мѣстечко у насъ тутъ маленькое, — сказалъ онъ.

А Іоаннъ, который — самъ не зная почему — все еще былъ слегка смущенъ, сказалъ; думая объ обществѣ, пригласившемъ его играть:

— Но я надѣюсь, что все-таки кто-нибудь придетъ.

Молодая дѣвушка повернула голову и посмотрѣла

на отца. Но тотъ сказалъ лишь, какъ человѣкъ, который нѣсколько не интересуется этимъ:

— Право не знаю. Но вѣроятно придутъ.

— Потому что иначе обществу вѣдь будетъ убытокъ, — сказалъ Иоаннъ, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ.

Герда Иогансенъ не отвѣчала и все смотрѣла внизъ на дорогу, куда ставила свои ноги (какія у нея хорошенькія ножки, подумалъ Иоаннъ).

Отецъ же немного погодя лишь повторилъ:

— Но мѣстечко у насъ тутъ маленькое, — и смотрѣлъ прямо передъ собой, точно желая сравнить, ровно ли стоять телефонные столбы.

Всѣ трое молча шли дальше по дорогѣ, и Иоаннъ, не зная что сказать, обернулся къ Гансу Гаакке, шедшему сзади съ несессеромъ и зонтикомъ, которые онъ никогда не выпускалъ изъ рукъ, потому что это были подарки его невѣсты:

— Это пианисть Гаакке, -- сказалъ онъ.

Обмѣнявшись поклонами, они пошли дальше. Никто не говорилъ ни слова. Но они могли слышать, какъ насвистывалъ слуга, который шелъ позади всѣхъ и ни когда не стѣснялся.

Но вдругъ фрекенъ сказала, какъ-будто это невольно вырвалось у нея, или же она хотѣла тайно подтолкнуть кого-то:

— Но гостиница очень плохая.

Широкоплечій отецъ чуть-чуть повернулъ голову къ Иоанну и сказалъ:

— Поэтому мы приготовили у себя нѣсколько комнатъ, такъ что.... если вы и г. Гаакке пожелаете...

Но Иоаннъ сказалъ — и это вышло у него какъ-то черезчуръ поспѣшно:

— Спасибо, но я всегда долженъ отдохнуть, передъ тѣмъ какъ играть.

— Это я прекрасно могу понять, — сказалъ отецъ точно такимъ же тономъ, какимъ говорилъ и все время. — Я только хотѣлъ предложить.

Они завернули въ улицу, длинную и размягченную дождемъ.

— Да, у насъ тутъ нѣтъ мостовой, — сказалъ Иогансенъ, посмотрѣвъ на заграничныя ботинки Иоанна.

— Но электричество у насъ есть, — прибавилъ онъ.

— И это наша гордость, — сказала дочь и вдругъ засмѣялась, или облегченная тѣмъ, что Иоаннъ не будетъ ихъ гостемъ, или желая скрыть свое разочарованіе.

— Въ Даніи все такъ прогрессируетъ, — сказалъ Иоаннъ.

— Да, это такъ называютъ, — сказалъ купецъ Иогансенъ.

— Но здѣсь, значить, граница? — спросилъ Иоаннъ.

— Да, — отвѣтилъ низенькій отецъ, при чемъ голосъ его прозвучалъ иначе.

— Вонъ тамъ, — сказала дочь, указывая рукой, — вонъ тамъ проходитъ граница.

— А вотъ и гостиница, — сказалъ г. Иогансенъ, оставившись передъ длиннымъ краснымъ зданіемъ, ворота котораго были похожи на брешь, пробитую бурей.

— Спасибо, — сказалъ Иоаннъ. — Мы, значить, увидимся.

— Мы обѣдаемъ въ половинѣ седьмого, — сказалъ купецъ, — только ужъ чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Онъ протянулъ руку, и фрекенъ Герда тоже подала свою ручку — маленькую ручку, почувствовалъ Иоаннь.

И рядышкомъ, тихіе, но оба съ такой увѣренной, твердой походкой, отецъ и дочь пошли дальше.

Одно изъ стеколъ во входныхъ дверяхъ гостиницы было разбито вѣтромъ, а когда Иоаннь вошелъ въ переднюю комнату, тамъ среди пустыхъ стѣнъ одиноко стоялъ потертый биллиардъ. Гансъ Гаакке опустился на стулъ, держа несесерь и зонтикъ между раздвинутыми ногами, — какъ человѣкъ, которому ни до чего нѣтъ дѣла, — а слуга-берлинецъ, глаза котораго горѣли злорадствомъ, официальнымъ тономъ спросилъ изъ дверей:

— Позвонить, г. графъ?

Берлинецъ позвонилъ.

— Никто не идетъ, — сказалъ онъ и позвонилъ вторично — какъ вдругъ дверь распахнулась и въ комнату влетѣлъ какой-то субъектъ, который при видѣ Иоанна Уйгази принялся крутить взъерошенные волосы своими конфузливо растопыренными пальцами.

— Мы заказали комнаты, — сказалъ Иоаннь.

— Да, да... — и пальцы субъекта съ головы перелетѣли къ носовому платку, который онъ носилъ на шеѣ вмѣсто воротничка:

— Но мы полагали, что господа останутся у Иогансена.

— Я пожелалъ остаться здѣсь, — сказалъ Иоаннь.

Въ сосѣдней комнатѣ съ шумомъ раскрылась дверь:

— Какъ здѣсь дуется, — сказалъ Гансъ Гаакке, вѣчно боявшійся получить ревматизмъ въ пальцахъ), и раздался пронзительный и торопливый женскій голосъ:

— Йенсенъ, проводи господъ въ общія залы.

Кельнеръ, который все время точно подтягивался въ бедрахъ, сказалъ:

— Не угодно ли господамъ пройти за мною, — и черезъ коридоръ провелъ ихъ въ три комнаты, гдѣ были широкія раздвижныя двери, выкрашенныя въ бѣлую краску, но совершенно потрескавшіяся.

— Не угодно ли господамъ подождать здѣсь, — сказалъ кельнеръ и пододвинулъ два стула — тоже бѣлые лакированные, но такіе же потрескавшіеся, какъ и двери.

— Такъ вы позаботьтесь о багажѣ, — сказалъ Іоаннъ берлинцу, который удалился вмѣстѣ съ кельнеромъ. Когда оба вошли въ коридоръ, кельнеръ тряхнулъ головой и спросилъ, смотря на слугу:

— Откуда вы родомъ, если осмѣлюсь спросить?

— Я берлинецъ.

— А, о берлинцахъ мы много слышали, — сказали г. Йенсенъ и засмѣялся безъ всякой причины.

Навстрѣчу имъ шла горничная съ кучей сырыхъ простынь на рукѣ. Она была декольтирована и въ коралловомъ ожерельѣ. Чолка на лбу была завита, но на затылкѣ волосы лежали въ нѣкоторомъ безпорядкѣ.

— Вотъ комната для господъ, — крикнула она и открыла дверь въ одну изъ комнатъ второго этажа. Но кельнеръ побѣжалъ еще лѣстницей выше и захлопнулъ тамъ за собой дверь.

Берлинецъ стоялъ среди комнаты, гдѣ горничная принялась покрывать простынями голубую кровать, расписанную золотыми арабесками.

— Здѣсь надо затопить печку, — сказалъ берлинецъ, наблюдавшій изъ-за спины горничной за ея работой.

— Да, надо бы, — сказала та и хлопнула по простынямъ двумя красными ручищами. — Но голландскую печку сломали, а отопленіе (она указала на желѣзныя трубы, шедшія вдоль рамы окна) все никакъ не могутъ устроить. Но можно притащить сюда къ господамъ газовую печку.

Въ залѣ Гансъ Гаакке все сидѣлъ съ несессеромъ на круглыхъ колѣняхъ.

— Когда концертъ? — спросилъ онъ въ пространство.

— Въ восемь часовъ, — отвѣтилъ Іоаннъ, который стоялъ и разматривалъ голубыя фаянсовыя вазы, украшавшія бѣлыя полки вдоль стѣнъ.

— Гдѣ? — снова спросилъ Гансъ Гаакке опять-таки въ пространство.

— Здѣсь, — отвѣтилъ Іоаннъ и увидѣлъ, что фаянсовыя вазы въ дѣйствительности были деревянные.

Гансъ Гаакке немного помолчалъ, прежде чѣмъ спросилъ:

— Они васъ не приглашали къ себѣ?

— Какъ же, приглашали, — отвѣтилъ Іоаннъ и снова увидѣлъ передъ собой маленькую распорядительницу, какъ она выступила впередъ тамъ, на вокзалѣ: — Она красивая.

— Я ее не замѣтилъ, — сказалъ Гансъ Гаакке.

Іоаннъ засмѣялся, самъ не вняв, при мысли ли о раскраснѣвшемся лицѣ маленькой френкенъ, или надъ Гансомъ Гаакке.

— Конечно, Гаакке, — сказалъ онъ: — Вѣдь вы никогда ничего не видите.

-- Да и не на что смотрѣть, — сказалъ Гаакке, такъ же какъ и раньше.

Дверь отворилась, и берлинецъ вошелъ, чтобы доложить, что комнаты готовы:

— На первыхъ порахъ, — прибавилъ онъ.

Иоаннъ и Гаакке вышли, и на лѣстницѣ имъ попался кельнеръ Иенсенъ, который съ помощью значительнаго количества воды и многочисленныхъ кусочковъ воска устроилъ себѣ проборъ и имѣлъ такой видъ, какъ-будто въ волосахъ у него было два шиньона.

Горничная крикнула:

— Иенсенъ, вотъ здѣсь приготовлено для другого. — И служанка вышла изъ дверей, ведущихъ въ комнату, гдѣ стояла коричневая кровать съ двумя большими перинами.

— Да, вотъ сюда, сударь, — сказалъ Иенсенъ, схватившій газовую печку, которую онъ втащилъ къ Иоанну.

— Вы смотрите на окно, сударь, — сказалъ онъ. — Я ихъ обыкновенно затыкаю бумажками... Потому что домъ такъ подался, что просто ужасъ. Но вѣдь онъ былъ построенъ среди, какъ говорится, ровнаго поля, когда тутъ началъ расти поселокъ. Но Томсену пришлось бросить дѣло раньше, чѣмъ все было устроено; а мебель была расписана въ Копенгагенѣ.

— А Олесенъ мало смотреть за этимъ, ну и теперь все стало-быть словно приходитъ въ упадокъ.

— Позвольте, я это сдѣлаю, — г. Иенсенъ подле-

тѣлъ къ окну, которое Іоаннъ хотѣлъ крѣпче притворить.

— Спасибо, — сказалъ Іоаннъ.

Но г. Іенсенъ продолжалъ болтать, безпрестанно крутя въ пальцахъ грудь своей неприкосновенной сорочки — такой истертой, что сквозь нее просвѣчивало его голое тѣло.

— Но зала у насъ красивая, — говорилъ онъ: — Тамъ гдѣ вы будете играть, сударь... Потому что ее кончили раньше, чѣмъ Томсенъ ушелъ, да ею одной и держится вся гостиница.

— Какъ такъ? — сказалъ Іоаннъ, натиравшій ногти кремомъ.

— Господи, вѣдь въ нашей, какъ говорится, мѣстности, столько разныхъ собраній и лекцій, — разговаривая, г. Іенсенъ все время передвигалъ взадъ и впередъ свои шиньоны, потряхивая головой, какъ ласкающаяся коза. — У насъ вѣдь просвѣщенная мѣстность, и крестьяне тоже, какъ говорится, не отстаютъ... хотя иному человѣку трудно тутъ, когда въ другихъ мѣстахъ привыкъ къ большому...

— Я вѣдь изъ Копенгагена.

— Ну и здѣсь одиноко во всѣхъ отношеніяхъ,

— Да, — сказалъ Іоаннъ, покончившій съ ногтями.

— И вѣдь совсѣмъ не о такой жизни думалъ я раньше, — сказалъ г. Іенсенъ.

— У меня вѣдь теноръ, и я мечталъ о театрѣ.

— Многіе въ Даніи мечтаютъ о театрѣ, — сказалъ Іоаннъ.

Г. Іенсенъ улыбнулся:

— Да, — сказалъ онъ, — а страна маленькая, такъ

что не всё́мъ удастся. Но это вѣрно лежитъ, такъ сказать, въ природѣ, и народъ вѣдь у насъ просвѣщенный.

Іоаннъ стоялъ и смотрѣлъ въ окно. Телефонные столбы, столбъ за столбомъ, тянулись вдоль длинной улицы.

— Но мы думали, что господа останутся у Іогансена, — сказалъ г. Іенсенъ какъ своего рода заключение:

— У Іогансена превосходнѣйшій домъ... но вѣдь г. Іогансенъ у насъ тутъ, такъ сказать, главный заправила.

— Но господа, вѣрно, пойдутъ туда въ гости, — добавилъ Іенсенъ, благоволившій наконецъ двинуть свои плотно обтянутыя ноги по направлению къ двери.

Іоаннъ обернулся. Газовая печка чадила такъ, что во всей комнатѣ стояла вонь.

— Да, — сказалъ онъ, совсѣмъ не думая объ этомъ. — Позовите пожалуйста моего слугу.

Г. Іенсенъ вышелъ.

Іоаннъ легъ на диванъ. Но расписанная мебель не очень-то годилась для лежанья. Газовая печка продолжала чадить. Но если ее потушить, станетъ такъ холодно, что пальцы окоченѣютъ.

Іоаннъ лежалъ и смотрѣлъ на комнату. Стекло въ дверяхъ треснуло пополамъ и было заклеено бумагой, на которой стояло: «Народная Газета». Въ этомъ домѣ всѣ поврежденія исправляли печатной бумагой.

Когда берлинецъ вошелъ, Іоаннъ порывисто поднялся съ дивана, при чемъ его шевіотовый пиджакъ зацѣпился за одинъ изъ художественныхъ гвоздиковъ, которыми была прикрѣплена обивка:

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — здѣсь слишкомъ холо-

но. Сходите къ Иогансенамъ и скажите, что я прошу позволенія побыть тамъ нѣкоторое время. Гдѣ Гаакке?

— Г. Гаакке легли.

— Ну ладно.

Берлинецъ немного постоялъ.

— Въ этомъ домѣ иначе и нельзя, — сказалъ онъ. — Тутъ люди должны барахтаться подъ простынями, чтобы не замерзнуть.

— Ну такъ я иду, — закончилъ онъ.

Когда Иоаннъ немного погодя вышелъ изъ воротъ гостиницы, мимо него проѣхало ландо. На передкѣ сидѣлъ молодой, крѣпко сложенный господинъ. Иоаннъ обернулся и посмотрѣлъ на его лицо, которое ему показалось знакомымъ. Затѣмъ наискось черезъ улицу направился къ красному дому купца Иогансена. На немъ не было ни имени ни вывѣски. Прочно стоялъ на землѣ широкой фасадъ этого большого дома.

Иоаннъ вошелъ въ магазинъ, гдѣ безносый приказчикъ стоялъ за длиннымъ потрескавшимся прилавкомъ и спросилъ, отсюда ли входъ къ г-ну Иогансену. Приказчикъ уже откинулъ было створку прилавка и сказалъ — Иоаннъ почувствовалъ, что бѣдняга совѣмъ воспотѣлъ:

— Да, вы можете пройти здѣсь.... — когда въ дверь вошелъ господинъ съ бѣлокурой бородкой:

— Помилуйте, нѣтъ; не угодно ли вамъ пойти за мной, — сказалъ онъ.

И повелъ Иоанна снова на улицу, а затѣмъ въ подъѣздъ. Лѣстница была вся уставлена цвѣтами.

— Пожалуйста, — сказалъ бѣлокурый господинъ, — это наверху.

Когда Иоаннъ взошелъ на лѣстницу, маленькая френкень сама открыла дверь прямо въ комнаты:

— Милости просимъ, — сказала она и пожала Иоанну руку у самаго основанія большого пальца.

— Мы такъ и думали, что въ гостиницѣ слишкомъ ужъ плохо. У-у, тамъ такъ гадко. А здѣсь вамъ никто не будетъ мѣшать. Мы только закроемъ здѣсь, — и она принялась закрывать двери въ другія комнаты, какъ челоуѣкъ, выполняющій нѣчто давно рѣшенное имъ, — а тамъ дальше есть и спальня.

Она немного постояла, оглядывая комнату, а затѣмъ вышла. Иоаннъ хотѣлъ сказать что-нибудь, извиниться. Но она вышла — черезъ двустворчатую дверь, которую закрыла за собой.

Иоаннъ улыбнулся. Здѣсь безусловно будетъ спокойно. Какъ это пріятно. Онъ продолжалъ улыбаться (какая она красивая, эта маленькая распорядительница), обходя вокругъ стола подъ висячей лампой. Всѣ эти картины надъ диваномъ и надъ роялемъ, эти увеличенные фотографіи на сѣромъ картонѣ и въ черныхъ рамкахъ. Нѣсколько энергичныхъ лицъ и мужчины съ деревенскими галстуками до самаго подбородка.

Вотъ это лицо замѣчательно. Что ему напоминаютъ эти глаза и форма лба? Что это было? Гдѣ это было? Кого они напоминаютъ? Ахъ да, ее, хозяйку гостиницы «Золотой Рогъ», старушку въ Монтрейлѣ... когда она по вечерамъ сидѣла въ кухнѣ передъ огнемъ. Это тѣ же самые глаза.

— Расскажите еще что-нибудь, — всегда просила она. — Расскажите еще.

И Иоаннъ долженъ былъ продолжать свои расска-

зы, а старушка сидѣла, устремивъ на огонь свои удивительные глаза (да, это тѣ же самые глаза).

— Но почему вы сами не поѣдете въ Парижъ, мадамъ Шабу? — спрашивалъ онъ.

На старушка отвѣчала:

— Здѣсь не ѣздятъ. Здѣсь сидятъ на своихъ мѣстахъ. Гдѣ я родилась, тамъ я и свила свое гнѣздо. Но думать — на это имѣешь право.

И до поздней ночи онъ долженъ былъ сидѣть и рассказывать тетускѣ Шабу о большихъ городахъ и обширныхъ странахъ.

— Да, сударь, — говорила старушка, — мѣръ великъ.

— Великъ и малъ, мадамъ Шабу.

Она смотрѣла на него своими черезчуръ большими глазами:

— Великъ для того, кто его не знаетъ, — говорила она.

— — — Иоаннъ все стоялъ передъ портретомъ. Когда онъ хотѣлъ пройти дальше, онъ чуть не уронилъ флаконъ одеколона, стоявшій на маленькомъ столикѣ. Флаконъ покачнулся, но онъ поддержалъ его. Это кресло очень удобно. Вся мебель, собственно говоря, новая, но у нея такой видъ, какъ-будто она давно стоитъ въ комнатѣ. Подъ маленькимъ столикомъ были три полки — а, это альбомы. Иоаннъ взялъ одинъ изъ нихъ и открылъ его.

Вотъ юна опять, на самой первой страницѣ, «крестьянка» со стѣны. Да. Но эта маленькая фотографія лучше. Какъ глаза господствуютъ надъ всеѣмъ лицомъ. Но ротъ — точно рѣзкая черта, проведенная надъ подбородкомъ. Иоаннъ перевернулъ страницу. Опять тѣ же

фотографіи, что и на стѣнѣ. Да. И всѣ глаза похожи на глаза старухи. Но лица становятся уже, подбородокъ уже не такой опредѣленный. И глаза словно растутъ. Вотъ у этой молодой дѣвушки какъ-будто уже ничего нѣтъ, кромѣ глазъ. И ротъ сталъ полнымъ съ изогнутымъ очертаніемъ губъ.

Іоаннъ невольно опять перевернулъ назадъ до первой страницы. Она, эта старуха, черезъ весь рядъ поколѣній прожгла свои глаза..... И вѣдь у маленькой распорядительницы былъ точно такой же взглядъ въ тотъ моментъ, когда она стояла и оглядывала комнату.

Значитъ эта старуха — и Іоаннъ продолжалъ перелистывать альбомъ — прабабушка. А вонъ бабушка съ золотой брошкой и въ платьѣ изъ кэмчатной ткани. А это мать — вонъ та, съ небольшимъ вырѣзомъ у шеи и медальономъ.

Да, глаза, правда, тѣ же. Но выраженіе ихъ измѣнилось. У этой молодой дѣвушки (вотъ она опять въ студенческой шапочкѣ) во взглядѣ уже не осталось ничего, кромѣ лихорадочнаго огня....

Гм... всѣ остальные фотографіи—вѣроятно отцовская семья. Очень милыя, бѣлокуроыя и добродушныя лица... Вотъ этотъ напоминаетъ пивовара, который десять лѣтъ тому назадъ былъ у нихъ на островѣ, когда отецъ хотѣлъ устроить пивоварню. Онъ все жаловался, что у нихъ нельзя достать стаканчикъ хорошаго пивца, и писалъ стихи въ тетрадкѣ — можетъ быть г. графъ соизволить прочесть ихъ.

Въ домѣ гдѣ-то скрипнула дверь, и Іоаннъ невольно захопнулъ альбомъ.

Онъ всталъ и подошелъ къ роялю.

Что это? Дѣйствительно, фотोगравюра — съ картины Коро: печальные и темныя деревья Коро.

И по бокамъ окна тоже висить нѣсколько ихъ. Странно подумать, какъ это они попали сюда. А тамъ, наверху — и Иоаннъ наклонился впередъ, чтобы посмотреть — вѣдь это же «Сумерки».

Иоаннъ остановился и, самъ не сознавая того, перевелъ рукой по глазамъ. Странно, что онъ могъ забыть, что сегодня день рожденія матери. Въ первый разъ онъ забылъ — за всѣ эти годы....

Онъ хорошо помнилъ, что послѣ смерти матери отецъ снялъ «Сумерки» съ ихъ мѣста надъ печкой и повѣсилъ въ своей комнатѣ надъ письменнымъ столомъ....

Можетъ быть въ этой французской картинѣ — въ этихъ сумеркахъ — есть что-то «датское».

Его мать такъ часто сидѣла и смотрѣла на нее — на эти сумерки, окутывающія землю.

Иоаннъ повернулъ голову. Черезъ крайнее окно гостиной онъ могъ видѣть внутренность одной комнаты. Кельнеръ Иенсенъ стоялъ тамъ посрединѣ и вертѣлъ туловищемъ — а, онъ стоитъ передъ зеркаломъ. Иоаннъ поднялъ глаза. Фронтонъ гостиной немного покосился. «Отель Данія», прочелъ Иоаннъ. Это было написано краснымъ по бѣлому. Но нѣсколько буквъ были не совсѣмъ ясны, потому что известка осыпалась. Иоаннъ продолжалъ смотрѣть на красныя буквы, пока не перевелъ глаза ниже. Кельнеръ все стоялъ и вертѣлся передъ зеркаломъ, смотря на себя то спереди, то сзади.

Взоръ Иоанна скользнулъ ниже, вдоль фасада «Даніи»:

Въ отверстіи, изображающемъ входъ, были четыре петли, четыре большія петли — тамъ должны были висѣть ворота...

Когда Іоаннъ вернется домой, онъ переберется наверхъ въ комнату отца. И поставитъ рояль на то мѣсто, гдѣ стоялъ письменный столъ отца. Эти комнаты выходятъ тоже на сѣверъ. Какъ мало онъ, въ сущности, зналъ своего отца и какъ мало зналъ о немъ. Но онъ всегда такъ мало разговаривалъ, его отецъ. Были годы, когда онъ постоянно читалъ, съ утра до вечера читалъ всевозможныя книги, медицинскія сочиненія, философскія и «воспоминанія».

Іоаннъ помнилъ, что однажды во время каникулъ вошелъ къ отцу въ комнату:

— Ты все сидишь здѣсь, папа, цѣлые дни, — сказалъ онъ. — Нѣ поѣхать ли намъ немного попутешествовать? Мы могли бы отправиться въ Констанцу...

— Ты можешь ѣхать, — сказалъ отецъ.

— А ты? Ты все сидишь и читаешь...

— Да, — и отецъ снова опустилъ глаза въ книгу. — Вѣдь надо же провести время, — сказалъ онъ:

— А кромѣ этого, можетъ быть удастся найти объясненіе.

— Объясненіе? — спросилъ Іоаннъ.

— Да, — отвѣтилъ отецъ: — объясненіе безсмысленности, — И отецъ продолжалъ читать, но послѣдніе годы онъ и читать пересталъ. И лишь ѣздилъ верхомъ, ѣздилъ утромъ и вечеромъ, днемъ и послѣ захода солнца, ѣздилъ одинъ, кругомъ острова, какъ по вѣчному кругу. А теперь онъ умеръ, одинокій

Іоаннъ самъ не сознавалъ, что повернулъ голову и опять смотрѣлъ на «Сумерки» Коро.

Какъ сильно отецъ, должно быть, любилъ его мать. Но мать — она всегда напоминала человѣка, который медленно, совсѣмъ медленно истекаетъ кровью; пока не умерла... въ тотъ день. Какъ хорошо онъ помнить день ея смерти, хотя былъ такимъ маленькимъ. Онъ бѣгалъ тогда по всему дому, подбѣгалъ ко всѣмъ, хваталъ ихъ за руки и спрашивалъ, спрашивалъ: — «Почему, почему мама умерла?»

Іоаннъ опять отошелъ отъ окна — обходя мебель машинально и не смотря на нее, какъ-будто давно привыкъ двигаться въ этой комнатѣ.

Вонъ лежитъ еженедѣльная газета «Иллюстрація» отъ прошлаго воскресенія. Эту газету онъ еще не видалъ.

Іоаннъ развернулъ ее:

— А, его портретъ — тотъ портретъ, который всегда помѣщаются въ газетахъ.

Въ дверь постучались.

— Войдите, — сказалъ Іоаннъ все еще съ «Иллюстраціей» въ рукахъ.

Это была маленькая фрекенъ съ подносомъ:

— Я вамъ принесла немного чаю, — сказала она своимъ спокойнымъ голосомъ и, ставя подносъ на столъ, прибавила съ легкой улыбкой:

— Да, тамъ вашъ портретъ.

Іоаннъ немного поспѣшно выпустилъ газету изъ рукъ:

А я тутъ сидѣлъ и рассматривалъ ваши альбомы, фрекенъ.

Дѣвушка разложила поперѣхъ скатерти стола маленькую чайную салфетку. Ея косы были заложены на голубѣ вѣнцомъ и заколоты серебряными шпильками.

— Они для васъ не могли быть интересны, — сказала она. — Тамъ только мои родные.

— Напротивъ. У этой старой... (Іоаннъ секунду искалъ слово, затѣмъ сказалъ) у этой старой дамы прелестное лицо.

Дѣвушка на мгновеніе подняла глаза:

— Вы находите?

— Но портретъ на стѣнѣ, — сказалъ Іоаннъ, беря альбомъ, — не такъ хорошъ...

— Да, — и она продолжала спокойными движеніями разставлять посуду на столѣ. — Но это только увеличенная фотографія.

Іоаннъ смотрѣлъ въ альбомъ:

— Но здѣсь ея лицо прелестно, — сказалъ онъ.

Дѣвушка продолжала хозяйничать:

— Не знаю, какъ вамъ наливать чай: крѣпкій или нѣтъ, — сказала она, говоря все тѣмъ же спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ.

— Да, спасибо, — сказалъ онъ и улыбнулся. — Я пью крѣпкій.

— Я такъ и думала, — сказала она и тоже улыбнулась на мгновеніе. — Лишь бы онъ былъ достаточно хорошъ. Въ деревнѣ трудно достать хорошій чай, хотя у насъ самихъ лавка.

Іоаннъ перевелъ взглядъ съ портрета старухи на лицо молодой дѣвушки: оно было почти неподвижно въ своей спокойной миловидности.

— Впрочемъ мы, крестьяне, мало понимаемъ толку въ чаѣ, — сказала она.

Но теперь, когда она наливала чай, Іоаннъ замѣтилъ — и самъ не понималъ, почему почувствовалъ при этомъ какъ бы внезапную радость — что у нея дрожать руки, такъ что она почти не можетъ наливать.

И онъ немного торопливо сказалъ:

— А вы сами развѣ не будете пить чай, фрекень?

— Я не хочу мѣшать вамъ, — сказала она.

— О нѣтъ, нисколько. Наоборотъ — тогда мнѣ останется меньше времени, чтобы бояться...

— Бояться?

— Да.

— Бояться играть передъ нами, которые цѣлыя три недѣли только то и дѣлали, что радовались?

Іоаннъ поднялся, охваченный тѣмъ волненіемъ, которое всегда овладѣвало имъ передъ концертами, когда онъ думалъ о томъ, что долженъ играть:

— Именно поэтому, фрекень, — сказалъ онъ и прибавилъ, окидывая взглядомъ комнату:

— Мнѣ, право, такъ хотѣлось бы сыграть здѣсь хорошо.

— Такъ я принесу себѣ чашку, — сказала она и вышла.

Послѣ ея ухода Іоаннъ подумалъ, самъ не зная почему: «Они, вѣроятно, очень состоятельные».

Вернувшись въ комнату, молодая дѣвушка сказала, указывая на раскрытый альбомъ:

— Это прабабушка. — И голосъ ея звучалъ при этомъ какъ-будто громче, или же иначе, чѣмъ обыкновенно.

— А это, — сказалъ Іоаннъ, указывая на фотографіи, — ваша бабушка.

— Да, — сказала она и засмѣялась.

— А это ваша мать... а это сестра.

— Да.

— Ваша сестра учится? Она студентка?...

— Да, — она помолчала секунду, и голосъ ея опять измѣнился. — Моя сестра студентка.

— А это мой братъ, — сказала она, и казалось, будто она тяжело переводить духъ: — И больше нѣтъ никого.

— Гдѣ же вашъ братъ? — спросилъ Іоаннъ.

Она отпила отъ своего чая:

— Брату вѣдь должно перейти папино дѣло... онъ въ Вейле.

— Въ Вейле; — повторилъ Іоаннъ.

Удивленная тономъ его голоса, она сказала быстрѣе:

— Не правда ли, въ Вейле очень славно? Мнѣ кажется, что это самое красивое мѣсто... тамъ все такое голубое и зеленое.

— Я никогда не былъ тамъ лѣтомъ, — сказалъ Іоаннъ.

— А вамъ бы, право, слѣдовало.... Я такъ часто бываю въ Вейле. Деревья около Вейле такъ долго сохраняютъ свои листья — и все тамъ такъ сверкаетъ. Мы часто катаемся въ лодкѣ, когда обѣдаемъ на Монастырской Горѣ.

— Моя мать родилась въ Вейле, — сказалъ Іоаннъ. Прошла секунда.

— Въ Вейле? — повторила она, понизивъ голосъ.

— Да, въ Вейле, — очень тихо сказалъ Іоаннъ.

Зараженная чѣмъ-то въ его голосѣ, она сказала почти тѣмъ же тономъ, что и онъ:

— И она уѣхала такъ далеко?

Іоаннъ вдругъ посмотрѣлъ на нее.

— Да, далеко, — проговорилъ онъ.

Но, желая можетъ быть перемѣнить настроеніе, она сказала немного отрывисто, но весело:

— Но и зимой тамъ тоже славно. Мнѣ кажется, что въ Вейле всегда такъ оживленно... и люди тамъ такіе общительные и такъ громко говорятъ на улицахъ. Я люблю Вейле почти больше, чѣмъ Копенгагенъ.

— Чѣмъ Копенгагенъ?

— Да. Можетъ быть это потому, что Копенгагенъ слишкомъ большой для такой какъ я, изъ деревни... или, не знаю, — недостаточно большой.

— Недостаточно большой?

Іоаннъ посмотрѣлъ на ея личико, которое вдругъ зардѣлось и краснѣло все больше и больше — какъ на станціи.

— Ну да, я никогда не видѣла города побольше.. Но когда думаешь: большой городъ, вѣдь предста-вляешь себѣ что-то такое особенное...

— Да.

Они помолчали, и ея лицо опять поблѣднѣло.

— Вы видѣли всѣ города, — сказала она.

— Много, — сказалъ Іоаннъ. — И всѣ они похожи другъ на друга.

Она повернула къ нему лицо:

— Развѣ?

И снова наклонила голову:

— Но все-таки вы видѣли ихъ, — сказала она и при-

бавила съ улыбкой, которая слегка дрожала въ углахъ губъ: — Большинству же людей никогда не удается видѣть ихъ.

И снова перемѣнила разговоръ:

— Но мой братъ много видѣлъ — въ тѣ годы, когда былъ въ плаваніи.

— Онъ былъ въ плаваніи?

— Да, три года. Но потомъ рѣшили, что онъ возьметъ папино дѣло, и, не знаю, можетъ быть ему тоже не хватило смѣлости оставаться на морѣ.

Нѣкоторое время было тихо, пока Іоаннъ не спросилъ, чтобы только сказать что-нибудь:

— Гдѣ же онъ былъ?

— Онъ былъ въ Калифорніи, — она произнесла послѣднее слово очень протяжно, такъ что казалось, что это было такъ далеко, далеко — и въ Шанхаѣ.

— Въ Шанхаѣ, говорятъ, очень красиво въ европейскихъ кварталахъ, — сказалъ Іоаннъ.

И вдругъ спросилъ:

— Какъ васъ, собственно говоря, зовутъ, фрекень?

— Какъ меня зовутъ? — она засмѣялась, сдѣлавъ руками нѣсколько легкихъ движеній въ воздухѣ. — Меня зовутъ Герда.

— Герда, — сказалъ Іоаннъ и повторилъ еще разъ. — Это легко произнести.

— Да, — Герда продолжала смѣяться. — А ваше имя никто не въ состояніи произнести. Мы ужъ упражнялись, упражнялись. Но мы не знали какъ слѣдуетъ, какъ оно произносится.

— Іоаннъ, — сказалъ онъ. — Іоаннъ. Скажите-ка.

— Іоаннъ, — повторила Герда.

Но онъ засмѣялся:

— Вы это говорите, совсѣмъ какъ Ане.

Герда засмѣялась:

— Ане? кто это?

— Это моя старая служанка... Она тоже изъ Вейле.

— Всѣ изъ Вейле, — сказала Герда и улыбнулась.

— Да.

И вдругъ Іоаннъ протянулъ руку и заигралъ на роялѣ:

Въ Вейле я родился,

Тамъ родина моя...

— О, какъ это прелестно, что вы знаете наши пѣсни...

Руки Іоанна упали съ клавишъ:

— Ихъ вѣдь пѣла моя мать, — сказалъ онъ.

Герда встала.

— Ане послѣдовала за моею матерью, — сказалъ Іоаннъ.

— На вашу родину.

Іоаннъ сидѣлъ неподвижно.

— Въ Венгрію, — продолжала Герда и говорила такъ же тихо, какъ и онъ. — Въ Венгрію, говорятъ, такъ красиво. У меня былъ двоюродный братъ, который былъ въ Венгрію.

Іоаннъ пересѣлъ на табуретку у рояля:

— Что вамъ больше всего хотѣлось бы видѣть на звѣтѣ? — спросилъ онъ.

— Больше всего? — Она очень медленно произнесла эти слова, и въ сумеркахъ, начавшихъ заполнять ком-

нату, онъ увидѣлъ ея огромные глаза, которые словно искали что-то. — Больше всего горы.

— Близъ моей родины есть горы, — сказалъ Іоаннъ.

— Да?

Это было сказано едва слышно.

— Іоаннъ повернулся на табуреткѣ:

— А когда вы не бываете ни въ Вейле, ни въ Копенгагенѣ; вы живете здѣсь?

Герда сѣла немного далеко отъ него, на стулъ у окна:

— Да, вѣдь я должна быть съ отцомъ, теперь, когда я у него одна.

— Но ваша сестра вѣдь пріѣзжаетъ домой на каникулы...

Секунду было тихо. Затѣмъ Герда сказала:

— Моя сестра умерла.

— Умерла? — Іоаннъ невольно вздрогнулъ.

— Да, въ прошломъ году.

Она снова поднялась:

— Но теперь надо убрать чай.

— Зачѣмъ?

Она не отвѣтила, но принялась собирать посуду.

— Зажечь лампу?

О нѣтъ, я люблю сидѣть въ сумеркахъ. Въ Даніи сумерки очень длинные.

— Да. Это мое лучшее время.

И опять засмѣялась..

— Потому что тогда ничего не надо дѣлать.

— А что же вы вообще дѣлаете, фрекенъ Герда?

— Я, графъ Уйгази? — и засмѣялась надъ именемъ, которое не могла произнести.

— Уйгази, — поправилъ ее Іоаннъ.

— Уйгази, — по складамъ повторила Герда.

Іоаннъ засмѣялся:

— Теперь это было почти что правильно.

— Да, почти что, — сказала Герда, стоя съ подносомъ.

— Ну такъ что же вы дѣлаете, фрекень Герда?

— Многое. Я вѣдь веду хозяйство, — она немного выпятила губы, — а потомъ я должна вести нѣкоторыя книги. Завѣдующій говоритъ, что я должна ради папы принимать участіе въ дѣлахъ...

— Завѣдующій... Кто это?

— Тотъ господинъ, который васъ провелъ сюда наверхъ.

Іоаннъ вдругъ сказалъ со своего рода инквизиціоннымъ умысломъ мужчины:

— Онъ очень милъ.

Герда отвѣтила:

— Онъ здѣсь уже два года. Папа вѣдь не можетъ самъ завѣдывать лавкой, разъ у него еще торговля лѣсомъ... и винная торговля.

Она открыла дверь. Въ сосѣдней комнатѣ уже зажгли огонь, такъ что свѣтъ упалъ на Іоанна, стоявшаго передъ дверью; и Герда сказала, смотря на него въ этомъ освѣщеніи:

— Я никакъ не могу себя представить, что вы дѣйствительно пріѣхали....

— Какъ же, — сказалъ Іоаннъ. — Вотъ я стою передъ вами.

— Ну да, — быстро сказала она и снова покраснѣла:

Герда вдругъ наклонила станъ:

— Спасибо за компанію.

И закрыла за собой дверь.

Іоаннъ продолжалъ стоять, прислонившись къ косяку двери: какъ мягко звучить датскій языкъ, датская рѣчь. Какъ часто казалось ему — въ теченіе этихъ лѣтъ она звучала у него въ душѣ, какъ мотивъ, который онъ никакъ не могъ припомнить, какъ полузабытая пѣсня.

Но онъ поступилъ глупо — теперь, когда наконецъ рѣшился ѣхать въ Данію. Ему сразу, съ перваго же дня, надо было попасть къ настоящимъ людямъ. А онъ вращался въ кругу артистовъ, похожихъ на артистовъ всѣхъ другихъ странъ. Только эти немного побѣднѣе, и одежда ихъ болѣе потерта, и жены ихъ ходятъ въ платьяхъ домашняго производства. Іоаннъ улыбнулся — его мысли перескакивали съ одного на другое, какъ всегда, когда онъ бывалъ веселъ: онъ вспомнилъ торжественный ужинъ въ Копенгагенѣ. Это было очень любезно со стороны этихъ господъ, что они его пригласили на торжество. Мужчины въ полуполотняныхъ сорочкахъ держались какъ люди, которымъ рѣдко приходится сидѣть за пиршественнымъ столомъ, но разъ они попали туда, то ужъ наѣдятся вдосталь. Жены же, со впалыми глазами и гранатовыми ожерельями на худыхъ шеяхъ, сидѣли съ разсѣяннымъ видомъ и мяли въ рукахъ свои мытые перчатки. — Ахъ да, г. графъ, — сказала дама Іоанна, какъ только они сѣли за столъ (голова ея напоминала кактусъ, такъ торчали волосы на затылкѣ), — совсѣмъ голову потеряешь, и глаза стануть, какъ у сумасшедшей, когда надо сначала уложить въ постель своихъ пятерыхъ, а потомъ одѣться.

Жены этихъ артистовъ напоминали гарнизонныхъ дамъ въ Орсовѣ въ тотъ годъ, когда правительство не выплачивало офицерамъ жалованье. А его дама продолжала говорить: — Вы ужь меня извините, я прекрасно знаю, что говорю по-нѣмецки съ ошибками. И я когда-то училась въ Лейпцигѣ — но забываешь очень; а разъ сдѣлаешь глупость и выйдешь замужъ, тутъ ужь всякое искусство надо бросить: домъ, хозяйство занимаютъ у тебя все время, всѣ помыслы — хотя благодарности за это ни отъ кого не видишь... — И вдругъ провела руками по своимъ выдающимся скуламъ и сказала: — А что вы, такая знаменитость, собственно говоря, думаете о жизни?

— — — Продолжая улыбаться, Иоаннъ зашагалъ по комнатѣ.

— Да, въ иностранныхъ языкахъ датчане не сильны. Они вѣроятно никогда не путешествуютъ. Здѣсь, въ Даніи, люди остаются дома. Его мать тоже никогда не могла научиться правильно говорить по-венгерски. Отецъ всегда говорилъ съ ней по-датски. Какъ хорошо онъ помнить ея голосъ. Онъ тоже былъ такой тихій и словно полубоязливый.

— — — Иоаннъ сѣлъ къ роялю. Изъ-подъ его пальцевъ медленно выплывалъ какой-то мотивъ... какъ слова этой пѣсни? Его мать такъ часто говорила ихъ, когда Иоаннъ, сидя передъ большой печкой на ножкахъ, пѣлъ всѣ свои пѣсни:

И мѣсяць...

И мѣсяць прошелъ...

Руки Иоанна упали съ клавишъ...

На улицѣ зажгли нѣсколько фонарей. Свѣтъ отъ нихъ сквозь растенія на окнахъ падалъ на всѣ картины. Какъ здѣсь тихо. Онъ слышалъ медленные шаги пѣшеходовъ, проходившихъ по улицѣ. Они, вѣроятно, возвращаются домой съ работы и съ полей.

Иоаннъ продолжалъ подыскивать слова:

Но мѣсяцъ прошелъ—и безъ жизни
Лежалъ ужъ въ землѣ онъ сырой.

Его мать такъ часто по вечерамъ сидѣла у окна, подперевъ подбородокъ руками, и смотрѣла вдаль.

— Куда ты смотришь, Марія? — спрашивалъ отецъ.

— Я смотрю домой.

Нѣтъ, онъ никакъ не можетъ вспомнить слова... какъ это было?

Жилъ на свѣтѣ рыцарь Оге...

Жилъ рыцарь Оге...

Но маленькая фрекенъ должна знать ихъ. Разумѣется, она знаетъ ихъ.

Иоаннъ всталъ и, прежде чѣмъ открытъ дверь, постучался. Въ сосѣдней комнатѣ подъ лампой стояла какая-то дама. Она обернулась—у нея было очень ко-стлявое лицо.

— Виновать, — сказалъ Иоаннъ — Фрекенъ нѣтъ здѣсь?

— Я сейчасъ позову ее, — отвѣтила дама, и ея ко-стлявая фигура направилась къ дверямъ.

— Видите ли, фрекенъ, — сказалъ Иоаннъ, когда Герда вошла въ комнату — дверь она оставила открытой, такъ что свѣтъ лампы падалъ на рояль: — Мнѣ вспомнилась одна пѣсня... но я никакъ не могу припомнить словъ...

И онъ опять заигралъ мотивъ:

Жиль рыцарь Оге...

— Жиль рыцарь по имени Оге, — сказала она.

— Да.

— Оге, — поправила она его, засмѣявшись на мгновение.

— Оге, — сказалъ Иоаннъ и улыбнулся: — Это имя я никогда не могъ произнести.

— Оге, — повторила она, широко раскрывъ ротъ:

Жиль рыцарь по имени Оге,
Поѣхалъ онъ на острова.

— Да, — сказалъ Иоаннъ, слѣдуя на клавишахъ рояля за ея медленнымъ голосомъ.

Посваталъ тамъ юмфру онъ Эльзу,
Красавицей Эльза была.

Иоаннъ продолжалъ играть, а фрекенъ Герда наполнила пѣла:

Посваталъ красавицу Эльзу
Съ ея золотою казной.
А мѣсяць прошелъ — и безъ жизни
Лежалъ ужъ въ землѣ онъ сырой.

Съ минуту царило молчаніе. Затѣмъ Герда сказала:

— Это грустная пѣсня.

— Да, — сказалъ Іоаннъ.

Его руки все еще лежали на клавишахъ. Съ улицы доносились шаги пѣшеходовъ.

— Какъ здѣсь тихо, — проговорилъ Іоаннъ.

— Да.

Іоаннъ снова заигралъ.

— Моя мать часто пѣла это.

Герда не отвѣтила, и оба молчали.

Но затѣмъ Герда сказала—и голосъ ея зазвучалъ громче:

— Теперь я зажгу лампу.

Іоаннъ всталъ и, пока она зажигала, смотрѣлъ на ея руки. И вдругъ, смотря въ огонь, сказалъ тѣмъ же тономъ, какъ и раньше:

— Сегодня день рожденія моей матери.

— Какъ странно, что я именно сегодня... пріѣхалъ сюда.

Она держала колпакъ въ рукѣ:

— Да, — проговорила она ему въ тонъ, — какъ странно.

Она покрыла лампу колпакомъ и, можетъ быть по какой-то ассоціаціи, или же просто желая отвлечь его мысли, весело сказала:

— Теперь я вамъ покажу домъ, гдѣ я родилась... онъ не великъ.

И засмѣялась.

Она сняла со стѣны одну фотографію—очень маленькій домикъ: четыре окошка и дверь на улицу.

— И изъ нихъ два окошка были въ лавкѣ, — сказала она.

Она указывала пальцемъ на картинку:

— Вотъ мама, — сказала она. — А у нея на колѣняхъ это я.

— А вотъ ваша сестра, — сказалъ Іоаннъ.

Она отвѣтила немного торопливо:

— Да, это моя сестра.

И продолжала:

— Мама была еще совсѣмъ молода, когда умерла — вскорѣ послѣ того, какъ мы переѣхали въ новый домъ. Папа говоритъ, что она такъ хотѣла поскорѣй переѣхать сюда. А четыре мѣсяца послѣ этого умерла.

Іоаннъ ничего не сказалъ.

— И бабушка тоже умерла молодой. Но прабабушка пережила ихъ всѣхъ. Она умерла, когда мнѣ было девять лѣтъ.

— До какой старости она дожила, — сказалъ Іоаннъ и улыбнулся, самъ не зная чему.

Герда тоже улыбнулась:

— Да, ей было тогда девяносто три года. И до послѣдняго дня она сидѣла въ лавкѣ.

Она повѣсила фотографію на стѣну:

— Послѣ этого къ намъ переѣхала тетя, палица сестра.

— Такъ это, значить, ваша тетушка? — сказалъ Іоаннъ, кивнувъ головой въ сторону внутреннихъ комнатъ.

— Да, это тетя.

Іоаннъ засмѣялся:

— Она похожа на Ане, — сказалъ онъ.

— Развѣ? Тетя очень *славно*.

Но Іоаннъ продолжалъ смѣяться, какъ-будто желая подразнить ее:

— А все-таки она похожа на Ане.

И секунду спустя сказалъ:

— Знаете, я пошлю Ане телеграмму. Это ее обрадуетъ. Гдѣ здѣсь телеграфъ?

— Около станціи. Но можно послать служащаго.

— Нѣтъ, я хочу самъ.

— Это около самой станціи, — сказала Герда. — Но я могу васъ проводить.

— Вы хотите?

— Да, съ большимъ удовольствіемъ.

— Но сначала я побрызгаю. — Она взяла пульверизаторъ и начала брызгать по всей комнатѣ одеколономъ.

Іоаннъ засмѣялся:

— Зачѣмъ вы это дѣлаете?

— А то воздухъ очень плохой.

Она продолжала брызгать:

— Это всегда дѣлаютъ въ домахъ, гдѣ лавка.

— Тетя, — крикнула она во внутреннія комнаты. —

Мы идемъ на вокзалъ.

И надѣла шляпу и пальто такъ быстро, что Іоаннъ не успѣлъ даже помочь.

Они спустились по лѣстницѣ, и она открыла какую-то дверь и крикнула внутрь:

— Я иду на станцію.

— Это я папѣ. Онъ всегда хочетъ знать, гдѣ я. Онъ сталъ такимъ боязливымъ за послѣдніе годы...

Они вышли на улицу. Іоаннъ обернулся на мгновеніе: въ дверяхъ лавки стоялъ завѣдующій.

— Вонъ стоитъ завѣдующій, — сказалъ Іоаннъ.

— Да? — сказала Герда, и они пошли дальше.

— Это та самая улица, по которой вы пришли, — сказала Герда.

— Но теперь она красивѣе, — сказалъ Іоаннъ.

— Да, — сказала она и посмотрѣла вверхъ на фонари, висящіе надъ улицей, — потому что теперь горитъ электричество.

— И это наша гордость — наше электрическое освѣщеніе.

Она окинула взглядомъ красные дома вдоль улицы и снова засмѣялась:

— Но почти никто не пользуется имъ, потому что на это у нихъ нѣтъ средствъ.

— И мы тоже не пользуемся, потому что, если провести электричество въ комнаты, надо провести его и въ лавку... А папа не хочетъ этого.

— Почему? — спросилъ Іоаннъ.

— Нѣтъ, — она продолжала смѣяться, — онъ говоритъ, что покупатели не должны видѣть слишкомъ хорошо тѣ дешевые товары, которые приходится продавать здѣсь.

— Вашъ отецъ уменъ, — со смѣхомъ сказалъ Іоаннъ.

— Да, — сказала она и кивнула головой, внезапно ставъ серьезной.

На улицѣ стало темнѣе, и мимо нихъ проѣхало нѣсколько экипажей.

— Это пріѣхали на концертъ, — сказала Герда и норовильно заговорила шопотомъ.

Сидящіе въ экипажахъ казались въ полумракѣ большими черными столбами.

— Они оттуда, — сказала Герда.

— Оттуда?

— Да, изъ-за границы, — шепнула она.

Они вышли на дорогу, ведущую къ станціи.

— Вотъ и телеграфъ, — сказала она.

Надо было перейти черезъ мостикъ, проложенный черезъ широкій ровъ:

— Онъ качается, — сказала Герда, остановившись среди мостика.

— Да, — сказалъ Іоаннъ, топая ногой по деревянной настилкѣ!

Когда они вошли въ контору, Герда сказала:

— Графъ Уйгази, — она произнесла это имя точно сразбѣгу, — хочетъ послать телеграмму.

— Пожалуйста, — сказалъ телеграфистъ, посмотрѣвъ на нее, и подалъ Іоанну бланкъ.

Іоаннъ подошелъ къ маленькой конторкѣ и началъ писать. Телеграфный аппаратъ разговаривалъ своимъ короткимъ, отрывистымъ стукомъ.

— Отсюда можнѣ говорить со всѣмъ свѣтомъ, — сказала Герда.

— Да, — сказалъ Іоаннъ. — И отсюда вы въ первый разъ говорили со мной.

Она улыбнулась:

— Да, какъ это я рѣшилась.

Іоаннъ показалъ ей бланкъ, на которомъ написалъ телеграмму.

— Правильно написано? — спросилъ онъ.

Герда взяла бланкъ и прочла:

«Ане Іенсенъ. Замокъ Уйгази. Орсова. Сербія. По-

сылаю тебѣ, моя старая Ане, сердечный привѣтъ изъ Даніи. Твой Іоаннъ».

— Да, — сказала Герда, — только «посылаю» написано съ ошибкой.

— Нѣтъ, не умѣю я правильно писать по-датски, — сказала Іоаннъ, и это прозвучало почти раздраженно.

Онъ разорвалъ телеграмму на кусочки и началъ писать снова, медленно, какъ человѣкъ, тщательно обдумывающій каждую букву.

— Теперь правильно? — спросилъ онъ, передавая ей бланкъ, на которомъ Герда прочла: «Посылаю тебѣ, моя старая Ане, сердечный привѣтъ изъ Даніи. Твой Іоссе».

— Да, — сказала она и засмѣялась. — Теперь вѣрно.

— Іоссе, — сказалъ Іоаннъ, — это ее обрадуетъ.

Іоаннъ заплатилъ, и они вышли.

Герда на минуту остановилась среди мостика:

— Это было дорого, — сказала она. — Но вѣдь это и такъ далеко... — и посмотрѣла вдаль, въ темноту. Затѣмъ сказала:

— Но я не люблю получать телеграммъ.

— Почему?

Она пошла дальше:

— Потому что я такъ разъ получила слишкомъ печальную телеграмму.

Они проходили мимо станціи, и Іоаннъ сказалъ:

— Интересно, пришелъ ли весь мой багажъ? (Онъ зналъ, что да).

— Можно узнать, — сказала Герда.

Іоаннъ черезъ станцію прошелъ на платформу. Герда за нимъ. На платформѣ не было никого, все было тихо. Только телеграфныя проволоки гудѣли надъ ни-

ми. Они остановились на краю перрона. Стальные шины исчезали въ темнотѣ.

Герда заговорила тихимъ голосомъ:

— Я такъ часто прихожу сюда, ночью (она хотѣла засмѣяться).

— Ночью?

— Да, когда проходитъ курьерскій поѣздъ... Мнѣ бы не слѣдовало. Но я все ровно не сплю. И это такъ красиво—все эти свѣтлые вагоны и все эти люди, которыхъ никогда не увидишь...

— Вы вѣдь видѣли сотни тысячъ людей, — добавила она. И, какъ-будто желая сама прервать себя, вдругъ указала въ темноту:

— Вонъ гора.

— Гора?

— Да, этотъ холмъ мы называемъ нашей горой.— Она засмѣялась.

— Можно взобраться на эту гору? — спросилъ Иоаннъ, тоже смѣясь.

— Можно... — Она двинулась въ путь: — Но только у насъ обѣдъ въ половинѣ седьмого.

Она почти бѣжала.

Они пошли вдоль рельсъ, и она замедлила шаги:

— Я совсѣмъ запыхалась.

Иоаннъ сказалъ, при чемъ голосъ его звучалъ очень нѣжно:

— Когда-нибудь и вы поѣдете путешествовать и увидите сотни тысячъ людей.

— Этого никогда не будетъ, — сказала она и покачала головой. — Папа говоритъ, что Теодоръ—Теодоръ

это мой братъ — что онъ попутешествовалъ за насъ всѣхъ.

— Вотъ и гора, — проговорила она и, свернувъ съ рельсъ, они направились черезъ поле.

— Когда мы были маленькими, — она повернула голову, и Иоаннъ сквозь темноту увидѣлъ ея улыбку, — мы всегда играли въ «чужія страны». Это происходило во дворѣ, — онъ очень большой, — бочки были городами, ворота Римомъ. А поле — это была Азія.

— Вы были въ Азіи?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Иоаннъ.

Они начали взбираться на холмъ и подошли къ его краю. Передъ ними разстилались темныя поля. Лишь отдѣльныя деревья стояли кругомъ, какъ сторожевыя тѣни.

Молча стояли они передъ этой безмолвной тьмой... близко другъ къ другу.

— Но когда вы сидите у себя наверху и не спите, — заговорилъ Иоаннъ медленно и вполголоса, — что вы тогда дѣлаете, фрекенъ Герда?

Она отвѣтила тоже медленно и тихо:

— Я сижу у лампы. Такъ славно сидѣть, когда всѣ спятъ, и ни въ одномъ домѣ нѣтъ свѣта. Тогда сидишь одна и можешь думать...

— О чемъ?

— Не знаю. О томъ, что случится...

Иоаннъ улыбнулся:

— И что же, случилось что-нибудь? — спросилъ онъ.

Она повернула къ нему лицо.

— Нѣтъ, никогда ничего, — сказала она и покачала головой.

Они немного помолчали, стоя лицомъ къ лицу съ безмолвнымъ мракомъ.

Затѣмъ Іоаннъ спросилъ:

— Какъ попали къ вамъ на стѣну «Сумерки»?

— Я купилъ ихъ, — отвѣтила фрекенъ Герда, слегка вздрогнувъ.

— У моей матери тоже была эта картина.

— Неужели? — шепнула Герда.

— Да... Она висѣла надъ печкой. Печка была изъ Даніи.

Іоаннъ снова помолчалъ. А затѣмъ сказалъ, какъ-будто пройдя сквозь цѣлый рядъ невысказанныхъ мыслей:

— Но музыку вамъ приходится слышать?

И какъ-будто мысли ихъ встрѣтились, Герда отвѣтила точь въ точь такимъ же тономъ:

— Да, время отъ времени.

Но вдругъ измѣнилаа тонъ:

— Въ музыкальномъ обществѣ. Но это только игра фру Робель.

— Да, жены доктора... Но въ прошломъ году здѣсь игралъ г. Грeенъ. Это было восхитительно.

— Что это за г. Грeенъ? — спросилъ Іоаннъ.

— Это нашъ первый скрипачъ. О, онъ игралъ Мендельсона. Это было самое восхитительное, что я когда-либо слышала.

Іоаннъ вдругъ щелкнулъ пальцами въ темнотѣ:

— Неужели это было такъ восхитительно? — сказалъ онъ, и она не видѣла, что онъ улыбался.

Они опять стояли молча. Но вдругъ фрекенъ Герда спросила:

— Что такое Юссе?

Юаннъ отвѣтилъ, повернувъ къ ней лицо:

— Такъ меня звали, когда я былъ маленькимъ. Ане вѣдь всегда жила у насъ.

— Да, — сказала Герда.

Съ тихихъ полей не доносилось ни звука. За ними свѣтились огоньки домиковъ. Вдали на дорогѣ прозвучалъ и замолокъ шумъ экипажа. Юаннъ повернулся и смотрѣлъ на молчаливыя тѣни деревьевъ.

— Здѣсь Данія, — сказалъ онъ.

Герда подняла руку: она не понимала, почему у нея дрожить голосъ:

— А тамъ Шлезвигъ, — сказала она. — Это уже шлезвигскія поля.

— Такъ близко? — сказалъ Юаннъ.

Они снова помолчали, пока Юаннъ не спросилъ:

— Вы тоже находите, что это очень печально?

— Что печально?

— Насчетъ Шлезвига...

— Да. — Она кивнула головой. — Потому что они такъ преданы Даніи, несмотря ни на что.

— Несмотря ни на что?..

Она не отвѣтила, но сказала:

— А потомъ вѣрно, что папа говоритъ: что насъ такъ мало...

— Но, — она заговорила немного быстрѣе, — у кого такая обширная родина, тотъ не можетъ этого понять.

Юаннъ сказалъ:

— Моя родина меньше Даніи.

— Венгрія? — сказала Герда.

Іоаннъ не пошевелинулся:

— Венгрія не моя родина. Моя родина всего-навсего островъ.

— Островъ?

— Да, Его зовутъ «Островомъ Проклятыхъ».

Герда повернула къ нему свое блѣдное лицо. — Но Іоаннъ провелъ рукой по глазамъ:

— Все это я вамъ расскажу когда-нибудь.

— Когда-нибудь, — повторила она.

Іоаннъ хотѣлъ опять заговорить, но молчалъ — думая все объ одномъ и томъ же.

— Теперь намъ пора домой, — сказала она и быстро пошла впередъ. Онъ догналъ ее. Они пошли по другой дорогѣ, которая была короче. Она вела вдоль изгороди.

— Это кладбище, — сказала Герда.

— Что такое «v a e n» *)? — вдругъ спросилъ Іоаннъ.

— V a e n? — повторила Герда, сдѣлавъ быстрое движеніе. — Это.. это и есть vaen.

И улыбувшись прибавила:

— Это, вѣроятно, значить, красивая.

Но вдругъ смутившись, сама не зная почему, сказала:

— Какъ долго мы гуляли.

— Полчаса, — сказалъ Іоаннъ.

Она смотрѣла прямо передъ собой:

*) Датское слово, встрѣчающееся только въ поэзіи, между прочимъ, въ пѣснѣ о рыцарѣ Оге. Смыслъ его — красивый, прелестный и т. д.
Прим. пер.

— Не больше?

И снова они умолкли.

Они завернули въ улицу, гдѣ висѣли электрическіе фонари:

— Итакъ мы обѣдаемъ въ половинѣ седьмого?—веселымъ тономъ сказалъ Іоаннъ.

— Да.

— Много насъ будетъ, фрекенъ?

— Кое-кто будетъ.

Она засмѣялась:

— Это очень хорошо для васъ. Вамъ по крайней мѣрѣ некогда будетъ бояться.

— Такъ я пойду, переодѣнусь.

— Хорошо, — сказала она.

Они были около гостиницы «Данія».

— До свиданія пока, — сказалъ Іоаннъ и подаль ей руку. — Спасибо за прогулку.

— На нашу гору, — сказала она и засмѣялась такъ же, какъ и онъ. — До свиданія, графъ Уйгази.

Она пошла. Но Іоаннъ крикнулъ ей вдогонку:

— Это было почти что правильно. До свиданія, фрекенъ Іогансенъ.

— А это было неправильно, — отозвалась Герда.

— До свиданія.

Іоаннъ все еще стоялъ въ воротахъ гостиницы, какъ вдругъ кельнеръ Іенсенъ сказалъ за его спиной:

— Да, барышня недурненькая.

Іоаннъ быстро обернулся и хотѣлъ было отвѣтить ему.

Но лишь молча прошелъ мимо.

— Гдѣ ты была? — спросила тетка, когда Герда вошла въ комнату.

— Мы были далеко, — сказала Герда и вдругъ подняла обѣ руки и погладила тетку по щекамъ.

Въ дверяхъ показался завѣдующій. Онъ прошелъ въ столовую и началъ откупоривать бутылки.

Іоаннъ вошелъ въ переднюю, гдѣ на самомъ сквознякѣ стоялъ толстый мужчина и синимъ носовымъ платкомъ обтиралъ съ лица обильный потъ.

— Я Олесенъ, — сказалъ онъ.

Іоаннъ кивнулъ головой.

— То-есть хозяинъ, — сказалъ мужчина, продолжая обтираться.

Іоаннъ снова кивнулъ.

— Народу будетъ полно, — сказалъ Олесенъ.

— Что же, это хорошо, — сказалъ Іоаннъ.

— Да, развѣ? — сказалъ Олесенъ. — Что толку отъ этого?

И, смотря на Іоанна сбоку, онъ спросилъ, выпустивъ носовой платокъ:

— Антракты-то будутъ?

— Два, — сказалъ Іоаннъ, который началъ подниматься по лѣстницѣ.

— Да, развѣ? — сказалъ Олесенъ, котораго перипетии жизни приучили къ вопросительной формѣ рѣчи:

— Но залъ теплый и красиво разукрашенный. Эту фрекенъ Іогансенъ украшала его.

— Сколько хлопотъ было у фрекенъ, — сказалъ Иоаннъ, смотря на лѣстницу.

— Да, — сказалъ г. Олесенъ и снова началъ обтираться, — но у насъ есть средства на то.

Вдругъ онъ рысцой подбѣжалъ къ окну и черезъ разбитое стекло кликнулъ Енса, чтобы принесли три ящика съ пивомъ.

— Снесите ихъ наверхъ въ залу, — крикнулъ онъ.

По поводу «средствъ» Иогансена ему пришла въ голову мысль о возможности собственнаго дохода, и онъ подумалъ объ антрактахъ.

Иоаннъ поднялся въ свою комнату, гдѣ керосиновая печка была сдвинута съ мѣста и у стѣны стояли неотпертыми оба большихъ сундука.

За Иоанномъ вошелъ г. Иенсенъ. Когда онъ кланялся, онъ въ большинствѣ случаевъ точно дѣлалъ книксень.

— Гдѣ мой слуга?

— Они изволили вытти.

Иоаннъ увидѣлъ на столѣ ключи отъ сундуковъ и сказалъ:

— Пожалуйста, отоприте сундуки.

Возясь съ сундуками, которые Иоанну пришлось въ концѣ-концовъ отпереть самому, г. Иенсенъ болталъ безъ умолку.

Иоаннъ стоялъ у окна. Теперь въ домѣ Иогансена на всѣхъ окнахъ спустили шторы. Сколько у нихъ двѣтовъ на окнахъ. За ними ухаживаютъ Герда и ея тетка. Сегодня Ане не получить телеграммы. Но завтра получить ее. Какъ испуганно звучалъ голосъ фрекенъ

Герды, когда она сказала: — Я разъ получила слишкомъ печальную телеграмму...

Иоаннъ услышалъ за собой голосъ г-на Іенсена.

— Что по мнѣ, то это славная семья. Но горе-то у нихъ было, а извѣстно вѣдь, какъ быстро, какъ говорится, разносятся сплетни, когда что случается въ провинціи, въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ.

Иоаннъ хотѣлъ обернуться — можетъ быть, чтобы задать вопросъ. Но вдругъ г. Іенсенъ сказалъ:

— Господи, тысячу разъ извиняюсь, вѣдь г. гофъ-егермейстеръ спрашивалъ г-на графа.

И онъ вытащилъ визитную карточку, которую держалъ за пазухой подъ рубашкой.

— Графъ Гольстейнъ опять придетъ, — сказалъ онъ.

— Гольстейнъ! — Иоаннъ почти крикнулъ это.

На карточкѣ, которую взялъ, онъ прочелъ:

— Эрикъ... Да, да, Эрикъ Гольстейнъ. Это Эрикъ.

— Графъ Гольстейнъ живетъ здѣсь? — спросилъ онъ, вплотную подходя къ Іенсену.

— Да, у графа вѣдь Гойерупъ... полмили отсюда, Господи, такое превосходнѣйшее помѣстье, барское...

— Неужели, неужели правда? — говорилъ Иоаннъ, самъ не сознавая того. Воспоминанія, мысли вихремъ кружились у него въ головѣ. Значитъ онъ увидитъ и Эрика — и съ Эрикомъ встрѣтится сегодня.

Отъ радости онъ самъ открылъ крышку сундука и онъ, который никогда не касался своихъ вещей, принялся рыться въ узорчатыхъ и шелковыхъ жилетахъ и фрачныхъ парахъ, такъ что все такъ и летѣло: теперь ему надо было одѣться.

— Онъ женатъ? — вдругъ спросилъ онъ.

— Господи, да, — и Иенсенъ заколыхалъ задней частью туловища. — Но графиня рѣдко живетъ дома, а все больше гдѣ-нибудь за границей. Вѣрь, не вѣрь, а въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ вѣдь столько болтаютъ....

Шепелявая болтовня лилась изъ устъ Иенсена, какъ мутная вода съ жолоба крыши.

Иоаннъ больше не слушалъ:

— Мнѣ надо переодѣться, — сказалъ онъ. — Позовите, пожалуйста, моего слугу.

Г. Иенсенъ вдругъ остановилъ потокъ своихъ рѣчей — ему пришла въ голову идея: вечеромъ, когда здѣсь никого не будетъ, онъ примѣритъ всѣ эти костюмы, какъ они ему пойдутъ.

— Съ удовольствіемъ, — сказалъ онъ и присѣлъ въ дверяхъ, угодивъ прямо въ животъ берлинцу, который сердито смотрѣлъ на сундуки:

— Почему графъ распаковалъ? — сказалъ онъ.

— Потому что мнѣ надо одѣться.

— Сейчасъ?

— Да. Я хочу надѣть мой лондонскій костюмъ.

Берлинецъ сморщилъ свои толстыя ноздри:

— Здѣсь? — сказалъ онъ.

— Да.

— Слушаю-съ, — сказалъ берлинецъ, какъ человѣкъ, который разъ навсегда знаетъ, что исполняетъ приказанія идиота, который достаточно глупъ, чтобы платить ему по полтораста марокъ въ мѣсяцъ.

Иоаннъ раздѣвался, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ воду для умыванья онъ налилъ Eau de Subin и

началь натирать ею верхнюю часть туловища. Какой забавный видъ у нея былъ, когда она стояла и брызгала изъ своего пульверизатора. Но воздухъ тамъ, дѣйствительно, тяжелый — какъ-будто запахъ старыхъ вишневыхъ бочекъ. Какъ давно онъ не видѣлъ Эрика Гольстейна — тринадцать лѣтъ, тринадцать долгихъ лѣтъ. Итакъ, онъ женился.

Іоаннъ засмѣялся, наклонившись надъ умывальной чашкой: какъ-будто еще вчера онъ слышалъ Эрика, какъ тотъ, долгу уставившись въ одну точку, говорилъ свое: «на комъ это я женюсь?»

Іоаннъ обернулся:

— Гдѣ Гаакке? — спросилъ онъ, окачивая себя водой, такъ что брызги полетѣли во все стороны. Все его движенія были очень стремительны, быстро сбросилъ онъ однѣ брюки и надѣлъ другія, пока говорилъ со слугой.

— Онъ спитъ, — отвѣтилъ берлинецъ.

— Разбудите его, — сказалъ Іоаннъ.

— Я не хочу этого жидета. Достаньте шелковый, вышитый.

— Слушаю-сь, — сказалъ берлинецъ, совсѣмъ какъ раньше.

Какъ Эрикъ любилъ музыку. У слѣпного Ганса — тамъ дома, было точно такое же выраженіе лица, когда Іоаннъ ему описывалъ краски и солнце.

— Да, онъ измѣнитъ всю программу... гдѣ мой галстукъ. Онъ будетъ играть Мендельсона (Іоаннъ опять засмѣялся), Мендельсона, котораго такъ чудесно игралъ г. Грeенъ изъ Копенгагена.

— Такъ разбудите Гаакке.

— Слушаю-съ.

Берлинецъ вышелъ.

«А народныя пѣсни — тѣ пѣсни, которыя онъ такъ часто игралъ съ Эрикомъ, помнить ли онъ ихъ еще?». Онъ схватилъ футляръ, вынулъ скрипку, и смычокъ забѣгалъ по струнамъ... то были пѣсни его матери.

Дверь открылась, но онъ не слышалъ этого. Высокій, плотный мужчина, который вдругъ стоялъ среди комнаты, вѣдь это же Эрикъ...

— Иоаннъ.

— Въ честь тебя, — сказалъ Иоаннъ и взмахнулъ смычкомъ, прежде чѣмъ со всѣхъ струнъ зазвучало: «Лети; птичка, лети», а Гольстейнъ остановился съ протянутыми руками.

— Ты все тотъ же, — сказалъ онъ и замолчалъ, не трогаясь съ мѣста.

Иоаннъ поигралъ еще нѣсколько секундъ, а Гольстейнъ сказалъ, при чемъ голосъ его чутьчку сорвался:

— Ты совсѣмъ не измѣнился.

Но Иоаннъ отбросилъ скрипку и обнялъ Гольстейна:

— А какой ты сталъ толстый, — сказалъ онъ и поцѣловалъ Эрика Гольстейна въ обѣ щеки.

— Какъ это чудесно, что я тебя вижу снова.

— Да, не правда ли? — сказалъ Гольстейнъ.

И вдругъ они съ минуту стояли безмолвные и смущенные, какъ-будто имъ слишкомъ много надо было сказать другъ другу — или же ничего.

— Такъ садись же, — сказалъ Иоаннъ, хотя я тороплюсь.

— Подумай только, тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ

поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ, — сказалъ снѣ, надѣвая свой фракъ.

Они торопливо заговорили, какъ-будто желая скрыть взаимное смущеніе. «Помнишь? Помнишь?» спрашивали они и отвѣчали — пока снова не замолкли, и Іоаннъ сказалъ:

— Но теперь ты женатъ.

— Да, — сказалъ Гольстейнъ и посмотрѣлъ на собственные колѣни.

— И кто же она? — спросилъ Іоаннъ засмѣявшись.

— Моя кузина, — сказалъ Гольстейнъ.

— Я ее увижу? — спросилъ Іоаннъ, который опять взялся за скрипку. Смычокъ коснулся струнь.

— Графиня сейчасъ въ отъѣздъ.

Іоаннъ стоялъ и игралъ и почти не слышалъ его отвѣта.

— Знаешь, Эрикъ, — сказалъ онъ, продолжая играть. — Сегодня день рожденія моей матери. Вотъ почему, мнѣ кажется, со мной сегодня случается столько восхитительнаго.

— Развѣ? — сказалъ Гольстейнъ и засмѣялся, какъ въ старые дни.

— Да, — сказалъ Іоаннъ. — Потому что здѣсь восхитительно.

Гольстейнъ прислонился головой къ стѣнѣ и тихонько подпѣвалъ скрипкѣ:

Посваталъ тамъ юмфру онъ Эльзу,
Красавицей Эльза была.

Іоаннъ продолжалъ играть, а Эрикъ запѣлъ немного громче:

А мѣсяцъ прошелъ — и безъ жизни
Лежалъ ужъ въ землѣ онъ сырой.

Нѣсколько складокъ, какъ тѣни, легли на лбу Эрика.

— Брось это, — вдругъ сказалъ онъ и скрестилъ свои толстыя ноги.

— Теперь мнѣ надо итти, — сказалъ Иоаннъ и выпустилъ скрипку.

— Тебѣ надо итти? Куда?

— Внизъ въ залу, а потомъ къ Иогансенамъ, — быстро сказалъ Иоаннъ, надѣлъ свои кольца, заперъ скрипку въ футляръ и снова очутился рядомъ съ Гольстейномъ — все это въ двѣ секунды.

— Такъ я тоже съ тобой, — сказалъ Гольстейнъ.

— Развѣ? — сказалъ Иоаннъ, передразнивая Эрика.

— Хозяинъ гостиницы тоже говоритъ «развѣ», — засмѣялся онъ.

— Всѣ датчане говорятъ это, — сказалъ Эрикъ. — Но я тоже пойду къ Иогансенамъ.

— Какъ вамъ угодно, — сказалъ Иоаннъ и хлопнулъ его по спинѣ, такъ что Гольстейнъ поклонился самому себѣ въ зеркало, передъ которымъ они стояли.

Оба, стоя рядомъ, смотрѣли въ зеркало.

— Гм... — проговорилъ Гольстейнъ и засмѣялся: — Ты ей-ей, сталъ совсѣмъ новымъ человѣкомъ.

Иоанна самого поразило, какимъ изящнымъ и молодымъ его лицо казалось рядомъ съ лицомъ Эрика, черты котораго очень обрюзгли.

— Развѣ? — сказалъ онъ и снова засмѣялся — такъ радостно.

— А я сталъ старымъ помѣщикомъ, — сказалъ Эрикъ.

Они начали спускаться по лѣстницѣ, и Эрикъ сказалъ очень медленно:

— Но все-таки это досадно, потому что мы могли бы поговорить о столькихъ вещахъ, которыхъ сразу не выскажешь.

— Да, сказалъ Иоаннъ, и они пошли дальше.

Но вдругъ онъ обернулся:

— Какое горе у нихъ было? — спросилъ онъ.

— У кого?

Иоаннъ помолчалъ секунду, прежде чѣмъ сказалъ:

— У этихъ Иогансеновъ.

Но они уже были на порогѣ залы и увидѣли фрекень Герду, стоявшую на эстрадѣ.

— Вы здѣсь, фрекень? — сказалъ Иоаннъ голосомъ, прозвучавшимъ на всю комнату.

— Только на секунду, — сказала Герда. — Сейчасъ я уйду.

Иоаннъ быстро прошелъ черезъ залу и открылъ маленькую дверь, ведущую за кулисы.

— Какъ здѣсь прелестно, — сказалъ онъ.

Помѣщеніе за кулисами было превращено въ настоящую комнату съ креслами, бронзовой лампой и цвѣтами.

— Это только немного мебели изъ моей комнаты, — сказала фрекень Герда. — Надо же было устроить здѣсь немного уютнѣе.

— И даже «Сумерки» вы повѣсили сюда, — сказалъ Иоаннъ, замѣтивъ вдругъ передъ собой на стѣнѣ картину Коро.

— Да, я думала, что... — пробормотала Герда.

Она вдругъ остановилась, и оба, смущенные или взволнованные, помолчали нѣсколько мгновений, а въ дверяхъ показался Эрикъ Гольстейнъ:

— Добрый вечеръ, фрекенъ. Я сказалъ Иоанну, что тоже приду къ вамъ, — продолжалъ онъ.

— Милости просимъ, графъ, — сказала фрекенъ Герда и улыбнулась, хотя въ то же мгновение подумала, что и такъ за столомъ будетъ очень тѣсно.

— Но я приду лишь послѣ обѣда, — сказалъ Гольстейнъ.

— Какъ вамъ угодно, графъ, — сказала Герда и опять улыбнулась — противъ воли.

— До свиданія.

И она взбѣжала на сцену. Но оттуда сказала внизъ Иоанну:

— У насъ сейчасъ обѣдъ, — и исчезла.

Эрикъ Гольстейнъ стоялъ и слегка вертѣлъ головой, какъ въ старые дни.

— Я, ей-ей, никогда не замѣчалъ, что она такая хорошенькая, — сказалъ онъ.

Но Иоаннъ вдругъ вспомнилъ, что еще не поговорилъ съ Гаакке. Съ короткимъ «виноватъ» онъ пробѣжалъ черезъ залу, въ шесть прыжковъ очутился на верху лѣстницы, напѣвая про «коробъ за спиной», на мотивъ изъ оперетки, и распахнулъ дверь въ комнату, гдѣ Гаакке сидѣлъ и писать открытку.

— Я буду играть Мендельсона, — сказалъ Иоаннъ.

— Чего изволите?

— Мы будемъ играть Мендельсона, — сказалъ Иоаннъ, — сегодня вечеромъ, на концертѣ.

— До свиданія.

И захлопнулъ дверь прямо передъ носомъ Гаакко. Когда Іоаннъ вернулся внизъ, графъ Эрикъ сидѣлъ и смотрѣлъ на «Сумерки» Коро.

— Помнишь, — сказалъ онъ, — въ Парижѣ ты такъ часто останавливался передъ окнами художественныхъ магазиновъ и смотрѣлъ на эту картину.

— Да, — сказалъ Іоаннъ.

Эрикъ все смотрѣлъ на картину.

— Теперь я ее понимаю гораздо лучше, — сказалъ онъ своимъ лѣнивымъ голосомъ (между тѣмъ какъ на лбу появились тѣ же тѣни, что и раньше). — Она дѣйствительно прелестна.

Іоаннъ сидѣлъ и улыбался:

— Это фрекенъ повѣсила ее сюда, — проговорилъ онъ.

— Какъ, чортъ возьми, этимъ людямъ придется въ голову вѣшать себѣ на стѣну подобныя картины? — сказалъ Эрикъ. — Отравитель вѣдь не понимаетъ толку въ нихъ.

— Отравитель?

— Ну, да, его прозвали такъ.

— Но почему?

— Да не знаю, — сказалъ Эрикъ. — Здѣсь вѣдь много всякихъ прозвищъ, а онъ вѣдь богачъ — относительно.

Графъ Эрикъ снова повѣсилъ «Сумерки».

— И хорошенькой же она стала, — вырвалось у него.

— Теперь мнѣ надо идти, — сказалъ Іоаннъ. — Прощай пока и спасибо, что пришелъ.

Прежде чѣмъ выйти, онъ обѣими руками обнялъ Эрика за плечи.

Эрикъ стоялъ въ маленькихъ дверяхъ и крикнулъ ему велѣдъ:

— Ей Богу, я никогда не видалъ тебя такимъ оживленнымъ.

— Это потому, что я пріѣхалъ въ Данію, — отвѣтилъ Іоаннъ изъ залы. — Но развѣ ты остаешься здѣсь?

— Да, — сказалъ Эрикъ. — Здѣсь можно спокойно осушить стаканъ виски.

Іоаннъ вышелъ. Эрикъ подошелъ къ столбу около эстрады и надавилъ кнопку электрическаго звонка, предназначеннаго для созыва публики, такъ что по всему дому разнесся трезвонъ.

— Стаканъ виски, — крикнулъ онъ влетѣвшему г-ну Іонсену.

Эрикъ Гольстейнъ одиноко сидѣлъ въ полумракѣ и пилъ, неподвижно уставившись на собственныя ноги.

Въ домѣ Іогансена завѣдующій стоялъ внизу у входа на лѣстницу и ждалъ.

— Пожалуйте, графъ, навѣрхъ, — сказалъ онъ и поднялся велѣдъ за Іоанномъ.

Дверь въ гостиную была открыта, на лѣстницѣ слышенъ жужжащій гулъ голосовъ.

— Здѣсь много гостей, — сказалъ Іоаннъ.

— Да, кой-кто пришелъ, — отвѣтилъ завѣдующій и снова наклонилъ голову.

Купецъ Иогансенъ вышелъ на порогъ двери.

— Какъ это прскрасно, что вы пришли, — сказалъ онъ, вложивъ свою руку въ руку Иоанна. — Да, здѣсь собралось нѣсколько нашихъ друзей (вся комната была полна), но ихъ не стоитъ называть.

Всѣ повернулись къ дверямъ, но только на мгновеніе. Затѣмъ снова заговорили между собой, а Иогансенъ назвалъ Иоанну ближайшихъ гостей и подъ конецъ сказалъ, сдѣлавъ легкое движеніе лѣвой рукой, которая моментально опять вернулась въ карманъ.

— А это мой завѣдующій.

Вошло нѣсколько гостей, которымъ Иогансенъ пожалъ руки, а какой-то широкоплечій мужчина съ окладистой бородой и шейной цѣпочкой, спускающейся на жилетъ, обратился къ Иоанну.

— Вы вѣдь такъ много разъѣзжаете по свѣту — моя фамилія Лоренценъ, и у меня прядильная фабрика, — вставилъ онъ какъ бы въ скобкахъ, — но для насъ это безусловно большое событіе видѣть такого человѣка, какъ вы.

— Это моя супруга, — безъ всякаго перехода прибавилъ онъ указывая на даму, стоявшую рядомъ съ нимъ, — съ лицомъ, круглымъ какъ шаръ, и волосами, стянутыми на затылкѣ въ узелъ.

— Сегодня вечеромъ будетъ многочисленное собраніе, — сказала фру Лоренценъ.

А, вонъ и фрекенъ Герда — тамъ, въ углу, рядомъ съ дамой въ синемъ. Иоаннъ два раза поклонился въ ту сторону, прежде чѣмъ сказалъ — и притомъ очень громко:

— Добрый вечеръ, фрекенъ.

И фрекенъ Герда отвѣтила — и сдѣлала кивокъ головой, который вышелъ такъ мило-горделивымъ, потому что она была смущена:

— Добрый вечеръ.

Иоаннъ хотѣлъ пройти къ ней, когда былъ остановленъ маленькимъ господиномъ въ смокингѣ и съ красными вѣками вокругъ глазъ, выглядывавшихъ изъ-за стесколы пэнсенэ.

— Я докторъ, — сказалъ онъ. — Будемъ надѣяться, что вамъ не понадобится моя помощь...

И стремительно продолжалъ:

— Да, мѣстность здѣсь ужасающая. Но гдѣ, впрочемъ, не ужасно, если нельзя жить въ Копенгагенѣ? Ну да графъ къ счастью не увидитъ наши милыя палестины.

— Я уже былъ на горѣ, — сказалъ Иоаннъ.

— Что вы, неужели, г. графъ? — вставила маленькая, сухопарая особа съ пучкомъ цвѣтовъ надъ ухомъ, за которую докторъ быстро сдѣлалъ полупоклонъ:

— Это моя благовѣрная, — сказалъ онъ Иоанну.

— Гора—это самое остроумное слово въ нашей мѣстности, — сказала докторша, между тѣмъ какъ фру Лоренценъ точно всасывала немного отвислые углы своихъ губъ, а фрекенъ Герда подошла къ нимъ.

— Добрый вечеръ, фрекенъ, — еще разъ сказалъ Иоаннъ, и руки ихъ встрѣтились, минуя доктора.

— У насъ съ прядильни тоже красивый видъ, — сказала фру Лоренценъ. — Оттуда видно даже церкви въ Рибѣ. Мы, на прядильнѣ, очень цѣнимъ этотъ видъ.

— Да, — сказалъ докторъ и засмѣялся. — Тамъ король Вальдемаръ встрѣтилъ королеву Дагмару.

Фрекенъ Герда сказала — и говорила медлениѣю, чѣмъ всѣ другіе:

— Съ колокольни въ Рибе видно такъ далеко.

Во внутренней комнатѣ звонилъ телефонъ и гсс продолжалъ звонить.

— Это насчетъ билетовъ, — сказалъ завѣдующій, вернувшись отъ телефона.

— Но больше нѣтъ билетовъ, — сказала Герда.

— Да, у насъ больше нѣтъ билетовъ, — крикнула какая-то дама. Это была та дама въ синемъ корсажѣ.

И всѣ засмѣялись, развеселившись наплывомъ публики, радуясь за «домъ», какъ-будто это была побѣда для нихъ всѣхъ и для каждого въ отдѣльности — между тѣмъ какъ въ противоположномъ углу какой-то толстякъ сказалъ, хлопнувъ Иогансена по плечу:

— Вотъ это-то я и говорю, пріѣзжайте въ станціонные поселки, говорю я, здѣсь мы сумѣемъ дать сборъ, а, Иогансенъ? Пріѣзжайте въ станціонные поселки, здѣсь мы знаемъ, какъ братья за дѣло...

Герда пошла къ телефону, а всѣ заговорили громче, звонкими голосами: точно нельзя было купить билеты заранѣе... всегда эти люди откладываютъ до послѣдняго момента.

— Если бы мы могли предвидѣть, что нашъ уѣздъ наконецъ расшевелится, — обратилась докторша къ Иоанну, — если бы мы могли предвидѣть, то музыкальное общество взяло бы на себя... но касса вѣдь почти пуста. Мой мужъ тамъ предсѣдатель, а я исполнительница.

— Но Герда ей Богу бутонъ, — прозвучалъ надъ есѣ-

ми голосами голосъ толстяка, между тѣмъ какъ докторша спросила Іоанна:

— А программа остается, какъ было напечатано?

Іоаннъ засмѣялся, въ то время какъ Герда снова появилась въ дверяхъ.

— Нѣтъ, фру, — сказалъ онъ. — Я все измѣнилъ.

— Неужели? — сказала докторша. — А мы, музыканты, такъ радовались Баху.

— Нѣтъ, я все измѣнилъ, — засмѣялся Іоаннъ, а дама въ синемъ корсажѣ замѣтила толстому Ларсену:

— Онъ, по-моему, великолѣпенъ.

— Папа, папа, — сказала Герда Іогансенъ сквозь общій шумъ: — Это Гольхъ изъ Фискедамма. Но вѣдь имъ ужъ нельзя попасть на концертъ.

— Конечно, нельзя, — крикнула дама въ синемъ.

— Да, да, слишкомъ поздно, — крикнулъ Ларсенъ.

И всѣ снова засмѣялись, но Іоаннъ, какъ-будто зараженный общимъ смѣхомъ и весельемъ, вдругъ сказалъ Гердѣ черезъ комнату:

— Нѣтъ, фрекенъ, можно. Пустите меня къ телефону.

— Что вы хотите?

— Поговорить по телефону. Надо, чтобы и эти люди тоже попали, — сказалъ Іоаннъ.

Всѣ перестали смѣяться, а лишь стояли и улыбались, въ то время какъ Іоаннъ прошелъ въ слѣдующую комнату, а затѣмъ снова заговорили — заговорили объ Іоаннѣ, почти что всѣ за разъ.

— Онъ великолѣпенъ, — говорила дама въ синемъ корсажѣ, положивъ руки на бедра, докторша же под-

летѣла къ кандидату Уссингу и сказала ему прямо въ безусое лицо:

— Я говорила, что надо было устроить концертъ въ музыкальномъ обществѣ. Милый кандидатъ, на его лицѣ цѣлая бездна музыки. — А директоръ высшей школы *), стоявшій между двумя мужчинами съ черными галстуками подъ самымъ подбородкомъ, сказалъ:

— Датскій языкъ, право, красиво звучить въ его устахъ.

Лоренценъ же, который весь въ поту перебѣгалъ отъ одного къ другому, сказалъ завѣдующему:

— Онъ ей Богу славный, а, Петерсенъ?

Завѣдующій Петерсенъ ничего не отвѣтилъ; онъ стоялъ такъ, что черезъ двери могъ видѣть Іоанна и фрекенъ Герду, проходившихъ черезъ сосѣднія комнаты, но низенькая дама рядомъ съ нимъ поднесла наполовину стиснутыя руки къ щекамъ и сказала:

— О да, сегодня здѣсь восхитительно... въ воздухѣ такъ и разлито праздничное настроеніе, — И, такъ какъ въ эту минуту мимо проходилъ Іогансенъ, она схватила его за рукавъ и сказала вполголоса и ужасно-быстро:

— Спасибо, что вы меня пригласили.

Іоаннъ въ другой комнатѣ остановился передъ обѣденнымъ столомъ:

*) Высшія школы — это своеобразныя, существующіе лишь въ скандинавскихъ странахъ (а главнымъ образомъ въ Даніи) народныя, крестьянскіе университеты. Стремясь приспособиться къ потребностямъ населенія, они включаютъ въ свою программу, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, также и сельское хозяйство, ветеринарію, ручную трудъ и т. д. *Прим. переводчицы.*

— Здѣсь многіе должны усѣться.

— Ахъ, да, — сказала Герда, поднявъ плечи и поводя ими какъ челобѣкъ, которому надо войти въ воду. — Только бы есѣ усѣлись.

— Вы боитесь? — улыбнулся Іоаннъ.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣтила Герда, и они подошли къ телефону. Они притворили дверь, такъ что голоса остальныхъ едва доносились до нихъ.

— Какой номеръ? — спросилъ Іоаннъ.

— Прежде всего надо вызвать центральную станцію, — сказала Герда, и Іоаннъ позвонилъ.

— Я очень плохо говорю по телефону, — сказалъ Іоаннъ.

— Неужели?

Они все время улыбались.

— Центральную, — крикнулъ Іоаннъ въ трубку и получилъ ес.

— Какъ ихъ фамилія? — спросилъ Іоаннъ, стоя съ трубкой.

— Гольхъ изъ Фискедамма, — сказала Герда, точно суфлируя.

Но «Фискедаммъ» Іоаннъ не могъ произнести.

— Фискедаммъ, — повторила Герда и засмѣялась соседямъ тихо.

— Фискедаммъ, — сказалъ Іоаннъ въ трубку.

Его соединили.

— Кто говоритъ? — шепнула Герда и просунула впередъ свою маленькую головку.

— Женскій голосъ, — шопотомъ отвѣтилъ Іоаннъ.

— Что она говоритъ?

— Спрашиваетъ, кто у телефона, — шепнулъ

Иоаннъ, и лица ихъ были совсѣмъ близко другъ къ другу.

— Иоаннъ Уйгази, — сказалъ Иоаннъ въ телефонъ.

— Что онѣ говорятъ? — шепнула Герда съ сіяющими глазами.

— Да, Иоаннъ Уйгази, — повторилъ Иоаннъ въ трубку.

— Что онѣ говорятъ? — опять спросила Герда, вся покачиваясь отъ смѣха, какъ ребенокъ.

— Вы можете сидѣть около самой эстрады, — говорилъ Иоаннъ въ трубку.

— Что онѣ говорятъ? — опять шепнула Герда.

— До свиданія, — въ трубку сказалъ Иоаннъ.

Онъ позвонилъ, чтобы разъединили, и колкюльчикъ прозвучалъ и замолкъ.

— Какъ они, вѣроятно, удивились, — сказала Герда, смотря въ комнату.

— Да, — сказалъ Иоаннъ, держа руку еще на телефонѣ.

Герда сказала, не измѣняя направленія глазъ:

— Вы, должно быть, такой добрый.

— Почему это?

— Навѣрное; да, — сказала Герда и кивнула головой — она кивала какъ-то особенно медленно и серьезно:

— Я увѣрена, что это такъ.

— Сегодня я добрый, — сказалъ Иоаннъ и тоже говорилъ очень тихо.

Нѣсколько мгновений цѣрило молчаніе.

— Это комната вашего отца, — сказалъ Иоаннъ, окидывая взоромъ всѣ предметы, начиная отъ стараго дивана до большого денежнаго шкапа.

— Да, это комната отца, — повторила фрекенъ Герда.

— Но теперь пора обѣдать, — сказала она и выбѣжала въ столовую:

— Не пора ли обѣдать? — сказала она теткѣ.

— Сейчасъ, — отвѣтила тетка.

А Герда прошла дальше къ дамѣ въ синемъ.

— Ахъ, хотъ бы только всѣ¹ усѣлись, — сказала она, взявъ ее подъ руку.

— Ну вотъ еще, — сказала та, — право они не замѣтятъ, если и будутъ немного стучаться колѣнями о ножки стола. — И, повернувшись къ проходившему мимо Иоанну сказала:

— Вы не можете себѣ представить, какъ мы обѣ радовались. — И со вздохомъ, похожимъ на маленькую паузу, прибавила:

— Теперь все дѣло только за тѣмъ, будетъ ли публика сидѣть тихо.

— Но, Ида, — сказала Герда.

— Да, это еще вопросъ, — сказала дама. — Потому что къ музыкѣ они вѣдь не привыкли.

Но директоръ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, сказалъ:

— Къ пѣнію они все-таки привыкли.

И дама въ синемъ представила Иоанну директора высшей школы, какъ вдругъ изъ дверей раздался веселый и немного хриплый голосъ:

— Нѣтъ, это ужъ скряжничество, Иогансенъ, ей-ей, это скряжничество.

Это былъ второй Ларсенъ, близнецъ перваго, съ круглой головой, остриженной подъ машинку, и съ такимъ же брюшкомъ, какъ и братъ.

— Ба, онъ здѣсь, — сказалъ онъ, увидѣвъ своего брата. — Такъ это онъ, значить, занимаетъ все мѣсто.

Всѣ засмѣялись, между тѣмъ какъ Ларсенъ проходилъ среди группъ гостей.

— А, вотъ и концертантъ, — обратился онъ къ Иоанну. — Добро пожаловать. Мы васъ ужъ знаемъ — въ такомъ мѣстечкѣ, какъ наше, весь народъ сейчасъ къ окнамъ сбѣжится.... Я часовщикъ Ларсенъ. Предсѣдатель общества ремесленниковъ. Но мы не осмѣлились рискнуть съ вами. А теперь сидимъ и плачемъ, — а, Герда? развѣ нѣтъ?.. Потому что вы навѣрное дадите прибыль...

Часовщикъ обтиралъ всю свою голову, такъ же какъ и братъ:

— Теперь только за однимъ дѣломъ, пойдемъ ли мы вашу музыку, — сказалъ онъ и засмѣялся. — Потому что мы вѣдь здѣсь простые крестьяне, хотя музыкальное общество и заботится о нашемъ просвѣщеніи — поскольку хватаетъ средствъ.

Часть мужчинъ засмѣялась, а Иогансенъ сказалъ, немного повысивъ голосъ:

— Такъ не пойти ли намъ къ столу?

— Это было бы чудесно, — сказалъ табачный торговецъ. Въ то время какъ всѣ немного молчаливо двинулись съ мѣста, Иоаннъ предложилъ фрекенъ Гердѣ руку.

— Нѣтъ, — сказала Герда: — у насъ не принято входить къ столу.

— Господи, такъ сдѣлаемъ это сегодня, — сказалъ часовщикъ: — устроительница концерта должна сидѣть рядомъ съ концертантомъ...

И, смѣясь короткимъ смѣхомъ, звучавшимъ точно стоны, онъ продѣлъ руку Герды подъ руку Іоанна:

— Она моя крестница, — сказалъ онъ, — и очень славная.

Всѣ вошли въ столовую, гдѣ приходилось жаться къ стѣнкамъ, и задвигали стульями. У нижняго конца стола стояли цѣлый кучей:

— Полегоньку и потихоньку, господа, — сказалъ купецъ своимъ степеннымъ голосомъ, — тогда всѣ усядемся.

Нѣкоторые сѣли.

— Нѣтъ, нѣтъ, фру Лоренценъ, — крикнулъ одинъ изъ близнецовъ: — пожалуйста сюда. Тутъ надо сидѣть какъ въ шарабанѣ, чтобы съ каждой стороны была равная тяжесть.

Всѣ засмѣялись, и стулья зашаркали по полу. Директоръ, державшійся вблизи Іоанна, сказалъ:

— Небольшая тѣснота — къ этому мы привыкли въ нашемъ учебномъ заведеніи, гдѣ тоже желали бы видѣть есѣхъ нашихъ друзей.

— Теперь пошло дѣло, — сказалъ табачный торговецъ, просунувъ свои толстыя ноги подъ столъ рядомъ съ тщедушной фру Робель, при чемъ вся половина стола задрожала.

— Вы боитесь? — шепнулъ Іоаннъ, почувствовавъ вдругъ, что рука фрекенъ Герды дрожить на его рукѣ.

— Да, — сказала она, едва переводя духъ, и повернула къ нему лицо. Ея глаза отъ страха стали созѣмь пустыми.

— Только бы они усѣлись, — снова сказала она.

— Да они ужъ сидятъ, — сказалъ Иоаннъ такъ же тихо, какъ раньше (какъ она была похожа на птенчика!).

— А потомъ, — сказала она и отвела глаза въ сторону, — вы вѣдь не знакомы... съ нашими деревенскими обычаями.

Иоаннъ почти не сознавалъ, что схватилъ ее за руку:

— Такъ сядемте же, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, завѣдующій, — крикнулъ часовщикъ съ другого конца стола. — Концертантъ долженъ сидѣть между распорядительницами.

И завѣдующій отошелъ отъ пустого мѣста рядомъ съ Гердой, а дама въ синемъ пробралась туда.

— Ну, теперь мы сидимъ великолѣпно, — сказала она и сняла перчатки.

Герда нѣсколько мгновений смотрѣла вслѣдъ завѣдующему.

— Да, «госпожа великолѣпно», — вдругъ сказала она и засмѣялась послѣ всѣхъ своихъ тревоженій.

— Это она меня такъ называетъ, — сказала дама въ синемъ.

— Да, — сказала Герда, — потому что она всегда употребляетъ это слово.

Дама засмѣялась, показывая двадцать бѣлыхъ зубовъ:

— Но развѣ у насъ въ Даніи на самомъ дѣлѣ не великолѣпно?

— Да, здѣсь великолѣпно, — сказалъ Иоаннъ.

— Теперь надо обѣдать, — сказала Герда.

Кругомъ нихъ все ѣли и разговаривали очень мало, между тѣмъ какъ вилки мѣрно стучали.

— Передавайте бутылки, — сказалъ г. Югансенъ, ко

торый въ общемъ смотрѣлъ лишь на сосѣдей по столу и на свою тарелку — какъ хозяинъ, который знаетъ, что разъ дѣло пущено въ ходъ, оно уже идетъ само собой.

Двѣ служанки въ черныхъ чепцахъ разносили блюда, а тетка, костлявая и сухощавая, ходила взадъ и впередъ.

— Сядь же, тетя, — шепнула Герда.

— Но въ общемъ меня зовутъ фру Иесперсенъ, — сказала дама въ синемъ: — пасторша Иесперсенъ.... То есть мой мужъ капелланъ.

— Капелланъ? — повторилъ Иоаннъ.

— Да, въ лютеранской церкви, — сказала фру Иесперсенъ.

— Но онъ не пасторъ?

— Нѣтъ, — сказала фру Иесперсенъ. — Какъ разъ передъ тѣмъ какъ мы собрались сюда, ему пришлось итти напутствовать....

— Напутствовать? — Иоаннъ не понялъ этого слова.

Но Герда сказала:

— Да, представьте себѣ. Это старая фрекенъ Лукковъ. Она первая пришла купить билетъ: «хочу его послушать на старости лѣтъ», — сказала она А у нея средства совсѣмъ плохія....

Фрекенъ Герда широко раскрыла глаза, такъ что они казались еще больше:

— И вотъ она умираетъ сегодня.

Иоаннъ смотрѣлъ сверху на ея лицо: какъ быстро на немъ мѣнялись краски, оно могло совсѣмъ блѣднѣть — даже лобъ.

— Какъ это странно, — сказалъ онъ.

Кругомъ стола разговоръ сталъ громче, а фру Иесперсенъ сказала, склонивъ голову немного на бокъ:

— И мужу теперь можетъ-быть тоже не удастся услышать васъ. Онъ обыкновенно остается съ умирающими до самаго конца. Вѣдь можно хотъ сидѣть и держать ихъ за руку, говорить онъ.

— Да, — сказала Герда, и только Іоаннъ услышалъ это, а фру Иесперсенъ продолжала другимъ тономъ, какъ-будто полувздыхая:

— Да и не такъ многіе вѣдь посылають за нимъ.

Она помолчала секунду и снова сказала:

— Но впрочемъ въ нашей мѣстности люди по большей части умирають спокойно.

— Да, — сказалъ директоръ, сидѣвшій наискось противъ нея. — Здѣсь люди въ общемъ доживаютъ до глубокой старости. А когда переселяются въ лучшій міръ, то можно подумать, что Отецъ Небесный призываетъ ихъ къ себѣ въ свой добрый часъ.

Воцарилось минутное молчаніе, и они услышали фру Робель, разсуждающую о Мендельсонѣ съ кандидатомъ Уссингомъ (сидѣвшимъ слишкомъ ужъ близко къ ней).

— Да, — обратился докторъ къ Іоанну, воспользовавшись случаемъ. — Мы часто играемъ его въ нашемъ обществѣ. Вѣдь въ нашей мѣстности, г. графъ, приходится, къ сожалѣнію, ограничиваться болѣе легкой и понятной музыкой.

— А лично намъ больше всего нравится Цезарь Франкъ, — сказала фру Робель, которая все время обмахивалась вѣеромъ, расписаннымъ отъ рукъ. — Но имъ мы можемъ наслаждаться лишь въ своемъ кругу.

— Вѣдь всѣ не могутъ быть образованными, фру Робель, — черезъ столъ сказала фру Лоренценъ.

Обѣ дамы улыбнулись другъ другу, пока фру Робель немного поспѣшно не вернулась къ Мендельсону, заговоривъ о придворномъ скрипачѣ Греевѣ и о финалѣ того концерта, который онъ игралъ въ музыкальномъ обществѣ въ прошломъ году:

— Это были чудныя мгновенія, — сказала она.

Иоаннъ немного вытянулъ впередъ шею и сказалъ:

— Этотъ самый концертъ я буду играть сегодня, фру.

Герда наклонила голову:

— Его вы будете играть?

— Да, — сказалъ Иоаннъ, и Герда не понимала, почему онъ засмѣялся, щелкнувъ пальцами. — Его-то я и буду играть.

— Помимо программы?

— Да, фрекенъ Герда, помимо программы.

Докторша сказала:

— Это музыка ликующей радости.

— Или же надежды, — сказала фру Иесперсенъ.

Но Иоаннъ не понялъ этого слова, и Гердѣ пришлось объяснить его.

— Скажите это датское слово еще разъ, — попросилъ Иоаннъ.

— Надежда, — медленно повторила Герда.

— Надежда, — повторилъ и Иоаннъ.

Но тутъ же заговорилъ другимъ тономъ:

— Ахъ, я такъ скверно говорю по-датски.

— Нѣтъ, вы прекрасно говорите, — сказала фру Иесперсенъ, а директоръ, всегда излишнимъ образомъ растягивающій свои фразы, сказалъ:

— Мнѣ, наоборотъ, представляется достойнымъ удивленія, какъ хорошо вы сохранили языкъ вашей матери.

— Иоаннъ сказалъ, смотря прямо передъ собой:

— Моя мать безусловно говорила по-датски хорошо и красиво — это мнѣ пришло въ голову сегодня. Но я могу говорить лишь о внѣшнихъ предметахъ...

— О внѣшнихъ предметахъ? — повторила фру Иесперсенъ и засмѣялась.

— Да, — продолжалъ Иоаннъ уже другимъ тономъ, — я не могу высказывать того, что думаю.

Герда отвѣтила — и это вырвалось у нея какъ-то внезапно:

— Я прекрасно понимаю (и вдругъ она совсѣмъ наклонила голову надъ тарелкой) — что... что вы хотите сказать...

Но фру Иесперсенъ сказала, переставъ ѣсть:

— Можно ли когда-нибудь высказать то, что думаешь? Я, право, ни разу не могла высказать своему мужу, какъ сильно люблю его.

— Да, — сказалъ табачный торговецъ Ларсенъ, — Но мы, Гердочка, неженатые люди, не понимаемъ толку въ любви.

Но докторша, бросивъ музыкальный разговоръ и кандидата, сказала, улыбувшись:

— Однако, г. Ларсенъ, вы никогда не говорите ни о чемъ другомъ.

— Нѣтъ, милая фру, это только за грогомъ... Но о чемъ же намъ, мужчинамъ, больше говорить — Лоренценъ, а? — а женщины, ей-ей, охотно подслушиваютъ тогда въ щелку.

Глаза Герды обратились къ отцу. Но Иогансенъ, нѣ замѣчая дочери, исполнялъ на концѣ стола свои хозяйскія обязанности, такъ привычно и спокойно, какъ-будто выполнялъ какую-нибудь конторскую работу за своей конторкой.

Директоръ заговорилъ съ обоими мужчинами въ черныхъ галстукахъ о какой-то высылкѣ, а часовщикъ поднималъ стаканъ — потому что въ сосѣдствѣ все еще говорили о музыкѣ, которую онъ не понималъ — и началъ:

— Итакъ, добро пожаловать, концертантъ...

— Ладно ужъ, Ларсенъ, — прервалъ его Иогансенъ, поднимая голову.

— Нѣтъ, — продолжалъ часовщикъ, — тебѣ нечего бояться, Иогансенъ... я не буду говорить рѣчь. Потому что Герда запретила мнѣ это.

Фру Иесперсенъ засмѣялась, а у Герды грудь вздымалась и опускалась, между тѣмъ какъ яркая краска залила ея лицо.

— Да-съ, запретила, — сказалъ часовщикъ.

— Но я хочу только сказать — и Ларсенъ продолжалъ: — Добро пожаловать, г. концертантъ. Вы приѣхали въ небогатую страну, гдѣ у людей добрыя сердца, и головы тоже на своихъ мѣстахъ. И мы довольны собой и радуемся за другихъ.

— Ваше здоровье, г. концертантъ.

Всѣ подняли стаканы, какъ вдругъ на другомъ концѣ стола тонкій, пискливый голосъ сказалъ Иоанну:

— Добро пожаловать изъ Европы, графъ Уйгази.

— Кто это сказалъ? — спросилъ Иоаннъ, вздрогнувъ.

Этотъ голосъ такъ правильно произнесъ фамилію Уйгази.

— Это Мефистофель, — сказала фру. Иесперсенъ.

Но Іоаннъ вполголоса спросилъ — и глаза его смѣялись:

— Фрекенъ Герда, почему г. Ларсенъ не долженъ былъ говорить рѣчь?

Герда схватилась руками за край стола:

— Ахъ, это совсѣмъ неправда, — сказала она. — Ларсенъ очень славный... но сегодня...

Она остановилась, но Іоаннъ сказалъ — и былъ увѣренъ, что отгадалъ ея мысль:

— Я нахожу, что здѣсь восхитительно.

— Правда? — На ея лицѣ появилась такая улыбка, что Іоанну показалось, что онъ еще ни разу — за весь этотъ день не видѣлъ ее улыбающейся.

И немного погодя сказалъ:

— Я понимаю, вѣдь здѣсь Данія.

Онъ вдругъ поднялъ глаза и встрѣтился взглядомъ съ глазами завѣдующаго.

— Какъ фамилія вашего завѣдующаго? — спросилъ онъ.

— Петерсонъ, — отвѣтила Герда тономъ чловѣка, мысли котораго витають далеко.

— У него очень упорный взглядъ, — сказалъ Іоаннъ, а фру Иесперсенъ прибавила:

— И спокойная, твердая воля.

Фрекенъ Герда ничего не отвѣтила... она сидѣла съ опущенной головой. А Іоаннъ вдругъ спросилъ, какъ будто вспомнивъ о вопросѣ, о которомъ они уже говорили:

— Что значить слово «ваеп»?

Онъ обратился съ этимъ къ фру Иесперсенъ, которая принялась хохотать:

— Ваеп?— повторила она. — Какъ, Господи, оно вамъ пришло въ голову?

— V å e n?— продолжала она, — V å e n... это значить красивая, или... какъ правильно объяснить, Герда?

Иоаннъ тоже перевелъ глаза на Герду, или, можетъ быть, все время смотрѣлъ на нее. Но Герда сказала только (и казалось, что глаза ея лишь слѣдили за большимъ блюдомъ съ зеленымъ горошкомъ, которое немало странно покачивалось въ рукахъ часовщика):

— Не знаю, — она сстановилась на мгновение, — да, вѣроятно это значить красивая.

— Нѣтъ, не красивая, — сказалъ Иоаннъ, не отрывая отъ нея взгляда, — это должно быть больше.

— Директоръ навѣрное знаетъ, — сказала фру Иесперсенъ и обратилась къ нему съ вопросомъ. Директоръ отвѣтилъ, что это слово очень трудно объяснить...

— Но f a g e r и v a e n, — продолжалъ онъ, — вотъ два слова, которыя чаще всего встрѣчаются въ старыхъ пѣсняхъ...

— Откуда вы взяли его? — спросила фру Иесперсенъ.

— F a g e r и v a e n, — продолжалъ директоръ, — это хорошіе норвежскіе эпитеты, прилагаемые къ женщинамъ.

— V a e n — это приблизительно миленькая, — вставилъ свое слово докторъ и быстро повернулся къ Лоренценъ:

— А что думаетъ фабрикантъ? — усмѣхнулся онъ.

Директоръ принялся цитировать отрывки стихотво-

реній, гдѣ встрѣчается слово *va en*, и фру Лоренценъ тоже вмѣшалась въ разговоръ, заявивъ немного торопливо, что по Грундтвигу это слово означаетъ «дивная».

Слово *va en* летало надъ столомъ, какъ мячъ.

— Но откуда вы его взяли? — повторила свой вопросъ улыбающаяся фру Иесперсенъ.

— Изъ одной пѣсни, — сказалъ Іоаннъ, — не измѣняя направленія взгляда.

— Нѣтъ, это не дивная, — говорилъ кандидатъ Усингъ, скользнувъ взоромъ мимо щеки фру Робель. — Слово не выражаетъ этого понятія. У кого есть грація, вотъ та и будетъ *va en*.

— Я знаю много старыхъ пѣсень, — сказалъ Іоаннъ, — пѣсень, которыя пѣла моя мать... Ане.

Герда вдругъ улыбнулась:

— Иосе, — проговорила она и хотѣла взглянуть на него, но не сдѣлала этого. — Какъ это звучитъ красиво...

У директора былъ такой запасъ «*va en*», что казалось, будто цитированные имъ отрывки стихотвореній кольцомъ охватываютъ все общество, какъ вдругъ господинъ съ кривымъ плечомъ высунулъ впередъ голову и сказалъ:

— Во французскомъ языкѣ, графъ Уйгази, есть совѣмъ равнозначщее слово: *c'est charmant*.

Повидимому французское слово удовлетворило Іоанна.

— *Oui, monsieur*, — сказалъ онъ, снова улыбувшись:

— *La charmante — charmante c'est ça*.

Но часовщикъ, не обладавшій такими лингвистическими познаніями, поднялъ свой стаканъ:

— А что думаетъ завѣдующій?

— Засвидѣтельствуй, Лоренцень,—продолжалъ онъ— что здѣсь въ домѣ настоящее виноградное вино.

— Засвидѣтельствуй, братъ, и ты, докторъ Робель..

— Да, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Іоанну: — здѣсь мы всѣ на ты; г. концертантъ, какъ въ одной семьѣ. Потому что почти всѣ мы видѣли это мѣсто еще пустыннымъ полемъ... Лѣтъ девятнадцать тому назадъ тутъ, пожалуй, только и стояла, что твоя хибарка, а, Іогансенъ? — да и она была маленькая.

— Но мы вложили сюда свои труды. За ваше здоровье, фру Лоренцень....

— А какъ давно, собственно говоря, стоитъ прядильня? — промолвилъ г. Лоренцень.

— Не пятнадцать ли лѣтъ, Лоренцень? — сказала жена.

— Да, — сказалъ табачный торговецъ, — пятнадцать лѣтъ — потому что это было въ томъ году, когда умерла твоя жена, Іогансенъ... Но тогда кромѣ твоего дома да еще пивоварни здѣсь было всего-навсего десять домовъ.

— Такъ рано умерла ваша мать? — сказалъ Іоаннъ.

— Да, очень рано.

— Когда вамъ было семь лѣтъ?

— Да, всего семь лѣтъ.

— Но затѣмъ дѣло закипѣло, и дома начали расти, какъ грибы послѣ дождя, — нѣтъ, вы это не можете помнить завѣдующій, вы же здѣсь новичекъ...

Докторъ сообщилъ, что онъ пріѣхалъ девять лѣтъ тому назадъ, но тогда уже была улица...

— Высшая школа стоитъ здѣсь дольше, — сказала

фру Робель, наклонивъ свой расписанный отъ руки вѣ-
еръ въ сторону директора.

— Да, школа уже стояла здѣсь, когда вы при-
ѣхали, — сказалъ директоръ. — На своемъ мѣстѣ близъ
рѣчки.

Какъ давно живетъ здѣсь вашъ завѣдующій? —
спросилъ Іоаннь.

— Кажется, что два года, — отвѣтила Герда.

— Да, — говорилъ часовщикъ, — улица-то была — и
онъ захохоталъ. — Но помнишь, Лоренценъ, какой у
нея былъ видъ?

Всѣ захохотали, вспомнивъ улицу.

— Совсѣмъ плохая была, — сказалъ Лоренценъ.

— Она и теперь еще плохая, — вставилъ Іогансенъ
съ конца стола.

— Да, Господи, — сказалъ табачный торговецъ. — А
вѣдь ты предсѣдатель приходскаго совѣта.

Всѣ разсуждали о построенныхъ домахъ, о трудахъ,
вложенныхъ въ дѣло, и о людяхъ, переѣхавшихъ въ
ихъ поселокъ.

— Мы начали дѣло съ семью рабочими, — сказала
фру Лоренценъ Іоанну.

— А теперь у насъ ихъ полтораста, — сказалъ мужъ.

Общая бесѣда — хотя все же неторопливая — продол-
жалась: объ аптекѣ, о центральной телефонной стан-
ции и о техническомъ училищѣ.

— Ну, теперь болтовня пошла въ ходъ, — замѣтилъ
табачный торговецъ и потеръ себѣ переносицу.

— Но кладбище у насъ красивое, — говорилъ часов-
щикъ. — Когда его собирались устраивать, я сказалъ
въ приходскомъ совѣтѣ...

— Да, — сказалъ Иогансенъ и поднялъ глаза, — было дѣло...

— Нѣтъ, техническое училище — вотъ нашъ козырь, — сказалъ табачный торговецъ. — Ваше здоровье, завѣдующій. Вы ей Богу совѣмъ лишились языка.

Всѣ продолжали разговаривать. А фру Иесперсенъ повернулась къ Иоанну:

— Знаете, это было прелестно — мы пріѣхали сюда только что повѣнчавшись — жить среди всего этого оживления, когда кругомъ стучали молотками, возводили стѣны, рыли землю и строились. Проснешься утромъ и видишь, какъ растетъ домъ — кирпичъ къ кирпичу, красными рядами. Открываешь окно каждое утро и слышишь звонкій стукъ лопаточекъ каменщиковъ.... Знаете, по-моему изъ всѣхъ звуковъ на свѣтѣ самый лучший это дробный легкій стукъ лопаточки каменщика... въ немъ какъ-будто звучить — вамъ это не кажется? — все то, что будетъ послѣ...

Она помолчала немного и заговорила другимъ тономъ:

— Сколько разъ по утрамъ Генрикъ, мой мужъ, и я стояли у окна — у насъ такое славное окно въ мезонинѣ, хотя выходитъ на сѣверъ — и смотрѣли, какъ вбиваютъ гвозди, скрѣпляютъ, стучать молотками... прямо среди солнца. И, знаете, вдали — свѣтлыя зеленѣющія пятна среди степи... Это было самое красивое.

— Да, — продолжала она, — Богъ все-таки благо-словилъ эту работу.

— Все-таки? — спросилъ Иоаннъ.

У фру Иесперсенъ измѣнилось выраженіе лица:

— Да, все-таки, — сказала она.

Но вдругъ пасторша снова засмѣялась:

— Но вы, разумѣется, не можете понять всего этого.

— Нѣтъ, могу, — тихо сказалъ Іоаннъ. — Я могу понять. — И прибавилъ:

— Развѣ это не родина моей матери?

— Нѣтъ, моя величайшая радость, — медленно заговорилъ часовщикъ, отодвинувши свой стулъ отъ стола, такъ какъ почти что насытился. — Моя величайшая радость — это когда по улицѣ ѣдутъ экипажи... Ей Богу, я всегда подхожу къ дверямъ, когда они заворачиваютъ въ улицу и направляются сюда къ воротамъ — это ихъ дорога... Но, когда они въ первый разъ пріѣхали изъ Гойерупа, когда мы ихъ отбили отъ Кольдинга — когда я увидѣлъ эти шестнадцать экипажей — ихъ было шестнадцать, Іогансенъ, — какъ они въѣхали въ твои ворота... тогда у меня, ей-ей, слезы навернулись на глаза.

— У графа, вѣроятно, тоже, — шепнулъ докторъ Уесингу. Нѣкоторые изъ гостей засмѣялись.

Но часовщикъ уперся руками въ толстыя колѣни:

— Да, такъ я и стоялъ со слезами на глазахъ, — сказалъ онъ.

— За твое здоровье, философъ, — обратился онъ къ человѣку съ кривымъ плечомъ.

— Вы вѣдь знакомы съ графомъ изъ Гойерупа? — повернулась фру Іесперсенъ къ Іоанну.

— Откуда вы знаете? — спросилъ Іоаннъ, засмѣявшись.

— Онъ былъ у васъ сегодня. Вѣдь телефоны у насъ есть, и мы знаемъ, для чего ими пользоваться...

Кругомъ заговорили громче о приходскомъ совѣтѣ,

о банкѣ и сберегательныхъ кассахъ. Ихъ было три въ этой мѣстности.

Но Іоаннъ, наклонившись къ Гердѣ, тихо сказалъ:

— И во всемъ этомъ вы жили?

— Да.

— Всю вашу жизнь?

Но фру Іесперсенъ, услышавшая это, сказала:

— О нѣтъ, Герда одновременно и жила и не жила среди всего этого. По-моему она и съ нами, и въ то же время далеко отъ насъ. Ты, видишь ли, всегда точно въ сторонѣ...

— Не знаю, — сказала Герда, — но то, что видишь, по-моему, никогда не бываетъ такимъ значительнымъ...

— Какъ что? — засмѣялась фру Іесперсенъ.

— Какъ то, что можно себѣ представить, — сказала Герда.

— Вѣрно, — замѣтилъ Іоаннъ.

— Ну да, дѣточка, можетъ быть это и правда; пожалуй на свѣтѣ есть только одна значительная и важная вещь, — сказала фру Іесперсенъ.

— А именно? — спросилъ Іоаннъ, улыбнувшись.

— Взаимная любовь двухъ людей, — сказала фру Іесперсенъ и вдругъ осушила свой стаканъ съ краснымъ виномъ, какъ-будто пила за чье-то здоровье.

— Вы бы присѣли, фрекенъ Іогансенъ, — обратилась она къ Гердиной теткѣ, которая все время ходила взадъ и впередъ, какъ-будто въ тревогѣ, унаслѣдованной отъ тѣхъ временъ, когда женщины не сидѣли за общимъ столомъ.

— Вы житейскій мудрецъ, госпожа пасторша, — сказалъ Іоаннъ.

Фру Иесперсень отвѣтила:

— Кто сидитъ спокойно — не правда ли? — у тѣхъ есть время жить.

— Да, — сказалъ Иоаннъ.

— Генрихъ всегда говоритъ, — продолжала фру Иесперсень, снова принявшись за ѣду, — что тѣ, кто всегда бѣгаютъ кругомъ, только убѣгаютъ отъ счастья.

— И отъ самихъ себя, — прибавила она съ полнымъ ртомъ.

— А что вы скажете, фрекень Герда? — спросилъ Иоаннъ.

Но фру Иесперсень засмѣялась:

— О, Герда не бѣгаетъ... ей только хочется побѣгать... Это у нея какъ съ участемъ въ любительскихъ спектакляхъ. Она уже получила три роли...

— Замолчи, — сказала Герда.

— Которыя сама же и выпросила, — продолжала фру Иесперсень. — И ни одной изъ нихъ она не играла.

— Но почему? — спросилъ Иоаннъ.

— Ну да, — сказала Герда. — Когда дѣло доходило до репетицій — я все-таки не рѣшалась.

— Да, — сказала фру Иесперсень. — Такой у нея ужъ характеръ... поэтому она и замужъ никогда не выйдетъ...

— Нѣтъ? — тихо сказалъ Иоаннъ, и это слово какъ будто невольно сорвалось съ его губъ.

Кругомъ говорили о новомъ гимнастическомъ заведеніи, гдѣ недавно былъ устроенъ праздникъ, объ опытныхъ поляхъ при сельскохозяйственной школѣ и снова о прядильнѣ — пока фру Лоренценъ не сказала:

— Но мы, друзья мои, знаемъ, гдѣ у насъ начало и центръ всего.

И всѣ внезапно заговорили о высшей школѣ, и бесѣда завертѣлась вокругъ директора, который втайнѣ можетъ быть все время ждалъ своего времени, но теперь только промолвилъ, кивнувъ головой надъ своей широкой бѣлой грудью:

— Графъ врядъ ли знаетъ нашу школу.

Но Иоаннъ отвѣтилъ, что это училище извѣстно во всей Европѣ.

— Пожалуй, можно даже сказать во всемъ мірѣ, — сказалъ директоръ. — Да, у насъ, слава Богу, много друзей, и наша величайшая радость — это видѣть, что они продолжаютъ наше дѣло...

И онъ заговорилъ о Финляндіи, гдѣ у нихъ много учениковъ:

— Даже въ Исландіи радостно принимаются за работу, — сказалъ онъ.

Онъ говорилъ, совсѣмъ не повышая голоса (но тѣмъ не менѣе всѣ молчали) и сообщилъ Иоанну (пожалуй съ легкой улыбкой, какъ человѣкъ, просвѣщающій невѣжду), что къ нимъ пріѣзжаютъ, — а именно на лѣтніе курсы, устраиваемые попеременно для учащихся обоого пола — изъ Голландіи и изъ Англіи. А десять лѣтъ тому назадъ пріѣзжалъ одинъ индусъ.

— Да-съ, — говорилъ директоръ все съ той же улыбкой. — Онъ слышалъ о насъ даже въ Индіи.

— Индусы слышатъ больше, чѣмъ мы предполагаемъ, — сказалъ Иоаннъ. — У меня былъ другъ индусъ.

— Неужели? — сказала Герда, повернувъ голову.

— Да... въ школѣ, въ Парижѣ.

Герда немного помолчала:

— Во сколькихъ мѣстахъ вы жили, — сказала она.

— Да, — продолжалъ разсказывать директоръ, между тѣмъ какъ всѣ остальные молчали, хотя можетъ быть уже слышали все это раньше:

— Удивительно было видѣть, какъ онъ старался вникнуть во все и какъ хорошо понималъ... Въ иностранныхъ языкахъ мы не сильны... но дѣло все-таки шло на ладъ, и это насъ чрезвычайно радовало...

— Даже нашимъ ручнымъ трудомъ онъ интересовался.

— Ручнымъ трудомъ? — повторилъ Иоаннъ. — Что это такое?

Онъ обратился къ Гердѣ, но отвѣтила фру Иеспрень:

— Это, такъ сказать, кустарное производство.

— Какъ многому у васъ учатся здѣсь, — сказали Иоаннъ.

— Да, — сказалъ директоръ и наклонилъ голову. — Намъ хочется достигнуть возм'жно большаго—вѣдь работать на пользу родины можно столь различнымъ образомъ.

— Но важнѣе всего—раскрывать сердца.

Фру Робель спросила у директора что-то по поводу ткацкой школы, и директоръ отвѣтилъ ей распространенно и степенно, пока не закончилъ:

— Но ткацкая школа, это еще лишь тропинка, маленькая тропинка. Молодымъ дѣвушкамъ полезно ткать. Онѣ ткутъ свое приданое, онѣ ткутъ свой свадебный уборъ, онѣ ткутъ уютъ своего семейнаго очага. Ткацкая школа какъ бы возстановляетъ домашній очагъ...

Иоаннъ, задумавшись, оперся головой на руку, какъ вдругъ его словно подтолкнуло: это завѣдующій шопотомъ, но рѣзко, сказалъ черезъ столъ:

— Фрекенъ, вашъ папаша.

— Я?—вздрыгнувъ сказала Герда и подняла взглядъ на отца, который сдѣлалъ ей знакъ глазами.

— Ахъ, я забываю гостей, — шепнула Герда.

— Да, это правда, — сказала фру Тесперсенъ, — а этого ты обыкновенно никогда не дѣлаешь.

— Нѣтъ, — отвѣтила Герда, совсѣмъ смущенная.

Иоаннъ же сказалъ, въ то время какъ директоръ продолжалъ ораторствовать:

— Завѣдующій наблюдаетъ за вами, фрекенъ Герда.

— Что вы... нѣтъ...

— Нѣтъ, да...

— Онъ у васъ любезный? — спросилъ Иоаннъ.

— Онъ очень дѣльный, — сказала Герда, смотря въ свою тарелку.

И вдругъ прибавила горячо:

— О, я такъ хочу, чтобы онъ сталъ папинымъ компаньономъ...

— Почему?

— Тогда папа будетъ свободнѣе, и мы можемъ тогда немного уѣхать отсюда и попутешествовать...

— И увидѣть горы, — сказалъ Иоаннъ.

— Да, — и Герда улыбнулась. — И Венгрію.

— И «вестибюль Оперы», — засмѣялся Иоаннъ.

Она взглянула на него и поняла:

— Ахъ да, это тѣ картины, которыя книжный торговецъ мнѣ всегда доставляетъ, когда я бываю въ Вейле.

Кругомъ все еще разсуждали о ткацкой школѣ. Но

директоръ сказалъ, сдѣлавъ рукой жестъ въ сторону г-на Лоренцена и его супруги:

— Но въ этомъ дѣлѣ мы идемъ рука объ руку съ нашими друзьями съ прядильни.

И сталъ говорить о рисовальной мастерской при фабрикѣ и о художественныхъ силахъ, которыя фабрикантъ Лоренцъ привлечъ къ составленію своихъ узоровъ; а Робель съ улыбкой освѣдомился о здоровьѣ нѣсколькихъ работницъ; Лоренцъ же отвѣтилъ ему... заговоривъ о нѣсколькихъ новыхъ домахъ для рабочихъ.

— И вотъ вы сидите и смотрите на эти картины изъ Вейле? — сказалъ Іоаннъ.

— Да, очень часто, въ сумеркахъ, передъ темнотою.

— Я тоже это дѣлалъ часто, — сказалъ Іоаннъ, — дома.

Оба замолчали и все же, навѣрное, не слышали ни слова изъ разговора другихъ.

— Вашъ домъ большой? — спросила Герда, смотря прямо передъ собой.

— Да, большой.

— Съ башнями? — Она говорила все однимъ и тѣмъ же тономъ.

— Нѣтъ, башенъ на немъ нѣтъ. Но передъ дверью четыре колонны. Четыре бѣлыя колонны.

Герда кивнула головой:

— Колонны... — сказала она. — Колонны очень красивы.

— И когда я теперь приѣду домой, я буду тамъ со всѣмъ одинъ.

Герда улыбнулась улыбкой, которая сразу же сошла съ лица, оставшись на немъ лишь тѣнью:

— Одни съ Ане?

— Да, съ Ане.

Фру Иесперсень, добравшаяся до засахаренныхъ фруктовъ, которые она весело уничтожала, сказала:

— Ахъ, Герда, у васъ единственный домъ во всемъ округѣ, гдѣ можно хорошо поѣсть. Въ другихъ домахъ приходится питаться исключительно духовной пищей.

И прибавила, вернувшись къ разговору о путешествіяхъ, такъ какъ всего послѣдующаго она не слышала:

— Разумѣется, Гердѣ очень хочется путешествовать. Но когда она въ послѣдній разъ была въ Фредерици съ ночнымъ поѣздомъ, она затерялась въ маленькой толпѣ, а когда мы ее снова нашли, она вся дрожала отъ испуга.

— За твое здоровье, дѣточка, — сказала фру Иесперсень, заливая фрукты.

Остальные все еще говорили о прядильнѣ, и часовщикъ сказалъ:

— Ей Богу, Лоренценъ, пріятно видѣть дѣтишекъ твоихъ рабочихъ. Я то и дѣло радуюсь на нихъ, когда проѣзжаю мимо фабричныхъ бараконъ.

— Правда, докторъ, вѣдь это очень пріятный больничный районъ? — продолжалъ онъ. — За ваше здоровье, докторъ. Красивыя у васъ, чортъ возьми, запонки въ рубашкѣ...

— Не правда ли? — сказалъ докторъ, выпятивъ грудь, украшенную двумя большими фарфоровыми запонками съ нарисованными на нихъ незабудками.

— Это работа моей благовѣрной.

— Да, — сказалъ табачный торговецъ, — вы, фру Робель, большая искусница въ живописи. А какія картины мы получимъ весною въ художественномъ кружкѣ?

Фру Робель еще не знала. Но надѣялась, что сумѣетъ достать что-нибудь изъ «новаго искусства».

Лоренценъ разсуждалъ о томъ, что постепенно удастся, вѣроятно, вывести рабочихъ изъ городовъ въ деревню, въ лучшій воздухъ.

Фру Иесперсенъ повернулась къ Иоанну:

— О чемъ вы думаете? — спросила она, какъ-будто хлопнувъ его по спинѣ.

— Думаю? — сказалъ Иоаннъ. — Я слушаю и думаю о своей родинѣ.

— О, — сказала фру Иесперсенъ. — Я въ Венгрии знаю только писателя Юкзя и чардашъ, который я разъ видѣла, какъ танцовали лѣтомъ въ Кольдингѣ...

— Венгрия не моя родина, — сказалъ Иоаннъ. — Моя родина всего-навсего островъ.

— Да, вы ужь говорили это, — сказала Герда, поднявъ на него глаза.

— Островъ, — повторила фру Иесперсенъ. — Какой островъ? Это звучитъ какъ въ сказкѣ.

— Да, — сказалъ Иоаннъ и заговорилъ тише, — какъ сказка о проклятыхъ.

Герда повторила:

— О проклятыхъ?

— Это сербская сказка, — сказалъ Иоаннъ, смотря вдаль полужакрытыми глазами. — Сказка о заколдован-

номъ островѣ, на которомъ нѣтъ ни одной женщины, хотя всѣ мужчины на этомъ островѣ тоскуютъ по нимъ.

— Почему же они себѣ не достанутъ женщинъ?— сказала фру Иесперсень и засмѣялась.

— Они не могутъ, фру, — сказалъ Иоаннъ. — Женщины бы пріѣхали къ нимъ, но семь смертныхъ грѣховъ караулятъ островъ.

— Но все-таки женщина когда-нибудь явится туда?— спросила фру Иесперсень.

— Да, — сказалъ Иоаннъ, — если какая-нибудь женщина могла бы полюбить мужчину нѣмого, слѣплого и безъ ушей, тогда чары исчезли бы.

— Женщина можетъ, — сказала пасторша, внезапно ставъ серьезной.

Они немного помолчали.

— Гдѣ лежитъ вашъ островъ?— спросила Герда.

— Онъ лежитъ среди Дуная, — сказалъ Иоаннъ, и голосъ его измѣнился, — но на картѣ онъ не отмѣченъ.

И медленными фразами сталъ рассказывать о томъ, какъ лежитъ этотъ островъ—на границѣ всѣхъ странъ. О замкѣ, объ откосѣ гдѣ растеть виноградъ и весною двѣтутъ фіалки, о мельницѣ на мысу острова. И о несчастныхъ, отверженныхъ законами, которые ищутъ тамъ убѣжища.

Иоаннъ все продолжалъ говорить, какъ-будто говорилъ самъ съ собой или не сознавалъ, что обращается къ другимъ.

— И этотъ островъ принадлежитъ вашему роду?— сказала фру Иесперсень.

— Да, мы владѣли имъ шестьсотъ лѣтъ.

— И туда-то вашъ отецъ привезъ вашу мать—изъ Вейле?

— Да.

Фру Иесперсенъ помолчала секунду. Затѣмъ сказала:

— Какъ счастливы двое людей должны бы быть на вашемъ островѣ.

Измученный, какъ человѣкъ, услышавшій такое, о чемъ никогда не думалъ, Иоаннъ поднялъ глаза:

— Счастливы?

И мгновеніе спустя, сказалъ:

— Да, это правда.

Герда ничего не говорила. Лишь вѣки на ея глазахъ дрожали, какъ у человѣка, который смотритъ на свѣтъ, или какъ у того, кто собирается плакать.

Но съ быстрыми переходами отъ настроенія къ настроенію, торопливѣе, чѣмъ когда-либо въ жизни—и не сознавая какъ слѣдуетъ зачѣмъ и почему, Иоаннъ снова заговорилъ о своей родинѣ, короче, отрывистѣе.

О смѣшеніи языковъ на этомъ островѣ, гдѣ ниго не зналъ какого-нибудь одного, общаго языка; о ненависти, которая прорывалась то и дѣло, и о дракахъ, происходившихъ тамъ, гдѣ всѣ были бѣглецами. И о хищническомъ хозяйничаньѣ на этой землѣ, которая не была ничьей отчизной и которую всѣ проклинали...

— Бр-р, — сказала фру Иесперсенъ, — вы прямо пугаете съ вашимъ островомъ.

Но Иоаннъ, который было умолкъ, сказалъ:

— Понимаете вы теперь... какой мнѣ представляется родина моей матери?

— Да, — сказала пасторша.

А Іоаннъ, снова измѣнивъ топъ, сказалъ съ улыбкой:

— Здѣсь, фру, люди могли бы быть счастливы.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ директоръ, слышавшій лишь часть разговора, — въ этой странѣ всѣ могли бы быть счастливы.

— Но на стражѣ нашего благосостоянія, — продолжалъ онъ, — стоятъ они—наши союзники изъ-за рѣчки.

Онъ наклонился въ сторону обоихъ мужчинъ съ черными галстуками и двухъ женщинъ, сидѣвшихъ на концѣ стола съ неподвижными лицами.

Всѣ замолчали на мгновеніе, когда фабрикантъ Лоренценъ заговорилъ о какой-то высылкѣ, а мужчины въ черныхъ галстукахъ отвѣчали ему медленно, очень однотонно, какъ-будто читали по книгѣ.

Іоаннъ наклонился впередъ и смотрѣлъ на измѣнившіяся лица вдоль стола:

— Кто это? — спросилъ онъ.

А фрекенъ Герда отвѣтила, при чемъ голосъ ея принялъ другой оттѣнокъ:

— Это шлезвигцы.

Фру Іесперсенъ прибавила глухимъ голосомъ:

— Ихъ много пріѣхало. Но теперь жандармы на границѣ, вѣроятно, отмѣтятъ ихъ.

Іоаннъ же еказалъ, — и самъ не сознавалъ, что говорить такимъ же тономъ, какъ и онѣ:

— Моя мать и Апе часто говорили о войнѣ, — тогда она была ребенкомъ... но она очень хорошо помнила се.

Іоаннъ снова внимательно посмотрѣлъ на лица шлезвигцевъ.

— Какъ сильно они должны тосковать, — сказалъ онъ.

— Почему? — спросила фру Иесперсень.

— Ну да, — сказалъ Иоаннъ (и фру Иесперсень не поняла его) — вѣдь ихъ родина существуетъ, и они только разлучены съ ней.

Какъ-будто одно лишь это слово дошло до нея, Герда спросила, не поворачивая головы:

— Ваша мать сильно тосковала?

— Да, — сказалъ Иоаннъ, — она тосковала.

И оба умолкли, но директору пришлось два раза повторить:

— Но нашу рѣчку г. графъ тоже не увидитъ.

Во второй разъ Иоаннъ услышалъ это и отвѣтилъ очень звучнымъ голосомъ:

— Нѣтъ; г. директоръ, увижу, когда опять приѣду сюда.

Фрекенъ Герда вдругъ подняла обѣ руки почти что въ уровень съ лицомъ, а фру Иесперсень быстро сказала:

— О да, сдѣлайте это, обязательно — приѣзжайте сюда лѣтомъ, тогда здѣсь такъ хорошо.

А директоръ замѣтилъ:

— Да, еамъ, право, слѣдовало бы увидѣть родину вашей матери лѣтомъ.

Всѣ ухватились за эту мысль, всѣ заговорили съ Иоанномъ, приглашая его, а Иогансенъ продолжалъ разговаривать о высылкахъ съ обѣими фру изъ Шлезвигъ, которыя въ своихъ шелковыхъ корсажахъ сидѣли навытяжку, плоскія и прямыя, точно онѣ соохлись до полного превращенія въ мужичиъ.

— Да, прїѣзжайте, ей Богу прїѣзжайте, — восклицалъ часовщикъ, — мы ужъ васъ хорошо примемъ.

— А на фабрикѣ есть комнаты для гостей, — сказала фру Робель, нѣжно склонившись въ сторону фру Лоренценъ.

— Да, помѣщеніе и сердечный прїемъ у насъ найдутся, — сказала фру Лоренценъ, кивнувъ ей въ отвѣтъ.

Кругомъ стола разсуждали о лѣтѣ, о лѣтнихъ поѣздкахъ, о Скибелундской рошѣ и о «Родномъ языкѣ».

— Эта книга была создана въ добрый часъ, — говорилъ директоръ.

Докторъ же говорилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, незачѣмъ скрывать, и я не отрицаю — лѣтомъ меня всегда тянетъ въ Скодсборгъ.

И часовщикъ сказалъ:

— Я тоже, время отъ времени ѣзжу въ Копенгагенъ и посѣщаю зоологическій садъ. Тамъ такъ красиво этакъ утречкомъ, когда животныя щиплютъ травку.

Табачный же торговецъ сказалъ одному изъ шлезвигцевъ:

— А по-моему: Христиансфельдъ чертовски славное мѣстечко.

Кругомъ говорили о Зоологическомъ садѣ, объ Эрмитажѣ и дачныхъ мѣстахъ. Фру Робель провела лучшие дни своей жизни у своего дяди, министра, близъ Спрингфорби, гдѣ весь домъ былъ полонъ музыки.

Но фру Иесперсенъ, хотя сама была родомъ изъ Копенгагена, защищала Ютландію:

— О нѣтъ, о нѣтъ, позвольте мнѣ вступить за

Ютландію... я не знаю... но Ютландія такая большая. Она связана съ остальнымъ міромъ... и здѣсь такой широкой видъ, далеко, далеко въ степь.

— По-моему нѣтъ ничего лучшаго, — говорила она, — какъ стоять на «горѣ» послѣ захода солнца.

Іоаннъ улыбнулся:

— А вы, — обратился онъ къ Гердѣ, — гдѣ по-вашему лучше всего лѣтомъ?

— По-моему...—сказала Герда (и пожалуй она не много слышала изъ всего, что говорили)—по-моему... лучше всего, когда болотная бабушка варить свою брагу *).

Она помолчала немного:

— Потому что тогда думаешь о столькихъ, столькихъ вещахъ... или совсѣмъ ни о чемъ не думаешь.

Іоаннъ кивнулъ головой:

— Но все же лучше всего на «Монастырской Горѣ», — сказали онъ.

— Да, — отвѣтила Герда и хотѣла засмѣяться, — тамъ лучше всего.

Бесѣда за столомъ вдругъ точно оборвалась, и слышенъ былъ лишь голосъ фру Робель, все еще разсказывающей кандидату о Спрингфѣрби, когда часовщикъ поднялъ свой стаканъ:

— Да, да, — сказали онъ, и вся его шарообразная голова обливалась потомъ, — надо теперь выпить одинъ стаканчикъ. Надо почтить память Каренъ Постъ. Честь и слава ей.

— Да, — поддержалъ его братъ. — Честь и слава ей.

*) Т.-е. когда вечеромъ надъ низинами стелется туманъ. *Прим. пер.*

Оба брата выпили свои стаканы, и остальные последовали ихъ примѣру, и на секунду въ комнатѣ воцарилось полное молчаніе:

— Твердый и надежный человѣкъ она была, — сказала табачный торговецъ.

— Къ ней всѣ шли, когда приходилось круто, — сказалъ часовщикъ и кивнулъ Гердѣ.

— Да, — тихо сказала Герда.

— Кто это Каренъ Постъ? — спросилъ Іоаннъ, смотря на нее.

— Это же прабабушка.

— Я такъ ясно помню ее, — говорилъ часовщикъ. — Это было въ послѣдній вечеръ, когда она еще была на ногахъ. Я пришелъ сюда въ лавку, а она стоитъ тамъ, подсчитала какъ разъ кассу и зажгла свою сальную свѣчку...

— Она вѣдь всегда шла спать со своей сальной свѣчкой.

Онъ опять измѣнилъ тонъ:

— А вы все молодець - молодцомъ, Каренъ Постъ, говорю я ей тутъ, не бросаете дѣла, говорю я ей... Нѣтъ. Іергенъ Ларсенъ, говоритъ она, человѣкъ долженъ стоять на ногахъ, говоритъ она, и не дрогнуть въ лицѣ, пока не упадетъ.

— И пошла наверхъ... со своей свѣчкой...

— А утромъ лежала мертвой.

— Это, право, самая прекрасная смерть, какую я только знаю.

— И вѣдь это Каренъ Постъ положила здѣсь основаніе всему, — закончилъ онъ.

Все еще царило молчаніе. Лишь докторъ сказалъ нѣсколько словъ, а Іогансенъ поднялся:

— Прощенья просимъ, господа, ужъ не взыщите,— сказалъ онъ.

Но, вставая изъ-за стола, Герда подняла глаза на Іоанна и сказала — и это прозвучало такъ, словно она все время думала лишь объ этомъ одномъ:

— Какъ восхитительно должно быть владѣть вашимъ островомъ.

— Владѣть? Почему?

Герда улыбнулась:

— Тамъ можно было бы сдѣлать всѣхъ людей счастливыми.

— Счастливыми?

Іоаннъ наклонилъ впередъ голову, и казалось, что свѣтъ всѣхъ свѣчей, горѣвшихъ на столѣ, упалъ на его лицо.

— Спасибо за компанію, — около самыхъ дверей сказала фру Іесперсенъ и улыбнулась Іоанну.

— Спасибо за компанію, — сказалъ и Іоаннъ, не замѣчая ея руки.

Всѣ громко благодарили другъ друга за обѣдъ и пожимали другъ другу руки.

— Будьте здоровы, графъ, — сказалъ часовщикъ.

— Будьте здоровы, — сказалъ Іоаннъ и самъ не слышалъ, что говорилъ.

— Это у насъ такой обычай, — сказала фру Робель,

пробравшись къ Іоанну со своими музыкальными руками.

— Будьте здоровы, — повторилъ Іоаннъ, а въ глазахъ его было все то же сіяніе.

Фру Робель уже начала говорить, какъ человѣкъ, который наконецъ добрался до своего, — такъ заговорила она — о чести, которую онъ доставилъ такому маленькому мѣстечку, и о радости по поводу того, что онъ будетъ играть Мендельсона:

— Музыку счастья, какъ ее назвалъ Грсенъ.

Іоаннъ засмѣялся, задорно, почти дерзко, какъ двадцатилѣтній юноша:

— Развѣ онъ когда-нибудь былъ счастливъ? — сказалъ онъ, засунувъ оба большихъ пальца въ петлицы жилета.

Фру Робель тоже засмѣялась, можетъ быть слегка сбита съ толку, а часовщикъ, услышавъ смѣхъ Іоанна, подошелъ къ нему:

— Будьте здоровы, концертантъ, — сказалъ онъ, взявъ обѣ руки Іоанна въ свои лапы. — Вы, ей Богу, отличный человѣкъ.

— И вы тоже, — сказалъ Іоаннъ, не выпуская потныхъ рукъ часовщика.

— Выпьемъ на этомъ, — сказалъ часовщикъ.

— Но вѣдь мнѣ вечеромъ надо играть, г. Ларсенъ, — сказалъ Іоаннъ, запомнивъ всѣ эти чужія имена, какъ человѣкъ, мозгъ котораго внезапно сталъ способенъ помнить тысячи вещей.

— Мы только пригубимъ, — сказалъ Ларсенъ и налилъ два маленькихъ стаканчика:

— Это лучшее вино Иогансена, — сказал Ларсенъ. — Тутъ мы такъ сказать, у самаго источника.

— За ваше здоровье, концертантъ... Эй, завѣдующій, будьте свидѣтелемъ... Э, онъ не слышитъ. Такъ за ваше здоровье, концертантъ.

— За ваше здоровье, г. Ларсенъ.

Г. Ларсенъ выпилъ свой стаканъ. Кругомъ разговаривали, пили и смѣялись. Докторъ, искусникъ на всѣ руки, жонглировалъ двумя бутылками изъ-подъ ликера.

— Не уроните ихъ, не уроните ихъ, — говорила Герда, лицо которой сіяло.

Закурили сигары, и дымъ уже легкимъ туманомъ стоялъ надъ комнатою.

— Не уроните ихъ, не уроните.

Второй Ларсенъ сзади хлопнулъ Иоанна по плечу:

— Даъсь, концертантъ, здѣсь можно научиться быть веселымъ.

— Вѣрно, — сказалъ Иоаннъ и снова засмѣялся, какъ будто все время долженъ былъ смѣяться.

— Въ этомъ вы правы, Ларсенъ, — крикнулъ докторъ, бросивъ бутылку подъ руку и снова поймавъ ее черезъ плечо. — Это происходитъ оттого, что у насъ винныя сердца.

Иоаннъ повернулся лицомъ къ Гердѣ:

— Не уроните ихъ, — невольно воскликнулъ и онъ. И оба — онъ и фрекенъ Герда — вдругъ засмѣялись за разъ надъ бутылками, которыя продолжали летать; внезапно кто-то дотронулся до руки Иоанна, и фру Иесперсенъ сказала, представляя ему стройнаго господина съ безбородымъ лицомъ:

— Это мой мужъ.

— Такъ вы все-таки пришли, г. пасторъ?

— Да, я явился сюда, — сказалъ пасторъ:— Мнѣ вѣдь очень хотѣлось пойти вмѣстѣ съ женой.

И, обращаясь къ женѣ, сказалъ:

— Она отошла въ вѣчность такъ спокойно и красиво.

Герда подошла:

— Вамъ надо чего-нибудь поѣсть, г. пасторъ.

— Она умерла, — сказала фру Иесперсенъ.

— Умерла? — повторила Герда, но та же сіяющая улыбка лежала на ея лицѣ. — Она была такая славная и хорошая. Она думала о всѣхъ людяхъ.

— Она васъ очень любила, — сказалъ пасторъ.

— О Господи, да. Когда у нея, бывало, сидишь за кофе, — и фру Иесперсенъ наполовину улыбнулась, — она усядется на свое возвышеніе и начинаетъ:

— «Да, Гердочка, голубка наша, просто прелесть. Милая фру Иесперсенъ, развѣ она не прелесть?.. но надо бы ее замужъ выдать».

— Это совсѣмъ какъ Ане, — сказалъ Іоаншъ.

— Ане? — спросилъ священникъ.

— Это моя старая няня.

Кругомъ продолжали разговаривать и смѣяться. Часовщикъ обходилъ комнату, чокаясь со всѣми и оставиваясь въ каждой группѣ гостей со стаканомъ въ рукахъ:

— Слушайте, развѣ онъ не великолѣпный человекъ? — говорилъ онъ, кивая каждому прямо въ лицо.

— Твое здоровье, Лоренценъ.

И шель дальше.

Шумъ вокругъ нихъ усиливался, между тѣмъ какъ фру Иесперсень спрашивала Иоанна:

— Ане тоже хочеть, чтобы вы женились?

Герда сдѣлала нѣсколько шаговъ, но пасторъ остался на мѣстѣ, и Герда тоже остановилась.

— О,—да,—сказаль Иоаннъ, и голосъ его подъ покровомъ шума какъ-будто приняль странный отгѣнокъ. — Каждый разъ, когда я приѣзжаю домой и она встрѣчаетъ меня въ Орсовѣ, она смотритъ на меня и придвигаетъ свое большое глухое ухо къ моему рту, а я ей кричу—потому что я знаю, въ чемъ дѣло: «Нѣтъ, милая Ане»... «О, Господи, — говорить тогда Ане, — о, Господи!»...

— Бѣдная Ане, — сказала фру Иесперсень.

— Да, бѣдная Ане!.. — И Иоаннъ вдругъ тихо засмѣялся.

И пасторъ тоже засмѣялся, самъ не зная чему. Но Герда сказала, взявъ его за руку:

— Теперь вы должны пообѣдать...

— Да, проголодаться - то я проголодался, — сказаль г. Иесперсень:

— Какія у васъ холодныя руки.

— Нисколько.

Но фру Иесперсень, идя позади нихъ вмѣстѣ съ Иоанномъ, сказала:

— Ты, Герда, всегда холодѣешь отъ радости.

Часовщикъ продолжалъ свой обходъ. Онъ стоялъ теперь передъ завѣдующимъ и кивнулъ ему въ лицо все съ тѣмъ же убѣжденнымъ видомъ:

— Ваше здорье, завѣдующій. Но знаете что... онъ великолѣпный человекъ.

Фру Иесперсенъ и Иоаннъ остановились въ дверяхъ столовой. На одномъ уголкѣ стола тамъ было накрыто для пастора. Обѣдъ долженъ былъ итти на почтовыхъ, и Герда, стоя около пастора, приготовляла бутерброды, въ то время какъ тотъ принялся за ѣду.

Тетка Грета, костлявая и съ тихимъ голосомъ, предлагала изъ всѣхъ блюдъ за разъ.

— Спасибо, милая фрекенъ. Спасибо, милая фрекенъ, — говорилъ пасторъ.

Иоаннъ стоялъ прислонившись къ косяку двери и смотрѣлъ на обѣдающаго пастора. Гердины руки привычными жестами бѣгали по бѣлой скатерти. Фру Иесперсенъ разспрашивала мужа относительно похоронъ:

— Интересно, когда онѣ будутъ?

— Вѣроятно въ понедѣльникъ, — сказалъ пасторъ.

— Нѣтъ, — сказала жена, — можешь быть увѣренъ, что въ воскресенье. Потому что роднымъ изъ Кольдинга удобнѣе всего пріѣхать въ воскресенье.

— Спасибо, милая фрекенъ, спасибо, — говорилъ пасторъ, повернувшись къ Гердиной теткѣ.

Всѣ блюда опять появились въ столовой.

— Знаете, фру, — сказалъ Иоаннъ, не измѣняя направленія глазъ:

— Жизнь и смерть здѣсь у васъ удивительно хорошіе друзья.

Лицо фру Иесперсенъ сразу стало серьезнымъ:

— Развѣ это не дѣль, къ которой надо стремиться?

— Да, — сказалъ Иоаннъ и замолчалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, г. пасторъ. Филе вы обязательно должны попробовать— оно изъ Кольдинга.

— Да, Генрикъ, — и фру Иесперсенъ снова засмѣя-

лась, — продукты для обѣда пришли со всѣхъ концовъ Даніи...

— Совсѣмъ нѣтъ...

— Нѣтъ да, дѣточка моя, это ужъ вѣрно; и, Господи, какъ ты боялась сегодня. Но я ей говорю, — она повернулась къ Іоанну, — если онъ не захочетъ ѣсть, такъ и Богъ съ нимъ.

— Вы боялись изъ-за меня?

— Да, — отвѣтила Герда и прибавила шопотомъ и очень быстро: — И вы совсѣмъ ничего не ѣли.

— Но теперь я голоденъ, — сказалъ Іоаннъ и съ размаху сѣлъ на стулъ.

— Правда? — и лицо Герды просіяло. — Хотите бутербродъ?

— Да, пожалуйста.

Герда засмѣялась:

— Какъ это чудесно... съ чѣмъ?

— Да съ чѣмъ ни на есть.

Оба смѣялись, между тѣмъ какъ Герда приготовляла бутерброды то пастору, то Іоанну.

— Теперь Герда забавляется, — сказала фру Іесперсенъ.

— Да, — сказала Герда и на пожѣй передала бутербродъ Іоанну.

— Это почти такъ же весело, какъ обѣдать въ кухнѣ, — засмѣялась фру Іесперсенъ.

— Да, — сказала Герда. И, обратясь къ Іоанну, добавила въ качествѣ объясненія: — Я ужасно люблю обѣдать въ кухнѣ!

— Я тоже, — сказалъ Іоаннъ, — потому что мнѣ не

позволяли, когда я былъ маленькимъ. Но я всегда бѣгалъ въ кухню къ поварамъ.

— Къ поварамъ? — повторила Герда, точно повара были что-то удивительное.

— Да, у насъ ихъ было два, — сказалъ Иоаннъ, уничтожая бутерброды. — Они были румыны.

— Румыны, говорятъ, очень красивы, — сказала фру Исперсенъ.

— Милая юмфру, — продолжала она, — у меня опять появился аппетитъ, видя, какъ ѣдятъ другіе.

И фру Исперсенъ длинной рукой принялась сама готовить себѣ бутербродъ.

— Ихъ языкъ, кажется, очень похожъ на латинскій? — сказалъ пасторъ о румынахъ.

— Да, это почти что латинскій языкъ.

— Сколько языковъ вы знаете, — сказала Герда тѣмъ же тономъ, какимъ спросила «къ поварамъ?»

— Много и ни одного.

Фру Исперсенъ сказала, накладывая кусокъ филе поверхъ хлѣба съ масломъ и томаты поверхъ филе.

— Вы уже сдѣлали успѣхъ въ датскомъ языкѣ.

— Вы находите? — сказалъ Иоаннъ и съ улыбкой посмотрѣлъ черезъ столъ.

— Надо бы потушить свѣчи, чтобы сидѣть только при лампѣ.

— Да, — сказала Герда, — давайте потушимъ.

И она съ Иоанномъ побѣжала кругомъ стола, туша свѣчи:

— Уфъ, уфъ, уфъ, — дули они въ каждое пламя.

— Но что подумаетъ мама? — вдругъ сказала Герда, остановившись передъ предпоследней свѣчкой.

— И завѣдующій? — сказала фру Иесперсенъ.

— Они подумаютъ, что намъ здѣсь очень хорошо, — заявилъ Іоаннъ, который снова сидѣлъ за столомъ.

— Да, — сказала Герда и сдѣлала губами движеніе, точно сдувала мыльный пузырь.

Сквозь двери доносились голоса остальныхъ гостей. Громче всѣхъ говорили оба брата Ларсенъ.

Іоаннъ смотрѣлъ передъ собой на столъ, гдѣ въ кругу бѣлаго свѣта, бросаемаго лампой, блестяли камчатныя звѣзды скатерти:

— О, теперь Ане слѣдовало бы посмотреть на насъ.

Кто-то придвинулъ стулъ рядомъ съ Іоанномъ — и графъ Гольстейнъ, появленіе котораго никто не замѣтилъ, грузно опустился на него:

— Тебѣ тутъ хорошо, — сказалъ онъ.

— Эрикъ!

— Добрый вечеръ, фрекенъ, добрый вечеръ, г. пасторъ, — а фру Иесперсенъ онъ кивнулъ головой. — Да, я прошелъ прямо сюда. Въ гостиной слишкомъ ужъ много народу.

— Милости просимъ, графъ, — сказала Герда и наклонила голову.

Графъ Гольстейнъ засмѣялся и посмотрѣлъ на блюда:

— У васъ тутъ славный обѣдъ.

— Хочешь тоже поѣсть? — И Іоаннъ засмѣялся.

— Да, спасибо, — сказалъ Гольстейнъ, — если ты меня угостишь.

— Такъ мы и сдѣлаемъ, — сказалъ Іоаннъ, повернулъ свой стулъ, открылъ буфетъ, вынулъ оттуда стаканы и тарелки — между тѣмъ какъ всѣ смѣялись.

— И вилку, — сказала фрекенъ Герда.

— И ножъ, — сказала Эрикъ.

— Вотъ они, — сказала Иоаннъ, разыскавъ ихъ въ ящикѣ.

Эрикъ ѣлъ, а фру Иесперсенъ болтала. Иоаннъ сидѣлъ и смотрѣлъ на Эрика: у него была вся та же старая манера ѣсть, онъ такъ же быстро засовывалъ пищу въ ротъ, но пальцы очень потолстѣли.

— Знаешь, Иоаннъ, это напоминаетъ старину, у Мишеля, не правда ли?.. Когда мы потихоньку убѣгали изъ пансіона и обѣдали въ трактирчикѣ.

— Покорно васъ благодаримъ, — сказала фру Иесперсенъ.

— Это было самое лучшее наше удовольствіе, — сказалъ графъ Гольстейнъ.

И сталъ рассказывать о задней комнаткѣ — помнишь, помнишь, около самага Люксембургскаго сада — куда они забирались, чтобы никто не могъ ихъ «подцѣпить», и гдѣ ѣли копченую норвежскую селедку, потому что она пахла Даніей.

— Но онъ, впрочемъ, держался все больше особнякомъ и закрывалъ глаза, — сказалъ Гольстейнъ объ Иоаннѣ, по старой привычкѣ полудосадливо кивнувъ головой.

Фрекенъ Герда оперлась подбородкомъ на руку, такъ что маленькое поднятое кверху личико было освѣщено лампой.

— Ты, Иоаннъ, всегда жилъ точно въ сторонѣ отъ насъ.

Длинные вѣки фрекенъ Герды медленно опустились на щеки.

— Но мы его все-таки любили.

— За твое здоровье, Иоаннъ.

Графъ Гольштейнъ осушилъ свой стаканъ и, ставя его на столъ, сказалъ:

— Скажите-ка, фрекенъ Иогансенъ, мой рейнвейнъ ужъ отвезли ко мнѣ?

Яркая краска быстро подступила къ щекамъ Иоанна, но фрекенъ Герда отвѣтила лишь съ едва замѣтнымъ поворотомъ головы:

— Завѣдующій вѣроятно знаетъ это, г. гофъ-егермейстеръ.

Иоаннъ захохоталъ какъ мальчикъ — отъ радости, которую самъ едва понималъ.

— Надъ чѣмъ ты смѣешься? — спросилъ Гольштейнъ, который самъ совсѣмъ смутился.

— Надъ тобой.

— Ну вотъ, — сказалъ Гольштейнъ и былъ похожъ въ эту минуту на большую, добронравную собаку, — для этого должно же быть основаніе.

И, все еще смущенный своей оплошностью, сказалъ:

— Однако лучшее время было, когда ты игралъ.

— Да, — сказалъ Иоаннъ, — какъ ты хорошо умѣлъ аккомпанировать мнѣ. Ты, Эрикъ, всегда понималъ музыку.

— Этому, вѣроятно, ты меня научилъ, — сказалъ Эрикъ. И пальцы его забѣгали по столу; точно по клавиатурѣ:

— Какъ это было? Сначала Ганнина пѣсня...

Иоаннъ тихонько запѣлъ ее, а Гольштейнъ подхватилъ, при чемъ пальцы его все время бѣгали по столу; но затѣмъ, перейдя на другой мотивъ, онъ тихо запѣлъ другую пѣсню. Иоаннъ подтягивалъ ему, и фру Иесперсенъ тоже запѣла съ ними:

Весь нашъ край въ лугахъ и пашняхъ,
Окруженъ онъ моремъ синимъ,
По которымъ наши дѣти
Могутъ ѣздить на судахъ...

Они запѣли громче, а въ дверяхъ появился часовщикъ:

— Теперь графы поютъ, — крикнулъ онъ въ сосѣдную комнату.

И вдругъ все гости въ обѣихъ комнатахъ запѣли хоромъ — звучно и громко, между тѣмъ какъ Гольштейнъ замолчалъ, а Иоаннъ поднялся съ мѣста:

... къ вендамъ, саксамъ и славянамъ
И другимъ сосѣдямъ нашимъ.
Садъ нашъ лишь съ однимъ изъяномъ:
Неисправенъ въ немъ плетень.

Иоаннъ подошелъ къ дверямъ. Изъ полумрака столовой смотрѣлъ онъ на поющихъ. Большинство изъ нихъ сѣло. Повернувшись лицомъ въ комнату, они пѣли:

Выросъ валъ, какой хотѣли,
Даневѣрскій *) валъ
Много онъ сдержалъ ударовъ,
Но и онъ упалъ.

*) Такъ называется пограничный валъ, возведенный датчанами въ I в. по Р. X. на югѣ Ютландскаго полуострова. Онъ нѣсколько разъ приходилъ въ упадокъ и снова возстановливался.

Послѣ Шлезвигской войны его снабдили сильными укрѣпленіями. Но затѣмъ, во время германо-датской войны, эти укрѣпленія были взяты нѣмцами, которые и снесли ихъ. *Пр. переводчицы.*

Пасторъ глухимъ голосомъ тоже пѣлъ надъ столомъ:

Королева говорила:
Входъ въ нашъ садъ я заградила,
Чтобъ никто не могъ ворваться,
Ни командовать надъ нами.

Шлезвигцы встали. Они пѣли поднявъ головы и очень медленно. Одна изъ фру крестомъ сложила руки на своей плоской груди.

Иоаннъ не шевелился.

Часовщикъ сидѣлъ со стаканомъ въ поднятой рукѣ, какъ-будто забылъ о немъ:

Данію сравнить мы можемъ
Съ плодоноснымъ садомъ,
Обнесеннымъ крѣпкимъ тыномъ:
Богъ да будетъ ей оградой!

Герда сама не сознавала, что на цыпочкахъ подошла къ Иоанну. Всѣ пѣли черезчуръ медленно, и въ душномъ воздухѣ полутемной комнаты это звучало такъ странно — почти какъ пѣніе въ склепѣ.

Дастъ ей воиновъ рать, что смѣло
На борьбу пойдутъ съ врагами,
Разсуждая объ отчизнѣ
Лишь въ години мира.

Пѣніе умолкло, но никто не разговаривалъ.

Иогансенъ стоялъ въ дверяхъ, соединяющихъ обѣ комнаты. Онъ точно сталъ выше ростомъ; потому что стоялъ на порогѣ.

Герда сказала, какъ-будто отгадавъ мысли Иоанна, — и при этомъ наполовину подняла къ нему лицо:

— Вѣдь папинъ отецъ умеръ близъ Дюпеля.

— Онъ палъ въ битвѣ? — спросилъ Иоаннъ такъ же тихо, какъ и она.

— Да, пятнадцатаго апрѣля.

И немного погодя прибавила, медленно кивнувъ головой:

— Онъ палъ сраженный пулей.

— Въ окопахъ? — спросилъ Иоаннъ такимъ же тономъ, какъ и она.

— Да, въ окопахъ.

Въ комнатахъ не разговаривали. Но фру Лоренценъ снова запѣла. Голосъ у нея былъ чистый и сильный. Фру Исперсенъ тоже подхватила, сидя рядомъ со своимъ мужемъ. Обѣ пѣли, поднявъ головы и повернувшись лицомъ къ свѣту лампы.

Постепенно и остальные присоединились, такъ что пѣсня зазвучала громче:

Я въ Даніи рожденъ, тамъ родина моя,
Тамъ для меня и жизнь и свѣтъ берутъ свое
начало,
Тамъ звуки языка, какъ голосъ матери любимой,
Нѣжнѣйшей музыкой ласкаютъ сердце мнѣ.

— Это я знаю, — шепнулъ Иоаннъ.

— Знаете? — сказала Герда и улыбнулась.

— Да. Моя мать пѣла это.

И Иоаннъ тоже запѣлъ; очень тихо, — одинъ мотивъ безъ словъ.

Приморскій край, гдѣ древнія могилы
Богатырей и витязей былыхъ временъ
Лежать разбросаны между садовъ фруктовыхъ,
Тебя люблю я, Данія, о родина моя!

Всѣ запѣли немного скорѣе, при чемъ директоръ дирижировалъ.

— Скажите мнѣ слова, — шепнулъ Иоаннъ.

— Слова?

— Да.

Запѣли слѣдующій куплетъ, а Герда шопотомъ стала говорить слова пѣсни, стоя рядомъ съ Иоанномъ, который снова запѣлъ, но уже со словами, ловя ихъ съ ея губъ:

Въ какомъ краю весна цвѣтами
Богаче украшаетъ нивы и луга?
Гдѣ мѣсяцъ ярче свѣтитъ надъ полями?
Пышнѣй раскинулись буковы лѣса?

Одинъ изъ шлезвигцевъ обвилъ рукой станъ своей жены. Герда продолжала шептать слова:

Приморскій край, гдѣ гордо вѣетъ
Нашъ датскій флагъ, нашъ Данебро.

— Пойте тоже, — шепнулъ Іоаннъ.

— Я не умѣю пѣть.

— Ну да.

И напряженно, какъ-будто она боялась, она тихо зашѣла — а на лицахъ ихъ лежало одинаковое сіяніе:

Богъ далъ его намъ, дастъ ему и лучшія по-
бѣды.

Тебя люблю я, Данія, о родина моя.

Гольстейнъ сидѣлъ, подперевъ голову обѣими руками, и смотрѣлъ на Іоанна, который пѣлъ:

Страна, гдѣ я рожденъ, родная сторона,
Гдѣ для меня и жизнь и свѣтъ берутъ свое на-
чало,

А звуки языка, какъ голосъ матери любимой,
Нѣжнѣйшей музыкой ласкаютъ сердце мнѣ.

Эрикъ Гольстейнъ все смотрѣлъ на Іоанна:

— Да, никогда нельзя знать заранѣе, кому жизнь подаютъ рябчики на столъ.

Іоаннъ наклонился впередъ, чтобы уловить слова, которыя шептала Герда. Лица ихъ были такъ близко другъ къ другу — когда пѣніе умолкло.

— Слѣдующій куплетъ? — сказалъ Іоаннъ.

— Больше нѣтъ?

— Нѣтъ? — сказалъ Іоаннъ, улыбаясь.

Но вдругъ повернулся:

— Теперь мнѣ надо итти играть.

— Да, — сказала Герда, забывшая было то, чему радовалась такъ долго. — Пора.

— Конечно пора, — сказалъ графъ Гольштейнъ, поднимаясь.

— Прощайте пока, — сказалъ Иоаннъ, торопливо взявъ обѣ руки фрекенъ Герды.

— До свиданія, — сказала Герда; и быстро вырвалось у нея:

— И спасибо вамъ.

Эти слова она сказала совсѣмъ тихимъ голоскомъ, и Иоаннъ посмотрѣлъ на нее, какъ-будто не понимая. Но затѣмъ сказалъ — снова очень торопливо:

— Нѣтъ, теперь мнѣ надо поблагодарить.

И началъ прощаться со всѣми, подавая всѣмъ руку; и глядя на него, въ то время какъ онъ пожималъ всѣ эти руки, можно было подумать, что онъ радуется возможности уйти, а между тѣмъ это пожалуй было не такъ. Но передъ Иогансеномъ онъ остановился и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо, словно желая разгадать, что оно выражало:

— Теперь мнѣ надо итти играть, — снова сказалъ онъ.

— И благодарю васъ, — прибавилъ онъ.

И продолжалъ подавать руку всѣмъ находящимся въ комнатѣ:

— До свиданія, г. завѣдующій, — сказалъ онъ и все повторялъ:

— До свиданія, до свиданія....

Пока не вышелъ изъ дверей вмѣстѣ съ Гольштейномъ. За ними слышался жужжащій гулъ голосовъ. Иоаннъ и Эрикъ вышли на улицу. Она была полна народа —

мужчинъ и женщинъ съ подобранными юбками, которые шли подъ свѣтомъ электрическихъ фонарей.

— Берегись, берегись!

Мимо нихъ проѣхалъ шарабанъ, направляющійся къ воротамъ гостиницы; онъ проѣхалъ такъ близко, что чуть не задѣлъ ногу графа Эрика. А два женскихъ голоса крикнули изъ экипажа:

— Это вы, г. гофъ-егермейстеръ? Добрый вечеръ, добрый вечеръ.

— Добрый вечеръ, фрекенъ Халькъ, — крикнулъ графъ Гольстейнъ. — Вы что, меня переѣхать хотите?

Еще одинъ экипажъ проѣхалъ мимо, а первый остановился. Изъ воротъ доносился хриплый басъ Олесена, а какой-то господинъ почтительно снялъ шляпу и сказалъ:

— Здѣсь оживленно, г. гофъ-егермейстеръ.

— Добрый вечеръ, г. инспекторъ. Да, чортъ меня побери, карусель пошла въ ходъ.

Эрикъ обернулся и смотрѣлъ вдоль улицы, по которой народъ все шелъ маленькими группами — крестьяне и крестьянки въ шляхахъ и калошахъ, освѣщенные электрическими фонарями.

— Да, — проговорилъ онъ, — ей Богу, это удивительная страна — страна, въ которой мы живемъ.

— Великолѣпная страна, — сказалъ Иоаннъ и поднялъ руку, — но идемъ скорѣй.

Онъ завернулъ къ воротамъ, входъ въ которыя заграждали экипажи.

Наверху у Иогансенъ заиграли на роялѣ. Звуки музыки черезъ открытыя окна вырывались на улицу.

Іоаннъ остановился: по спущеннымъ занавѣскамъ тамъ наверху скользили тѣни.

— Это играетъ фру Робель, — сказала Эрикъ. — Знаю я ея «Сонъ въ лѣтнюю ночь».

— Сейчасъ мы проберемся, — сказалъ Іоаннъ и побѣжалъ въ ворота, прежде чѣмъ въѣхалъ слѣдующій экипажъ.

На дворѣ лошади стучали копытами, звенѣла упряжь, и люди бѣгали съ фонарями.

— Я пойду за скрипкой. А ты ступай въ залъ, — сказалъ Іоаннъ. Онъ говорилъ очень отрывистыми фразами и побѣжалъ по коридору. На верху лѣстницы онъ очутился словно въ два прыжка.

Подъ нимъ раздался басъ Олесена:

— Іенсенъ — чортъ тебя дери — Іенсенъ.

И г. Іенсенъ выскочилъ изъ угла и чуть не наскочилъ на Іоанна, завертѣвшись на носкахъ, какъ балетная танцовщица:

— Виновать — Господи, сколько здѣсь народу, — сказалъ г. Іенсенъ.

Іоаннъ прошелъ мимо номеровъ. Двери были открыты, дамы снимали въ комнатахъ свое верхнее платье и клали его на постели. На порогѣ одной комнаты стояли двѣ молодыя дѣвушки и натягивали бѣлыя перчатки.

— Добрый вечеръ, добрый вечеръ, — поздоровался Іоаннъ.

Увидя его, молодыя дѣвушки на секунду застыли на мѣстѣ, совсѣмъ позабывъ свои перчатки, а изъ всѣхъ дверей высунулись лица, чтобы посмотрѣть ему вслѣдъ. Обѣ же дѣвушки, испуганно побѣжали въ комнату къ матери.

Иоаннъ открылъ дверь въ свою комнату.

— Графъ изволили поздно притти, — сказалъ берлинецъ, пряча за спиной зажженную сигару.

Иоаннъ подошелъ къ окну. У Иогансенъ еще играли. Тѣни скользили по бѣлымъ занавѣскамъ. Иоаннъ распахнулъ окно. Но звуки музыки заглушались шумомъ шаговъ на улицѣ.

Въ синемъ небѣ слабо мерцало нѣсколько звѣздочекъ. Только одна звѣзда — прямо передъ нимъ — горѣла яркимъ свѣтомъ.

Какъ-будто желая впитать въ себя само небо съ его блѣдными звѣздами и проникнуть взоромъ въ самое лоно Отца Небеснаго, Иоаннъ закинулъ голову — а во всемъ его существѣ радостной пѣснью звучала одна единственная мысль. Та мысль, которая все время пѣла въ его нервахъ, въ его сердцѣ и въ его мозгу (и это она несла его окрыленные ноги):

— Тамъ можно было бы сдѣлать всѣхъ счастливыми.

— Всѣхъ счастливыми.

— Создать счастье и родину.

Это были не путь и не цѣль. То были не мысли и не планы, — а лишь какъ бы мелодія, звучащая въ его душѣ:

— Создать счастье и родину.

— Графъ захвораетъ, — сказалъ берлинецъ прямо за его спиной.

— Да, — сказалъ Иоаннъ и схватилъ футляръ со скрипкой, которымъ взмахнулъ въ воздухѣ.

— Вы достали шампанскаго?

— Да, — сказалъ берлинецъ и прибавилъ:

— Flottes Weingeschäft hier—haben alte Marken... sonderbar *).

Иоаннъ прошелъ черезъ дворъ и черезъ залу, не видя никого. Эрикъ сидѣлъ въ комнаткѣ за кулисами. широко разставивъ ноги.

— Ты здѣсь? — сказалъ Иоаннъ. — А гдѣ Гаакке?— А самъ совсѣмъ не думалъ о томъ, о чемъ спрашивалъ.

— Вонъ онъ, — сказалъ Эрикъ.

Иоаннъ увидѣлъ (и въ то же время не видѣлъ) Гаакке, который стоялъ передъ подставкой для ногъ съ разложенными на ней ногами и все время сгибалъ и разгибалъ свои растопыренные пальцы, какъ-будто магнетизируя духъ г. Мендельсона.

— Что это, чортъ возьми, онъ дѣлаетъ? — сказала Эрикъ, смотря на г-на Гаакке, какъ на безхвостую жабу.

Но Иоаннъ не отвѣтилъ. Со скрипкой въ рукѣ стоялъ онъ передъ «Сумерками» и улыбался.

Берлинецъ разлилъ шампанское въ стаканы.

— Хорошо, что здѣсь кресла, — сказала Эрикъ и осушилъ свой стаканъ.

— Да, — сказалъ Иоаннъ и съ той же самой тихой улыбкой оглядѣлъ всю комнату.

Гольстейнъ сидѣлъ и смотрѣлъ на Иоанна, который стоялъ такой стройный, выставивъ впередъ грудь. Затѣмъ сказалъ, выпивая стаканъ:

— Гдѣ ты пьешь себѣ платье?

— Это изъ Лондона, — отвѣтилъ Иоаннъ, который со скрипкой въ рукѣ ходилъ кругомъ, отъ мебели къ мебели, отъ кресла къ креслу.

*) Здѣсь хорошія вина — старой марки.. удивительное дѣло.

— Мебель хорошая, — сказалъ Эрикъ.

— Да.

И какъ-будто мысли ихъ имѣли способность встрѣчаться на полдорогѣ, Эрикъ сказалъ какъ бы одобрительнымъ тономъ:

— Въ общемъ у нихъ комнаты обставлены хорошо.

— У кого? — Но Иоаннъ прекрасно зналъ, о комъ рѣчь.

— Да у этихъ Югансенъ.

Иоаннъ ничего не отвѣтилъ. Изъ залы доносился шумъ и гулъ голосовъ.

— У нея красивый лобъ, — сказалъ Гольстейнъ, который все говорилъ съ маленькими паузами, совсѣмъ какъ въ старые дни, когда оба лежали рядомъ на своихъ кроватяхъ въ дортуарѣ.

— Но глаза были красивѣе у ея сестры, — сказалъ онъ.

Иоаннъ тихо провелъ смычкомъ по струнамъ скрипки.

— И спина гибче.

Смычокъ двигался по струнамъ, какъ-будто разыскивая звуки, которые хотѣли сложиться въ одно цѣлое:

Зелены острова, души моей отрада,
Тебя люблю я — Данія, о родина моя!

— Интересно, пришли ли они? — вдругъ сказалъ Иоаннъ и поднялся.

— Вѣроятно пришли, — сказалъ Эрикъ.

Иоаннъ стоялъ около дверной щелки. Онъ оглядѣлъ всѣхъ дамъ въ свѣтлыхъ платьяхъ, сидѣвшихъ на переднихъ скамьяхъ.

— Онѣ не пришли, — сказалъ онъ.

— Кто? — спросилъ Эрикъ.

— Наши дамы, — сказала Иоаннъ, продолжая смотреть въ залу. Дальше шли ряды скамеекъ, гдѣ мужчины и женщины сидѣли отдѣльно. Всѣ они были въ черномъ. А сзади, стиснутые и сжатые вмѣстѣ, сидѣла молодежь: дѣвушки и юноши; они сидѣли, вытянувъ впередъ головы и опершись подбородкомъ на руки, въ позахъ слушателей, какъ-будто заранѣе приучая себя слушать.

Почти никто не разговаривалъ.

— Какъ они тихо сидятъ, — сказалъ Иоаннъ.

— Да, — сказала Эрикъ, — вначалѣ, когда они только войдутъ, они осторожны.

Но вотъ и они пришли — вонъ часовщикъ: какое у него доброе лицо. И табачный торговецъ протискиваетъ свое брюшко сквозь давку въ боковомъ проходѣ, и докторъ со стуломъ, и фру Робель....

— Вотъ они и пришли, — сказалъ Эрикъ, стоявшій около другой щелки въ дверяхъ.

— Да, — отвѣтилъ Иоаннъ, не слышавшій даже, что тотъ сказалъ, и продолжалъ смотрѣть въ залу:

— Фру Иесперсенъ одна стоитъ въ дверяхъ въ глубинѣ залы. А между тѣмъ вонъ тамъ на скамейкѣ уже сидитъ г. Югансенъ.

Какой-то господинъ въ очень заграничномъ жилетѣ и красномъ галстукѣ спустился со сцены:

— Зажечь? — по-нѣмецки спросилъ онъ. Это былъ электротехникъ изъ Ицехое.

— Однако, Герда, — у дверей говорила фру Иесперсенъ, — какъ ты поздно пришла.

— Да, я немного опоздала.

— И съ какой стати было переодѣваться? — сказала

фру Иесперсенъ, мысли которой перескочили на другое:

— Знаешь, дѣточка, все прошло великолѣпно...

— Ты находишь? — сказала Герда и прибавила (высказавъ то, что было ея единственною мыслью въ теченіе всѣхъ этихъ тридцати минутъ):

— Онъ ушелъ такъ торопливо....

— Милая Герда, — сказала фру Иесперсенъ, и онѣ уже были въ это время въ среднемъ проходѣ. — Такъ всегда бываетъ, когда въ нихъ заговорить артистѣ.

И въ то время какъ онѣ проходили на свои мѣста и усаживались — фрекенъ Герда сѣла рядомъ со своимъ отцомъ — фру Иесперсенъ шепнула, окинувъ взглядомъ залу:

— Всѣ здѣсь, — и фру Робель со своими цыплятами.

— Такъ зажечь? — повторилъ господинъ въ щегольскомъ жилетѣ.

— Да, — сказалъ Іоаннъ не оборачиваясь.

— Какъ она блѣдна.

— Она хорошенькая, — сказалъ Гольстейнъ и продолжалъ такимъ тономъ, словно съ изумленіемъ взвѣшивалъ всѣ достоинства семьи Іогансенъ:

— И она, ей Богу, въ своемъ нарядѣ чувствуетъ себя совсѣмъ какъ дома.

Купецъ Іогансенъ поднялся, подошелъ къ маленькой двери, ведущей за кулисы, и открылъ ее.

— Я хотѣлъ сказать, — проговорилъ онъ своимъ медленнымъ голосомъ, — что онѣ пришли.

— Спасибо.

— Но вы потомъ придете сюда? — и Іоаннъ улыбнулся. — Вмѣстѣ съ распорядительницей.

— Благодарствуйте, — сказалъ купецъ, — если мы не помѣшаемъ.

И, отходя отъ двери, проговорилъ:

— Только бы ужъ публика сидѣла тихо.

— Не беспокойтесь, — сказалъ Іоаннъ и засмѣялся.

Онъ поднялъ руки:

— Гдѣ Гаакке? — спросилъ онъ какъ военачальникъ, созывающій свои полки.

— Здѣсь.

— До свиданія, — сказалъ Іоаннъ, уже занеся ногу на маленькую лѣсенку.

— Желаю успѣха, — сказалъ Эрикъ, — и слышался такой звукъ, какъ-будто онъ три раза плюнулъ за спиной Іоанна.

Но Іоаннъ, весь сіяя, засмѣялся ему прямо въ лицо.

— Такъ идемте, — крикнулъ онъ, обращаясь къ Гаакке.

Графъ Эрикъ пошелъ въ залу на свое мѣсто.

Но только онъ вышелъ, Іоаннъ съ края подмостковъ крикнулъ берлинцу:

— Алексъ, принесите еще шампанскаго — черезъ заднюю дверь — и стаканы.

И очутился посреди эстрады.

Онъ старался разглядѣть лица, но ничего не видѣлъ.

Рампа отдѣляла его отъ публики, сидѣвшей въ темнотѣ. Затѣмъ онъ услышалъ рояль.

— Чѣтъ, вонъ сидитъ Эрикъ... а тамъ — остальные.

Она сложила руки на колѣняхъ и наклонила голову.

Онъ заигралъ.

Онъ ничего не сознавалъ, ни о чемъ не думалъ, а

только слушалъ, какъ звуки нарастали—нарастая поднимались все выше и выше, нарастая расправляли свои широкія крылья:

Ширина — размахъ, которыхъ онъ раньше никогда не могъ достигнуть....

Счастливый слѣдилъ онъ за звуками колыхающими надъ его головой — какъ-будто то была стая птицъ передъ его раскрытыми глазами.

И вдругъ одна мысль вспыхнула въ его сознаниі—и скрипка запѣла громче:

— Можешь ли ты сыграть лучше, Енсъ Лундъ?

И въ слѣдующую секунду онъ хотѣлъ посмотрѣть — посмотрѣть туда, но не могъ и игралъ дальше... охваченный пламенемъ собственныхъ звуковъ, какъ-будто стоялъ на ярко горящемъ кострѣ.

Онъ кончилъ. Сегодня его жизнь трепетала въ его пальцахъ.

Въ комнатѣ за кулисами онъ бросился въ кресло.

Эрикъ вошелъ и остановился передъ нимъ. Онъ былъ совсѣмъ блѣденъ:

— Такимъ великимъ ты сталъ? — сказалъ онъ, и двѣ слезы повисли на его рѣсницахъ.

— Да, — сказалъ Іоаннъ. — Сегодня я игралъ для того, чтобы побѣдить.

— Что это, они ура кричатъ? — сказалъ онъ и отъ усталости улыбнулся почти какъ ребенокъ.

Въ залѣ аплодировали, кричали и стучали ногами.

— Идите на сцену, идите на сцену, — кричалъ Гаакке.

Іоаннъ опять стоялъ на подмосткахъ.

— Вонъ она сидитъ — совсѣмъ какъ раньше, какъ-

будто не пошевельнулась за все это время, — сидить, опустивъ голову. Нѣтъ, перчатки она сняла. Обнаженные руки лежатъ сложенные вмѣстѣ. Онѣ такія блѣдныя, какъ и ея лицо — ея маленькое личико.

Іоаннъ снова былъ за кулисами.

— Идите на сцену, идите, — кричалъ Гааккѣ.

— Нѣтъ, больше я не хочу, — сказалъ Іоаннъ, стоя на краю подмостковъ рядомъ съ Эрикомъ.

А Гольстейнъ сказалъ:

— Это было прекрасно. — И, все еще охваченный восторгомъ, обнялъ Іоанна за талію и на мгновеніе прижалъ къ себѣ, словно онъ былъ женщиной.

— Шампанскаго, Алексъ, — крикнулъ Іоаннъ и провель рукой по волосамъ Эрика.

— Теперь мы выпьемъ съ распорядительницей.

Дверь раскрылась. Но то вошелъ г. Јенсенъ. Онъ несъ поднось, полный цвѣтовъ, при чемъ весь извивался, какъ змѣя.

— Боже, какой красивый, — сказалъ Іоаннъ, взявъ въ руку и поднося къ лицу букетъ орхидей.

— Да, очень красивый, — сказалъ Гольстейнъ почти съ изумленіемъ.

Іоаннъ прочелъ на карточкѣ, приложенной къ орхидеямъ:

«Съ благодарностью. Отъ распорядительницъ».

— Какой мелкій почеркъ и словно медлительный, но каждая буква красива.

— Это отъ распорядительницъ, — извивался г. Јенсенъ.

— А это отъ фру Робель, — сказалъ Гольстейнъ и

взявъ три гиадинта, перевязанныхъ шелковой плетеной ленточкой.

Иоаннъ все еще стоялъ съ орхидеями въ рукахъ, когда дверь снова отворилась:

— Они сидѣли тихо, — засмѣялся онъ, обращаясь къ купцу, но взгляды его упали на фрекенъ Герду.

Купецъ Иогансенъ подошелъ къ Иоанну и сказалъ, взявъ его за руку:

— Это было прекрасно. Спасибо.

Что-то въ его голосѣ заставило щеки Иоанна задрожать на мгновеніе.

— Это было дивно хорошо, — сказалъ Эрикъ, который никакъ не могъ освободиться отъ настроенія, навѣяннаго на него игрой.

Купецъ и Эрикъ заговорили другъ съ другомъ, а Иоаннъ сказалъ — и безусловно все это время онъ смѣлъ лишь на нее:

— Вы тамъ озябли, фрекенъ?

— Я? о нѣтъ, — сказала Герда — и провела рукой по глазамъ; какъ-будто желая смахнуть нѣсколько слезинокъ, которыхъ тамъ не было, а на ея лицѣ появилась улыбка:

— Я только была такъ рада.

— Мнѣ показалось, что вы озябли, — сказалъ Иоаннъ и улыбнулся — она тоже.

И вдругъ оба замолчали и стояли другъ передъ другомъ, совсѣмъ не зная, что сказать — ни онъ, ни она.

— И спасибо за цвѣты, — сказалъ Иоаннъ.

— Это отъ распорядительницъ, — сказала фрекенъ Герда.

— То-есть отъ васъ, — засмѣялся Иоаннъ.

— Да, но и отъ фру Иесперсенъ, — засмѣялась она.

— И отъ нея? — сказалъ Иоаннъ.

Они снова замолчали, такъ же какъ и раньше, и одновременно подошли къ щелкамъ въ дверяхъ.

— Какъ они теперь болтають, — сказалъ Иоаннъ.

Всѣ тамъ разговаривали, повернувшись другъ къ другу, со скамьи на скамью, звонкими голосами, такъ что вся зала представляла собой одну общую шумную толпу. Многіе изъ молодежи на заднихъ скамейкахъ поднялись. Двое молодыхъ людей стояли и ударяли кулаками по спинкѣ скамейки, какъ-будто имъ хотѣлось драться. Но въ серединѣ залы, въ проходѣ, стояла бѣлокурая дѣвушка и безпрестанно проводила лѣвой рукой по лбу, какъ-будто желая удалить волосы, которыхъ тамъ не было.

А всѣ остальные продолжали разговаривать.

— Странно, — сказалъ Иоаннъ, смотря въ залу. — Они всѣ точно изумлены.

— Такъ и есть, — сказала фрекенъ Герда.

Иоаннъ улыбнулся увѣренности, звучащей въ тонѣ ея голоса, и спросилъ:

— А что было лучше всего?

Фрекенъ Герда повернула къ нему лицо.

— Все, — сказала она.

Рука Иоанна какъ-будто слегка дрогнула на ручкѣ двери. А фрекенъ Герда прибавила — между тѣмъ какъ изъ залы все доносился гулъ голосовъ:

— Это такъ странно, какъ-будто стоишь далеко, далеко...

— Такъ и есть, — совѣмъ тихо сказалъ Иоаннъ.

Но фрекенъ Герда вѣроятно не разслышала этого,

потому что лишь немного торопливо указала рукой въ публику и проговорила:

— Вонъ сидятъ шлезвигцы.

Они сидѣли въ серединѣ залы, неподвижные, съ прямыми спинами, такими прямыми, точно подпирали все, что окружало ихъ.

— Да, — сказалъ Іоаннъ. — Вонъ они сидятъ.

И немного погодя:

— У нихъ рыбацкія лица.

— Рыбацкія лица?

— Объ этомъ я думалъ во время обѣда. На побережьѣ Адриатическаго моря я разъ видѣлъ нѣсколькихъ рыбаковъ. У нихъ былъ такой же взглядъ и такія же худощавыя лица...

Онъ помолчалъ секунду. Затѣмъ сказалъ съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ, какъ-будто видѣлъ передъ собой это ровное море:

— Около Адриатическаго моря такъ красиво.

— Да?

Голоса ихъ звучали совсѣмъ одинаково, и онъ сказалъ:

— Есть столько прекрасныхъ мѣстъ, которыя вамъ слѣдовало бы посмотреть.

Герда помолчала немного. Затѣмъ сказала съ улыбкой, которая не удалась какъ слѣдуетъ.

— Но у меня есть много картинъ съ видами Венеціи.

— Вы очень любите картины, — сказалъ Іоаннъ.

— Потому что картины такъ тихи и спокойны, не правда ли? — сказала она, повернувъ къ нему лицо.

— Да.

— Герда снова посмотрѣла въ залу и заговорила о

шлезвигцахъ — точно желая извиниться за эти неподвижныя фигуры среди общей радости:

— Но они больше всего любятъ датскую музыку.

— Ахъ да, мнѣ слѣдовало бы сыграть тоже что-нибудь датское.

— О, да, — сказала Герда, и лицо ея просіяло. — Вы можете?

Эрикъ позвалъ за ихъ спиной:

— Иоаннъ.

— Я? — сказалъ Иоаннъ и быстро обернулся.

— Что еще будетъ? — спросилъ Эрикъ, стоя со ста- каномъ въ рукѣ.

— Теперь онъ будетъ играть, — сказалъ Иоаннъ и засмѣялся.

— Гаакке, — крикнуть онъ по направленію къ эстра- дѣ. — Начинайте. Начинайте вашего Шопена.

— Тогда намъ надо уйти, — сказала Герда.

— Нѣтъ, наоборотъ, — сказалъ Иоаннъ и подбѣжалъ къ бутылкамъ и стаканамъ. — Гаакке привыкъ къ это- му...

Онъ устанавливалъ бутылки и стаканы и вдругъ засунулъ гіацинты фру Робель прямо въ холодильникъ.

— Нашли свое мѣсто, — сказалъ Югансенъ, который вдругъ засмѣялся страннымъ тихимъ смѣхомъ, какъ- будто вдвойнѣ смѣясь въ душѣ:

— Такъ имъ и надо.

— Гаакке, начинайте, — крикнуть Иоаннъ.

— Но гдѣ же фру Йесперсенъ?

Всѣ засмѣялись, въ то время какъ графъ Эрикъ сви- стящимъ шопотомъ началъ звать черезъ щелку двери:

— Фру Йесперсенъ, фру Йесперсенъ.

Гаакке заигралъ.

— Фру Иесперсенъ.

— Тс-съ, — сказала Герда.

Дверь открылась, и фру Иесперсенъ спросила отчетливымъ шопотомъ, какъ шепчуть на сценѣ:

— Что вамъ?

— Закройте дверь, — отвѣтилъ Эрикъ такимъ же шопотомъ.

— И возьмите стаканъ, — сказалъ Иоаннъ.

Фру Иесперсенъ тихонько вошла въ комнату.

— Тс-съ, — сказалъ Эрикъ, и всѣ засмѣялись, какъ-будто прикрывъ ротъ платками.

Фру Иесперсенъ добралась до стула.

— Ваше здоровье, — шепнулъ Иоаннъ, и всѣ выпили.

Г. Гаакке громко ударялъ по клавишамъ.

— Это полонезъ, — сказала фру Иесперсенъ.

— Да, — сказалъ Иоаннъ и сдѣлалъ гримаску.

— И вы ужъ раньше слышали его, — шепнула фру Иесперсенъ.

— Да, — отвѣтилъ Иоаннъ.

Они перешоптывались какъ шепчутся дѣти въ классѣ, когда учитель смотритъ въ тетрадку. Когда Гаакке заигралъ громче всего, графъ Гольстейнъ началъ тихонько насвистывать мотивъ.

— Тс-съ, онъ можетъ васъ услышать, — сказала Герда.

— Онъ слышитъ только самого себя, — шепнулъ Гольстейнъ въ отвѣтъ.

— Это правда, — сказалъ Иоаннъ, кивнувъ головой, какъ мальчикъ, и внезапно далъ гіацинтамъ фру Ро-

бель щелчокъ, такъ что они совсѣмъ опустились въ холодильникъ.

— Великолѣпно, — сказалъ купецъ и засмѣялся тѣмъ же смѣхомъ, какъ и раньше. Его все время очень забавлялъ поруганный даръ фру Робель...

— Конечно, — сказалъ Эрикъ.

Полонезъ кончился.

— Теперь будетъ вальсъ, — сказалъ Иоаннъ, продолжая шептать, хотя никто не игралъ.

— Да, — сказала Герда, кивнувъ головой.

— Потому что онъ не измѣнитъ программы, — сказала фру Иесперсенъ, наклонившись впередъ.

— Нѣтъ ужъ, — сказалъ Иоаннъ и засмѣялся.

Вальсъ начался, и они немного послушали его.

— Посмотрите на него, посмотрите, — сказалъ Эрикъ, наполовину приподнявшись на стулѣ и смотря на г. Гаакке, пальцы котораго бѣгали по клавишамъ.

Всѣ наполовину приподнялись и стали смотрѣть на виртуоза.

— Теперь я долженъ посмотрѣть на фру Робель, — сказалъ графъ Гольстейнъ и тихонько пробрался къ двери.

— Фру Иесперсенъ, фру Иесперсенъ, — шепнулъ онъ, поводя плечами отъ удовольствія, въ то время какъ черезъ щелку смотрѣлъ на фру Робель.

Фру Иесперсенъ тоже захотѣла туда. Оба беззвучно хохотали, что было видно по ихъ спинамъ.

Купецъ Иогансенъ подошелъ къ эстрадѣ и смотрѣлъ на скачущіе пальцы.

Тутъ Иоаннъ поднялъ стаканъ въ сторону фрекенъ Герды:

— Теперь я поблагодарю распорядительницъ, — быстро сказалъ онъ.

И вдругъ весь поблѣднѣвъ — почти такой же блѣдный, какъ и она — прибавилъ:

— Благодарю за все.

Вальсъ кончился.

— О Всемогущій Боже, какъ онъ чортовски играетъ, — сказалъ Гольстейнъ.

Но въ залѣ аплодировали.

Въ артистической всѣ снова усѣлись.

— Но послѣдняя вещь у него хорошо выходитъ, — сказалъ Иоаннъ.

— Тоже Шопенъ? — спросилъ Эрикъ.

— Да, мазурка. — Они снова шептали.

Гансъ Гаакке поклонился, вытеръ потъ съ лица и заигралъ.

— Это вѣдь я игралъ, — сказалъ Эрикъ и немного выпрямилъ спину, — въ былые дни.

— Да, — сказалъ Иоаннъ.

— Но, чортъ возьми — что это такое?

Эрикъ наклонился впередъ и шепталъ совсѣмъ тихо, между тѣмъ какъ въ его глазахъ появилось выраженіе, какъ у охотника, почувшаго дичь:

— Что это такое, Иоаннъ?

Гансъ Гаакке игралъ сумеречно, выдѣляя совсѣмъ маленькую тему, такую странную и призрачную, какъ будто мертвецы пробрались въ толпу живыхъ и танцовали въ его мазуркѣ.

Всѣ слушали.

— Развѣ это не удивительно? — шепнулъ Иоаннъ и даже онъ не хотѣлъ упустить ни одного звука.

— Кто научилъ его этому? — шепнулъ Гольстейнъ Иоанну, слушая въ то же время во всѣ уши.

Маленькая тема послышалась снова, но громче. Фрекень Герда положила руку на плечо фру Иесперсенъ.

— Да, развѣ это не удивительно, — сказалъ Иоаннъ, — что онъ такой простоватый...

— Какъ такъ? — сказала Эрикъ, котораго Гаакке вдругъ заинтересовалъ.

— Онъ, который родился въ Брюксѣ, и любитъ дѣвушку въ Брюксѣ, и думаетъ только о своей невѣстѣ въ Брюксѣ, и шесть лѣтъ играетъ, чтобы скопить деньги для своей свадьбы...

— Развѣ артистъ можетъ быть такимъ вѣрнымъ? — шепнула фру Иесперсенъ Иоанну, который отвѣтилъ:

— Кто больше всего развѣзжаетъ по свѣту, тѣ, пожалуй, самые вѣрные люди...

Тема вернулась въ послѣдній разъ. Фрекень Герда широко раскрыла глаза

Мазурка кончилась.

Занавѣсъ поднялся и опустился. Всѣ поднялись на сцену и подошли къ г. Гаакке.

— Какъ вы это дѣлаете? — воскликнулъ Гольстейнъ и сѣлъ за рояль. — Это великолѣпно... но какъ это?

И Эрикъ началъ играть, а Гаакке стоялъ тутъ же.

— Такъ? да?

Эрикъ продолжалъ играть.

Въ залѣ публика болтала. Фру Иесперсенъ стояла около дырочки въ занавѣсѣ.

Фрекень Герда медленно прошла по эстрадѣ, устремивъ взоръ на рояль.

— О чемъ вы думаете? — сказалъ Иоаннъ, внезапно наклонивъ голову надъ ея плечомъ.

— Не знаю. Мнѣ кажется, что я все это вижу только во снѣ.

— Что? — спросилъ Иоаннъ.

— Все вмѣстѣ взятое, — сказала она и вдругъ улыбнулась ему.

— Фру Иесперсенъ, стоя у занавѣса, повернула голову:

— Герда, — воскликнула она, — что намъ дѣлать съ шлезвигцами?

— Вѣрно, фру Иесперсенъ, — сказалъ Иоаннъ, поднявъ голову (между тѣмъ какъ всѣ засмѣялись, потому что онъ не могъ правильно произнести «Иесперсенъ»):

— Теперь надо сыграть что-нибудь для шлезвигцевъ.

— Эрикъ, — сказалъ онъ, — мы съ тобой будемъ продолжать.

— Продолжать! Кто? — спросилъ Эрикъ, не переставая играть.

— Ты и я, — сказалъ Иоаннъ.

— Но что? — спросилъ Гольстейнъ.

— О, да! — вырвалось у Герды, которая поняла, въ чемъ дѣло.

— Мы будемъ играть, ты и я.

— Ты съ ума сошелъ, — сказалъ Гольстейнъ, бросивъ играть.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы будемъ, — сказалъ Иоаннъ, — только старинныя пѣсни — какъ въ пансионѣ у г-на Дюпьера.

— Это было бы великолѣпно, — замѣтилъ Иогансенъ. — Это была бы музыка для всѣхъ.

— Но я, право, не могу, — сказалъ Эрикъ, у котораго руки стали совсѣмъ влажными.

— Прекрасно можете, — сказала фру Иесперсенъ.

Иоаннъ принялся объяснять: они начнутъ съ того-то и будутъ продолжать въ такомъ-то порядкѣ.

Иоаннъ бралъ аккорды, а Эрикъ сѣлъ.

— А что скажетъ распорядительница? — жалобно промолвилъ онъ.

Но Герда, стоя около рояля, засмѣялась:

— Она поблагодарить г-на гофъ-егермейстера.

— О, Господи, спаси и помилуй!

— Но въ такомъ случаѣ надо отнестись къ дѣлу серьезно, — сказалъ онъ, потѣя всѣмъ тѣломъ и въ то же время всею душой желая играть.

— Ну такъ давай, — сказалъ онъ, и онъ съ Иоанномъ сталъ совѣщаться насчетъ порядка и общаго хода пѣсенъ и аккомпанемента.

Остальные разговаривали.

— Замолчите, — крикнулъ Эрикъ.

— Слушаю-сь, — сказала фру Иесперсенъ.

Аккорды звучали.

— Но кто сообщитъ объ этомъ? — вдругъ спросилъ Эрикъ среди игры.

— Сообщить? — Это переспросила фру Иесперсенъ.

— Ну да, публикѣ, — пробурчалъ Эрикъ.

— Да, это нужно, — сказалъ купецъ.

— Пусть Робель это сдѣлаетъ, — сказала фру Иесперсенъ.

— Конечно, докторъ можетъ, — сказалъ купецъ.

Онъ подошелъ къ маленькой двери и крикнулъ въ залу:

— Г. Робель, г. Робель, — точь въ точь какъ-будто звалъ одного изъ своихъ приказчиковъ.

Докторъ влетѣлъ волчкомъ:

— Это міровое искусство, — заговорилъ онъ. — Это міровое искусство, передъ которымъ надо преклониться.

— Да, — сказалъ Иогансенъ:

— Они хотятъ поговорить съ вами, — и онъ указалъ рукой на сцену.

Докторъ полетѣлъ туда.

— Моя супруга горитъ желаніемъ, — началъ онъ, — горитъ желаніемъ поблагодарить.

— Я знаю, что это глупое выраженіе, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Иоанну: — Но это истинно-міровое искусство. Передъ нимъ надо преклониться.

Иоаннъ отвѣтилъ:

— Гофъ-егермейстеръ и я сыграемъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ. И мы хотимъ попросить васъ извѣстить объ этомъ публику.

— Гофъ-егермейстеръ?

— Да, — сказалъ Эрикъ тѣмъ же жалобнымъ тономъ, какъ и раньше.

— Это замѣчательно... — докторъ совсѣмъ растерялся и принялся вдавливать свои раскрашенныя запонки въ грудь рубашки, — я вполне присоединяюсь... въ студенческомъ кружкѣ мнѣ какъ разъ всегда поручали...

— Но что... что г. гофъ-егермейстеръ желаетъ, чтобы я сказалъ?

— При послѣднихъ трехъ словахъ докторъ опять овладѣлъ собой.

— Чтобы вы подготовили скандалъ, — сказалъ графъ Эрикъ, который все время бралъ аккорды, между тѣмъ какъ Іоаннъ тихо наигрывалъ на скрипкѣ.

Докторъ засмѣялся, какъ надъ милой шуткой, и спросилъ, войдя уже въ свою роль:

— Это будутъ датскія народныя пѣсни?

— Всякаго рода, — отвѣтилъ Іоаннъ. — Но кончимъ мы датскими.

— Итакъ народныя пѣсни... съ аккомпанементомъ. — Докторъ говорилъ, словно заучивалъ рѣчь.

— Хорошо, я готовъ, — сказалъ онъ и, хлопнувъ въ ладоши, какъ режисеръ любительскаго спектакля, вскричалъ:

— Освободите сцену!

— Онъ отрѣзалъ мнѣ отступленіе, — сказалъ Эрикъ, вставая изъ-за рояля.

— Освободите сцену, — сказала фру Іесперсенъ и побѣжала въ глубь сцены, гдѣ Герда ходила взадъ и впередъ:

— Ты поешь, Герда? — изумленно спросила она.

— Развѣ я пѣла? — сказала Герда и повертѣла головой.

Но Іоанну, стоявшему за кулисами, она, сіяя, сказала въ ту минуту, когда занавѣсъ поднялся:

— Теперь мы измѣнили всю программу.

— Да, — сказалъ Іоаннъ и, смотря на ея сіяющее лицо, прибавилъ съ такимъ выраженіемъ, какъ-бүдто эти два слова имѣли совсѣмъ другое значеніе:

— Всю программу.

— Что это, чортъ возьми, онъ тамъ говорить? — сказалъ Эрикъ, который ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, при чемъ походка его отъ страха стала совсѣмъ легкой.

Докторъ Робель держалъ цѣлую рѣчь, въ которую вплелъ и благодарность публики, и музыкальное общество. Но, когда онъ назвалъ гофъ-егермейстера, графа Эрика Гольстейна, въ залѣ раздалось звучно и громко:

— Это, ей Богу, великолѣпно! — Это вырвалось у часовщика.

Фру Робель поднялась со своего стула.

Югансенъ стоялъ между кулисами — правая рука его была заложена въ карманъ — и смотрѣлъ на доктора, пока занавѣсъ не опустился.

— Такъ-съ, г. гофъ-егермейстеръ, теперь вы пойманы, — сказала фру Иесперсенъ.

Изъ залы доносилось жужжаніе, словно изъ шестидесяти семи потревоженныхъ ульевъ.

— Выпей стаканчикъ, Эрикъ, — сказалъ Юаннъ.

— Нѣтъ, теперь не годится, чтобы я притуплялъ свои силы, — сказалъ Эрикъ, который самъ не зналъ, стоитъ ли онъ еще на ногахъ, или нѣтъ.

— До свиданья, — сказалъ Юаннъ фрекенъ Гердѣ, подавая ей руку.

— До свиданья.

— Итакъ, Эрикъ, мы начнемъ съ Ганниной пѣсни.

— Я хочу сидѣть тамъ, — вдругъ заявилъ Эрикъ и побѣждалъ къ роюлю.

Въ залѣ можно было бы слышать полетъ пера въ воздухѣ, когда поднялся занавѣсъ.

Но Иоаннъ сразу началъ. Нѣжно полилась со струнъ скрипки пѣсня Ганны, а Эрикъ Гольстейнъ почувствовалъ, что пальцы его какъ-будто мягче касаются клавишъ. И пѣсни Иосифа послѣдовали за ней, и своеобразныя мелодіи г. Кристопулоса, которыя тотъ пѣлъ въ сумеркахъ, и пѣсни, которыя пѣли при сборѣ винограда тамъ, на откосѣ, гдѣ его мать такъ часто сидѣла подъ виноградными лозами и смотрѣла на воду:

Ласковы рѣчи
Много сердце погубили,
Ласковы рѣчи
Горе и мнѣ причинили.

Скрипка пѣла, какъ нѣжный голсокъ его матери:

Ласковы рѣчи
Плакать не разъ заставляють,
Ласковы рѣчи...

Гансъ Гаакке поднялся со своего кресла.

Но громче зазвучала скрипка, и въ мелодію пѣсни: «Земля прекрасна» ворвался сербскій маршъ изъ Орсовы — рѣзко и какъ бы въ дерзкой отвагѣ. Какъ твердые каблуки, ударяющіе о камни, неслись звуки — безжалостные и немилосердные — пока тихо, словно мирный покой кладбища, не вкрался въ нихъ мотивъ: «Есть дивная, милая сердцу страна».

Эрикъ медленно аккомпанировалъ скрипкѣ. Глаза его стали темно-синими, какъ въ пансіонѣ у г-на Дюпфера.

Но вотъ прозвучала марсельеза, и глухо, какъ бы въ тоскѣ по родинѣ, запѣли усталыя струны, словно далекое воспоминаніе:

Люби, люби ее и помни
Своихъ ты предковъ, родину свою,
И ночь волшебную, что посылаетъ
На землю сказочные сны.
И ночь волшебную, что посылаетъ
На нашу землю сказочные сны.

Эрикъ повернулъ голову, между тѣмъ какъ его руки аккомпанировали скрипкѣ. Онъ и Іоаннъ улыбались другъ другу.

Но въ эту минуту, сдѣлавъ Эрику знакъ, чтобы онъ остановился, Іоаннъ вплеелъ въ мотивъ «Колыбельную пѣсню» Годара, и скрипка запѣла одна.

Въ залѣ было тихо.

Казалось, что тихое, робкое счастье осторожно проскользнуло впередъ, покачиваясь на волнахъ музыки, раскрыло глаза, оглянулось кругомъ и спросило себя: бодрствуетъ ли оно или грезить? И оно нашло само себя и узнало, что есть на свѣтѣ счастье, и снова закрыло глаза — отъ счастья.

Іоаннъ поднялъ лицо.

И снова опустилъ его:

— Тамъ сидѣла она.

Они не знали, что на ихъ лицахъ была одинаковая улыбка.

Но вотъ Эрикъ опять вступилъ, и подъ смычкомъ зазвучала пѣснь о рыцарѣ Оге:

Посваталъ тамъ юмфру онъ Эльзу,
Красавицей Эльза была, —

неслось со струнъ какъ ликованіе.

Снова и снова возвращался мотивъ, какъ-будто выплывалъ изъ самой глубины инструмента. Снова и снова пѣлъ смычокъ, какъ-будто долженъ былъ разорваться и разлетѣться въ дребезги:

Посваталъ красавицу Эльзу, —

и оборвалъ, и торжественно, какъ гимнъ—но благодарственный гимнъ — зазвучало въ залѣ:

Страна, гдѣ я рожденъ, родная сторона,
Гдѣ для меня и жизнь и свѣтъ берутъ свое начало,
А звуки языка ласкаютъ сердце мнѣ,
Какъ сладостный напѣвъ, какъ голосъ матери
любимой.

Приморскій край, куда весною
Слетаютъ стаи дикихъ лебедей,
Тебя люблю я—Данія, о родина моя!

Иоаннъ поднялъ голову, и его глаза—глаза Уйгази, были широко раскрыты.

— Тамъ можно было бы всѣхъ сдѣлать «счастливыми».

— Всѣхъ счастливыми.

— Создать счастье и родину.

Зелены острова, души моей отрада,
Тебя люблю я —
Данія, о родина моя!

— — — Эрикъ поднялся, а Иоаннъ схватилъ его за руку.

Это были не аплодисменты. То была буря криковъ и восторговъ.

— Теперь ты игралъ по-датски, — сказалъ Эрикъ и стиснулъ руку Иоанна.

— Правда?

Занавѣсъ поднялся и опустился.

Тамъ за нимъ стоялъ завѣдующій.

Занавѣсъ опять поднялся.

— Кто онъ такой? — спросилъ Иоаннъ, въ то время какъ они раскланивались.

— Кто?

— Завѣдующій...

— Онъ — онъ завѣдующій, — сказалъ Эрикъ.

Занавѣсъ опустился, но его пришлось снова поднять. Казалось, что публика кричала только ради того, чтобы покричать, и хлопала поднятыми руками. Но вдругъ часовщикъ среди залы взобрался на скамейку — двое должны были подсадить его — и среди криковъ и рукоплесканій крикнулъ, какъ въ трубу:

— Да здравствуетъ распорядительница.

— О нѣтъ! — громко вырвалось у Герды, и она со-всѣмъ спряталась за спину своего отца.

Но Эрикъ засмѣялся:

— Вѣрно, да здравствуетъ распорядительница, —

крикнулъ онъ, размахивая рукой, и Иоаннъ подхватилъ:

— Да здравствуетъ распорядительница! Ура!—крикнулъ онъ въ залу. Всѣ стояли и размахивали шляпами:

— Да здравствуетъ она.

Иоаннъ снова кричалъ это.

А часовщикъ, стоявшій на своей скамейкѣ красный и толстый, какъ пѣтухъ, воскликнулъ:

— Сюда ее! — между тѣмъ какъ гремѣло ура и всѣ смѣялись.

Но Герда убѣжала черезъ дверь за кулисы.

— Теперь, пожалуй, довольно, — сказалъ Эрикъ, и занавѣсъ опустился.

Иоаннъ сбѣжалъ по лѣстницѣ и стоялъ передъ Гердой.

— Проснулись они? — спросилъ онъ.

— Кто?

— Шлезвигцы.

Въ залѣ еще разъ начали аплодировать — и снова прекратили, какъ-будто въ тактъ.

— Да, а развѣ вы ихъ не видѣли? — сказала Герда, и оба улыбались всему, что онъ и она говорили.

— Нѣтъ, — сказалъ Иоаннъ, — я забылъ о нихъ.

Въ залѣ шумъ стихъ. А они, снова смущенные, или же черезчуръ радостные, чтобы говорить, замолчали оба — пока Герда не сказала, при чемъ въ голосъ ея вкралась внезапная печаль:

— Этотъ вечеръ мы долго будемъ помнить.

И, какъ бы испугавшись собственнаго голоса, которой сама услышала, прибавила, пытаясь улыбнуться:

— Здѣсь вѣдь такъ рѣдко случается что-нибудь.

Наверху, на сценѣ, Эрикъ опять пробоваль сыграть мазурку.

Герда (которая пожалуй, какъ и Іоаннъ, думала сразу о сотнѣ вшей и въ то же время ни о чемъ, и слышала все кругомъ и въ то же время ничего не слышала) сказала, повернувъ голову къ роялю:

— Они какъ-будто плачуть, танцуютъ.

— Да, — отвѣтилъ Іоаннъ, но голосъ его звучаль, какъ голосъ счастливица.

На столѣ лежала афиша. «Концертъ Іоанна Уйгази» стояло на ней большими буквами. Герда взяла ее въ руки и, улыбаясь, прочла совсѣмъ инымъ тономъ, чѣмъ говорила до сихъ поръ (быть-можетъ эту перемену вызваль отгвнокъ голоса Іоанна, которымъ онъ сказалъ свое «да»):

— Іоаннъ Уйгази.

Іоаннъ стояль за ея спиной и тоже смотрѣль на бѣлый листъ:

— Іоаннъ Оге Уйгази, — сказалъ онъ и улыбнулся.

— Оге? — Она повернула къ нему лицо.

— Да, меня зовуть и Оге.

— Оге, — повторила она.

— Да.

Она выпустила бѣлый листъ изъ рукъ, и онъ упаль на скатерть.

— Надо итти.

— Да, — сказалъ Іоаннъ и громко крикнуль. — Эрикъ, мы идемъ домой.

Эрикъ Гольстейнъ не слышалъ, и нѣсколько мгновений оба прислушивались къ мазуркѣ Шопена, въ то время какъ Іоаннъ взяль въ руки орхидеи...

Ш.

— Эрикъ, — крикнулъ Иоаннъ. И еще радостнѣе: — Мы идемъ домой.

— Слышу, — сказалъ Эрикъ и вскочилъ на ноги. — Мы приглашены?

— Конечно. Вы пойдете къ намъ? — сказала Герда.

— Еще бы, — сказалъ Эрикъ, спустился съ эстрады и выпилъ остатки шампанскаго, когда дверь отворилась и фру Иесперсенъ вошла со своимъ мужемъ.

— Вы позволите моему мужу тоже поблагодарить васъ? — сказала она. — Онъ это сдѣлаетъ быстро.

— Да, — сказалъ пасторъ. — Спасибо. (И онъ сначала пожалъ руку Иоанну). — Но вы не каждый день играете такъ.

— Да, это правда, г. пасторъ. Я не каждый день играю такъ.

— Спасибо, милая Герда, — сказалъ пасторъ и пожалъ также и ея руку, между тѣмъ какъ фру Робель, замѣтившая, что дверь за кулисы открыта, проскользнула туда съ чахоточнымъ румянцемъ на щекахъ отъ восторга и съ влажными углами губъ:

— Это было то, что мы ожидали, — начала она. — Міровое искусство... міровое искусство. — И она черезчуръ долго задержала въ своихъ рукахъ обѣ руки Иоанна.

Вслѣдъ за ней явился докторъ, а купецъ держалъ еще дверь открытой для директора и четы Лоренценъ.

Вся комнатка была полна, и все благодарили.

— Мы провели прекрасную часть, — сказали директоръ. — Датскіе звуки были такъ пріятны сердцу. Они намъ все-таки ближе всего.

— Да, это были задушевные звуки, — сказала фру Лоренценъ.

Графъ Гольштейнъ позвалъ берлинца:

— Двѣ бутылки, — приказалъ онъ, указывая на шампанское.

Пасторъ Иесперсенъ остановился передъ нимъ:

— Вамъ слѣдовало бы культивировать ваши талапты, г. гофъ-егермейстеръ.

— Культивируй да культивируй, г. пасторъ.

— Мнѣ кажется, что это всегда можетъ обогатить самого человѣка, — сказалъ пасторъ.

А фру Робель очень громко говорила Іоанну:

— Но мы, музыканты, осмѣлимся все-таки признаться, что предпочитаемъ Мендельсона....

Докторъ Робель стоялъ передъ господиномъ Лоренценъ:

-- Милый фабрикантъ, — говорилъ онъ, — я все время сидѣлъ и твердилъ самому себѣ лишь одно: «Это міръ ворвался къ намъ».

Все стояли другъ около друга и разговаривали. Іоаннъ отошелъ къ самой стѣнѣ; онъ все время улыбался и слушалъ, но въ то же время не слышалъ ничего, а фру Робель, имѣвшая наклонность безпрестанно ощупывать его руки, говорила о нѣкоторыхъ частностяхъ въ концертѣ Мендельсона, частностяхъ, которыя милѣйшій г. Грессенъ безусловно передавалъ иначе.

— Но это, разумеется, зависит от личного взгляда, — говорила она.

Берлинец сошел вниз и крикнулъ, чтобы подали шампанскаго, съ которымъ г. Иенсенъ и прибѣжалъ.

— Кто заказалъ? — крикнулъ изъ-за стойки г. Олесенъ.

— Это графъ, — отозвался Иенсенъ.

— Ну да, — крикнулъ Олесенъ. — Но какому изъ графовъ?

Но г. Иенсена уже и слѣдъ простылъ.

— Мы запишемъ на скрипача, — сказалъ Олесенъ горничной, которую засадили за конторку.

Нѣсколько посѣтителей, стоявшихъ съ трубками передъ стойкой, громко захохотали.

Графъ Гольштейнъ разлилъ шампанское по стаканамъ:

— Г. фабрикантъ!

— Пожалуйста, г. директоръ.

Директоръ стоялъ рядомъ съ Гаакке, который увѣрялъ, что эти старинные мотивы глубоко взволновали его:

— *Dänische Lieder*, — говорилъ онъ, — *alte dänische Lieder*, — *nicht wahr? **).

Фру Робель, тоже получившая стаканъ, сказала Гердѣ, которая стояла рядомъ со своимъ отцомъ:

— Спасибо, фрекенъ Иогансенъ, спасибо, вѣдь это васъ, къ сожалѣнью, надо благодарить. Но въ слѣдующій разъ это будетъ музыкальное общество... Потому что теперь мы расхрабримся.

*) Датскія пѣсни, старыя датскія пѣсни — не правда ли?

— Но, — и она улыбулася г-ну Иогансену, — не всё руки обладают способностью превращать въ золото все, чего ни коснутся.

Во всёхъ углахъ шелъ разговоръ. Слышенъ былъ голосъ фабриканта, все еще разсуждающаго съ Гаакке о народныхъ пѣсняхъ: — Онѣ вѣдь наши, — говорилъ онъ, — и чужестранцы врядъ ли могутъ исполнѣть... — какъ вдругъ докторъ постучалъ о свой стаканъ: — Здѣсь на мѣстѣ, на самомъ мѣстѣ торжества онъ еще разъ хочетъ...

Но больше докторъ не успѣлъ сказать...

Это часовщикъ грузно слетѣлъ съ лѣсенки.

— Да, это я, — сказалъ онъ и взялъ одинъ стаканъ. — Спасибо, — обратился онъ къ Иоанну, — это было прямо замѣчательно... Но вы, г. гофъ-егермейстеръ, вы герой.

Онъ поднялъ стаканъ:

— Потому что эти вещи намъ были знакомы, — сказалъ онъ среди общаго смѣха, а докторъ хотѣлъ продолжать:

— Если мы, значить, здѣсь, на самомъ мѣстѣ торжества еще разъ...

— Выпьемъ за гофъ-егермейстера, — вставилъ Иоаннъ.

— Вѣрно, принимаемъ, — крикнулъ Ларсенъ.

— Да, за г-на гофъ-егермейстера, — сказала Герда.

— Разумѣется, — сказалъ докторъ, стиснувъ свою манжетку, такъ что она разстегнулась, а Иоаннъ три раза взмахнулъ стаканомъ, какъ венгерець, который кричитъ «Eißen»: — Да здравствуетъ Эрикъ, — воскликнулъ онъ.

Всѣ подхватили тостъ и начали чокаяться. Ларсенъ крикнулъ ура, и всѣ прокричали троекратное ура.

— Ей Богу, я никогда не могу безъ слезъ слышать пѣсню объ Эльзѣ, — сказалъ Ларсенъ, чокаясь:

— Ваше здоровье, господинъ скрипачъ.

Всѣ чокались по двое вмѣстѣ.

Іоаннъ держалъ еще свой стаканъ у стакана Эрика.

— Спасибо тебѣ за сегодня, — сказалъ Эрикъ.

Лицо его вдругъ передернулось, и онъ оттопырилъ губы, прежде чѣмъ вынулъ свой стаканъ.

— Потому что, Юссе, тутъ вѣдь не все праздники — въ нашей странѣ.

— Г. гофъ-егермейстеръ! — Это фру Робель приблизилась со своимъ стаканомъ. — Это была музыка, истинная музыка... теперь вы не можете отказываться больше отъ участія въ музыкальномъ обществѣ.

Докторъ Робель, поднявшій бутылку, чтобы посмотреть, есть ли тамъ еще, налилъ себѣ и сказалъ:

— Это было удивительно, прямо удивительно. Моя супруга все время повторяла: «это истинная музыка; истинная музыка».

Фру Лоренценъ, стоявшая у стола, вдругъ привѣтливо и медленно обратилась къ фру Робель, указывая на гіацинты:

— Это гіацинты фрекенъ Лукковъ... я ихъ узнаю по цвѣту.

— Да, фру Лоренценъ, — отвѣтила фру Робель, казавшаяся тронутой:

— Это послѣдній дружескій даръ фрекенъ Лукковъ ея врачу.

— А теперь они служили украшеніемъ во время ма-

ленькой пирушки. Мы слышали это, — обратилась фру Робель къ Гердѣ, которая быстро вынула цвѣты изъ холодильника г-на Олесена.

— Такъ можетъ быть намъ пойти? — предложилъ ку-нецъ, давно не говорившій ни слова.

— Да, идемте, — сказалъ Иоаннъ.

Остальные пошли впередъ черезъ залу.

— Здѣсь темно, — шепнулъ Иоаннъ, — осторожнѣе.

Онъ стукнулся о скамейку.

— Я здѣсь знаю дорогу, — сказала Герда.

— Здѣсь скамейка!.. — И онъ протянулъ руку, какъ-будто желая вести ее.

— Я держусь стѣны.

— Гдѣ вы? — сзади крикнулъ Гольстейнъ.

— Здѣсь, — отозвался Иоаннъ.

— Зачѣмъ онъ, чортъ возьми, потушилъ? — выругался Эрикъ.

— Потому что теперь все кончилось, — сказала Герда, которая закрыла глаза.

Но Иоаннъ, рядомъ съ ней шопотомъ отвѣтилъ въ темнотѣ:

— Н ѣ т ѣ .

Однако онъ не зналъ, слышала ли она его, а лица ее онъ не могъ видѣть.

— Вы взяли цвѣты? — спросилъ Эрикъ за ихъ спиной.

— Да, — отвѣтилъ Иоаннъ, крѣпко держа орхидеи.

— Откуда достали вы эти цвѣты? Они такіе красивые, — спросилъ Иоаннъ въ темнотѣ.

— Изъ Вейле.

— Вы все получаете изъ Вейле?

— Да.

И вдругъ она сказала тихо, совѣмъ другимъ тономъ:

— Теперь день рожденія вашей матери скоро кончится?

— Да.

Они были около двери.

— Кто здѣсь? — спросилъ Иоаннъ, коснувшись чьего-то плеча.

— Завѣдующій, — отвѣтилъ голосъ, — купецъ Иогансенъ послалъ меня указать вамъ дорогу.

Завѣдующій зажегъ спичку.

— Здѣсь двѣ ступеньки, — сказалъ онъ, и свѣтъ спички упалъ на лица всѣхъ троихъ.

— Спасибо, — сказалъ Иоаннъ. Фрекенъ Герда вышла вслѣдъ за нимъ.

Фру Иесперсенъ еще стояла въ освѣщенной передней и одѣвалась.

— А господинъ Гаакке? — вдругъ спросила Герда и оглянулась, какъ-будто свѣтъ опять сдѣлалъ ее хозяйкой.

— И-и, его пригласила фру Робель.

— Къ себѣ? — спросилъ Эрикъ и засмѣялся, засовывая руку въ рукавъ пальто.

— Нѣтъ, — отвѣтила фру Иесперсенъ, тоже смѣясь, — къ Иогансену.

Они вышли на дворъ, гдѣ мужчины и дамы бѣгали среди экипажей, а лошади били копытами объ землю.

— Добрый вечеръ, фру Иесперсенъ, — раздался изъ одного экипажа женскій голосъ.

— О, какъ это было...

Дама остановилась, увидя Иоанна.

Фру Иесперсенъ засмѣялась.— Да,— сказала она, указывая на экипажи, — теперь пойдетъ расплата за удовольствие. Имъ надо проѣхать много миль.

— Бѣдные, — промолвилъ Иоаннъ.

— Нѣтъ, нисколько, — сказала пасторша. — И, какъ-будто быстро пройдя цѣлый рядъ мыслей, прибавила:

— Артисты, собственно говоря, неблагодарный народъ.

— Почему?

— Вѣдь это же должно быть такое счастье— доставлять другимъ всю эту радость.

По лицу Иоанна прошелъ лучъ свѣта, и онъ обернулся:

— Фрекенъ, гдѣ вы?

— Здѣсь, — отвѣтила Герда, объяснявшая завѣдующему, какія вина нужно принести для гостей изъ погреба.

Они вышли на улицу. Окна «Даніи» были раскрыты, и оттуда доносились голоса. Изъ дальней комнаты неслись звуки рояля.

Иоаннъ остановился, когда въ гостиницѣ заплѣли:

«Помните ли вы, какъ въ ту ночь, передъ нашимъ выходомъ изъ крѣпости, все голоса умолкли за разъ при боѣ часовъ, отбивавшихъ полночь, а онъ воскликнулъ: «Дѣти мои! раньше чѣмъ снова пробьетъ здѣсь двѣнадцать, будемъ мы въ Кольдингѣ съ вами!» Мы побѣдили. Но ни сегодня, ни завтра мы не дойдемъ туда. Ибо на полѣ сраженья повоюетъ нашъ Олафъ Рюэ».

— Что это они поютъ? — спросилъ Иоаннъ, стоя между Гердой и фру Иесперсенъ.

— Пѣсню объ Олафѣ Рюэ, — отвѣтила фру Иесперсенъ. — Они, шлезвигцы, всегда поютъ эту пѣснь.

— О томъ, который палъ въ битвѣ?

— Да.

Пѣвцы повторили куплетъ, а они трое продолжали стоять на улицѣ.

— Какъ слова? — спросилъ Иоаннъ.

Фру Иесперсенъ сказала ихъ:

«Мы побѣдили, но ни сегодня, ни завтра мы не дойдемъ туда. Ибо на полѣ сраженія покоится нашъ Олафъ Рюэ».

— Посмотрите на звѣзды, — сказала она и подняла лицо: — Какъ ихъ много.

— Да, — сказала Герда, но ея влажный взоръ не видѣлъ звѣздъ.

Они немного постояли.

Наконецъ Иоаннъ сказалъ, быть можетъ для того, чтобы только сказать что-нибудь:

— Какъ ярко свѣтитъ одна изъ нихъ.

— Да, — сказала фру Иесперсенъ, и всѣ трое стояли съ поднятыми кверху лицами, — это Венера.

— Да, — въ одинъ голосъ сказали Герда и Иоаннъ.

— Но нигдѣ я не видѣлъ такихъ красивыхъ звѣздъ, какъ близъ Босфора, — полушопотомъ сказалъ Иоаннъ.

— Гдѣ вы только не были, — проговорила фру Иесперсенъ, продолжая смотрѣть въ небо.

— Да... — И Иоаннъ улыбнулся. — Но теперь я буду жить дома.

— Дома? — Герда повернула къ нему лицо. — Почему?

— Потому что теперь я хочу сдѣлать людей счастливыми, — сказалъ Иоаннъ и посмотрѣлъ на ея лицо.

Фру Иесперсенъ все еще смотрѣла ввѣрхъ:

— А можно ли сдѣлать людей счастливыми?

Какой-то мужчина, шедшій сзади, прихрамывая, приблизился къ нимъ.

— Я иду къ вамъ, фрекенъ Иогансенъ, — сказалъ онъ, — безъ приглашенія. Но я знаю, что у вашего отца мнѣ всегда рады.

— Да, — сказала Герда, которая вздрогнула, — мы тоже сейчасъ придемъ.

Хромой прошелъ дальше по направленію къ подъѣзду Иогансена.

— Кто это? — спросилъ Иоаннъ, смотря вслѣдъ этому человѣку съ кривой спиной.

— Это магистръ, — отвѣтила Герда, которая быстро пошла впередъ. — У него домъ напротивъ.

Иоаннъ посмотрѣлъ на окна Иогансена:

— Хотъ бы только не было такъ много гостей.

— Нѣтъ, ихъ будетъ очень много, — сказала Герда такъ же тихо, какъ и онъ.

Они можетъ быть думали, что фру Иесперсенъ не слышитъ ихъ, но та сказала своимъ полнозвучнымъ голосомъ:

— Весь нашъ округъ соберется.

— Этъ этого, графъ Уйгази, не избавишься.

Они уже были въ подъѣздѣ; и, стоя внизу лѣстницы, Герда сказала, медленно переводя духъ (какъ-будто на первой же ступенькѣ лѣстницы къ ней вернулись всѣ ея страхи за вечеръ):

— Всѣ придутъ.

— Почему всё? — спросилъ Іоаннъ, остановившись.

— Вѣдь мы же не знали, — сказала Герда и повертѣла головой, — придутъ ли на концертъ изъ музыкальнаго общества, разъ не они устраиваютъ.

— О сколькихъ вещахъ вамъ пришлось подумать, — сказала Іоаннъ.

— Да, — улыбнулась Герда.

Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ спросилъ:

— Ну и что же, все было такъ, какъ вы себѣ представляли?

Герда помолчала:

— Нѣтъ, иначе, — сказала она съ запинкой.

— Или же, — она говорила отрывисто, какъ-будто отъ волненія или отъ какого-то чувства, которое едва понимала, но есе же старалась побороть; — или же, я, пожалуй, буду знать это только черезъ двѣ недѣли.

— Черезъ двѣ недѣли? — И Іоаннъ тихо засмѣялся.

— Да, — сказала Герда такъ же, какъ и раньше, — я хочу сказать... вѣдь никогда не знаешь, какъ что было, пока не обдумаешь всего.

Но Іоаннъ отвѣтилъ, и каждое слово прозвучало быстро, но отчетливо:

— Что случилось, то знаешь.

Губы его были полуоткрыты, и онъ сильно дышалъ.

— Только не я, какъ мнѣ кажется, — сказала Герда, и они уже были у дверей.

— Ну, слава Богу, кажется стало посвободнѣе, — сказала фру Іесперсенъ.

Двери во всё комнаты были раскрыты, и мужчины уже сидѣли тамъ за освѣжительными напитками. Они

Словно отдыхали, слегка потягивались и мало разговаривали между собой.

— Не хотите ли немного отдохнуть? — предложила фру Иесперсень.

— Нѣтъ, спасибо, — отвѣтилъ Іоаннъ, какъ чело-вѣкъ, мысли котораго далеко; и вдругъ увидѣлъ все эти лица вокругъ себя:

— Здѣсь больше гостей, чѣмъ раньше.

— Нѣтъ, — сказала фру Иесперсень, которая оглядѣла комнаты, куда теперѣ вошли и дамы, оправившія свои туалеты, — столько же, сколько и раньше.

— Развѣ?

Они прошли въ комнату Іогансена, гдѣ никого не было.

— Здѣсь тихо, — сказалъ Іоаннъ и машинально оглядѣлъ всю старую, солидную мебель.

— Да, — сказала фру Иесперсень. — Здѣсь стоитъ де-нежный шкафъ округа.

— А это диванъ Каренъ Постъ, — продолжала она, указывая на него рукой.

Она подошла къ окну. Изъ гостиницы все время доносились голоса и пѣніе. Одинъ единственный шарабанъ еще катилъ по улицѣ. Вхавшіе на немъ сидѣли молча.

Фру Иесперсень замѣтила Іоанну, стоявшему рядомъ съ ней:

— Теперь они видятъ и думаютъ.

— И будутъ думать двѣ недѣли, — сказалъ Іоаннъ, а фру Иесперсень не поняла выраженія его голоса.

— О да, такой вечеръ освѣжитъ здѣсь атмосферу.

Іоаннѣ, старавшійся побороть какое-то безпокойство, овладѣвшее его существомъ, сказалъ:

— Но здѣсь люди повидимому интересуются всѣмъ.

— Да, — отвѣтила фру Іесперсенъ и пальцемъ провела какъ бы кругъ на поперечникѣ окна:

— Всѣмъ этимъ.

— Но для Герды это было громадное удовольствіе, — продолжала она, смотря прямо передъ собой, — а для нея это далеко не лишнее. Здѣсь въ домѣ довольно-таки грустно, съ тѣхъ поръ, какъ случилось несчастье.

— Несчастье ?

— Да, когда Эмилиа добровольно ушла изъ жизни.

— Ея сестра? Она покончила съ собой?

Фру Іесперсенъ повернулась:

— А развѣ вы не знали? Нѣтъ, конечно, откуда же вы могли знать...

— Но, — медленно продолжала она, — Герда стала очень многимъ для своего отца и она очень смягчаетъ все грубое въ его природѣ. А мой мужъ и я—я, право, часто не знала бы, какъ сохранить бодрость духа, если бы у насъ не было Герды. Какъ здѣсь ни славно, но положеніе моего мужа довольно шаткое.

Она помолчала секунду и сказала, снова думая о Гердѣ:

— Хоть бы она только стала счастливѣе, чѣмъ остальные дѣти этого дома.

— Это ты, Герда? — Фру Іесперсенъ обернулась.

Фрекенъ Герда стояла на порогѣ и брызгала изъ пульверизатора.

— Это у тебя прямо болѣзнь, Герда, твоё вѣчное брызганіе, — засмѣялась фру Іесперсенъ.

Но Иоаннъ протянулъ ей руки:

— Вы, можетъ быть, и меня немного обрызгаете?

Герда медленно подошла и начала брызгать одеколономъ на его руки.

— Нѣтъ, ты ему въ лицо, — сказала фру Иесперсенъ, — это будетъ чувствительнѣе.

Герда подняла флаконъ, и мелкій дождь брызговъ упалъ на щеки Иоанна.

— Спасибо, спасибо, — сказалъ онъ, смотря въ ея маленькое личико.

— Нѣтъ, нѣтъ, это жжетъ глаза, — воскликнулъ онъ и принялся тереть глаза своими влажными руками, такъ что ихъ еще больше защипало.

— Да, — засмѣялась фру Иесперсенъ. — Но немного погодя они стануть такими ясными.

— Да, — крикнулъ съ порога графъ Гольстейнъ. — Заставьте его раскрыть глаза, фрекенъ.

— У всѣхъ Уйгази, — продолжалъ онъ, — полузакртыя глаза.

— А въ семьѣ фрекенъ Герды у всѣхъ большіе глаза, — сказалъ Иоаннъ, и голосъ его словно хотѣлъ удержать ее, въ то время какъ она выходила изъ комнаты.

Эрикъ и Иоаннъ остались одни у окна.

Вдругъ Иоаннъ спросилъ, держа руку на переплетѣ окна:

— Слушай, что это было съ сестрой фрекенъ Герды?

— Съ ея сестрой?.. она утопилась. Это было, кажется, въ Эспертгэрдъ, — такъ называется одно мѣстечко.

— Да, но почему она утопилась?

— Ей Богу, не знаю. Ничего такого плохого съ ней

не было. Но она обязательно хотѣла быть студенткой и настояла на своемъ. А когда стала студенткой и надо было учиться дальше, тутъ, говорятъ, она и не могла вмѣстить въ себя учение.

— И тогда она покончила съ собой, — медленно сказалъ Іоаннъ.

— Да. Тогда она утопилась.

Эрикъ помолчалъ секунду.

— Это очень печально. Но для Іогансена это хорошее наказаніе, хотя онъ и такъ достаточно наказанъ сыномъ.

— Ну, а впрочемъ, — и Эрикъ сталъ смотрѣть на улицу, — кто не думалъ о томъ, чтобы утопиться, когда стоишь иной разъ и смотришь на воду... и на жизнь.

Іоаннъ навѣрное не слышалъ и думалъ совсѣмъ о другомъ:

— Бѣдная фрекенъ Герда, — шепнулъ онъ.

И сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ-будто долженъ былъ пойти къ ней.

— Ну, — сказалъ Эрикъ, идя вслѣдъ за нимъ, — ей вѣдь не придется держать экзамена. Ея дальнѣйшая участь вѣроятно уже рѣшена.

Лучъ свѣта прошелъ по лицу Іоанна.

— Ба, теперь ты тутъ, — шепнулъ Эрикъ, — потому что въ дверяхъ они натолкнулись на фру Робель.

— О! — сказала фру, — здѣсь прохладно.

— Да, здѣсь есть воздухъ, — сказалъ Эрикъ и при словѣ «воздухъ» прошмыгнулъ мимо нея.

— Ахъ, — сказала фру, — отъ всѣхъ этихъ мыслей какъ-будто кровь приливаетъ къ головѣ, но онъ вѣдь

невольно пробуждаются и воскресают... въ такіе вечера, какъ сегодня.

— Фру, кажется, тоже изучала музыку? — спросилъ Іоаннъ, взгляды котораго блуждалъ въ другихъ комнатахъ.

— Да, въ Лейпцигѣ, два года. Это было чудное время, полное надеждъ. Но вѣдь нужна и удача, даже когда есть дарованіе. Бетховень былъ властителемъ моихъ думъ. Но когда не принадлежишь къ тѣмъ людямъ, которые дѣйствуютъ всеми правдами и неправдами, а живешь въ маленькой странѣ, гдѣ многие чувствуютъ себя избранными, а впередъ часто пробиваются даже и не избранные, ну тебя и затираютъ.

— Да, это бываетъ, — сказала Іоаннъ докторшѣ, говорившей съ нимъ какъ человѣкъ, давно ожидавшійся этого случая.

— А само дарованіе играетъ при этомъ наименьшую роль, — продолжала она. — Я, разумѣется, тоже концертировала нѣсколько разъ... но разъ не хочешь дѣйствовать всеми правдами и неправдами, то говоришь себѣ: «замкни все это лучше въ самой себѣ—въ самой себѣ, какъ твою драгоценную собственность...»

— Но, разумѣется, порой, когда вотъ такъ слышишь другихъ—вы, который слышали столько такъ называемой музыки, лучше всего можете понять это — когда слышишь другихъ, невольно подумаешь, и защемишь у тебя въ сердцѣ: да, неисповѣдимы пути жизни.

— Да, — сказалъ Іоаннъ (вонъ тамъ Герда разговаривала съ Эрикомъ), — жизнь часто ведетъ насъ необыкновенными путями.

— Вѣрно, — сказала фру Робель, ставъ какъ бы

интимнѣе отъ тѣхъ, которымъ Іоаннъ прислѣнсь послѣднїя слова, — у жизни есть силки... силки, въ которыхъ мы застреваемъ... но вы не знаете этого, потому что вы изъ тѣхъ, къ которымъ жизнь была добра. Это слышно—это сегодня было слышно по вашей музыкѣ... Слухъ, г. графъ, мы все-таки сохранили.

Фру Робель остановилась на мгновение. Можетъ быть она ждала оцѣнки своего слуха...

— А затѣмъ, — продолжала докторша, которая все время какъ-то странно потряхивала головой, какъ-будто мухи кусали ее въ виски:

— А затѣмъ вѣдь выходишь замужъ... Мнѣ было очень трудно сдѣлать выборъ съ моимъ двойнымъ дарованїемъ, потому что я вѣдь занимаюсь и живописью и чуть-чуть не попала въ Шарлоттенбургъ. А иной разъ проснешься ночью, и тебя призываетъ Бетховенъ, вы знаете это, да, разумѣется, когда преслѣдуетъ какая-нибудь музыкальная ффраза и никакъ не можешь освободиться отъ нея...

— Но, — продолжала она съ новымъ скачкомъ въ мысляхъ, — мой отецъ часто говорилъ мнѣ, и, Богъ знаетъ, можетъ быть онъ былъ правъ: «Ты, дочка моя, все бѣгаешь отъ одного къ другому, потому что не отваживаешься прыгнуть».

— Все дѣло въ томъ, чтобы отважиться, — сказала Іоаннъ.

— Но теперь я замужемъ, — снова начала она, — и живешь общественными интересами, потому что они, слава те, Господи, у насъ все-таки имѣются.

— Да, — промолвилъ Іоаннъ (Герда теперь стояла около рояля, за которой Эрикъ сѣлъ).

— И у насъ есть музыкальное общество, которое я создала,—отчасти и ради моего мужа, потому что для врачей времена теперь тяжелыя,—и куда вкладываешь свой грудь. Къ сожалѣнію не мы сегодня вечеромъ... мы не рѣшались, разъ мѣстечко такое маленькое; а кромѣ того, вѣдь можно прямо сказать, что для фрекенъ Иогансенъ не было никакого риска. Разъ они устраиваютъ, то очень многіе, къ сожалѣнію, чувствуютъ себя обязанными итти,—это ужъ лежитъ въ самихъ обстоятельствахъ. Тамъ, гдѣ стоитъ денежный шкафъ и спрятаны закладныя, тамъ обладаютъ властью, между тѣмъ какъ другіе сидятъ лишь со своимъ желаніемъ и дарованіемъ.

Голосъ фру Робель зазвучалъ немного рѣзче.

— Ну вотъ и говоришь съ вами, — сказала она, снова измѣнивъ тонъ, — и завладѣваешь вами и быть можетъ вызываешь зависть, потому что великій человекъ, герой дня (и фру Робель растроганно и замѣтно для всѣхъ пожала обѣ руки Іоанна) слушаетъ тебя... Но вы поймете это: когда живешь здѣсь, такъ жаждешь встрѣтить понимающаго...

— Да, — продолжала она, снова перескочивъ на другое. — Пониманіе, вотъ чего не хватаетъ, и это иной разъ такъ утомляетъ въ нашемъ обществѣ... потому что гдѣ нѣтъ никакого пониманія истинныхъ цѣнностей—истинныхъ музыкальныхъ цѣнностей, вы понимаете меня?—откуда тамъ набрать приверженцевъ? А въ нашей мѣстности, отъ высшей школы и всего этого намъ нечего ждать. Вы слышали ихъ пѣніе, не будемъ говорить объ этомъ... У нихъ только и интереса, что къ этому (фру Робель провела расписаннымъ вѣеромъ

въ воздухѣ какъ бы толстую пограничную черту), и для нихъ, что сверхъ Гартмана*), то отъ лукаваго. Вы понимаете, дорогой маэстро, любить Вагнера и жить среди людей, которые не дошли даже до Бетховена.

Іоаннъ прислонился къ косяку двери. Эрикъ все еще сидѣлъ передъ роялемъ, гдѣ Герда стояла съ театрядью нотъ въ рукахъ.

Фру Робель, промолчавшая секунду, продолжала:

— И сидишь тутъ со своимъ дарованіемъ,— сидишь со своимъ дарованіемъ и сохнешь...

Эрикъ заигралъ. Это была пѣснь и рыцарѣ Оге, и кровь вдругъ залила щеки фру Робель:

— А сегодня вечеромъ, я не отрицаю этого, у меня пальцы дрожали, когда гофъ-егермейстеръ попробовалъ свои силы. Это было очень мило и, пожалуй, большаго нельзя и требовать... Но руки вѣдь слабы, если даже у графа Гольштейна и есть нѣкоторый талантъ, или былъ...

Эрикъ игралъ:

Посваталъ тамъ іомфру онъ Эльзу:
Красавицей Эльза была.

— Но при этомъ думаешь,— вы понимаете меня?— думаешь: хоть одинъ разочекъ самой имѣть удовольствіе...

Іоаннъ сдѣлалъ три шага впередъ.

А мѣсяцъ прошелъ—и безъ жизни
Лежалъ ужъ въ землѣ онъ сырой.

*) Датскій композиторъ, написавшій нѣсколько оркестровыхъ композицій на датскія народныя мелодіи. *Пр. пер.*

Фру Робель вдругъ прослѣдила глазами за взглядомъ Іоанна, направленнымъ на группу у рояля, и вѣроятно ошибочно истолковала его улыбку, потому что сказала, думая о гофъ-егермейстерѣ, который всегда ѣдко прохаживался насчетъ музыкальнаго общества и ея Бетховена:

— Да, — начала она съ улыбкой пониманія. — Въ нашей странѣ много мечтателей; а когда они наполовину проснутся отъ своихъ грезъ, то протираютъ себѣ глаза, какъ критики.

— Да, фру, разумѣется, сдѣлалась критикомъ, — вдругъ сказалъ Іоаннъ и ушелъ, а фру Робель со своей потряхивающей головой застыла на мѣстѣ, словно ей плеснули воды въ лицо.

Въ сосѣднихъ комнатахъ гости сидѣли небольшими группами и разговаривали. Директоръ, стоявшій съ фру Лоренценъ и обѣими фру изъ Шлезвига, сѣлъ теперь въ кресло Гердиной тетки, высокое кресло съ подушками, набитыми сѣномъ, и покрытое красивой узорчатой тканью, и сказалъ:

— Вотъ этотъ стулъ по мнѣ. Мы, любители своего родного, предпочитаемъ твердыя сидѣнія.

И заговорилъ о радостномъ преуспѣяніи ихъ школы столярнаго искусства.

— Да, — говорилъ онъ. — Мы идемъ впередъ лишь постепенно, шагъ за шагомъ, но наши сосновыя издѣлія со старинными рисунками расходятся все больше и больше. Мы уже съ радостью можемъ думать о томъ, что наша красивая утварь находится во многихъ домахъ, домахъ и усадьбахъ, разбросанныхъ во всей стра-

нѣ, и все это напоминаетъ, вотъ въ чемъ суть, это напоминаетъ и привязываетъ къ самому дѣлу...

Иоаннъ проходилъ мимо фру Лорсенцъ, когда пасторъ Иесперсенъ остановилъ его:

— А! вы освободились, — сказалъ онъ, — а то же-на послала меня освободить васъ отъ «дарованія».

Иоаннъ улыбнулся, пожалуй немного разсѣянной улыбкой, но вдругъ сказалъ, направившись къ одной изъ оконныхъ нишъ:

— Какъ ваша жена любезна и какъ хорошо, что у фрекенъ Герды есть такой другъ.

Капелланъ посмотрѣлъ на него.

— Ну да, — сказалъ онъ, — обѣ помогаютъ другъ другу. Люди нуждаются во взаимной помощи, графъ Уйгази. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, приходится многое переносить, и не будь насъ двое, моей супруги и меня, чтобы переносить невзгоды, я вѣроятно тоже давнымъ давно сбѣжалъ бы отсюда. Но когда насъ двое, тогда терпишь. Въ этомъ и заключается великая благодать.

— Должно быть такъ, — тихо сказалъ Иоаннъ.

— Дѣлить—это значитъ найти миръ, — продолжалъ пасторъ.

— Да, — сказалъ Иоаннъ и хотѣлъ пройти дальше, туда, какъ вдругъ маленькій хромой высунулъ впередъ голову изъ-за ихъ спинъ:

— О чемъ господа говорить? — спросилъ онъ своимъ пискливымъ голосомъ.

— О жизненныхъ невзгодахъ, г. магистръ.

— Гм, — сказалъ магистръ. — Тема богатая и здѣсь у насъ очень разнообразная. Но это не для чужестран-

цевъ, г. Уйгази. Вы должны сохранить впечатлѣніе туриста, т.-е. тучныя пастбища и культуры народа...

— Но я, пожалуй, долженъ поблагодарить васъ. Я не музыкальный человѣкъ, но благодаря вашей скрипкѣ я часокъ видѣлъ міръ прекраснымъ, и вообще мнѣ снова пригрезилось нѣсколько старыхъ грезъ.

Іоаннъ поднялъ голову.

— Да, да, милѣйшій г. Уйгази, — продолжалъ магистръ. — Грезы не многого стоятъ... нѣтъ, совсѣмъ не многого. Но о чемъ мы грезимъ, это все же наши грезы.

Іоаннъ, который вѣроятно думалъ совсѣмъ о другомъ, сказалъ:

— Это мое послѣднее «турнэ».

— Да, — сказалъ пасторъ, — что-то уже говорили о томъ, что графъ больше не будетъ играть.

— А почему? — спросилъ магистръ.

Іоаннъ смотрѣлъ въ сторону рояля:

— Потому что я думаю, — сказалъ онъ, — что теперь мнѣ надо дѣйствовать.

Магистръ посмотрѣлъ въ сторону.

— Въ какую же партію вы запишетесь? — спросилъ онъ и повернулся на хромой ногѣ.

Эрикъ еще сидѣлъ и бралъ аккорды, все время разговаривая съ Гердой объ Іоаннѣ:

— Нѣтъ, въ прежніе годы ему жилось не слишкомъ-то весело... онъ все больше ходилъ очень печальный и говорить о своихъ дѣлахъ тоже никогда не говорилъ. Но у него, вѣроятно, не было настоящаго родного дома на этомъ островѣ, потому что мать вѣдь умерла, и я те думаю, чтобы она была очень счастлива тамъ.

Герда быстро сказала:

— Она не была счастлива?

— Н-да, я не знаю. Она же была изъ Вейле,—сказалъ графъ Гольстейнъ, какъ-будто далъ этимъ полное объясненіе.

И немного погодя сказалъ, смотря на рояль:

— Моя жена не дальше чѣмъ изъ Лауенбурга, фрекенъ Іогансенъ.

— И я такъ полагаю, — онъ снова заигралъ на роялѣ, — что любовь не вывозной товаръ, который можно свободно провозить черезъ границы.

Герда прислонилась головой къ роялю, между тѣмъ какъ Эрикъ продолжалъ играть.

— И такъ онъ жилъ во всѣхъ этихъ чужихъ странахъ? — медленно сказала она.

— Да, — сказалъ Гольстейнъ и повернулся на табуреткѣ.

— Добрый вечеръ, г. магистръ, — кивнулъ онъ головой хромому.

— А мы съ фрекенъ Іогансенъ сидимъ и разсуждаемъ о томъ, что люди узнаютъ лишь послѣ.

— Э, — сказалъ магистръ, — мы все узнаемъ лишь послѣ... Мы говоримъ и сами не знаемъ, откуда у насъ это берется. А сами слова, которыя мы говоримъ, ведутъ насъ дальше—на одинъ шагъ дальше къ какой-то цѣли, которую мы не сознаемъ...

— Это въ общемъ правильно, — сказалъ Эрикъ, — все въ жизни мракъ и тьма.

— Да, — сказалъ магистръ, — и люди наталкиваются другъ на друга и пробѣгаютъ одинъ мимо другаго.

— А что скажетъ фрекенъ?

— Ничего,—сказала она и покачала головой. Но, когда магистръ захромалъ отъ нихъ прочь, она сказала— и пожалуй только и думала, что объ этомъ одномъ:

— А если бы онъ теперь остался здѣсь?

— Кто? Ахъ да — Иоаннъ?

Графъ Эрикъ оттопырилъ губы.

— Неужели вамъ кажется, что жить здѣсь такъ хорошо — даже для тѣхъ, кто рожденъ, чтобы жить здѣсь?

Но въ ту же минуту обернулся къ Иоанну, подходившему къ нимъ, и сказалъ со смѣхомъ:

— Фрекенъ Герда говоритъ, что по ея мнѣнію тебѣ слѣдовало бы остаться здѣсь.

И онъ поднялся.

Цѣлый потокъ свѣта излился изъ глазъ Иоанна — въ то время какъ онъ сказалъ:

— Но здѣсь не мое мѣсто.

Герда снова опустила голову.

— Я долженъ вернуться къ себѣ домой, — сказалъ Иоаннъ. И быстро слетѣло съ его губъ:

— Но Данію я возьму съ собой...

— Посмотримъ, какъ ты это сдѣлаешь, — сказалъ Эрикъ.

Они немного поговорили, но Иоаннъ почти не понималъ о чемъ — лишь слышалъ голосъ Эрика и ея голосъ.

— Вы уходите, фрекенъ? — вдругъ спросилъ онъ.

— Я же хозяйка, — тихо отвѣтила Герда, пытаясь улыбнуться.

— Почему фрекенъ Герда опечалилась? — спросилъ Иоаннъ, когда она отошла.

— Ей Богу, не знаю, — сказалъ Эрикъ. — Но мы сегодня, честное слово, всё то взлетаемъ, то опускаемся, какъ ргуть во время землетрясенія.

— Пойдемъ-ка, намъ надо чего-нибудь выпить.

— Гдѣ здѣсь обрѣтаются достославныя булылки? — обратился онъ къ доктору, отъ котораго хотѣлъ убѣжать.

— Въ этомъ домѣ, — сказалъ докторъ, — ихъ можно найти какъ въ верхнемъ этажѣ, такъ и въ погребѣ. — И засмѣялся собственной шуткѣ.

Но когда графъ Гольстейнъ отошелъ, докторъ заговорилъ такъ стремительно, словно хватался за щипцы, чтобы вырвать зубъ:

— Вы разговаривали съ моей супругой, г. графъ — да, она жаждала этого. Здѣсь вѣдь тоже не весело — особенно для нея... Каждый вѣдь относится къ этимъ мужикамъ смотря по своему темпераменту — не правда ли? А я, слава Богу, принадлежу къ копенгагенцамъ того періода, которые научились съ улыбкой относиться ко всему. А разъ вообще рѣшаешься вытерпѣть до конца въ учрежденіи, называемомъ супружествомъ — въ нашей мѣстности не много такихъ, которыя слѣдовало бы сохранить — ну да, что я хотѣлъ сказать? — разъ надо оставаться въ бракѣ, то, не правда ли, общественные интересы всегда помогаютъ... а насчетъ иного прочаго уже сумѣешь себѣ пособить, разъ ты мужчина, не правда ли?

— Но съ другой стороны, — помчался докторъ дальше, и въ голосѣ его зазвучала нѣкоторая нерѣшительность, — но съ другой стороны, такой талантъ, какъ у моей супруги, я хочу, сказать: талантъ, который про-

падаетъ даромъ — это немного портитъ настроеніе духа; правда?.. Иной человѣкъ мирится... впрочемъ, она навѣрное, сама говорила вамъ объ этомъ, гораздо лучше, чѣмъ я...

— Меня просили въ комическую оперу, — вдругъ перескочилъ онъ.

— Небольшой голосъ, но говорили: драматическій талантъ. Но семья была противъ, ну и... моя супруга вѣроятно уже говорила вамъ. Однимъ словомъ — я сталъ врачомъ.

Докторъ Робель оттопырилъ губы:

— Здѣсь, въ этой мѣстности.

— Спасибо, — сказалъ онъ Гердиной теткѣ, разносившей вино на подносѣ. А такъ какъ Іоаннъ не взялъ стакана, онъ прибавилъ, довѣрчиво кивнувъ головой (докторъ Робель въ общемъ былъ довѣрчивый человѣкъ, рассказывавшій о другихъ и о самомъ себѣ, какъ-будто говорилъ съ соучастникомъ):

— Въ этомъ домѣ надо брать, что даютъ — изъ задняго погреба.

— И собственное вино выписывать себѣ по даннымъ образцамъ, — засмѣялся онъ. Но торопливо вернувшись къ своимъ нѣсколько разбѣгающимся мыслямъ, продолжалъ говорить о томъ, какъ сталъ врачомъ:

— Кто знаетъ, къ чему это нужно? Маленькая страна съ большой столицей и замѣчательной культурой — культурой, въ общемъ, до известной степени, потому что и эта дребедень (онъ мотнулъ головой въ сторону директора) это тоже своего рода культура — однимъ словомъ, такая страна это нѣчто въ родѣ теплицы. Много способностей, видите ли, которыя возвращаютъ до из-

вѣстной высоты — до извѣстной высоты, не такъ ли? но не дальше. Но критиковать всѣ могутъ, а результатъ, милѣйшій мой...

— Но въ супружествѣ... вѣдь самого себя знаешь, не правда ли? — непризнанный талантъ — осадокъ всегда остается... А двое недовольныхъ въ одномъ супружествѣ...

— Встрѣчали ли вы счастливый бракъ?

— Я нѣтъ, — самъ себѣ отвѣтилъ докторъ.

— Ну да къ счастью стоишь выше этого, — сказалъ онъ и снова выпилъ.

И безъ всякой видимой связи прибавилъ:

— Я никогда не жертвую на памятники. Но на памятникъ Герупу я далъ. Онъ заслужилъ этого.

— Но, — снова перескочилъ докторъ Робель, — моей супругѣ разумѣется было досадно, что она не удостоилась чести играть съ «знаменитостью». Но было бы грѣшно не оцѣнивать гофъ-егермейстера по достоинству — намъ и въ голову не приходитъ. Онъ-то знаетъ, какъ жжется крапива — со своей графиней въ Потсдамѣ, а здѣсь... этотъ отравитель...

Юаннъ увидѣлъ фрекенъ Герду, которая въ столовой ставила блюда на столъ, снова покрытый скатертью.

— Она недурненькая, — вдругъ сказалъ докторъ. — И что-то въ ней есть привлекательное. Моя супруга и я неоднократно пытались залучить ее въ нашъ кружокъ, гдѣ все-таки есть интересы. Но, не знаю, когда съ ней говоришь, — въ этой дѣвушкѣ есть что-то такое, точно твои слова падаютъ въ колодець.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Юаннъ и вдругъ взглянулъ на доктора.

— Да, не правда ли? Вы получили такое же впечатлѣніе. Но въ общемъ странная семья, — ну да я вѣдь не ихъ врачъ... я же изъ Копенгагена...

Господинъ Робель выпустилъ черезъ ноздри папиросный дымъ и сказалъ:

— Не присоединиться ли намъ?

Іоаннъ пошелъ въ сосѣдную комнату.

Всѣ закусывали, сидя съ тарелками на колѣняхъ или стоя въ оконныхъ нишахъ, — а фрекенъ Герда и ея тетка обносили гостей блюдами. Графъ Гольштейнъ стоялъ на порогѣ дверей съ тарелкой салата въ рукахъ.

Объ фру изъ Шлезвига своими пронзительными глазами оглядывали поверхъ своихъ тарелокъ комнату и сервировку стола, и одна изъ нихъ сказала, обращаясь къ фру Лоренценъ:

— Здѣсь въ королевствѣ много различныхъ обычаевъ.

Фру Лоренценъ, ѣвшая очень медленно, потому что ея обычаемъ было смаковать кушанья въ чужихъ домахъ, — сказала:

— Да, здѣсь любятъ вводить различные обычаи, но мы, на фабрикѣ, предпочитаемъ сидѣть вокругъ стола...

— У насъ тоже, — сказала одна изъ фру и прибавила, — среди датскаго населенія.

Но директоръ, которому кандидатъ Уссингъ принесъ новое блюдо, замѣтилъ:

— Гости съ чужбины чествуютъ по чужестраннымъ збычаямъ.

Купецъ, медленно обходившій комнаты, обратился къ Іоанну:

— Графъ взялъ бы себѣ что-нибудь.

— Конечно, вамъ надо немного перекусить, — сказала часовщикъ и покатился за тарелкой для Иоанна. — Эй, Герда, у концертанта ничего нѣтъ, а онъ ей Богу, долженъ нуждаться въ подкрѣпленіи.

Фрекенъ Герда принесла блюдо и остановилась передъ Иоанномъ.

— Какая вы хорошая, хозяйшка, — сказалъ тотъ.

— Да, не правца ли? — сказалъ часовщикъ, — съ ней не пропадешь...

Герда проскользнула дальше, наклонивъ голову надъ блюдомъ и улыбаясь каждому, кого потчевала — улыбкой, которая не доходила до ея глазъ.

Часовщикъ, вернувшись къ тому, что Иоаннъ нуждается въ подкрѣпленіи, сказалъ:

— Но, Боже меня упаси, какъ это должно быть утомительно...

Онъ подразумѣвалъ игру.

— Иной здоровый человѣкъ не выдержитъ этого.

Оба сѣли въ уголокъ.

— Вы, я видѣлъ, разговаривали съ пасторомъ, — началъ часовщикъ. — Да, онъ прекрасный человѣкъ, — что бы тамъ ни говорили. Я и братъ время отъ времени ходимъ слушать его. Вѣдь просто жалко смотрѣть — сидятъ тамъ душъ десять. Я говорю Иогансену: ты бы пошелъ тоже, говорю я, чтобы наполнить... Потому что Иогансенъ вѣдь независимый человѣкъ и мы тоже, разъ есть хорошее торговое дѣло... Ну, а эти, изъ высшей школы, они вѣдь не изъ тѣхъ, что участвуютъ въ экономической войнѣ — такъ сказать открыто... Они скорѣе

только помогаютъ возникновенію предпріятій, чтобы такимъ образомъ поддержать власть...

— Но, — продолжалъ часовщикъ, — насчетъ пастора Иесперсена грѣшно и стыдно. Потому что, скажите-ка, что толку, что онъ проповѣдуетъ, разъ никто не слушаетъ его проповѣдей... такъ что онъ ничего не можетъ достигнуть. Но съ другой стороны — вѣдь въ наши дни надо смотрѣть на вещи со всѣхъ сторонъ, не такъ ли? — онъ не становится ни на чью сторону — ни на сторону миссиі, ни на сторону грундтвигіанцевъ... кому же въ такомъ случаѣ слушать его — въ нашей мѣстности?

Часовщикъ засмѣялся и, вспомнивъ начало разговора, сказалъ:

— Но Іогансенъ изъ тѣхъ людей, которые предоставляютъ женщинамъ заниматься благочестіемъ...

Купецъ прошелъ мимо нихъ, заложивъ руки въ карманы. Суставы пальцевъ выступали буграми, какъ-будто руки были сжаты въ кулаки.

Онъ остановился и окинулъ взглядомъ комнату:

— Завѣдующій, вы бы тоже взяли блюдо.

И завѣдующій взялъ блюдо со стола и сталъ обносить имъ гостей — вонъ онъ шелъ; тотъ г. Петерсенъ, вслѣдъ за фрекенъ Гердой.

Часовщикъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, между тѣмъ какъ кругомъ всѣ разговаривали; а г. Іогансенъ самъ началъ разливать вино по стаканамъ.

— Да, — сказалъ часовщикъ, — отъ всей души желаю Іогансену, чтобы теперь вышло такъ, какъ онъ хочетъ...

— Герда, — продолжалъ онъ, — прекрасная дѣвушка, а Іогансенъ со всѣми своими недостатками очень

нуждается въ этомъ. Потому что онъ вѣдь крутой человекъ... и сталъ еще круче за послѣднее время...

— А отъ парня — этого мальчишки въ Вейле — отъ него, я думаю, Иогансенъ никогда не увидитъ толку...

Иоаннъ, лицо котораго приняло тревожное, почти напряженное выраженіе, спросилъ:

— Но почему, г. Петерсенъ?

— Меня зовутъ Ларсенъ, — сказалъ часовщикъ и ухмыльнулся, хлопнувъ себя по ногамъ.

— Да-съ, у этого парня нѣтъ никакой твердости... только упрямство въ иныхъ вещахъ. Что Теодоръ долженъ дѣлать, этого онъ не высситъ; а чего онъ хочетъ — на то у него не хватаетъ силъ.

— Но теперь, положимъ, это безразлично — разъ Петерсенъ возьметъ дѣло...

— Завѣдующій?

— Да, такъ по крайней мѣрѣ думаютъ, — сказалъ часовщикъ и спросилъ, взявъ свой стаканъ:

— Вы уже пили съ табачнымъ торговцемъ?

Купецъ, налижавшій изъ бутылки бордо, подошелъ къ графу Гольштейну, который стоялъ рядомъ съ фру Иесперсенъ.

— Къ этому салату, Иогансенъ, — сказалъ графъ Гольштейнъ немного несбдуманнымъ тономъ, — вамъ слѣдовало бы подать ваше знаменитое бургонское.

— Вы правы, г. гофъ-егермейстеръ, — сказалъ купецъ и засмѣялся, между тѣмъ какъ въ его глазахъ на мгновеніе вспыхнулъ огонекъ.

— Гофъ-егермейстеръ самъ требуетъ себѣ у насъ, мужиковъ.

— Но, — продолжалъ онъ, умѣривъ голосъ, — гофъ-

егермейстеръ можетъ получить его, если соблаговолить самъ ходить за нимъ. Гофъ-егермейстеръ знаетъ, гдѣ оно находится.

Графъ Гольштейнъ закусилъ губу.

— Великолѣпно, Иогансенъ, — сказалъ онъ и вдругъ прибавилъ:

— Графъ Уйгази можетъ такимъ образомъ увидѣть погребъ.

— Иоаннъ, — крикнулъ онъ, — мы сходимъ внизъ въ погребъ.

И—можетъ быть въ тайную отместку купцу — прибавилъ:

— А фрекенъ Герда посвѣтитъ намъ — хорошо, фрекенъ Герда.

На секунду воцарилось молчаніе — въ то время какъ Иоаннъ поднялся.

— Герда? — сказалъ Иогансенъ, и рѣзко прозвучало это коротенькое имя. — Ну да, хорошо, посвѣти имъ, Герда. Фру Иесперсенъ тоже пойдетъ...

Завѣдующій остановился въ противоположномъ углу комнаты съ блюдомъ въ протянутой рукѣ:

— Спасибо, у насъ ужъ есть, — сказалъ кандидатъ, посмотрѣвъ по направленію его взгляда, и усмѣхнулся фру Робель.

А фру Робель сказала завѣдующему:

— У меня тоже, благодарю васъ.

Вслѣдъ затѣмъ фру, не забывшая бѣгства графа Уйгази отъ нея, продолжала, обращаясь къ кандидату:

— Но, милый мой кандидатъ, я достаточно открывенна, чтобы среди общей праздничной радости ска-

зять: для меня это было нѣкоторое разочарованіе. Боже упаси, это разумѣется міровое искусство — должно быть имъ... Но странно, что многіе изъ тѣхъ, про кого говорятъ, что у нихъ больше всего пониманія, когда ближе присмотришься къ нимъ, не имѣютъ никакого понятія объ истинныхъ цѣнностяхъ...

Іоаннъ подошелъ къ Гердѣ:

— Вы посвѣтите намъ?

— Да... — и густая краска залила ея лицо.

— Спасибо.

— Но вообще я никогда не хожу въ погребъ.

— Почему? — спросилъ Іоаннъ, и казалось, что глаза его хотятъ выкупать ея лицо въ своемъ взглядѣ.

— Никогда, — сказала Герда, и подъ его взглядомъ говорила странно скользящимъ тономъ, не соответствующимъ ея словамъ:

— Прабабушка не хотѣла, чтобы я ходила туда.

— Такъ пойдемте, — сказала фру Іесперсенъ, подойдя къ нимъ.

— Вы куда? — повернулась фру Лоренценъ и посмотрѣла имъ вслѣдъ. Она спросила довольно громко.

А кандидатъ наклонился къ фру Робель и быстро шепнулъ:

— Когда мы встрѣтимся?

— За послѣднее время такъ мало больныхъ, — сказала она надъ своей тарелкой.

Оба шлезвигца, ужинавшіе около самаго стола, поднялись и начали прохаживаться взадъ и впередъ, молча, какъ люди, которые ждутъ чего-то — можетъ быть того, чтобы на нихъ обратили вниманіе.

Фру Робель повернула къ нимъ голову и спросила:

— А какъ вамъ понравилось, г. Матъессенъ?

— Это во всякомъ случаѣ были датскіе звуки, — сказалъ г. Матъессенъ.

— Да, съ венгерской припѣвкой.

— — — Всѣ четверо спустились по лѣстницѣ. Герда шла впереди со свѣчей, за ней Іоаннъ: сколько отѣнковъ принимали ея волосы при свѣтѣ свѣчки — отъ чернаго до каштановаго.

Остальные двое разговаривали за ихъ спиной, въ то время какъ Герда отпирала дверь конторы.

— Намъ надо взять фонарь, — сказалъ Эрикъ.

— Да, — сказала Герда и взяла фонарь съ полки, но не могла его открыть.

— Позвольте мнѣ!.. — И Іоаннъ открылъ его.

Спичка дрожала въ рукѣ Герды, когда она хотѣла зажечь фонарь.

— У васъ руки дрожатъ, фрекенъ Герда...

— Да, — сказала она и хотѣла засмѣяться, — я всегда боялась погреба.

— Почему это? — спросилъ Іоаннъ и зажегъ фонарь, между тѣмъ какъ Гельстейнъ отперъ дверь погреба.

— Потому что прабабушка говорила мнѣ, что тамъ привидѣнія, такъ какъ она не хотѣла, чтобы я ходила туда.

— Я не пойду внизъ, — сказала фру Іесперсенъ.

— Нѣтъ, пойдѣмъ, — быстро проговорила Герда.

— Нѣтъ, я останусь здѣсь, — сказала пасторша и сѣла за конторку, воскликнувъ тутъ же:

— Дѣти мои, здѣсь телеграмма....

— О, нѣтъ, — сказала Герда, сдѣлавъ такое движе-

ніе, какъ-будто хотѣла заткнуть уши, и торопливо спросила:

— Откуда?

— Изъ Копенгагена, — сказалъ Гольштейнъ, посмотрѣвъ черезъ плечо фру Иесперсенъ.

— Ахъ такъ... — Герда облегченно вздохнула.

— Теперь мы спустимся въ подземелье, — громко сказалъ Эрикъ, какъ человѣкъ, который хочетъ прекратить разговоръ.

— Да, ты возьмешь фонарь, Эрикъ?

Эрикъ взялъ его и началъ спускаться.

— Какъ здѣсь темно, — сказалъ Іоаннъ. — Такъ идемте, фрекенъ Герда.

— Иду, — сказала Герда и сошла на нѣсколько ступенекъ. Сырой подвальный воздухъ, смѣшанный съ винными парами, пахнулъ имъ въ лицо, когда Іоаннъ на лѣстницѣ обернулся въ полумракѣ и протянулъ руку.

— Идите же.

— Да...

— Возьмите мою руку.

При свѣтѣ, шедшемъ снизу, отъ фонаря, Іоаннъ видѣлъ ея блѣдное лицо.

— Вотъ моя рука....

— О нѣтъ! (И она вдругъ покачала головой и сказала точно сквозь слезы, сквозь дѣтскія слезы): — Это такъ глупо... но вамъ ужъ придется идти однимъ.

— Фрекенъ Герда... Какая вы трусиха!

— Да, — сказала она и быстро, точно убѣгая, взбѣжала по пяти ступенькамъ — и дверь закрылась.

Рука Іоанна упала, какъ отсѣченная.

— Ты идешь? — сказалъ Эрикъ.

Іоаннъ самъ не сознавалъ, что уже сошелъ съ лѣстницы и ступилъ на заплѣсневѣлыя камни.

— Какой здѣсь тяжелый воздухъ.

— Да, — засмѣялся Эрикъ и поднялъ фонарь, такъ что показались громадныя винныя бочки, которыя въ полутьмѣ были похожи на кузова кораблей.

— Здѣсь вѣдь не все чистый виноградный сокъ, въ отдѣленіи для болѣе простой публики...

Онъ выше поднялъ фонарь:

— Но посмотри, это величественно, такая масса спирта.

— Здѣсь - то и приготавливается ядъ

Вдругъ онъ повернулъ фонарь:

— Она думала, что это изъ Вейле, — сказалъ онъ и остановился.

— Что? Телеграмма?

— Да, — сказалъ Эрикъ и пошелъ дальше. — Отъ него — брата... потому что оттуда безусловно придетъ какая-нибудь экстренная вѣсточка.

— А что съ нимъ такое? — спросилъ Іоаннъ.

— Не знаю какъ слѣдуетъ, — сказалъ Гольстейнъ и открылъ досчатую дверь. — Когда онъ былъ на морѣ, онъ не могъ этого выдержать, а теперь, когда онъ на сушѣ, онъ дуритъ, потому что не на морѣ.

— Вотъ здѣсь святая святыхъ, — сказалъ Эрикъ и поставилъ фонарь. — Посмотри, дружище — вотъ тутъ боченки... а потомъ бутылки.

Эрикъ показалъ рукой на длинныя полки, гдѣ лежали бутылки — бутылка къ бутылкѣ, съ выставленными впередъ горлышками.

— Ну что? — сказалъ онъ. — Правда величественно?

— Но ты совсѣмъ блѣденъ, — продолжалъ онъ и самъ тяжело переводилъ духъ. — Да, этотъ воздухъ можетъ подѣйствовать.

Онъ какъ-то задумчиво оттопырилъ губы и сказалъ:

— Вѣроятно этотъ воздухъ и «ударилъ» въ семью.

— Какъ такъ? — спросилъ Іоаннъ, вздрогнувъ.

— Я хочу сказать, что постоянно жить среди этихъ винныхъ паровъ, которые проникаютъ весь домъ — что это, такъ сказать, легко можетъ искусственно взвинтить способности и все остальное — но въ то же время ослабить волю и такъ далѣе.

— Да, — сказалъ Іоаннъ. — Я понимаю.

— Но фрекенъ Герда? — быстро спросилъ онъ.

— Да, она очень славная, но ей слѣдовало бы прочь изъ этого дома.

— Да, — сказалъ Іоаннъ и сжалъ кулаки.

— Ну, а вотъ и наше бургонское!.. Ты возьмешь эти двѣ бутылки?.. Отравителя не стоить щадить. Взялъ? Спасибо!

Эрикъ снова поднялъ фонарь.

— Такъ пойдёмъ, — сказалъ онъ.

Они прошли назадъ черезъ погребъ, и Эрикъ закрылъ досчатую дверь.

— Большая часть этого спирта, — сказалъ Эрикъ и снова посмотрѣлъ на огромныя бочки, — идетъ черезъ границу...

— А кое-что и въ Гойерупъ, когда тамъ хоть къ чорту отправляйся.

Эрикъ вдругъ прислонился къ одной изъ винныхъ

бочекъ и, прижавшись лбомъ къ дереву, зарыдалъ такъ, что вссь затрясся.

— Эрикъ, Эрикъ! — воскликнулъ Иоаннъ.

— Эрикъ, — тише повторилъ онъ.

— Эрикъ, что съ тобой?

— А то, что прямо хотъ къ чорту отправляйся!.. — И Эрикъ продолжалъ рыдать.

— Нѣтъ, ничего... — сказалъ онъ и отвернулся, между тѣмъ какъ слезы еще слышались въ его голосѣ. — Это ничего... ты не обращай вниманія...

Онъ носовымъ платкомъ обтеръ все свое лицо:

— Тутъ подъ землей, вѣрно, у каждаго человѣка свои припадки страха....

— Такъ идемъ, — сказалъ онъ; но, сдѣлавъ нѣсколь-ко шаговъ, остановился и, чтобы говорить о чемъ-нибудь — но о чемъ-нибудь другомъ — сказалъ:

— Однако когда эта сволочь (слова шли медленно, какъ-будто онъ еще подыскивалъ свои мысли) нападетъ на Югансена, который, разумѣется, вполне за-служиваетъ этого — то, право, надо сказать, что директорская сивуха, куда хуже, чѣмъ ядъ Югансена...

— Директора высшей школы?

— Да. Директоръ и все его заведеніе для отцѣживанія міровоззрѣній безусловно не лучше. А вонъ отъ его культурнаго спирта разносится по всей странѣ...

Они дошли до лѣстницы. На нижней ступенькѣ Эрикъ обернулся и положилъ свою дрожащую руку Иоанну на плечо:

— Да, милый Юссе, такова ужъ, видно, жизнь, что одному вссело, а другому менѣе весело.

— Ну-съ, вотъ мы и наверху, — сказалъ онъ и взбѣжалъ по лѣстницѣ.

— Вы, вѣроятно, все осмотрѣли? — сказала фру Иесперсенъ. — Вы такъ долго пробыли тамъ.

— Да, — сказалъ Эрикъ.

Герда лишь повернула глаза въ сторону Иоанна.

— А у Иоанна добыча, — засмѣялся Эрикъ и указалъ на бутылки.

— Такъ потушимъ? — сказалъ онъ и дунулъ въ открытый фонарь.

— Да, — шепнула Герда, смотря на потухшее пламя.

— А телеграмма? — сказала фру Иесперсенъ и взяла ее.

Иоаннъ хотѣлъ поставить фонарь на полку, но Герда сказала:

— Нѣтъ, вонъ туда!... — и переставила его, прибавивъ странно усталымъ голосомъ:

— Здѣсь у каждой вещи свое мѣсто....

Гольстейнъ открылъ дверь наверхъ, и оттуда донеслись голоса гостей. Купецъ стоялъ около самой двери, какъ-будто поджидалъ ихъ.

— Вотъ нектаръ, — сказалъ Гольстейнъ, поднявъ обѣ бутылки.

— Развѣ гофъегермейстеръ не думалъ, что для всѣхъ насъ долженъ найтись стаканчикъ? — И въ то время какъ въ глазахъ его вспыхнулъ тотъ же огонекъ, какъ и раньше, купецъ Иогансенъ приказалъ завѣдующему принести еще.

— И стаканы, — сказалъ онъ Гердѣ, вышедшей вмѣстѣ съ Иоанномъ.

— Хорошо папа.

— Тѣ, съ аукціона, — приказаль купецъ, снова заложивъ руки въ карманы.

— Хорошо, папа, — сказала Герда, какъ бы испуганно повернувъ къ нему лицо.

Эрикъ Гольстейнъ перевернулся на каблукахъ.

— — — Гости кончили закусывать и, болтая, ходили взадъ и впередъ. Всѣ комнаты были полны табачнаго дыма. Иоаннъ прошелъ въ столовую, гдѣ Герда ставила стаканы на подносѣ. Она навѣрное сама не видѣла, что дѣлала, въ то время какъ ставила ихъ, стаканъ къ стакану, съ ихъ широкими золотыми ободками.

— О чемъ вы думаете, фрекенъ Герда?

Она не смотрѣла на него:

— Сейчасъ я думала о вашей матери, — сказала она.

Иоаннъ немного постоялъ.

— Мнѣ кажется, что вы думаете о слишкомъ многихъ тяжелыхъ вещахъ, — сказалъ онъ.

— Тяжелыхъ? — повторила она.

— Вы такъ напуганы въ душѣ, — сказалъ Иоаннъ. Оба говорили одинаковымъ голосомъ.

Герда кивнула головой — одинъ разъ.

А Иоаннъ быстро сказалъ:

— Все это — вамъ слѣдовало бы бросить — и уѣхать отсюда.

Фрекенъ Герда судорожно обхватила стаканъ.

Но, словно онъ сказалъ слишкомъ много или же сказалъ это черезчуръ внезапно и желалъ теперь вернуться къ чему-нибудь другому, Иоаннъ продолжалъ:

— А насчетъ вашей сестры...

— Моей сестры? — Онъ едва разслышалъ это.

— Да, я хочу сказать... что это не должно бы вызывать въ васъ столько тяжелыхъ мыслей.

Онъ смотрѣлъ на ея грудь, которая судорожно поднималась и опускалась:

— Человѣкъ воленъ надъ своей жизнью, — сказалъ онъ.

И немного погодя прибавилъ уже инымъ тономъ:

— И вы надъ вашей.

Одну секунду она стояла, точно готова была упасть. Затѣмъ сказала, при чемъ слова шли съ трудомъ, но прозвучали отчетливо:

— Дѣло не въ томъ, что она умерла.

— А въ чемъ?

Герда наполовину подняла лицо:

— А въ томъ, что она взяла на себя то, что ей было не подъ силу.

— Герда, — сказалъ Иоаннъ и схватилъ ее за руку. И она одно мгновеніе отвѣтила на его рукопожатіе — какъ утопающій...

— Вы, можетъ быть, разольете вино въ стаканы, фру Робель, — сказала Герда докторшѣ, которая съ порога устремила взоры въ комнату поверхъ своего вѣера.

— Завѣдующій поможетъ вамъ, — прибавила она и вышла.

Фру Робель начала разливать вино по стаканамъ, а Иоаннъ остался тутъ же.

Фру Робель заговорила о красивыхъ стаканахъ:

— Да, здѣсь въ домѣ собираютъ для будущаго. Эти стаканы прибрѣтены въ Гейерупфъ. — Она засмѣялась. —

Э то тоже своего рода благодарность гофъ-егермейстеру за участие въ концертѣ...

Но вдругъ перескочила на другое:

— Можетъ быть теперь настало время, было бы время... для музыки... немного музыки.

Іоаннъ, который почти не слышалъ, что она говорила, сказалъ:

— Не слишкомъ ли много музыки у насъ уже было сегодня, фру? — и ушелъ.

Фру Робель пролила вино на серебряный подносъ...

Пасторъ одиноко стоялъ у окна.

— А, это вы, господинъ пасторъ, — сказалъ Іоаннъ, внезапно увидѣвъ его лицо.

— Я, — сказалъ пасторъ. И прибавилъ какъ своего рода объясненіе блѣдности Іоанна:

— Да, воздухъ въ погребѣ тяжелый.

— Но графъ Гольстейнъ, — и онъ слегка улыбнулся, — знаетъ, гдѣ лежатъ вина.

Іоаннъ ничего не отвѣтилъ, а капелланъ немного погодя сказалъ:

— Мы, моя жена и я, очень любимъ его. Онъ такъ охотно помогаетъ и дѣлаетъ это такъ прекрасно.

— А для тѣхъ, — продолжалъ онъ, — кому мы съ женой желали бы помочь, не всегда легко найти помощь. Они почти всегда стоятъ внѣ общаго круга — какъ и мы. Но въ Гойерупъ никогда не ходишь даромъ.

Пасторъ замѣтилъ, что Іоаннъ не слушаетъ, но все же продолжалъ:

— Когда вы, графъ Уйгази, какъ-нибудь лѣтомъ, какъ жена мнѣ говорила, вернетесь сюда....

— Вернусь?

— Да...

Пасторъ перемѣнилъ тонъ:

— Вы могли бы, пожалуй, сдѣлать хорошее дѣло...

— Сдѣлать хорошее дѣло?

— Можно съ вами говорить откровенно? — сказалъ пасторъ. — Сразу видно, что гофъ-егермейстеръ очень привязанъ къ вамъ — и мнѣ кажется, что вы могли бы сдѣлать хорошее дѣло, если бы какъ-нибудь провели лѣто въ Гойерупѣ. У гофъ-егермейстера столько — столько хорошихъ способностей. Но ихъ надо расшевелить въ немъ.

Иоаннъ сталъ внимательнымъ:

— Да, — сказалъ онъ.

И вдругъ спросилъ:

— Но — простите, г. пасторъ (и онъ снова увидѣлъ передъ собой Эрика, какъ тотъ, рыдая, стоялъ въ погребѣ, прислонившись къ винной бочкѣ)... но что, собственно, неладнаго въ Гойерупѣ?

— Никогда нельзя знать, — сказалъ пасторъ, — я хочу сказать, одинъ человѣкъ никогда не можетъ знать о другомъ, какъ у него сложилась жизнь. Мы воображаемъ, что видимъ, а на самомъ дѣлѣ не видимъ даже того, что происходитъ прямо передъ нашими глазами.

Иоаннъ кивнулъ головой.

— Но вѣдь графиня... да, она его кузина, — но она изъ другой страны, которая продолжаетъ быть ея страной...

— Продолжаетъ?..

— Да. Ея отецъ, вы знаете, генераль-адъютантъ при императорѣ. Графиня взята изъ совѣмъ иной обста-

новки... и здѣсь она всегда чувствовала себя чужой—
даже въ Гойерупѣ...

Иоаннъ смотрѣлъ подъ потолокъ:

— И вотъ гофъ-егермейстеръ черезчуръ много сидитъ одинъ — ну и...

— Да, — сказала пасторъ и тоже посмотрѣлъ
вверхъ. — Жизнь двухъ людей можетъ разбиться столь
различнымъ образомъ.

— И будь это еще въ другой мѣстности, — продолжалъ онъ немного погодя, — гдѣ челоуѣку съ собственными взглядами — потому, что у гофъ-егермейстера есть взглядъ — дали бы возможность выдвинуться... Но у насъ здѣсь...

Фру Иесперсенъ подошла къ нимъ.

— Не открытъ ли окно? — сказала она, — здѣсь такъ ужасно надымили.

Пасторъ открылъ, и фру на минуту высунулась изъ окна.

Изъ гостиницы снова донеслось пѣніе.

— Они пользуются временемъ, — сказала фру Иесперсенъ.

Иоаннъ прислонился головой къ стѣнѣ — а напротивъ пѣли:

Какъ лентой голубой, моремъ опоясанъ
Нашъ дивный край, и ярко зеленѣетъ
Листва его деревъ.
И много дѣвушекъ красивыхъ,
Мужей и женъ и юношей проворныхъ
Живутъ на датскихъ островахъ...

— А телеграмма, — вдругъ сказала фру Иесперсенъ и вынула ее изъ кармана.

— Какая телеграмма? — спросилъ пасторъ.

— Югансену, — сказала фру, отходя отъ нихъ.

— Что это можетъ быть?... — Пасторъ казался встревоженнымъ.

— Это изъ Копенгагена, — сказалъ Иоаннъ.

— Ну, слава Богу, это значить дѣловая.

Напротивъ въ гостиницѣ пѣли:

Въ Даніи цвѣтеть любовь —
Тамъ золотыя яблоки зрѣютъ въ праздничной
Тиши, и тамъ найдутъ
Философскій камень.

Иоаннъ Уйгази все еще слушалъ...

— Что такое?

— Въ чемъ дѣло? — обратился часовщикъ къ купцу, которому фру Иесперсенъ вручила телеграмму; а онъ по прочтеніи передалъ ее директору.

— Новыя ассигновки приняты, — сказалъ директоръ.

— Это приняты новыя военныя ассигновки, — повторилъ купецъ часовщику.

— Вотъ какъ, — сказалъ тотъ и снова сѣлъ. — Конечно, намъ надо было вступить на этотъ путь.

А фру Лоренценъ замѣтила директору:

— Это вѣдь какъ разъ то, на что мы надѣялись.

Купецъ, получившій назадъ телеграмму и свернувшій ее всю наподобіе пыжа, сказалъ:

— Теперь господа копенгагенцы будутъ, метать громы и молніи!.. — И онъ быстрѣе зашагалъ по комнатѣ, между тѣмъ какъ директоръ отвѣтилъ фру Лоренценъ:

— Разумѣется, разумѣется, мы могли надѣяться на это. Но съ другой стороны, когда, какъ мы, имѣешь близкую связь съ населеніемъ... Подобное предложеніе необходимо, разумѣется оно необходимо; но если на него посмотрѣть со всѣхъ сторонъ, оно разъединяетъ. Оно разъединяетъ — теперь, когда всѣ лучшія силы должны быть направлены на объединеніе....

— Объединеніе хорошая вещь, — рѣзко сказалъ фабрикантъ, — но сначала долой враговъ отечества.

— Милый фабрикантъ, — вступился директоръ. — Вы ужъ, извѣстно, крайній правый....

— Ассигновки приняты? — воскликнулъ Робель, вбѣгая въ комнату со стаканомъ въ рукѣ.

— Что принято, то и принято, — сказалъ купецъ и прошелъ мимо него. Робель же сказалъ со смѣхомъ:

— Итакъ мы прямо несемъ въ эту пучину безумія. Но, разумѣется, отъ этихъ господъ ничего иного нельзя было ожидать.

Фабрикантъ отвѣтилъ, дѣлая видъ, какъ-будто обращается къ директору:

— Вопросъ объ оборонѣ — хорошій вопросъ. Онъ выясняетъ, гдѣ губители отечества, такъ что всякій ихъ можетъ видѣть.

— Фабрикантъ говоритъ это мнѣ? — крикнулъ Робель, между тѣмъ какъ директоръ, стоя въ своемъ кругу, говоритъ:

— Да, здѣсь въ нашей мѣстности, мысль о беззащитномъ отечествѣ никогда не найдетъ себѣ почвы.

— Но у насъ есть наша старая программа, — пробурчалъ Уссингъ изъ угла.

— Программа должна быть у тѣхъ, кто хочетъ объединить, — отвѣтилъ директоръ.

Робель сдѣлалъ языкомъ движеніе, какъ-будто у него была отрыжка:

— А затѣмъ ее можно употребить какъ тряпку, чтобы вытереть блюдо.

Часовщикъ фыркнулъ надъ своимъ стаканомъ — но вдругъ пересталъ.

— Но мы, молодежь, не хотимъ, чтобы насъ объединяли для измѣны принципамъ, — сказалъ Уссингъ, который стоялъ, заложивъ руки въ карманы.

Но Робель сказалъ:

— О, здѣсь у насъ за измѣны принципамъ назначена премія.

Іоаннъ вдругъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на всѣхъ этихъ кричащихъ людей.

— О чемъ они говорятъ? — спросилъ онъ Эрика, точно проснувшись отъ сна.

— Говорятъ, — отвѣтилъ Эрикъ.

— Но о чемъ?

— Объ оборонѣ отечества, мой другъ, — сказалъ Эрикъ и улыбнулся. — Это у насъ называется политикой.

Уссингъ, весь красный и быстро сыпля словами, говорилъ, что надо помнить одно: что молодежь воспитана въ старыхъ принципахъ...

Фру Лоренценъ остановила его, повторивъ слово «принципахъ», при чемъ подбородокъ ея раздулся надъ

золотой цѣпочкой, а взглядъ переходилъ отъ кандидата къ фру Робель, появившейся на порогѣ, гдѣ она остановилась, держа сложенный вѣеръ въ поднятой рукѣ, какъ палку.

— Ну что же, — кричалъ Робель, — идемте по этому пути. Сегодня это двѣ тысячи синихъ штановъ, а завтра мы прямымъ маршемъ дойдемъ до крѣпостей...

Гёругъ умеръ, господа, и назначена премія за измѣну.

— Да, — обратился онъ къ фабриканту, — мои взгляды извѣстны.

Табачный торговецъ сзади обошелъ Юанна и съ усмѣшкой вполголоса сказалъ надъ его плечомъ:

— А то нѣтъ, Господи!

— Мы знаемъ, что ваши взгляды извѣстны, — сказалъ фабрикантъ, взвѣсивая на рукѣ свою золотую цѣпочку.

— Старая программа, — говорилъ Уссингъ директору, — это нейтралитетъ, сообщенный державамъ, и полицейская стража. — А директоръ говорилъ, что въ такомъ трудномъ вопросѣ онъ надѣется на осторожность и постепенность, что — какъ онъ не сомнѣвается — осторожно и постепенно будутъ готовить населеніе.

— Подготавливать народные умы, — говорилъ директоръ. — Народный духъ, разъ пробужденный, ужъ никогда не измѣнялъ у насъ въ Даніи.

Графъ Гольстейнъ, который стоялъ у стѣны съ палочкой въ зубахъ, спросилъ, перекрикивая шумъ:

— А пока вы будете готовить, г. директоръ? Директоръ обернулся.

По нашему мнѣнію, г. гофъ-сгермейстеръ, — сказалъ онъ, и голосъ его слегка задрожалъ, — Богъ всегда имѣлъ свои цѣли и намѣренія съ нашей маленькой Даніей.

— Которыя въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій заключались въ слѣдующемъ: обрубилъ себѣ пятаку и отрубилъ палець.

— Можетъ быть не всѣ видятъ, — сказалъ директоръ, кадыкъ котораго ходилъ вверхъ и внизъ, — что таится въ нашей странѣ.

— Нѣтъ, г. директоръ! — И Эрикъ уставился на дымъ своей папирсы. — Я этого не вижу.

— Но что прежде всего надо укрѣпить и поддерживать, — говорилъ директоръ въ своемъ кругу, — это любовь къ отечеству...

— А выдвинуть надо пушки, — крикнулъ Робель, смѣясь. — А когда пушки будутъ выдвинуты, мы построимъ пороховыя башни, а когда пороховыя башни будутъ построены, мы укрѣпимъ валы, а когда валы будутъ укрѣплены — мы падемъ за отечество...

Онъ провелъ рукой по воздуху, какъ-будто давалъ подзатыльникъ батраку:

— Что же, сдѣлаемъ это. Вспомните, господа, переходъ на Азьенъ *).

Магистръ поднялся въ одномъ углу.

— Но сначала былъ Дюппель, — сказалъ онъ.

— Это вы очень поздно открыли, магистръ, — сказалъ докторъ, и въ комнатѣ захохотали.

Іоаннъ прошелъ впередъ почти что на середину

*) Островъ, взятый прусскими войсками во время Германско-датской войны. *Пер.*

комнаты и обратился къ Гердѣ, такимъ же тономъ, какъ и раньше:

— О чемъ это они говорятъ?

— Это только политика, — отвѣтила Герда.

— Но о чемъ?

— Здѣсь у насъ всегда говорятъ объ оборонѣ, — сказала она какъ человѣкъ, говорящій о вещи, о которой самъ никогда не думалъ.

— Объ оборонѣ? — повторилъ Іоаннъ. — Объ оборонѣ страны — самой страны?

— Да, — отвѣтила Герда и посмотрѣла на него, удивленная тономъ его голоса.

Іоаннъ отошелъ отъ нея на нѣсколько шаговъ со странно напряженнымъ выраженіемъ лица — напряженнымъ быть-можетъ отъ старанія понять всѣ эти дѣтскія слова.

Но фабрикантъ черезъ комнату сказалъ Робелю, все еще разсуждавшему о пороховыхъ башняхъ:

— Дѣло не въ самой оборонѣ. А въ принципѣ, который...

— Какой что? — Докторъ подскочилъ, какъ волчокъ.

— Какой отдѣляетъ тѣхъ, кто за насъ, отъ тѣхъ, кто противъ насъ, — сказалъ Лоренценъ.

Глаза врача метнули насмѣшливый взглядъ — прямо въ лицо фабриканту, прежде чѣмъ Робель сказалъ:

— Въ чемъ, фабрикантъ?

Фабрикантъ вдругъ словно поскользнулся. Но директоръ обернулся къ Робелю.

— Другъ Лоренценъ правъ, — сказалъ онъ. — Этотъ

вопросъ является отличительнымъ признакомъ въ болѣе важныхъ вещахъ.

Табачный торговецъ стоялъ за спиной Іоанна.

— Да-съ, — сказалъ онъ и ухмыльнулся надъ плечами Іоанна. — Тутъ Лоренценъ спасовалъ. Потому что за него Робель знаетъ, какъ браться.

Итабачный торговецъ продолжалъ стоять среди спорящихъ, заложивъ руки за спину и потѣя отъ удовольствія.

Но Робель снова повернулся къ директору и съ ораторскимъ вольтомъ крикнулъ:

— Я не знаю болѣе доходнаго занятія въ нашей странѣ, чѣмъ измѣна...

Фру Робель вѣеромъ толкнула своего благовѣрнаго въ спину и, когда онъ обернулся, шепнула:

— Ты съ ума сошелъ!

— Да, сударыня, — шепнулъ Робель въ отвѣтъ. — Я женился на васъ.

И быстро, какъ флюгеръ, обернулся къ графу Гольштейну:

— Но избиратели, слава Богу, остались за нами, — сказалъ онъ.

— Да, — вполголоса сказалъ Эрикъ. — Скотинка пока что въ хлѣву.

Доктора слегка передернуло, но затѣмъ онъ хихикнулъ.

— Вы, пожалуй, правы, — сказалъ онъ и поднялъ плечи. — Но избиратели все-таки избиратели, не правда ли? И избиратели хотять разсуждать. У ютландскаго мужика здравый разсудокъ, и ютландскій мужикъ радикаленъ.

— Вѣрно, — сказалъ кандидатъ, шагавшій взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Кандидатъ одного мнѣнія съ докторомъ, — встала фру Лоренценъ.

— Г. докторъ, — сказалъ директоръ, заговоривъ ласково, какъ челоуѣкъ, желающій кончить споръ, — вы врядъ ли знаете нашъ милый народъ такъ хорошо, какъ мы, у которыхъ имѣются связи во столькихъ мѣстахъ. Населеніе Ютландіи обладаетъ однимъ качествомъ — довѣріемъ. Потому что оно знаетъ, что люди, стоящіе теперь во главѣ правленія, это его собственные люди.

— И они ютландцы, — сказалъ Иогансенъ, бросивъ послѣднее слово, какъ-будто швырнулъ камнемъ.

Но директоръ повернулся къ шлезвигцамъ, которые — казалось ему, — стояли немного одиноко, и заговорилъ о союзахъ стрѣлковъ, въ которыхъ онъ видѣлъ какъ бы путь къ будущему.

— Пока не настанетъ тотъ день, — сказалъ онъ, — когда право одержить верхъ надъ силой.

Фру Робель порхнула въ комнату (два крючка въ ея юбкѣ были разстегнуты) и проскользнула къ кандидату:

— Уссингъ, — шепнула она. — Остерегайтесь фру Лоренценъ.

— У каждаго свои убѣжденія, — пробурчалъ кандидатъ.

— Но вѣдь хлѣбъ тебѣ тоже нуженъ, — сказала фру Робель. — А ты знаешь эту бабу.

— Ты бы погромче говорила, — слабо сказалъ кандидатъ.

Фру Робель проскользнула дальше — къ Иоанну:

— Изъ всего этого, — ласково сказала она, — снова надѣясь на «Сонъ въ лѣтнюю ночь» въ четыре руки, — изъ всего этого вы вѣроятно не много понимаете...

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Иоаннъ все съ тѣмъ же выраженіемъ на лицѣ. — Я не понимаю этого.

— Я тоже, — сказала фру Робель, поднявъ на него взоръ. — Мы — люди нашего сорта — бѣжимъ отъ реальной жизни.

Все время слышался ровный потокъ словъ директора, говорившаго о движеніи въ пользу устройства союзовъ стрѣлковъ и о самыхъ этихъ союзахъ, къ которымъ, говорилъ онъ, — повидимому хотятъ присоединиться и дѣтскіе союзы, что явилось бы большимъ благомъ, если сумѣтъ охранить ихъ отъ вреднаго вліянія, а Робель кричалъ что-то въ противоположномъ углу и въ концѣ-концовъ обратился къ табачному торговцу со словами:

— Чистое безуміе не можетъ все-таки побѣдить! — И вдругъ быстро повернулся и спросилъ Иоанна:

— О чемъ моя благовѣрная разсуждаетъ?

— Мы говоримъ о томъ, что все это для насъ непонятно, — сказала фру.

— Еще бы, — сказалъ докторъ, — я думаю!

— Милый графъ, — и онъ засмѣялся — чужестранецъ, попавшій въ нашу страну, долженъ подумывать, что попалъ въ домъ умалишенныхъ....

— Вѣдь здѣсь здравый разсудокъ приказалъ долго жить, — продолжалъ онъ. — Чужестранцу совсѣмъ не

понять этого. — Онъ схватилъ Іоанна за отвороты фрака и, разговаривая, отвелъ его отъ своей супруги:

— Но оборона, милый графъ, — слыхано ли когда-либо такое безуміе? Оборона этого клочка земли — съ нашими солдатами. Видали ли вы нашихъ солдатъ? Нѣтъ? Вы глазамъ не повѣрите. (И докторъ засмѣялся). Милѣйшій графъ, Данія лежитъ между двумя сильными державами. А державы, милый мой, благоволятъ смотрѣть на карту. И мы можемъ думать объ оборонѣ? Если бы эти господа на самомъ дѣлѣ вѣрили въ это — не правда ли? — ихъ слѣдовало бы заковать въ цѣпи, милѣйшій. А чего мы хотимъ, мы, у которыхъ есть разумъ въ головѣ, это совершенно ясно, ясно и понятно. Мы оставляемъ страну открытой. А если страна лежитъ открытая, кому придется въ голову занимать ее, правда? А если ее даже займутъ, не правда ли? — тогда мы будемъ протестовать, милѣйшій, и Европа вступится за насъ...

— Но пока что (докторъ вздернулъ плечами), пока что у этихъ господъ есть одно оправданіе: можно вскрыть всѣ черепа отъ Гедсера до Скагена — не правда ли? — и не найдется ни одной собаки, которая серьезно отнссилась бы къ этому вопросу. Милый графъ, мы датчане, слава те Господи, народъ ироническій. Но партіи, разумѣется, нужно что-нибудь, за что бороться.

— А намъ, — докторъ засмѣялся, — намъ нужно что-нибудь, противъ чего бороться...

— Между нами сказать, милый графъ, если бы этотъ вопросъ объ оборонѣ вдругъ кончилъ свое существованіе — это былъ бы фундаментальный ударъ для самага радикализма.

Докторъ посмотрѣлъ на Іоанна, лицо котораго казалось усталымъ или измученнымъ, и сказалъ:

— Но съ этимъ всѣмъ вы, разумѣется, знакомы по вашему собственному отечеству...

— У меня нѣтъ отечества, — медленно сказалъ Іоаннъ.

— Конечно, конечно. — Докторъ улыбнулся. — Такой человѣкъ, какъ вы, становится космополитомъ, это ясно...

И, словно найдя наконецъ единомышленника, которому можно все сказать, докторъ продолжалъ:

— Но знаете, милый другъ, въ своемъ домѣ и въ своихъ четырехъ стѣнахъ, мы, слава Богу, вѣроятно всѣ космополиты. Вѣдь время идетъ впередъ, не правда ли? И будь у меня сынъ — а моя супруга подарила мнѣ только дочерей — то я бы... но подобную вещь нельзя говорить открыто... то я бы совершенно искренно желалъ ему, чтобы Германія поглотила насъ. Это было бы его счастьемъ: большая страна — не правда ли? — большая страна представляетъ и большіе шансы. Но это еще случится, — добавилъ онъ. — Наше поколѣніе все же сдѣлало шагъ впередъ, и наши дѣти (докторъ прищелкнулъ языкомъ) не будутъ склонны къ сантиментальностямъ.

— Островъ, на которомъ я родился, — сказалъ Іоаннъ такъ же медленно, какъ и раньше, — весь залить кровью.

— Да, вотъ какъ? — проговорилъ Робель, какъ-будто сбитый съ толку тономъ Іоанна.

— Онъ залить кровью моихъ предковъ.

Докторъ засмѣялся, но неувѣреннымъ смѣхомъ.

— Да, иныя времена — не правда ли? — иныя и понятія... И иная раса, да, иныя расы, милѣйшій графъ. Но мы датчане — и кровь, милый графъ?.. Датчане — и проливаніе крови? Наши способности, право, направлены не въ эту сторону. Знали бы вы, сколько моихъ коллегъ бросають занятія, потому что падаютъ въ обморокъ въ операціонной комнатѣ... Вы смѣтаете? — сказалъ онъ. — Вы смѣтаете? — повторилъ онъ и посмотрѣлъ на Іоанна, который коротко засмѣялся.

И вдругъ докторъ сказалъ самому себѣ — потому что у Іоанна былъ такой видъ, точно за манишкой его лондонской рубашки не было ничего живого:

— Онъ, ей-ей, не понялъ ни одного слова. Эта бестія не поняла ни одного слова.

И, не найдя, что сказать, г. Робель уставился на свою папиросу, пока не перевернулся на каблукахъ.

— Онъ вѣдь глупъ, — сказалъ онъ женѣ, стоявшей въ дверяхъ.

— Я все время видѣла это, — отвѣтила та.

— Чистый дуракъ, — сказалъ докторъ.

Обернувшись, онъ увидѣлъ Ганса Гаакке, который сидѣлъ за занавѣской, наполовину скрытый ею, и смотрѣлъ на свои непропорціонально большія ноги.

— Они немного устали, — сказалъ докторъ и засмѣялся: — Конечно, вѣдь такое путешествіе по всей вѣроятности полно нѣ однихъ только удовольствій.

— Особенно для того, — сказала фру, — кто является номеромъ вторымъ.

— Но, — прибавила она, — вѣроятно не въ каждомъ

городѣ пируютъ за кулисами, какъ здѣсь. Мнѣ было больно за васъ.

— Sie meinen, gnädige Frau? *) — сказалъ Гансъ Гаакке.

— Я удивляюсь вамъ. Я съ моими нервами никогда не могла бы доиграть до конца при такомъ гвалтѣ рядомъ.

— Привыкаешь къ своему положенію, — сказалъ Гаакке, который не слышалъ ровно никакого гвалта, но былъ польщенъ, что его жалѣютъ.

— Но это, навѣрное, не очень пріятно, — сказалъ докторъ.

Герда снова наполнила стаканы и вошла съ подносомъ въ рукахъ, когда ей навстрѣчу попалась фру Иесперсенъ.

— Герда, — вполголоса сказала она, — зачѣмъ ты взяла эти стаканы — сегодня, когда графъ Гольстейнъ самъ здѣсь?

— Папа велѣлъ, — отвѣтила Герда, не поднимая глазъ.

— Такъ я и думала, — сказала фру Иесперсенъ и продолжала, обращаясь къ Иоанну:

— Вы устали, графъ Уйгази. Но когда мужчины заговариваютъ о политикѣ, всегда начинается отчаянный споръ.

— Я думаю о столькихъ другихъ вещахъ, — отвѣтилъ Иоаннъ.

— Я тоже, — сказала фру Иесперсенъ, засмѣявшись.

— А вѣдь было время — и она перемѣнила тонъ — ко-

*) „Виновать, сударыня?“.

гда и я собирала на пушки. Но теперь объ этомъ вопро-
сѣ говорятъ уже двадцать лѣтъ. И мнѣ кажется, не
обладаемъ ли мы, датчане, способностью смотрѣть на
каждый вопросъ со всѣхъ сторонъ, признавая правы-
ми всѣхъ и въ то же время никого? Мы сидимъ и вер-
тимъ, и вертимъ пряжу, пока наконецъ клубокъ не
остается лежать на колѣняхъ и всѣ нитки въ моткѣ
не перепутаются. Или же, — продолжала фру Иеспер-
сенъ со вздохомъ, какъ-будто махнувъ на это рукой, —
можетъ быть у меня попросту не хватаетъ силъ думать
о томъ, что будетъ черезъ полторааста лѣтъ.

— Не хватаетъ силъ? — повторилъ Іоаннъ.

— Да. Пожалуй въ этомъ-то и заключается наша
слабая сторона. Въ одномъ отношеніи мы, датчане, утра-
тили силу.

Іоаннъ направилъ свой взглядъ прямо на Герду.

Быть-можетъ подъ вліяніемъ его мыслей фру Иес-
персенъ вдругъ сказала, обернувшись въ сторону Гер-
ды:

— Но Гердѣ, право, не слишкомъ-то хорошо — она
сидитъ между отцомъ и завѣдующимъ.

— Въ такомъ случаѣ фрекенъ Герда должна
встать, — сказалъ Іоаннъ, пытаясь засмѣяться.

Директоръ вернулся къ народному воспитанію и
оборонѣ.

— Если бы только назвать нашу оборону охраной ми-
ра, — говорилъ онъ, — и сдѣлать ее звеномъ въ здоровомъ
и истинномъ воспитаніи...

— Это будетъ дорогое звено, — быстро вставилъ Ус-
сингъ.

— Дорогое, да, дорогое... — сказалъ директоръ. —

Если бы только нашъ народъ нашель путь къ объединенію...

— Есть путь, по которому молодежь никогда не поидеть, — сказалъ кандидатъ.

— Въ такомъ случаѣ обойдемся и безъ молодежи, — вставилъ Іогансенъ. Но Уссингъ, который все время слѣдилъ глазами за фру Робель и Гаакке, сказалъ:

— Относительно васъ, Іогансенъ, извѣстно, на чьей вы сторонѣ.

— Кандидату это извѣстно?

— Да, извѣстно, — крикнулъ Уссингъ, все болѣе горячась (теперь фру Робель и Гаакке направились къ рялю). — Что вы лѣвый, который стоитъ за укрѣпленія.

Робель обернулся и засмѣялся:

— Нашъ почтенный хозяинъ стоитъ за укрѣпленія, — сказалъ онъ, — потому что иначе мы, копенгагенцы, потеряемъ Зоологическій садъ.

— Можетъ-быть докторъ и правъ, — сказалъ купецъ, сверкнувъ на него глазами.

Директоръ какъ бы выскользнулъ изъ круга, подальше отъ своего помощника, а фру Лоренценъ сказала, стоя на порогѣ двери:

Да, мы на фабрикѣ полагаемъ относительно кандидата Уссинга, что его мѣсто не тамъ... гдѣ онъ теперь... — И фру Лоренценъ крѣпко ухватилась за свою золотую цѣпочку.

— Милый другъ, — сказалъ директоръ. — Я думаю, что вамъ извѣстны мои взгляды, мои личныя убѣжденія. Но молодежь трудно — очень трудно удержать. Какъ вы думаете, сколько изъ нашихъ двухъ тысячъ пятидесяти — да, въ данномъ полугодіи мы дошли до это-

го числа учениковъ и ученицъ... но сколько изъ нихъ остались бы съ нами, если бы мы не считались съ очень и очень многимъ.

Фру Лоренценъ не отвѣтила. А директоръ сказалъ тверже:

— Въ этомъ и заключается наша духовная сила. что мы вмѣщаемъ различные оттѣнки.

Но, такъ какъ фру Лоренценъ все еще ничего не говорила, директоръ прибавилъ, смотря ей въ раскраснѣвшееся лицо:

— Но это правда, изъ докторскаго дома въ общемъ не выходитъ ничего хорошаго.

Фру Лоренценъ выпустила цѣпочку. Но Уссингъ, не спускавшій глазъ съ фру Робель (цвѣты въ ея прическѣ какъ-будто касались щеки Ганса Гаакке), злобно сказалъ директору черезъ комнату:

— Мы, молодежь, въ этомъ вопросѣ потребуемъ наконецъ ясную и опредѣленную точку зрѣнія.

Директоръ выпрямился и сдѣлалъ рукой движеніе, какъ-будто звонилъ въ колокольчикъ:

— Эта точка зрѣнія слѣдующая, — сказалъ онъ. — Въ вопросѣ, въ которомъ мы, профаны, не можемъ разобратъся, мы — когда настанетъ часъ — пойдемъ за тѣми, на комъ лежитъ отвѣтственность.

Всѣ вдругъ стали слушать, и даже табачный торговецъ поднялся со своимъ стаканомъ.

— И кто въ этотъ часъ не будетъ съ нами, — продолжалъ директоръ, — тому уже не будетъ мѣста среди насъ.

Нѣсколько мгновеній царилъ молчаніе. Затѣмъ докторъ сказалъ магистру, просунувшему впередъ голову:

— Такъ-съ, это генеральный штабъ сказалъ свое слово.

И онъ зашаркалъ своими потрескавшимися лакированными башмаками:

— И сбрасываютъ съ себя отвѣтственность!.. — Онъ плюнулъ сквозь свои мышинные зубы.

— Какъ и всѣ другіе, — сказалъ магистръ.

— Вотъ кандидатъ и получилъ свою отставку, — сказалъ табачный торговецъ, входя въ столовую.

— Можно получить одинъ изъ графскихъ стакановъ, — попросилъ онъ и наклонился къ Гердѣ.

— Такъ-съ, — возвѣстила фру Иесперсенъ вздрогнувъ. — Теперь она тамъ.

Изъ сосѣдней комнаты раздались звуки рояля.

— Ну-у, — сказалъ табачный торговецъ и осклабился, — добилась-таки своего — ну да она вѣдь не мало времени запускала коготокъ...

То фру Робель и Гансъ Гаакке играли въ четыре руки.

— Это я обязательно должна посмотретьъ, — сказала фру Иесперсенъ и пошла туда.

— Не съѣсть ли намъ, концертантъ? — предложилъ табачный торговецъ, — потому что это будетъ долго...

Голоса кругомъ постепенно умолкли, когда докторъ помчался по комнатамъ:

— Те-с...

— Знаете, все это было не очень весело для чужестранца, — сказалъ табачный торговецъ, придвинувшись къ Іоанну со своимъ толстымъ локтемъ. — Но теперь они, вѣроятно, кончили ругаться насчетъ своихъ взглядовъ.

Табачный торговец тихо засмѣялся и осушилъ стаканъ:

— Но я говорю: взгляды, да, взгляды, а, г. концертантъ? У человѣка свой прилавокъ, живешь своимъ прилавкомъ... вотъ гдѣ центръ... ну а тамъ пусть себѣ болтаютъ...

— Ну, да, свои взгляды, конечно, есть у каждаго, — Герда, куда ты поставила бутылку?—но я говорю, что толку болтать да болтать объ опасности да объ опасности?

— Опасность?—сказалъ Иоаннъ, смотря поверхъ стакановъ.

Герда сѣла, прислонившись къ занавѣскѣ, и слушала бетховенскую сонату.

— Да, опасность, да, опасность, которую они насъ пичкаютъ справа, потому что въ душѣ я правый, г. концертантъ. Но вѣдь нельзя же весь вѣкъ ходить да тарашить глаза на опасность; это все равно, какъ если человѣкъ заброситъ всѣ жизненные удовольствія, а все будетъ ходить да думать о своей смерти и похоронахъ...

И какъ-будто слово «похороны» дало его мыслямъ новый толчокъ, онъ продолжалъ, хлебнувъ вина:

— А впрочемъ, можно, пожалуй, сказать, какъ мой кузенъ въ Вестербро, — я и братъ вѣдь часто ѣздимъ въ Копенгагенъ, этакъ попеременно... потому что тутъ мы вѣдь граждане, ну и нельзя развернуться во всю, какъ намъ, мужчинамъ, требуется... Ну, такъ вотъ мой кузенъ — онъ чудакъ у насъ — говоритъ частенько: э, говоритъ онъ, когда мы разговариваемъ промежъ себя—э, говоритъ онъ, когда насъ уложить уже

на дроги, право, все равно, кто тогда будетъ скакать на землѣ.

По другую сторону стола фабрикантъ стоя разговаривалъ съ однимъ изъ шлезвигцевъ:

— Да, — говорилъ тотъ, — мы осмотрѣли двѣ усадьбы около Скиве.

— Вѣдь здѣсь играютъ, — зашипѣлъ на нихъ докторъ и снова выбѣжалъ изъ комнаты.

— Да, конечно, — шепнулъ табачный торговецъ надъ своимъ стаканомъ; но, увидя, что докторъ вышелъ, шепотомъ спросилъ черезъ столъ:

— Гдѣ ты хочешь купить, Матъессенъ?

Шлезвигецъ повторилъ: — Около Скиве.

— Теперь пойдетъ номеръ второй, — сказалъ Ларсенъ и продолжалъ:

— Да, у васъ, къ югу отъ рѣчки, вамъ, крестьянамъ, дадутъ хорошія цѣны за ваши владѣнія.

— Тс-с, — сказалъ фабрикантъ.

— Слушаю-съ, — сказалъ Ларсенъ и сдѣлалъ движеніе локтемъ. — Докторъ, небось, умѣетъ заставить человѣка молчать, а фабрикантъ?

Все молчали, между тѣмъ какъ звуки музыки разносились по дому.

Но вдругъ табачный торговецъ наклонился надъ своимъ стаканомъ и съ довѣрчивой полуусмѣшкой шепнулъ Іоанну:

— Вѣдь это докторъ долженъ помогать, когда молоденькія работницы у Лоренца начинаютъ черезчуръ полнѣть въ талии.

Іоаннъ два или три раза провелъ рукой по вѣкамъ, какъ-будто у него горѣли глаза.

Затѣмъ онъ всталъ.

Музыка продолжалась, но Іоаннъ не различалъ звуковъ.

Близко около фрекенъ Герды прислонился онъ головой къ стѣнѣ и смотрѣлъ на лица въ комнатѣ. Затѣмъ закрылъ глаза. Казалось, что его сердце хочетъ остановиться, полное печали, которой онъ не зналъ имени.

Музыка продолжалась.

Герда подняла глаза. Глаза ея были закрыты.

Іоаннъ изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ остановилъ взглядъ на ея лицѣ:

— Фрекенъ Герда, — шепнулъ онъ.

Она не пошевелинулась, и спокойныя черты лица не дрогнули.

— Фрекенъ Герда, — повторилъ онъ.

Двѣ слезы выкатились изъ-подъ ея рѣсницъ.

Но точно при видѣ ея слезъ вся его печаль исчезла передъ какой-то бессмысленной радостью или надеждой, онъ сказалъ:

— Вы не должны больше плакать.

Герда не пошевелинулась. Какъ связанная сидѣла она, какъ человѣкъ, который не можетъ подняться, и только слезы текли по ея щекамъ.

— Почему вы плачете? — шепнулъ Іоаннъ.

Но вдругъ умолкъ, какъ-будто самъ отвѣтилъ себѣ на свой вопросъ, и снова его охватила та же самая печаль, непобѣдимая и бессильная.

— Скоро съ насъ уже довольно музыки, — сказалъ купецъ, проходя черезъ столовую въ свою контору.

— Ес не остановишь, — сказалъ табачный торговецъ, ухмыльнувшись.

— Доходная ли мѣстность около Скиве? — спросилъ фабрикантъ, снова завязавъ разговоръ съ шлезвигцами.

Почти автоматически или какъ-будто ее позвали во снѣ, поднялась Герда съ мѣста при звукѣ отцовскаго голоса.

Иоаннъ прошелъ въ другую комнату. Всѣ голоса разговаривающихъ онъ слышалъ какъ-будто на далекомъ разстояніи, и все же его ушамъ было больно отъ нихъ. Онъ самъ едва сознавалъ, что направляется къ пастору Иесперсену, а между тѣмъ его можетъ быть невольно влекло къ нему, какъ къ умному другу.

Пасторъ стоялъ съ магистромъ.

И, подходя къ нимъ, Иоаннъ услышалъ, какъ пасторъ говорилъ:

— Мнѣ такъ радостно было видѣть вашъ знакъ отличія.

— Не знаю, — сказалъ магистръ, — должно ли это радовать меня.

— Милый магистръ, — сказалъ пасторъ, — быть отличеннымъ французскою академіею—это же такая рѣдкая честь.

— Вотъ именно поэтому.

И измѣнившимся хриплымъ голосомъ сказалъ, не смотря ни на кого изъ нихъ:

— Чѣмъ извѣстнѣе станетъ мое имя, тѣмъ больше зла оно можетъ надѣлать.

Онъ скривилъ свой лягушечій ротъ:

— Вотъ весь итогъ моеѣ жизни.

— Милый г. магистръ, — сказалъ пасторъ. — Вы смотрите черезчуръ мрачно.

— Нѣтъ, милѣйшій пасторъ, — и магистръ покачалъ

головой, смотря въ пространство, — я только смотрю прямо въ глаза правдѣ. Неужели же такой математикъ, какъ я, не сумѣетъ подвести свой собственный итогъ?

Купецъ Иогансенъ прошелъ назадъ черезъ комнаты и остановился, держа руку въ карманѣ:

— Магистръ такъ молчаливъ сегодня, — сказалъ онъ.

— Да, милый купецъ, — сказалъ магистръ и засмѣялся. — Шутамъ не приходится говорить, когда самъ народъ беретъ себѣ слово.

И онъ отошелъ вмѣстѣ съ Иогансеномъ.

Иоаннъ посмотрѣлъ ему влѣдъ и спросилъ:

— Что пришло этого человѣка?

Усталая скорбь въ голосѣ Иоанна заставила пастора повернуть голову,

— Пришло? Да, вѣрно, — сказалъ онъ и самъ казался тронутымъ.

Онъ помолчалъ секунду, а затѣмъ сказалъ:

— И хуже всего то, что онъ самъ себя пришибъ.

— Самъ себя?

— Да, я хочу сказать: его пришибло то, что онъ не смогъ, не былъ въ силахъ вынести... Магистръ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые стояли въ первыхъ рядахъ, когда лозунгъ былъ: европейская культура, и строили только на культурѣ. А такъ какъ онъ былъ чуть не самымъ знаменитымъ изъ нихъ всѣхъ, то, разумѣется, сталъ знаменемъ въ своей партіи, которая широко пользовалась его именемъ и его извѣстностью, — онъ математикъ...

— Ну, а затѣмъ? — спросилъ Иоаннъ.

— Затѣмъ онъ, вѣроятно, измѣнилъ свои взгляды на культуру, когда увидѣлъ ея дѣйствіе. Не знаю, какъ

слѣдуетъ, какъ это произошло, потому что меня въ то время не было въ Копенгагенѣ и я вѣдь гораздо моложе, но, кажется, онъ на одномъ собраніи заявилъ о своемъ отступничествѣ, а именно, навѣрное, въ этомъ злосчастномъ вопросѣ объ оборонѣ. Затѣмъ устроилъ нѣсколько публичныхъ собраній, а его партія, которая должна была выбрать оружіе, быстрѣе всего поражающее въ нашей странѣ, высмѣяла его... Изъ-за смѣха онъ ушелъ. Ушелъ и покинулъ все.

— Теперь онъ живетъ здѣсь, въ маленькомъ доми-кѣ, который себѣ построилъ. А его прежняя партія потихоньку опять вставила его имя въ рядъ именъ своихъ сторонниковъ и пользуется имъ, какъ оружіемъ, въ борьбѣ за все то, что уже не соотвѣтствуетъ его убѣжденіямъ. А онъ молчитъ и больше не выступаетъ...

Іоаннъ молчалъ, и пасторъ сказалъ:

— Смѣхъ погубилъ много силъ въ нашей странѣ.

Іоаннъ, который, пожалуй, не слышалъ послѣднихъ словъ, сказалъ какъ бы про себя:

— Здѣсь столько нерѣшительныхъ.

— Это у насъ въ крови.

И вдругъ пасторъ улыбнулся и сказалъ:

— Ахъ, мнѣ пришло въ голову... Такому человѣку, какъ вы, графъ Уйгази, вѣроятно часто приходится выслушивать всякіе курьезные вопросы. Мы, простые люди, сидимъ по своимъ угламъ, каждый со своимъ вопросомъ въ душѣ, ну и высказываемъ съ нимъ, лишь только представится случай...

— Мнѣ вспомнился Гамлетъ...

— Гамлетъ?.. — Іоаннъ невольно улыбнулся.

— Да, я въ молодости немного изучалъ его; я вѣдь раньше не думалъ итти въ священники, и мнѣ всегда казалось, что труднѣе всего понять отношенія между Гамлетомъ и Офеліей...

— Офеліей? — повторилъ Іоаннъ и быстро взглянулъ на пастора.

— Да, вѣдь можно такъ сжиться съ поэтическимъ образомъ, что хочешь какъ бы все узнать о немъ. И мнѣ кажется, не было ли величайшимъ поражениемъ Гамлета то, что онъ... (пасторъ секунду подыскивалъ слово, какъ-будто испугавшись) не взялъ Офелію...

— Если бы она дала себя взять, — сказалъ Іоаннъ.

Но, когда онъ сказалъ это, внезапная улыбка освѣтила его лицо.

— Не умерла ли она оттого, — продолжалъ г. Іесперсенъ, — что онъ не взялъ ее?

И вдругъ прибавилъ слегка смущенный, какъ-будто священникъ въ немъ долженъ былъ оправдаться:

— Это спрашиваетъ старый эстетикъ. Въ нашей странѣ всѣ мы эстетики въ глубинѣ души.

Такъ какъ Іоаннъ все еще не отвѣчалъ, пасторъ обернулся и сказалъ, можетъ быть съ той цѣлью, что бы окончательно уйти отъ Гамлета и Офеліи:

— У фру Робель хорошая техника.

— Да, — сказалъ Іоаннъ, вдругъ услышавъ, что еще играютъ. — Я, собственно говоря, не слушалъ.

И поспѣшно прибавилъ:

— Не съестъ ли намъ?—И прошелъ къ дамамъ, которыя полукругомъ сидѣли подь висячей лампой.

Докторъ Робель услышалъ слова Іоанна и покинулъ косякъ двери.

— Даже для салоннаго цыгана должны быть границы, — сказалъ онъ Уссингу.

— Вашъ мужъ и я, — сказалъ Иоаннъ, усѣвшись рядомъ съ фру Иесперсенъ, — говорили о Гамлетѣ... О Гамлетѣ и Офеліи.

Герда стояла, облокотившись на кресло.

— Вы не сядете, фрекенъ? — спросилъ Иоаннъ, и она сѣла.

Музыка все продолжалась; фру Иесперсенъ тихо сказала, наклонившись впередъ:

— Графъ Уйгази, вы могли бы доставить Гердѣ громадное удовольствіе.

— Какое?

— Показать ей это кольцо, — сказала фру, показывая на мизинецъ Иоанна. — Она до безумія любитъ драгоценные камни и кольца.

— Фру Иесперсенъ! — шепнула Герда.

Иоаннъ засмѣялся немного громко, такъ что фру Робель выпрямила спину за роялемъ.

— Когда мы бываемъ въ Кольдингѣ, — сказала фру Иесперсенъ, — ее не оторвешь отъ оконъ ювелира.

— Вотъ оно, — сказалъ Иоаннъ и передалъ кольцо Гердѣ.

— Какое прелестное!..—Герда усталилась на бриллиантъ, но само кольцо она держала между пальцами, какъ что-то чуждое или же какъ-будто оно было слишкомъ тяжело для нея.

— Да, оно прелестно, — сказала фру Иесперсенъ.

— Вы такъ любите драгоценные камни? — спросилъ Иоаннъ.

— Да.

— Почему?

— Это у нея отъ чтенія романовъ, — засмѣялась фру Иесперсень.

— Посмотри, Генрикъ, — сказала она мужу, который взялъ кольцо и сталъ разглядывать его, какъ любующійся знатокъ.

— Да, у него чистая игра, — сказалъ Иоаннъ.

— Рѣдкостная, — сказалъ пасторъ.

— Я получилъ его отъ одного друга, который недавно умеръ. — И вдругъ сказалъ немного громче и какъ человекъ, преслѣдующій свою цѣль: — Онъ палъ въ дуэли.

Герда подняла глаза.

— Въ дуэли? — повторила фру Иесперсень.

— Да, онъ былъ убитъ. Это былъ послѣдній герцогъ де-Монтъё.

— Убитъ? — вырвалось у Герды.

— Кѣмъ? — спросила фру Иесперсень.

— Однимъ великимъ живописцемъ, — сказалъ Иоаннъ. — Художникомъ Адельскьольдомъ, жену котораго онъ любилъ.

Фру Лоренценъ взяла кольцо и держала его передъ собой точно луковицу.

Но Иоаннъ продолжалъ рассказывать, при чемъ голосъ его какъ-будто слѣдовалъ за звуками рояля:

— Въ семьѣ Франсуа существовало предсказаніе, что послѣдній Монтъё смертию заплатитъ за счастье своей жизни.

Фру Лоренценъ передала «луковицу» подошедшему директору.

— Сколько лѣтъ ему было? — спросила фру Иесперсенъ вполголоса и наклонившись впередъ.

— Столько же, сколько и мнѣ, — отвѣтилъ Иоаннъ и видѣлъ передъ собой лишь Герду, глаза которой были устремлены въ пространство, какъ-будто она перевертывала страницы въ книгѣ, которую читала.

Директоръ, посмотрѣвъ на кольцо, вернулъ его со словами:

— Наша маленькая страна не знаетъ такихъ драгоценностей и всей этой широкой жизни.

— Нѣтъ, — сказала фру Иесперсенъ и улыбнулась улыбкой, которую директоръ не видѣлъ. — Оно изда лека.

— Оно вѣроятно изъ Парижа, — сказала фру Лоренценъ, произнеся названіе города такъ, словно каждая изъ его шести буквъ воняла.

Но Иоаннъ, голосъ котораго все время звучалъ какъ тихій призывъ, продолжалъ говорить, побуждаемый какой-то странной потребностью вставить въ рамку своего умершаго друга—или можетъ быть самого себя:

— Монтё былъ самый изящный человѣкъ, какого я когда-либо зналъ. Онъ былъ другомъ Гюи де-Мопассана...

— Вы знали и Мопассана? — спросила фру Иесперсенъ.

— Гюи де-Мопассана? да, я видѣлъ его въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ его жизни.

— А вы читали его книги? — спросилъ онъ Герду.

— Да, я читала ихъ, — сказала она все съ тѣмъ же далекимъ выраженіемъ въ глазахъ.

Купецъ посмотрѣлъ на кольцо Иоанна и вернулъ

его, сказавъ при этомъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ капиталиста при видѣ бездоходной цѣнности:

— Да, за границей тратятъ много денегъ на такого рода вещи.

— Мы не понимаемъ въ нихъ толку, — сказалъ директоръ.

— Но фрекенъ Герда очень любитъ драгоценные камни, — сказалъ Іоаннъ и улыбнулся. Онъ увидѣлъ, что ея глаза слѣдили за кольцомъ, которое онъ снова надѣлъ на свой палець.

— Это у нея что-то въ природѣ, — сказалъ купецъ все тѣмъ же полураздраженнымъ голосомъ.

Музыка зазвучала громче, а фру Іесперсенъ сказала, подперевъ подбородокъ руками:

— Какъ странно, что столько великихъ романистовъ теряютъ разсудокъ.

— Это можетъ быть происходить отъ ихъ образа жизни, — сказала фру Лоренценъ, ротъ которой напоминалъ перетянутый веревочкой конецъ колбасы. — Вѣдь приходится слышать, какъ живутъ въ обществѣ въ заграничныхъ странахъ.

Фру Іесперсенъ вѣроятно не слышала этого, потому что все тѣмъ же тихимъ, благоговѣйнымъ голосомъ назвала Достоевскаго.

— Объ этомъ было написано въ фельетонѣ одной копенгагенской газеты, — замѣтила одна изъ фру изъ Шлезвига.

Но фру Лоренценъ сказала со своего мѣста, рядомъ съ шлезвигцами, гдѣ дамы повернулись и какъ бы образовали фронтъ:

— Извѣстное дѣло, что въ домѣ капеллана находятъ вкусъ во всякой всячинѣ.

Директоръ вмѣшался въ разговоръ:

— Наши скальды, слава Богу, здоровы. И признаюсь, я почти не знакомлюсь съ тѣмъ, что въ настоящее время присылается намъ изъ-за границы. Тамъ, въ чужихъ странахъ, вѣроятно иные нравы, а съ духовной точки зрѣнія тамъ мало новаго.

Но фру Иесперсенъ, желая перемѣнить разговоръ, вдругъ хлопнула Герду по колѣну и со смѣхомъ спросила:

— Ты спишь, Герда?

— Потому что Герда обладаетъ свойствомъ, — продолжала она, обращаясь къ Иоанну, засыпать, какъ «Спящая царевна».

Лицо Иоанна задрожало на мгновение:

— За высокой колочей изгородью, — сказалъ онъ.

Музыка вдругъ прекратилась, и всѣ разомъ замолчали, такъ что слышно было, какъ фру Робель, вставая изъ-за рояля, сказала Гансу Гаакке, который весь облился потомъ:

— Да, сразу чувствуешь, кто представляетъ собой истинную музыкальную цѣнность.

А появившись въ дверяхъ, она сказала съ немного дрожащей улыбкой:

— Но для слушателей это было слишкомъ длинно.

Всѣ поднялись, столпились вокругъ нея и начали благодарить очень громко и многословно, фру Лоренценъ во главѣ. Хвалебныя рѣчи какъ кольцомъ окружали фру Робель и Ганса Гаакке, между тѣмъ какъ фру Лоренценъ пожимала всѣмъ руки, словно на дружеской

сходкѣ, а спины обоихъ шлезвигцевъ были обращены къ Иоанну, какъ два черныхъ столба.

Иоаннъ стоя привѣтствовалъ фру Робель молчаливымъ поклономъ. И докторъ, увидѣвшій это, сказалъ очень громко:

— Конечно, о томъ, что не слышалъ, умнѣ всего не распространяться.

А фру Лоренценъ, чья бессознательно накопившаяся желчь медомъ благоволенія изливалась на фру Робель, сказала:

— Вы бы, право, чаще присоединялись къ нашему обществу на фабрикѣ.

Фру Робель, скромно вертѣвшая изъ стороны въ сторону свой букетикъ левкоевъ, сказала:

— Да, можетъ быть и въ нашей странѣ мы, бѣдные, имѣемъ кое-что свое.

— Немножечко, — прибавила она.

Директоръ, на секунду слегка сбитый съ толку сердечностью фру Лоренценъ по отношенію къ фру Робель, поторопился сказать:

— Свое, родное, какъ разъ и понимаешь сердцемъ... — И въ ту же минуту всей душой обрадовался при мысли, что совмѣстная работа съ Уссингомъ можетъ продолжаться.

Но Иоаннъ, который торопливо сѣлъ и хотѣлъ говорить, теперь, когда всѣ отошли, спросилъ Герду:

— Почему вы никогда не высказываете своего взгляда?

— Какъ такъ?

— Своего взгляда, — лишь повторилъ Иоаннъ.

Герда, сидѣвшая все время съ вытянутой впередъ

головой, — но тѣло ея какъ-будто все глубже уходило въ кресло, — сказала:

— Взгляды... у меня, вѣроятно, нѣтъ никакихъ... только то, что я думаю...

— Спящая царевна, — засмѣялась фру Иесперсенъ не совсѣмъ веселымъ смѣхомъ: — Спящая царевна.

Но затѣмъ сказала:

— Собственные взгляды, графъ Уйгази, — не утрачиваешь ли ихъ постепенно?

И, смотря прямо передъ собой, сказала:

— Въ нашей странѣ, мнѣ кажется, существуетъ лишь пять или шесть взглядовъ — для большаго числа не хватаетъ мѣста. А всѣ остальные глохнутъ и не даютъ ростковъ.

— Да, — сказалъ пасторъ, вставшій за стуломъ своей жены. — Въ нашей странѣ многіе изъ лучшихъ молчать, а всѣ худшіе смѣются.

— Смѣются?

— Въ нашей мѣстности, положимъ не смѣются, а лишь улыбаются. Но улыбка можетъ сдѣлать то же самое.

Жена черезъ плечо протянула ему руку:

— Мой дорогой другъ.

И руки ихъ встрѣтились въ дружескомъ пожатіи.

Іоаннъ прослѣдилъ взглядомъ за ихъ руками. И вдругъ какъ-будто съ разбѣгу заговорилъ о Франсуа де-Монтъё, о Гюи де-Мопассанѣ и о Полѣ Эрвье, его другѣ, рѣчь котораго онъ слышалъ въ Академіи, и о мадамъ Виардо, для которой пѣлъ Тургеневъ:

— Ей восемьдесятъ лѣтъ, а она все еще красива — настоящая Гарсія.

И о Версалѣ, гдѣ онъ любилъ гулять съ Монтё и съ младшимъ Макъ - Магономъ. Тамъ такъ красиво въ октябрѣ въ аллеѣ каштановъ—каштановъ, листья которыхъ благоухаютъ, когда опадаютъ осенью.

— Тамъ жила госпожа де-Монтё, пока Франсуа былъ живъ.

Іоаннъ рассказывалъ о праздникѣ въ домѣ герцога, гдѣ на одну ночь ожили Медичи, и молодежь Флоренціи поднятыми клинками привѣтствовала фру Адельсквольдъ, одѣтую въ ярко красный бархатъ, осыпанный драгоцѣнными камнями Рогановъ.

Іоаннъ все продолжалъ говорить, точно хотѣлъ своими словами, какъ золотымъ жезломъ въ воздухѣ, нарисовать всю эту жизнь, эту далекую жизнь, принадлежавшую великимъ міра сего и ему...

Фру Іесперсенъ опустила голову.

Гарда сидѣла все въ той же позѣ. Только плечи ея сѣжились, какъ-будто она становилась все меньше, въ то время какъ Іоаннъ не сводилъ взгляда съ ея лица. А онъ продолжалъ говорить. Рассказывалъ о Берлинѣ, гдѣ всѣ врата жизни открыты и Западъ встрѣчается съ Востокомъ; жителей Азіи можно тамъ видѣть; мужчинъ и женщинъ, пріѣхавшихъ черезъ Атлантическій океанъ...

Онъ говорилъ все торопливѣе, смѣшивая языки, не находя словъ, но говорилъ не переставая — и видѣлъ лишь ея лицо, которое словно все больше и больше удалялось отъ его глазъ. И все же продолжалъ. А въ душѣ, въ какомъ-то уголкѣ души вдругъ спросилъ себя: «зачѣмъ ты говоришь обо всемъ этомъ, что ты ненавидишь?» И зналъ зачѣмъ. И зналъ — внезапно съ

увѣренностью почувствовалъ — что все это было напрасно; напрасно, совсѣмъ напрасно. И все-таки продолжалъ: продолжалъ говорить передъ ней (а она напоминала съжившагося ребенка) — говорить и ловить. Пока не остановился на мгновение и не услышалъ Эрика, который сказалъ, какъ человѣкъ, желающій прекратить:

— Все это далеко отсюда.

Іоаннъ вдругъ обвелъ глазами всѣхъ слушателей и запнулся на своихъ послѣднихъ словахъ... а Эрикъ засмѣялся, или желая добродушно прикрыть его или чтобы остановить.

Іоаннъ увидѣлъ лицо директора, съ улыбкой покоившееся надъ традиціоннымъ праздничнымъ національно-либеральнымъ воротничкомъ; и табачнаго торговца, скривившаго свой ухмыляющійся ротъ, такъ что глаза совсѣмъ исчезли въ лицѣ; и кандидата, наполовину усмѣхающагося фабрикантшѣ Лоренценъ, — а въ это время докторъ засмѣялся въ глубинѣ комнаты и сказалъ:

— Говорите по-нѣмецки, г. графъ, тогда пойдетъ лучше.

При звукѣ этого смѣха передъ нимъ въ одинъ мигъ, менѣе чѣмъ въ одну секунду, пронеслись всѣ воспоминанія прошлаго, всѣ картины его дѣтства, юношества и всей его жизни, — его, Іоанна Уйгази, осмѣяннаго, поруганнаго; его, Іоанна Уйгази, сидѣвшаго здѣсь среди чужихъ.

И какъ-будто боль дала ему двадцать ушей, онъ внезапно услышалъ, какъ фру Робель съ короткимъ смѣхомъ сказала Гансу Гаакке:

— Теперь онъ хочетъ почваниться передъ нами обоими,— бѣдные мы...

Какъ директоръ, поверхъ своего воротничка замѣтилъ фабриканту:

— Все это, вѣроятно, такъ называемая, Европа, — и какъ Уссингъ, вздернувъ плечами, сказалъ, обращаясь къ фру Лоренценъ:

— У этихъ венгерцевъ всегда много вышивки на костюмахъ.

Но фру Иесперсенъ, не слышавшая ничего, подняла голову и сказала:

— Все это мы съ тобой, Герда, никогда не увидимъ. Гердины глаза были закрыты.

Но Иогансенъ вдругъ злобно сказалъ, поднявъ кулакъ (почувствовалъ ли онъ своимъ сильнымъ умомъ паутину, которая плелась въ этой комнатѣ, тайныя нити, протянувшіяся между двумя людьми?):

— Да, намъ не требуется такихъ громадныхъ колесъ.

Такъ какъ всѣ внезапно замолчали, можно было слышать, какъ фру Лоренценъ любезно просила Гаакке, не сыграетъ ли онъ еще немного, прежде чѣмъ всѣ разойдутся.

— Да, надо бы уже идти, — сказалъ Эрикъ.

Это слово какъ-будто подтолкнуло Иоханна:

— Да, — сказалъ онъ и попытался встать.

Докторъ стоялъ въ дверяхъ рядомъ съ часовщикомъ и смотрѣлъ на Иоханна.

— Что, этотъ господинъ выпилъ? — сказалъ онъ.

— Ей Богу не знаю, — сказалъ часовщикъ и хихикнулъ. — Но иогансеновская брага всегда крѣпкая, а?

Гансъ Гаакке пошелъ къ роялю. То была мазурка, что онъ заигралъ.

Всѣ сидѣли тихо, быть можетъ желая показать, что теперь они слушаютъ. Иогансенъ стоялъ среди комнаты. Стиснутая въ кулакъ рука покоилась въ отверстіи рукава. Но влекомый какой-то силой и почти не слыша или не понимая собственныхъ словъ, Іоаннъ снова заговорилъ объ «островѣ»—объ островѣ проклятыхъ, гдѣ онъ создастъ счастье...

И о томъ говорилъ, какъ этотъ островъ станетъ убѣжищемъ для измученныхъ; несчастныхъ будутъ они принимать къ себѣ, и бѣжавшихъ преступниковъ, и всѣхъ, кому жизнь нанесла раны, всѣхъ ихъ будутъ они принимать къ себѣ...

Онъ говорилъ и самъ не зналъ, откуда бралъ свои многочисленныя мысли,—говорилъ о госпиталѣ, который они построятъ близъ маминой мельницы и назовутъ «Монастырской Горой»...

Гердины глаза безмолвно были устремлены на его лицо.

— Монастырской Горой будетъ онъ зваться, а заливъ мы назовемъ «Вейле».

Іоаннъ остановился на секунду.

— Въ память вашей матери, — сказала фру Іесперсенъ такъ же тихо, какъ и онъ.

— Да, въ память о ней, — вдругъ сказалъ Іоаннъ, и у него было такое ощущеніе, какъ-будто онъ собственными руками оборвалъ листья съ цѣлаго дерева.

Но фру Іесперсенъ вдругъ повела плечами, какъ-будто отъ холода (можетъ быть и она почувствовала, что здѣсь, гдѣ ничего не происходило, что-то происходить?).

— Въ этой мазуркѣ, — сказала она, — танцуютъ привидѣнія.

Пасторъ, стоявшій все время за стуломъ своей жены, медленно сказалъ:

— Какъ богато искусство. Мнѣ кажется, что мы сегодня какъ-будто получили въ даръ цѣлую жизнь.

— Можетъ быть такъ и есть, г. пасторъ, — сказалъ Иоаннъ и всталъ.

Купецъ не спускалъ глазъ съ дочери.

Мазурка кончилась.

Иогансенъ позвалъ своего завѣдующаго.

— Обнесите всѣхъ виномъ, и пусть Герда поможетъ вамъ.

Это должны были распить послѣдній стаканчикъ.

Иоаннъ на секунду прислонился къ плечу Эрика.

— Ты слишкомъ много говорилъ, — сказалъ тотъ, чувствуя, какъ тяжело тѣло друга опирается о его плечо.

— И никогда не надо увлекаться зря, — сказалъ онъ и засмѣялся.

При его смѣхѣ Иоаннъ тоже засмѣялся, громко, на одно мгновеніе.

Докторъ шепнулъ Иогансену, на лицѣ котораго вспыхнуло какое-то пламя:

— Теперь графы смѣются надъ чернью.

— Можетъ и смѣются, — сказалъ купецъ и вдругъ быстро провелъ кулакомъ по воздуху, словно молотомъ.

— Но есть люди, которые могутъ съ нихъ сбить спесь, — льстиво сказалъ Робель.

Иогансенъ не отвѣтилъ ему; не спуская глазъ съ дочери, прошелъ онъ черезъ комнату къ дамамъ, сто-

явшимъ кучкой, какъ-будто собиравсь расходиться.

— Развѣ дамы уже хотять итти? — сказалъ онъ.

Дамы разсуждали о вечерней школѣ шитья и кройки, устроенной фру Лоренценъ для своихъ работницъ.

Но фабрикантъ рѣзко сказалъ черезъ комнату:

— Да, обществъ и союзовъ у насъ достаточно, а дѣло идетъ все такъ же плохо...

— Общества, — сказалъ фабрикантъ, какъ-будто разглаживая руками воздухъ: — Общества и союзы вѣдь очень полезны при спокойной и тихой работѣ.

Но господинъ Матъессенъ спросилъ, какъ обстоятъ дѣла съ работой на прядильнѣ, и г. Лоренценъ отвѣтилъ голосомъ, ставшимъ вдругъ похожимъ на голосъ Иогансена:

— Какъ дѣла? Мы перебираемся въ деревню, чтобы работать въ мирѣ и тишинѣ, но враги отечества перебираются вслѣдъ за нами. Въ Кольдингѣ эта сволочь скоро станетъ еще хуже, чѣмъ въ Копенгагенѣ.

— Да, — сказалъ Иогансенъ, и тлѣвшая въ немъ глупая безпредметная злоба, казалось, вдругъ прорвалась наружу и набросилась на одно это слово «Копенгагенъ»: — Торговые города не что иное, какъ отводки Копенгагена... маленькіе Копенгагены...

— Но мы еще обуздаемъ ихъ, — сказалъ онъ и взмахнулъ рукой, между тѣмъ какъ его лицо побагровѣло. — Остановимъ маленькія колеса и большое тоже и заткнемъ въ него палку, чтобы оно больше не хватало никого...

Лицо онъ повернулъ къ Эрику и Иоанну, между тѣмъ какъ въ его глазахъ вспыхивалъ неровный огонекъ:

— Но это еще удастся, — сказалъ онъ и вдругъ замѣялся такимъ смѣхомъ, какого Іоаннъ никогда не слышалъ. — Это еще удастся, когда мы на него наложимъ желѣзный обручъ. Мы еще добьемся крѣпостей, и можетъ быть ютландцы построять ихъ.

— Ну, теперь Іогансенъ забрюзжалъ, — сказалъ Робель Уссингу и перевернулся на каблукахъ.

— Такъ-съ, — сказалъ часовщикъ Гольстейну, — теперь мы дошли до Копенгагена, г. гофъ-егермейстеръ.

Но шлезвигецъ, продолжавшій разговаривать съ фабрикантомъ объ условіяхъ труда, сказалъ:

— Да, у насъ руки сильнѣе, этого нельзя отрицать.

И въ то время какъ разговоръ распространился, какъ огонь по сухому дереву, и всѣ голоса зазвучали громко и на довольно высокомъ регистрѣ, фабрикантъ сказалъ:

— Можетъ быть придетъ день, когда наши дѣти увидятъ, что ихъ мѣсто тамъ, гдѣ сильное правительство и гдѣ всѣ заносчивыя морды получаютъ заслуженный ударъ плеткой.

Но фру Лоренценъ сказала торопливо и какъ бы желяя заглядить:

— Если бы только не было газетъ.

Всѣ вдругъ набросились на газеты, изливая свое раздраженіе на газетные листки и на газетныхъ писаку, а купецъ громче всѣхъ сказалъ, все съ тѣмъ же страннымъ выраженіемъ въ глазахъ:

— Да, паршивыя газеты все подмазываютъ ось, чтобъ колесо могло бѣжать и хватать, — сказалъ онъ, безпретанно возвращаясь все къ тому же образу колеса, бо-

лѣзненно овладѣвшему его сильнымъ мозгомъ послѣ потери сына и смерти дочери.

Кругомъ продолжали говорить о газетахъ, и Робель сказала графу Гольштейну:

— Такъ-съ, теперь ютландцы поднимаются. Но, милый гофъ-егермейстеръ, что бы мы, несчастные отщепенцы, стали дѣлать безъ нашей утренней газеты, ежедневно дающей новую пищу для смѣха?...

А часовщикъ сказалъ Иоанну, которому казалось, что онъ слышитъ всѣ голоса и каждое слово какъ-будто въ фонографѣ:

— Вотъ, напримѣръ, Иогансенъ... посмотрите-ка. Да, онъ кремень - человѣкъ. Но противъ Копенгагена онъ ужъ слишкомъ крутъ; онъ способенъ вдругъ, потому что онъ вѣдь кремень - человѣкъ, — выставить за дверь копенгагенца, а купить у нѣмцевъ, когда они проѣзжаютъ здѣсь...

— Но, — сказалъ Ларсенъ, — я полагаю, что лучше все-таки держаться своихъ... разъ они продаютъ по тѣмъ же самымъ цѣнамъ... и вообще держаться патриотически...

Сквозь гулъ голосовъ слышно было, какъ Уссингъ говорилъ:

— Но наша свободомыслящая печать неподкупна...

Магистръ вдругъ вынырнулъ около графа Гольштейна:

— Я желалъ бы, — сказалъ онъ, и слова его звучали такъ, точно онъ бросалъ горсть камней объ стѣну: — Я желалъ бы, чтобы она была подкупна. Тогда она, пожалуй, хоть за деньги стала бы служить великой цѣли.

— А кто выдвинетъ эту цѣль? — вырвалось у Эрика.

Но директоръ сказалъ, возвысивъ голосъ:

— Нашъ маленькій народъ—это народъ, работающій въ тиши. И къ великой цѣли, г. гофъ-егермейстеръ, мы подойдемъ тихо и спокойно.

— Но заграничныя теченія, — продолжалъ директоръ, при чемъ взглядъ его скользнулъ по магистру, — дали взойти у насъ многимъ сорнымъ травамъ. Но теперь мы, кажется, на пути къ тому, чтобы научиться закрывать дверь въ нашемъ славномъ датскомъ домѣ и оставаться вѣрными своему родному.

Въ противоположномъ робелевскомъ углу комнаты разговоръ снова вернулся къ оборонѣ и ополченію, и докторъ говорилъ Уссингу:

— Опасность, милый другъ, опасность — не подходите къ намъ съ опасностью. Мы миленькій народъ, который доказываетъ свое право на существованіе... откуда взять способностей на большее, милый другъ?

Онъ внезапно засмѣялся.

— А опасность — опасность... читали вы, кандидатъ? это неподобно. Я недавно читалъ... одинъ субъектъ пишетъ: «Смерти нѣтъ», пишетъ онъ. Не правда ли, милый другъ, садисья и говоришь: смерти нѣтъ — коротко и ясно.. Но онъ вѣдь правъ. Вопросъ такимъ образомъ рѣшенъ. И опасности, милый кандидатъ, опасности тоже нѣтъ, разъ мы ее не видимъ.

Часовщикъ все говорилъ что-то Іоанну, глаза котораго лишь слѣдили за фрекенъ Гердой; всѣ краски какъ-будто сошли съ ея лица, въ то время какъ она рядомъ съ завѣдующимъ обносила виномъ разговаривающихъ гостей.

Фабрикантъ своимъ рѣзкимъ голосомъ говорилъ директору:

— Всѣ сорныя травы надо задушить... — Но въ эту минуту докторъ обернулся волчкомъ и засмѣялся фабриканту прямо въ лицо.

Фру Иесперсенъ подошла къ Иоанну:

— Теперь намъ съ мужемъ надо итти, — сказала она.

— И можетъ быть, — продолжала она, смотря прямо передъ собой... — можетъ быть мы никогда больше не увидимся.

Иоаннъ былъ не въ силахъ отвѣтить ей. Но фру Иесперсенъ посмотрѣла по направленію его взгляда:

— Да, да, всѣмъ бы надо итти теперь. У бѣдной Герды на самомъ дѣлѣ такой видъ, какъ-будто она едва стоитъ на ногахъ.

Она повернула лицо и посмотрѣла на Иоанна:

— Но вы тоже устали, графъ Уйгази. Вы должны отдохнуть.

— Да, — сказалъ Иоаннъ, — теперь мнѣ будетъ время отдыхать.

Онъ взялъ руку пасторши:

— И дай Богъ вамъ счастья, — сказалъ онъ.

— Счастье такое великое слово, — сказала она. — Спокойной ночи и спяте хорошо, графъ Уйгази.

Кругомъ все еще раздавались голоса спорящихъ, и громче всѣхъ слышно было кандидата Уссинга, кричавшаго:

— Жизнь народа основывается на моральномъ правѣ.

Директоръ, который за послѣднія минуты очень странно колыхался на своихъ кривыхъ ногахъ, какъ-

будто стоялъ на палубѣ корабля, постучалъ о свой стаканъ — одинъ разъ и второй разъ, — а фру Лоренценъ и прочія дамы зашикали на остальныхъ, такъ что стало тихо.

— Милые друзья, — началъ онъ. — Я знаю, что здѣсь не слѣдуетъ держать рѣчей. Потому что Югансенъ, нашъ милый и добрый хозяинъ, не любитель словъ. Онъ, какъ всѣмъ намъ извѣстно, принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые дѣлаютъ свое дѣло безъ лишнихъ разговоровъ, и такихъ людей, какъ онъ, надо почитать. Но сегодня мы всѣ вѣроятно испытали множество разнородныхъ впечатлѣній, также и чуждыхъ намъ впечатлѣній, которыя мы должны тщательно сохранить. Прежде всего впечатлѣніе отъ великаго искусства, приписаннаго къ намъ сегодня изъ-за границы, изъ тѣхъ странъ, которыя любятъ называть большимъ свѣтомъ, впечатлѣніе отъ этихъ чужихъ звуковъ, которыми нашъ дорогой гость (директоръ повернулся къ Юанну) угостилъ насъ и за которые мы его благодаримъ — благодаримъ отъ всей души...

— И пожалуй главнымъ образомъ, — продолжалъ директоръ, — именно за эти чужіе звуки. Они не наши, но ему они ближе всего. А наше собственное небольшое сокровище пѣсенъ и мелодій — оно до такой степени наше собственное, родное, что пожалуй лучше всего доходить до нашего сердца въ видѣ нашей старой датской народной музыки.....

Директоръ наполовину поднялъ свой стаканъ, но Юаннъ не замѣтилъ этого... Одно за другимъ доходили слова директора до его слуха, какъ падающія капли — капля за каплей.

Фру Робель приблизилась со своимъ стаканомъ.

— Да, — сказала она и тепло улыбнулась Іоанну. — Это же самое было написано въ «Иллюстраціи» подъ вашимъ портретомъ: «чужая рука должна приносить и чужой даръ....»

— Но большое спасибо, — продолжала фру Робель, и глаза ея впились въ глаза Іоанна, какъ два острія кинжала.

Директоръ продолжалъ:

— Много мыслей, вѣроятно, пробудилось сегодня, и у меня не выходятъ изъ головы прекрасныя слова нашего друга Уссинга — тѣ слова, которыя недавно были сказаны здѣсь. Это были прекрасныя слова, и ихъ надо помнить: моральное право... Да, друзья мои, эти слова прежде всего направили мои мысли къ вамъ, дорогіе и вѣрные союзники наши изъ-за рѣчки..

Всѣ четверо шлезвигцевъ выступили впередъ, какъ будто передъ фронтомъ.

— Да, дорогіе и вѣрные союзники наши... ваше право даетъ вамъ силу терпѣливо нести вашу сторожевую службу на пользу стараго отечества — нести ее, не смотря на насилія и нѣмецкіе законы, воздвигающіе преграды между нами; и сохранять въ чистотѣ датскій языкъ на устахъ вашихъ дѣтей. И благо вамъ, что вы такъ поступаете. Право въ концѣ-концовъ восторжествуетъ — потому что гдѣ право, тамъ и Онъ, Отецъ нашъ Небесный, который никогда не отступался отъ своей Даніи, какъ и мы никогда не отступаемся отъ Него..

Шлезвигцы стояли очень прямо, вытянувшись въ

струнку подь свѣтомъ лампы, и докторъ шепнулъ Уссингу, подмигнувъ однимъ глазомъ:

— Стража, ей Богу, стоитъ великолѣпно.

Но Уссингъ, стоявшій съ измѣнившимся лицомъ и слегка скрестивъ пальцы на краю жилета, сказалъ довольно громко:

— Что вы хотите этимъ сказать?

Директоръ продолжалъ:

— Мы маленькій народъ, и тѣ, кто на чужихъ языкахъ хотятъ проповѣдовать у насъ чужіе обычаи, не вошедшіе въ нашу плоть и кровь, назвали нашу страну—мѣщанской страню. Но это названіе—наша честь. Чужестранныхъ хитроумныхъ выдумокъ мы не знаемъ. Для всего, что не наше родное, а является лишь романскими обычаями и романскими рѣчами, для всего этого у насъ имѣется наша славная датская улыбка. И въ этой улыбкѣ, друзья мои, заключается охрана. (Директоръ говорилъ съ какой-то полуподавленной злобой, накопившейся въ немъ или противъ чего-то, разсердившаго его за эти часы, или противъ чего-то такого, что онъ самъ не могъ понять). Итакъ да сохранимъ мы, мѣщане, нашу здоровую и славную датскую улыбку.

— Правильно, — сказалъ докторъ и подошелъ ближе.

Директоръ очень быстро обернулся и сдѣлалъ рукой свое любимое движеніе, какъ-будто проводя кругъ въ воздухѣ:

— Милый Робель, — сказалъ онъ, — мы двое — и это всѣхъ обрадуетъ — тоже сможемъ понять другъ друга. Потому что мы, датчане, обладаемъ однимъ хорошимъ качествомъ — мы обладаемъ способностью сходиться. И

если мы споримъ, это лишь словесный споръ — споръ о словахъ, не доходящій до глубины души.

Всѣ тѣснѣе обступили его, а фру Лоренценъ продѣла свою пухлую руку подъ руку своего мужа.

Фру Лоренценъ кивала головой надъ золотой цѣпочкой, но глаза шлезвигцевъ блуждали въ пространство, какъ-будто по ихъ мнѣнію директоръ немного удалился отъ «темы».

— Еще одно слово хочу я сказать, — продолжалъ директоръ, уставившись вверхъ, въ наполненный табачнымъ дымомъ воздухъ, — а именно о мечтахъ.

Лицо Іоанна свѣтилось, какъ бѣлый мраморъ на фонѣ стѣны, у которой онъ стоялъ.

— О мечтахъ и о способностяхъ. Ибо эти два слова, друзья мои, нераздѣльны. Датскую способность къ мечтамъ должны мы охранять, потому что она драгоценна и коренится глубоко. Гдѣ есть хорошія мечты, тамъ есть и могучія способности, и мечты рисуютъ красивые узоры на нашихъ стѣнахъ. Мечты... да, рѣчью поэтовъ и пѣснями скальдовъ согрѣемъ мы домъ и устроимъ уютное гнѣздышко въ нашей маленькой Даніи. И тогда наша маленькая родина сумѣетъ и объединить. Потому что иные у насъ хотѣли бы уйти, а иные хотѣли бы ломать. Но Данія ловитъ и держитъ; и тотъ, кто желалъ уйти — возвращается домой; а тотъ, кто хотѣлъ ломать, начинаетъ строить вмѣсти съ остальными, и всѣ объединяются вокругъ маленькаго славнаго датскаго дома, родного дома, которому мы всѣ хотимъ служить.

— Родной домъ, друзья мои, съ истинно-датскими мужами и женами — вотъ что мы будемъ охранять.

Директоръ снова обернулся и сказалъ немного инымъ голосомъ:

— Итакъ, докторъ, воскликнемъ же: да здравствуетъ наша маленькая родина!

Докторъ, Уссингъ и директоръ закричали ура, а шлезвигцы вдругъ запѣли все четверо за разъ:

Будемъ же съ вѣрой, не падая духомъ,
Знаменья вѣщаго ждать съ облаковъ.

Директоръ молчалъ секунду.

Но затѣмъ и онъ запѣлъ, и фру Лоренценъ тоже подхватила:

Тяжкіе бодро сносить дни позора,
День загорится надъ Даніей вновь.

Уссингъ выбивалъ тактъ, а фру Робель вступила:

Свѣжестью вѣтеръ повѣетъ надъ моремъ,
Громъ загрохочетъ въ выси голубой,
Мощно будя насъ, и родина наша
Снова воспрянетъ для битвы святой.

Герда остановилась съ кувшиномъ вина въ рукахъ.
Губы ея беззвучно шевелились, повторяя слова, которыя она пѣвала съ самаго дѣтства.

Къ бою сыновъ своихъ узреть готовыми,
Гадъ же презрѣнный, что злобно шипя,
Нынѣ осмѣлился вылѣзть на солнце,

Въ уголъ забьется, отъ страха дрожа,
Снова старинное знамя къ побѣдѣ
Гореть поведетъ противъ полчищъ враговъ,
Радостно вновь зазвучитъ наша пѣсня
Гимномъ побѣднымъ средь звона клинковъ.

Докторъ вскочилъ на стулъ и крикнулъ «да здравствуетъ Данія!»—а директоръ своей поднятой рукой дирижировалъ новыми «ура»—и всѣ эти мужчины и женщины въ этой комнатѣ, наполненной табачнымъ дымомъ, казались толпой орущихъ призраковъ.

Фру Робель, приблизившаяся къ директору, сказала, въ то время какъ ура еще гремѣло:

— Я вѣдь всегда говорила, что у директора есть дарованіе.

Докторъ соскочилъ со стула:

— Да, — сказалъ онъ, — когда васъ слушаешь, милый г. директоръ, тогда вамъ вѣрнѣе.

— И собственно говоря, — продолжалъ онъ, вздернувъ плечами, — о чемъ мы споримъ?

— Конечно, — сказалъ директоръ, — мы же всѣ хотимъ одного и того же.

И онъ пожалъ доктору руку.

— Но великіе ораторы у насъ еще есть, — сказала Робель.

— Да, — отвѣтилъ директоръ и невольно посмотрѣлъ на самого себя въ зеркало. — Въ дарѣ слова намъ, датчанамъ, нельзя отказать. Но многое зависитъ здѣсь и отъ воспитанія. Мы всегда усердно развивали въ себѣ эту способность.

Завѣдующій подошелъ къ Гердѣ:

— Позвольте мнѣ нести вино, — сказалъ онъ.

— Спасибо.

И Герда передала ему кувшинъ.

— Такъ не уйти ли намъ теперь съ пира? — сказалъ Эрикъ Иоанну. — Это былъ послѣдній актъ.

— Да, — сказалъ Иоаннъ, не измѣняя положенія головы. — Теперь я прощусь.

И, держась очень прямо, какъ вѣроятно держался бы выходецъ съ того свѣта, прошелъ онъ черезъ комнаты. Людей онъ не видѣлъ и рѣчей ихъ не слышалъ. Но комнаты видѣлъ, между тѣмъ какъ вся кровь, казалось, стхлынула отъ его сердца. Вонъ стоитъ шкафъ купца, а тамъ его мѣсто, гдѣ онъ сидитъ за своими толстыми книгами. Когда-нибудь завѣдующій будетъ вести ихъ дальше.

Вотъ здѣсь они сидѣли сегодня. То былъ обѣденный столъ. Теперь скатерти сложены...

Сто лѣтъ — сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

Вотъ стоитъ стулъ прабабушки, вонъ тамъ ея скамеечка... а тамъ висятъ всѣ картины... картины изъ Вейле.

Вотъ здѣсь висѣли «Сумерки». Завтра они снова будутъ на своемъ мѣстѣ.

— Завтра.

Иоаннъ, казалось, широко раскрылъ глаза:

— Завтра.

Но затѣмъ сталъ подавать руку всѣмъ кругомъ, и не видѣлъ лицъ, и говорилъ по-французски съ тѣмъ, кто не понималъ, этого языка; и проснулся лишь, когда очутился у рояля и услышалъ табачнаго торговца.

который сидѣлъ надъ клавишами и однимъ пальцемъ подбиралъ «Рыцаря Оге».

— Уже? — сказалъ Ларсенъ. — Это былъ чудный день.

Ларсенъ вдругъ засмѣялся, такъ что круглые глаза совсѣмъ исчезли въ лицѣ:

— Но вы хитрая лиса, г. концертантъ, — сказалъ онъ и снова заигралъ однимъ пальцемъ «юмфру Эльзу»:— Благодаря вашему сюрпризу вся Ютландія цѣлыхъ два мѣсяца будетъ говорить о васъ.

Іоаннъ понялъ, и волна крови залила его лицо:

— Вы думаете? — только и сказалъ онъ и пошелъ дальше. — Вонъ тамъ стояла она, у двери, черезъ которую онъ долженъ выйти...

— Ты идешь? — сказалъ Эрикъ.

— Сейчасъ, — сказалъ Іоаннъ.

Она не пошевелинулась — онъ долженъ былъ сдѣлать послѣдній шагъ.

Теперь онъ былъ тамъ (и чувствовалъ, что весь свѣтъ падалъ на его лицо, свое же она спрятала):

— Прощайте, фрекенъ.

— Прощайте.

Но тутъ магистръ вдругъ вынырнулъ около нихъ и сказалъ своимъ птичьимъ голосомъ:

— Мы теперь долго будемъ помнить васъ...

Іоаннъ повернулъ лицо къ Гердѣ:

— Вы тоже?

На одну секунду (со взглядомъ раненой лани, истекающей кровью) подняла на него Герда свои глаза.

И Іоаннъ вышелъ, и дверь за нимъ закрылась. И Іоаннъ зналъ, что будетъ жалѣть, что сказалъ эти

два слова: «Вы тоже?» — и будетъ счастливъ, что ска-
заль ихъ — всю свою жизнь.

Эрикъ и онъ вышли на улицу, гдѣ было темно, и
вдругъ услышали изъ оконъ шумъ и крики. То го-
сти бросились къ окнамъ. Фру Робель схватила со стола
полуувядшіе цвѣты и, опираясь на Уссинга, стала бро-
сать ихъ внизъ на Іоанна, между тѣмъ какъ Робель,
стоя на стулѣ, кричалъ ура на всю улицу, и напротивъ,
въ «Даніи», всѣ сбѣжались къ окнамъ.

— Идемъ скорѣе, — сказалъ Эрикъ и продолжалъ,
какъ-будто во рту у него было что-то гадкое:

— Бр-р-р, какой проклятый театръ эта страна. И
пошлость сидитъ здѣсь въ суфлерской будкѣ.

За ихъ спиной все еще кричали, когда Эрикъ съ
Іоанномъ вошли въ открытыя ворота «Даніи». Общія
залы были еще полны народа.

Въ одной изъ заднихъ комнатъ танцовали. Черезъ
окна видны были пары, которыя, обнявшись, неслись
по пыльному полу.

— Да, — сказалъ г. Іенсенъ, который, колыхаясь;
шелъ по лѣстницѣ впереди Эрика и платье котораго
имѣло такой видъ, какъ-будто его въ теченіе вечера
снимали и одѣвали разъ десять:

— Это члены общества трезвости. Имъ вѣдь тоже
надо что-нибудь, ну вотъ они этимъ и занимаются.

Г. Іенсенъ обернулся и засмѣялся:

— Лѣстница дрожитъ отъ всѣхъ этихъ танцевъ. Это
идеть снизу.

— Пожалуйста, — сказалъ онъ и открылъ дверь въ
комнату Іоанна.

Г. Іенсенъ удалился, и Эрикъ сѣлъ на диванъ. Че-

резь плохо скрѣпленные доски пола снизу изъ гостиницы доносился шумъ, словно ямророчный гуль.

Иоаннъ стоялъ у окна.

— На что ты смотришь? — спросилъ Эрикъ и устало поднялся.

Иоаннъ неподвижно смотрѣлъ на опущенныя занавѣски въ домѣ Иогансена.

— На тѣни, — сказалъ онъ.

Футляръ со скрипкой лежалъ на столѣ, и Иоаннъ открылъ его.

— Итакъ я сыгралъ, — сказалъ онъ.

— Что это значить?

Иоаннъ продолжалъ смотрѣть на скрипку, но въ его потухшихъ глазахъ не было печали:

— Что я больше не буду играть.

— Но вѣдь ты завтра долженъ играть въ Эсбьергѣ, — сказалъ Эрикъ, не зная, не спятилъ ли его другъ съ ума.

Но Иоаннъ тихо покачалъ головой:

— Нѣтъ, здѣсь моей поѣздкѣ конецъ.

Эрикъ, который не понималъ ни слова, помолчалъ секунду, а затѣмъ сказалъ:

— Но что же ты будешь дѣлать?

— Теперь я поѣду домой, — сказалъ Иоаннъ и заперъ футляръ.

Въ комнатѣ было тихо. Какой-то экипажъ выѣзжалъ изъ воротъ.

Эрикъ опять сѣлъ:

— И что же ты будешь дѣлать тамъ?

Иоаннъ не отвѣтилъ, и Гольстейнъ снова спросилъ, выпятивъ губы:

— Будешь строить свои «госпитали»?

Иоаннъ покачалъ головой:

— Они никогда не будутъ построены.

Онъ немного помолчалъ. Затѣмъ сказалъ.

— Не выйти ли намъ немного? Здѣсь такой сѣверный воздухъ.

Когда они вышли изъ воротъ, экипажъ уже отъѣхалъ. Это былъ шарбанъ, на которомъ сидѣло много людей. Дальше на улицѣ они запѣли, и пѣсня ихъ громко раздавалась въ темнотѣ:

Какъ лентой голубою моремъ опоясанъ,
Нашъ дивный край, и ярко зеленѣетъ
Листва его деревь.
И много дѣвушекъ красивыхъ,
Мужей, и женъ, и юношей проворныхъ
Живутъ на датскихъ островахъ.

— Это они, «изъ-за рѣчки», — сказалъ Эрикъ.

— Да, — сказалъ Иоаннъ, и въ то время какъ пѣсня вдругъ вполнѣ дошла до его сознанія, онъ увидѣлъ передъ собой Ане, какъ она сидѣла — тамъ дома — и пѣла надъ могилой его матери.

— Да, — тихо сказалъ онъ, — это та же пѣсня.

А Эрикъ, у котораго все время было такое ощущеніе, какъ-будто дорога неожиданно дала трещину, сказалъ, чтобы только сказать что-нибудь.

— Теперь они будутъ пѣть до самой границы, и жандармы услышатъ ихъ и придерутся къ нимъ... въ другой разъ.

Иоаннъ не отвѣтилъ.

Эрикъ продолжалъ:

— Но будемъ надѣяться, что они такъ и умрутъ, сохранивъ свои датскія сердца при себѣ и не дождавшись «плебисцита».

— Будемъ надѣяться? — отвѣтилъ Иоаннъ и повернулъ голову.

— Да, — сказалъ Эрикъ, пытаясь засмѣяться. — Потому что большинство изъ нихъ вѣдь аграріи.

Иоаннъ вѣроятно не понялъ его. Молча шли они, между тѣмъ какъ пѣсня постепенно замерла надъ полями.

— Пойдемъ на гору, — сказалъ Иоаннъ.

Они пошли по тропинкѣ. Небо было все еще синее, и много звѣздъ горѣло въ вышинѣ.

— Это почти какъ осенняя ночь, — сказалъ Эрикъ.

Иоаннъ не отвѣтилъ. Можетъ быть онъ припоминалъ сотни вещей; или же, можетъ быть, уже похоронилъ все это.

Они взошли на вершину маленькаго холма. Въ темнотѣ можно было видѣть лишь очень недалеко.

Эрикъ, которому все время хотѣлось говорить, чтобы только нарушить мертвую тишину, сказалъ:

— До этого мѣста когда-то доходили мои земли.

— Доходили? — сказалъ Иоаннъ и вдругъ сталъ слушать.

— Да, потому что мнѣ пришлось начать продавать...

— Почему пришлось? — спросилъ Иоаннъ и забылъ о своихъ думѣхъ. — Развѣ это плохая земля?

— Нѣтъ. Но со мной дѣло плохо.

— Но почему, Эрикъ?

Это вырвалось быстро, но Иоаннъ сразу остановился

рѣзко, какъ человѣкъ, который спрашиваетъ о томъ, что знаетъ.

— Гм, — сказала Эрикъ. — Ты навѣрное прекрасно знаешь это. Здѣсь у насъ не пробудешь трехъ часовъ съ друзьями своего друга, какъ уже все узнаешь.

Онъ немного постоялъ. Затѣмъ сказалъ, и вибрирующей голосъ его разсѣкъ воздухъ:

— Хотѣлъ бы я знать, найдется ли здѣсь хоть одна спина, на которой не было бы рубца отъ удара, нанесеннаго дружеской рукой.

И какъ-будто лицо Іоанна, молча обращенное къ нему, спрашивало, Эрикъ сказалъ:

— Таковъ здѣшній обычай. Мы насмѣшливы въ нашей Даніи и любимъ шутить. И шутя отнимаемъ у ближняго имя и жизнь....

— Но ты вѣдь такъ любишь ее, — сказала Іоаннъ, который все время думалъ о женѣ Эрика.

— Да... и она меня тоже можетъ быть.

— Но дѣло, значить, пошло плохо?

— Да, — шепнулъ Эрикъ, и оба смотрѣли въ темноту.

Они снова умолкли, пока Іоаннъ не спросилъ, нарушивъ молчаніе:

— Кто купилъ твою землю?

— Іогансенъ.

— Онъ?

— Да, — сказалъ Эрикъ. — У него цѣпкая рука, и онъ вѣроятно возьметъ все до послѣдняго. Мы, помѣщики, по милости этого купца изъ мужиковъ, остаемся только при нашихъ главныхъ усадьбахъ.

Онъ немного помолчалъ. Затѣмъ сказалъ.

— А въ одинъ прекрасный день завѣдующій дальше поведеть дѣло; но сначала онъ долженъ отслужить свои семь лѣтъ.

— Я понялъ это, — сказалъ Іоаннъ, смотря въ темноту.

Эрикъ повернулъ голову при звукѣ его голоса. Но не сразу заговорилъ. Черезъ поля доносился какой-то отдаленный шумъ.

— Но ты, Іоаннъ, — вѣдь мы же не стары — почему ты не поищешь себѣ жены?

— Я? — сказалъ Іоаннъ.

Оба смотрѣли на ночной поѣздъ и на рефлекторъ паровоза — то былъ словно огненный глазъ, разглядывавшій ихъ сквозь темноту.

— Я? — сказалъ Іоаннъ, и голосъ его былъ такой же беззвучный, какъ блѣдно было его лицо:

— Я долженъ умереть одинъ, Эрикъ.

— Но почему?

— На островѣ нѣтъ женщинъ. Кого же мнѣ любить?

И, повысивъ голосъ, какъ-будто въ неизмѣримой скорби, Іоаннъ сказалъ:

— И если бы я полюбилъ кого-нибудь, какъ могъ бы я заговорить съ ней? У меня же нѣтъ родного языка.

Эрикъ протянулъ къ нему руки:

— Іоаннъ.

Онъ не находилъ иныхъ словъ, кромѣ его имени. Но черезъ нѣкоторое время тихо сказалъ:

— И играть ты больше не будешь?

— Нѣтъ, — сказалъ Іоаннъ и опять заговорилъ спо-

койнѣе. — Это была моя послѣдняя поѣздка, и сегодня она кончилась.

— Но почему?

— Потому что я слышалъ болѣе великаго.

Эрикъ посмотрѣлъ на него:

— А ты хотѣлъ быть «самымъ великимъ»?

— Нѣтъ, но тотъ играетъ о болѣе великомъ.

— О чемъ?

— Онъ играетъ о новой радости.

Эрикъ продолжалъ смотрѣть на него — какъ чело-
вѣкъ, который не понимаетъ.

Но Иоаннъ сказалъ только:

— Онъ перескочилъ черезъ терновую изгородь.

Темнота окутывала ихъ какъ мантия, скрывающая
ихъ фигуры.

— Что же ты теперь будешь дѣлать?

Иоаннъ отвѣтилъ изъ темноты:

— Мы — всѣ тѣ, что носимъ имя Уйгази — должны
оставаться на островѣ и умереть на немъ.

Но Эрикъ сказалъ, и голосъ его дрогнулъ:

— Но здѣсь, Иоаннъ, вѣдь была родина твоей ма-
тери — найди себѣ родину здѣсь.

Голосъ Иоанна зазвучалъ жестче, когда онъ медлен-
но отвѣтилъ:

— Если это чья-нибудь родина, то во всякомъ слу-
чаѣ не моя.

И печальнѣе прибавилъ, смотря въ темноту ночи:

— Они не любятъ еѣ, потому что еще имѣютъ еѣ.
А если бы нашелся одинъ, который любилъ бы еѣ, они
бы побиили его камнями.

Онъ помолчалъ немного.

— Надо идти, — сказалъ онъ.

— Позволь, я поведу тебя, — сказалъ Эрикъ и взялъ его подъ руку.

Молча шли они. Оба чувствовали, что тѣло другого дрожитъ какъ бы отъ холода.

Они прошли мимо кладбищенской ограды.

— Это кладбище, — сказалъ Эрикъ.

— Да.

— Интересно, нашли ли они покой? — сказалъ Эрикъ.

Иоаннъ не отвѣтилъ, и они больше не разговаривали. Но, когда они стояли передъ воротами «Даніи», у Эрика быстро вырвалось:

— Иоаннъ, мнѣ кажется, что это слишкомъ грустно.

— Что? — спросилъ Иоаннъ.

И улыбнувшись сказалъ:

— Если я теперь умолкну, какъ я такъ часто желалъ, потеря очень не велика. Что давалъ я людямъ такого, о чемъ стали бы помнить?

— Но жизнь, Иоаннъ, жизнь?

Иоаннъ поднялъ глаза на темный домъ Югансена:

— Можетъ быть я все же настолько былъ датчанинъ, Эрикъ, что тоже могъ лишь мечтать о счастіи — и мечтать о томъ, чтобы создать его для другихъ.

Лицо Эрика дрогнуло:

— И мы никогда больше не увидимся?

— Можетъ быть.

Онъ прикоснулся губами къ щекѣ Эрика:

— Спокойной ночи, — сказалъ онъ и ушелъ.

Шумъ въ гостиницѣ-умолкъ. Лишь въ заднихъ комнатахъ еще сидѣло нѣсколько посѣтителей.

Когда Іоаннъ вошелъ въ свою комнату, тамъ на стулѣ сидѣлъ Гансъ Гаакке.

— Вы не легли еще?

Все круглое лицо Ганса Гаакке зардѣлось:

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — потому что я теперь же хотѣлъ сказать вамъ одну вещь, графъ Уйгази. Хотя я и аккомпаниаторъ, но все-таки можно быть артистомъ, и я больше не потерплю вашихъ оскорбленій...

— Оскорбленій, милѣйшій г. Гаакке?

— Да, оскорбленій... когда я играю, не устраиваютъ пирушекъ...

Іоаннъ вздернулъ плечами:

— Милый Гаакке, вы здѣсь совсѣмъ сбились съ толку.

— Да, — сказалъ Гансъ Гаакке, — потому что здѣсь находишь друзей, которые говорятъ правду насчетъ того, какъ съ тобой обращаются.

Іоаннъ улыбнулся:

— Да, — медленно сказалъ онъ. — Датчане говорятъ людямъ правду. Въ этомъ вы правы.

Онъ позвонилъ.

— Но мы поговоримъ съ вами завтра, любезнѣйшій Гаакке, — сказалъ онъ.

Г. Гансъ Гаакке хотѣлъ что-то сказать; но молча вышелъ.

Когда берлинецъ явился, Іоаннъ сказалъ:

— Мы уѣдемъ въ половинѣ восьмого.

— Въ половинѣ восьмого? Въ половинѣ восьмого... это же поѣздъ на югъ.

— Да.

— Мы значитъ поѣдемъ... на югъ?

— Мы уѣдемъ отсюда, — сказалъ Іоаннъ.

Берлинецъ зажегъ обѣ восковыя свѣчи около кровати.

— Спокойной ночи, — сказалъ онъ и вышелъ.

Іоаннъ Уйгази раздѣлся. Въ домѣ было тихо. Последній экипажъ катилъ по улицѣ. То были послѣдніе шлезвигцы, и они пѣли.

Іоаннъ лежалъ въ постели. Желтый свѣтъ восковыхъ свѣчей падалъ на его лицо:

Помните ли вы, какъ въ ту ночь, передъ
нашимъ выходомъ изъ крѣпости, всѣ голоса
умолкли

за разъ при боѣ часовъ, отбивавшихъ полночь,
и онъ воскликнулъ: «Дѣти мои! раньше
чѣмъ снова пробьетъ здѣсь двѣнадцать,
будемъ мы въ Кольдингѣ съ вами!» Мы
побѣдили, но ни сегодня ни завтра
мы не дойдемъ туда»...

Пѣсня замолкла вдали.

Іоаннъ вытянулъ руки къ изголовью кровати. Мадони, освѣщенныя пламенемъ свѣчей, были обращены вверхъ.

